

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XVII ВЕКА

Дм. Жуков
Л. Пушкарев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Впервые в серии Жизнь замечательных людей выходит книга о двух писателях, вернее, двух книжных деятелях древней русской литературы — Аввакуме Петрове и Симеоне Полоцком.

- [Дм. Жуков](#)
 -
 - [ПИСАТЕЛИ И КНИЖНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ](#)
 - [Дм. Жуков](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АВВАКУМА ПЕТРОВА](#)
 - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [Л. Пушкарев](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)

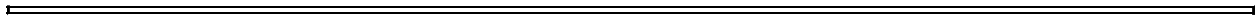
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [Иллюстрации](#)

- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 4
(511)

МОСКВА
1972

Дм. Жуков
Л. Пушкарев

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XVII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

© Издательство «Молодая гвардия», 1973 г.

ПИСАТЕЛИ И КНИЖНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Впервые в серии «Жизнь замечательных людей» выходит книга о двух писателях, вернее, двух книжных деятелях древней русской литературы.

Это обращение редакции «Жизнь замечательных людей» к людям древнерусской литературы нельзя не приветствовать. Это именно те люди, которые своей неутомимой, самоотверженной работой над словом, своим высоким идейным горением создали прочные предпосылки для расцвета русской литературы в XIX и XX веках. Они трудились над языком своих произведений и создали один из самых богатых и гибких литературных языков мира. Они трудились над литературной формой и создали великое обилие жанров, видов литературного творчества, изумительную образность. Они трудились над переводами и обогатили русскую литературу, русский литературный опыт с помощью литератур Юга и Запада Европы, литератур Востока. Но самое главное — они были борцами, просветителями, проповедниками, мечтателями и создали одну из самых идейных литератур земного шара. Русская литература с самого своего начала не ставила себе чисто развлекательных целей и сразу же стала кафедрой, с которой раздавались призывы проповедников и публицистов, слова ученых-просветителей, горячие речи политических борцов.

Русские книжники XI–XVII веков думали о будущем России, о счастье всех людей мира. И нам следует их помнить — помнить об их большом вкладе в нашу сегодняшнюю жизнь, в нашу литературу, в формирование характера русского человека с его самоотверженностью и бескомпромиссностью.

Это они, древнерусские книжники, мало нам известные, а иногда и совсем безвестные, трудились в своих совсем не тихих келиях, нередко становившихся для них тюрьмой. Это они обдумывали свои послания, слова, поучения, летописные рассказы с обличениями княжеских преступлений и с призывами к объединению Руси против иноземных захватчиков в седлах на походе (как Владимир Мономах), в шумной суеде посольств (как Потемкин, Толстой или Лихачев), в лишениях путешествий на Восток или в Палестину (как игумен Даниил или купец Афанасий Никитин), в изгнании и заточении (как Даниил Заточник или Максим Грек),

в земляной тюрьме на Крайнем Севере в Пустозерске (как Аввакум или Епифаний).

Всем этим писателям-борцам Древней Руси должны быть посвящены отдельные выпуски серии «Жизнь замечательных людей». Широкому советскому читателю будет интересно и полезно прочесть и о князе Владимире Мономахе, связанном родственными отношениями и с Византией, и с Англией и не забывавшем о литературном труде среди государственных забот, и о служилом человеке Иване Пересветове, вывезшем из Чехии некоторые новые идеи, отраженные затем в его незаурядных произведениях, и об ученом деятеле итальянского Возрождения, переехавшем на Русь и здесь ставшем выдающимся писателем, — Максиме Греке, и о крупном деятеле эпохи «Смуты» — Авраамии Палицыне, и о поэте Сильвестре Медведеве, сложившем свою голову на плахе, и о другом поэте — Варионе Истомине, или о Дмитрие Ростовском, чьи произведения распространились не только по России, но и по всему славянскому юго-востоку Европы, или о просвещенном сибирском писателе, этнографе, художнике, архитекторе, картографе — С. У. Ремезове. Да и мало ли этих замечательных людей на протяжении бурных семи веков истории русской литературы — от XI и до XVII века включительно!

Лежащая сейчас перед читателями эта книга посвящена жизни двух крупнейших деятелей русской литературы — Симеону Полоцкому и протопопу Аввакуму. Из биографии двух этих современников (один был старше другого не более чем на девять лет) читатель ясно представит себе различие их судеб, различие характеров, различие культурного окружения и культурных традиций. Один (Симеон Полоцкий) — упорный и педантичный просветитель, стремившийся что-то писать каждый день, чему-то научить своих современников. Другой (Аввакум) — нетерпеливый проповедник, борец, бунтарь, писавший и проповедовавший, «кричавший» на площадях и силой заступавшийся за обиженных. Один — ученый и эрудит, представитель европейского стиля барокко; другой — стремившийся к полной простоте в выражении своих идей и чувств. Один — рассчитывавший поучать и просвещать своего читателя в косвенной, художественной форме, иносказательно притчами, историческими рассказами, аллегориями; другой — говоривший обо всем прямо, «в лоб», и не стеснявшийся в выражениях. Один — стремившийся приобщить читателя ко всемирной культуре, к ее литературным традициям; другой — яростно призывавший читателя хранить религиозный быт русской старины, не отступать от заветов дедов. Один — просветитель, другой

— пророк; один — педагог, другой — борец; один — сравнительно благополучный в своей судьбе, другой мученик и страдалец. И оба враги! Они и не могли не быть врагами — настолько различны были они по своим культурным традициям, по своим темпераментам, по своим целям, точно и с самого начала намеченным ими в их жизни. Но для нас они оба значительны и ценны. Оба они, явившись в Москву с противоположных концов страны, страстно заботились о будущем России, внесли различный, но одинаково богатый вклад в русскую литературу и, шире, в русскую культуру. Сейчас, когда отошли в прошлое страсти, кипевшие во второй половине XVII века, мы можем с уверенностью сказать, что оба они были нужны русским людям, оба они оставили богатое литературное наследие, которое и сейчас не утратило своего художественного значения. Оба они были носителями высоких культурных ценностей, о которых сейчас мы уже можем сказать, что они не всегда лежали в той области, которой они сами себя самозабвенно посвящали.

Общественное и культурное развитие невозможно без борьбы, без кипения страстей, без забвения своих личных, узких интересов ради интересов более широких и более «всеобщих».

Академик Д. С. ЛИХАЧЕВ

Дм. Жуков

АВБАКУМ ПЕТРОВ

ВВЕДЕНИЕ

В. И. Ленин указывал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»^[1]. Рост производства сопровождался жестокой эксплуатацией трудящегося населения, что не могло не вызывать усиления классовой борьбы. В своем труде «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельс проанализировал сущность и формы классовой борьбы в феодальном обществе и сделал вывод: «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»^[2].

Земским собором 1649 года было принято Соборное уложение — свод законов, отразивший в юридической форме социально-экономические и политические процессы и обеспечивавший интересы господствовавшего класса. Уложение окончательно закрепостило крестьян. Это послужило причиной ряда волнений, вершиной которых была крестьянская война под руководством Степана Разина. Своеобразной формой антифеодальной оппозиции демократических слоев русского общества было и «раскольниковское» движение, возникшее в результате церковной реформы, осуществленной царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном.

Реформа в сфере обрядности и исправление служебных книг по греческим образцам нужны были царю, во-первых, как мощное средство укрепления социально-идеологического положения и централизации русского государства; реформа отражала стремление к объединению церковью Московской и Западной Руси. Во-вторых, этого требовали внешнеполитические устремления правительства, претендовавшего на роль защитника и освободителя всех православных народов, поработанных турками-мусульманами.

«На первый взгляд, — пишет советский исследователь творчества Аввакума В. Е. Гусев, — может показаться, что сопротивление приверженцев старых обрядов церковной реформе объяснялось чисто догматическими соображениями, начетническим педантизмом В самом деле, так ли уж важно, даже с точки зрения церковнобогословской,

креститься двумя или тремя перстами, писать «Исус» или «Иисус», произносить «аллилуйя» два или три раза!.. Действительные причины ожесточенного сопротивления реформе были значительно более серьезными»^[3].

Если в Западной Руси реформа (там ее провели раньше) укрепила национальные позиции в борьбе против польско-католического гнета и не вызвала сопротивления со стороны народа, то в Московской Руси она была воспринята как насилие над национальной культурой, как покушение на национальную самобытность.

Однако самой важной причиной возникновения раскола советские ученые считают оппозицию укреплявшейся власти царя и феодалов со стороны крестьян и посадских людей, которые были главной движущей силой сопротивления реформе. В. И. Ленин писал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития»^[4].

«Чувства масс, — писал Ф. Энгельс относительно периода средневековья, — вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»^[5]. Эти высказывания В. И. Ленина и Ф. Энгельса необходимо помнить, рассматривая жизнь и творчество яркого идеолога раннего раскола Аввакума, в произведениях которого «демократически-обличительная струя получила... достаточно сильное выражение»^[6].

Вначале движение старообрядчества было поддержано некоторыми представителями боярства, уже отодвигавшегося на задний план дворянством, которое политически и экономически становилось влиятельнейшей силой в государстве. Впоследствии движение стало более монолитным в социальном отношении, поскольку бояре от него отошли. К началу XVIII века антифеодальный и демократический характер движения пошел на убыль, а сами раскольники превратились в «консервативных сектантствующих старообрядцев»^[7].

С точки зрения исторической движение старообрядчества было направлено против прогрессивных тенденций в развитии государства. Впрочем, в периоды обострения классовых противоречий, во время Булавинского восстания и крестьянских войн под руководством Пугачева, старообрядцы выступали со своими религиозными лозунгами и были активной частью среди недовольных самодержавно-крепостническим режимом. И это находит свое объяснение в одном из писем В. И. Ленина к

М. Горькому. «Было время в истории, когда... борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной идеи* против другой»^[8].

Такова социально-политическая обстановка, обусловившая творчество самого талантливого писателя XVII века Аввакума. Правильно понятое и критически воспринятое, оно стало одним из величайших достижений русской национальной культуры.

Есть книги, которые не стареют с веками, и к ним принадлежит «Житие» Аввакума сына Петрова.

«Не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык», — писал Аввакум. Живой и страстный рассказ о важных событиях русской истории, в которых Аввакум был одним из главных действующих лиц, волнует как тех, кто берет в руки эту книгу впервые, так и тех, кто читал ее уже много раз.

Лев Николаевич Толстой любил читать вслух «Житие» в кругу своей семьи и делал выписки, готовясь к работе над романом из эпохи Петра I.

Федор Михайлович Достоевский утверждал, что «нашего-то языка дух — бесспорно многоразличен, богат, всесторонен и всеобъемлющ...», и ссылаясь при этом на «сказание протопопа Аввакума».

Иван Сергеевич Тургенев не расставался с «Житием» во время своего длительного пребывания за границей. «Вот книга!.. — говорил он. — Вот она живая речь московская...»

Об этой книге восторженно писали Гончаров, Лесков, Бунин, Эртель. Гаршин знал ее почти наизусть. Мамин-Сибиряк, говоря о «Слове о полку Игореве» и «Житии», заметил, что «по языку нет равных этим двум гениальным произведениям».

Максим Горький не раз выражал свое преклонение перед личностью Аввакума. Подчеркивая, что Лев Толстой «глубоко национален», Горький писал, что «в нем жило дерзкое и пытливое озорство Васьки Буслаева и часть упрямой души протопопа Аввакума, а где-то наверху и сбоку таился чаадаевский скептицизм. Проповедовало и терзало душу художника Аввакумово начало...» И еще: «Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться».

По словам Веры Фигнер, образы Аввакума и боярыни Морозовой поразили ее сознание и никогда не покидали его в Шлиссельбургской тюрьме. Чернышевский ободрял революционеров в ссылке, приводя в

пример Аввакума: «...человек был, не кисель с размазней...»

Об Аввакуме не раз писали А. Н. Толстой, Гладков, Леонов, Пришвин, Федин...

Его «Житие» было переведено во многих странах. Оно издавалось на английском, немецком, французском, итальянском, чешском, болгарском, венгерском, шведском, турецком, китайском и японском языках.

Еще в дореволюционное время сложилась большая научная литература о жизни и творчестве замечательного русского писателя XVII века. Но и теперь неустанные поиски исследователей приводят к находкам новых списков и подлинников произведений Аввакума, документов, подтверждающих и расширяющих сведения о его жизни и борьбе.

В основу этой биографии Аввакума легло его гениальное «Житие», его письма, много документов XVII века, публикации и труды русских ученых, а также таких крупных советских исследователей жизни и творчества писателя, как В. В. Виноградов, Н. К. Гудзий, Д. С. Лихачев, В. И. Малышев, А. Н. Робинсон, Н. С. Демкова, В. Е. Гусев...

Кроме того, автору пришлось совершить путешествие по местам странствий Аввакума.

Автор старался, чтобы в биографии слышен был неповторимый голос писателя, и переводил в его речи лишь те слова и обороты, которые, как ему казалось, не совсем понятны современному читателю.

ГЛАВА 1

«За Кудьюмою рекою», километрах в семидесяти по прямой от города Горького («в Нижегородских пределах»), на трех холмах раскинулось село Григорово. Есть в нем и старинная Казанская церковь, возведенная в 1700 году и ныне охраняемая государством. В начале XVII века на ее месте была деревянная церковь Бориса и Глеба, и служил в этой церкви священник Петр. Жену его звали Марией. Поп любил пображничать, «прилежаше пития хмельнова», попадья же была иного склада — «постница и молитвеница».

Году в 1620 или 1621 у них родился первенец.

Крестили крепыша, по обычаю, на восьмой день после рождения, 2 декабря, и родители дали ему имя не по своему хотению, а по святцам, в честь пророка Аввакума.

Встречаются разные переводы этого ветхозаветного имени — «отец восстания», «любовь божия», «сильный борец», но в любом случае оно как бы предвещало сыну григоровского попа необыкновенную будущность...

Зная очень мало о детстве и отрочестве Аввакума, мы можем довольствоваться лишь догадками, основанными на сведениях о быте и нравах русских людей XVII века.

Такое событие, как крестины, весьма возможно, было отпраздновано обильными возлияниями тут же, в церкви Бориса и Глеба. В те времена церковь обычно состояла из трех помещений: алтаря, собственно церкви и теплой трапезной, где стояли столы и скамьи. Здесь прихожане собирались решать свои мирские дела, тут задавались шумные пиры, тут хранились общественные деньги и документы. А если церковь была каменная, то и сундуки с наиболее ценными пожитками, на случай пожара. Благо церквей, особенно в городах, было много — не менее одной на десяток дворов. Тут же обучали ребятишек грамоте — сперва по букварю, потом по часослову и, наконец, по псалтырю. Священники, дьяконы, пономари — педагоги не ахти какие, но тем не менее они делали грамотным (не без помощи розог) каждого пятого крестьянина Московского царства, не говоря уже о почти поголовной грамотности служилых и торговых людей.

Маленькому Аввакуму не приходилось давать «кашу да гривну денег» за науку, которую он проходил у отца и грамотной матери. И со своей феноменальной памятью Аввакум, конечно, уж годам к десяти, подобно тому как потом маленький Петр I, «книжное учение толико имел в

твердости, что все Евангелие и Апостол наизусть мог прочитати».

И не просто прочитать. Мать его Марья была исступленно благочестива и ревностно соблюдала посты и обряды. Она часто растолковывала ему строки евангелия, грозя страшными карами даже за невинные детские прегрешения. Страх божий заставлял мальчика вставать рядом с матерью на ночную молитву, простираться ниц перед загадочно-спокойными, будто бы хранящими великую тайну иконными ликами.

Рано стал он размышлять над евангельским учением, связывать его с тем, что видел вокруг. В душе его с детства жило острое чувство справедливости. Он всю жизнь страстно ненавидел любое проявление неправды, в ярости своей часто забывая об основном требовании христианства — кротости и смирении.

Впечатлительность мальчика однажды подверглась серьезнейшему испытанию. Он увидел дохлую скотину во дворе у соседа. В детстве встреча со смертью — это всегда потрясение. Страх не выветрился у подвижного Аввакума и за целый день беготни с ребяташками по улице, гоньбы голубей и барахтанья в чистом, питаемом ключами, григоровском пруду.

Он проснулся среди ночи в холодном поту и «пред образом плакался... о душе своей, поминая смерть». Его поразила мысль, что и он может вот так умереть, и это вызвало чувство ужаса перед страшными, потусторонними силами, против которых бессильно его живое тело и сознание...

В наше время всякий, кто вздумает пройти от волжской пристани Работки проселочной дорогой через Лопатищи и другие села до самого Григорова, обратит внимание на то, что эта холмистая местность почти совершенно безлесна. В XVII веке здесь были густые леса, в чащобах прятались языческие капища мордвин. Русское православие не только благополучно соседствовало с язычеством, но и старалось до поры не замечать, как прекрасно уживались языческие поверья с верой в Христа.

«Вся природа для язычника была великим храмом всеобщей жизни», — писал историк Забелин. Обожествляя природу, славянин населял дремучий лес, реку, болото и даже свой дом злыми и добрыми невидимыми «хозяевами». Приняв христианство, славянин не стал отказываться совсем и от богов, так долго служивших ему верой и правдой. Он наделил некоторых из сонма христианских святых могуществом прежних богов. Так Илья-пророк заместил громовержца Перуна, святой Власий — скотьего бога Белеса... А богородица — символ материнства — даже потеснила божественную троицу. Иконы с ее изображением были самыми

почитаемыми на Руси.

Погибли великие языческие мифы, но сохранились обряды, поверья и приметы, без которых немислимо было сосуществование с природой. Сохранились даже празднества и ритуалы, удачно совместившиеся с христианскими.

Сельский мальчишка Аввакум верил и в леших, и в водяных, и в домовых, и в русалок. Как и для прочих ребят, вся природа для него была одушевлена, и он, словно истый язычник, даже смерть представлял себе живой.

Отец Аввакума, сельский поп Петр, по образу жизни почти ничем не отличался от своей не слишком ревностной паствы. Так же как и все крестьяне, он пахал свой надел земли, сеял, собирал урожай, напивался по праздникам, буйствовал, бывал бит... Правда, закон предусматривал строгую кару за это — особенно если в драке с попа сбивали на землю скуфью. Приспособился народ! Аккуратно снимали шапочку, вешали ее на забор, а попа все равно били. Кроткими русские крестьяне не были и не спускали обиды никому — ни начальнику, ни попу.

Поп Петр скончался рано, оставив Марью с целым выводком ребятишек. Самому старшему — Аввакуму — исполнилось тогда лет двенадцать. Он помогал матери пестовать сестер и братьев: Григория, Кузьму, Герасима, Евфимия, рано узнал тяжкий крестьянский труд.

Период нравственного становления Аввакума просматривается сквозь толщу лет весьма смутно, но именно в юношеские годы он познакомился почти со всеми главными действующими лицами исторической драмы, название которой известно очень широко.

Это раскол.

И согласно прописям, по которым развивается драматическое действие, в первом акте завязывается узел интриги, ради чего действующие лица собираются в одном месте. Этим местом оказался клочок земли, лежащий на юго-востоке от Нижнего Новгорода и ограниченный на юге селом Вельдемановым, а на востоке — монастырем Макария Желтоводского, у стен которого тогда же учредилась царским указом знаменитая на всю Русь Макарьевская ярмарка.

Григорово находилось всего верстах в пятнадцати от большого мордовского села Вельдеманова, принадлежавшего стольнику Григорию Зюзину, и именно там в семье крестьянина Мины родился сын Никита, будущий противник Аввакума.

Это удивительное совпадение.

«Простолюдин есмь», — отвечал юный Никита Минин на вопрос о

своем происхождении. Но ему предстояла блистательная будущность. Став в иночестве Никонем, он взошел под этим именем на патриарший престол.

По преданию некий мордовский волхв, потрясая палицей, предрек ему у лесного капища: «Ты будешь государь великий!» Такие предсказания глубоко западали в душу, но пока честолубивому отроку жилось несладко под гнетом злой мачехи, и он часто сбегал от нее в Макарьев монастырь, где овладевал книжной премудростью и удивлял даже монахов силой духа и упорством в совершении монастырских подвигов.

Монахи не жалели ни книг, ни поучений для способных юношей, тянувшихся сюда со всей округи. Часто навещался в монастырь и Аввакум и, верно, встречался с Никитой Мининым, хотя тот был много старше. Во всяком случае, впоследствии, приходя в неистовство от одного имени Никона, он вспоминал: «Я Никона знаю — недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а мать русалка, Минька да Манька, а он, Никитка, колдун учинился, да баб блудить научился, да в Желтоводском монастыре с книгою поводился...»

Никита Минин остался в монастыре, где жадно поглощал книги, исподволь готовя себя к великой роли. Грамоте же он выучился еще мальчонкой у священника села Колычева, почтенного отца Ивана, сын которого стал епископом коломенским Павлом и был сожжен по приказанию подростшего Никитки, непреклонного патриарха Никона. Совпадений становится все больше...

На сестре Павла Коломенского был женат молодой человек, который стал митрополитом суздальским Иларионом. Он был сыном священника Анании из ближнего села Кирикова. В разное время учениками и духовными детьми Анании были все тот же Никитка Минин и будущий протопоп Иван Неронов, ставшие смертельными врагами. И еще с одним Иларионом часто встречался юный Аввакум. Стал этот Иларион попом в большом селе Лысково, раскинувшемся на холмах против Макария, потом игуменом этого монастыря и, наконец, митрополитом рязанским. Это к нему, врагу своему, обращался впоследствии Аввакум со словами: «А ты кто?.. Яковлевич, попенок!.. Недостойн век твой весь Макарьевского монастыря единой ночи. Помнишь ли, как на каморах^[9] тех стаивано на молитве?»

В Макарьеве же принял монашество будущий покровитель Аввакума, архиепископ сибирский и тобольский Симеон.

Откуда-то из Нижегородских пределов вышел и еще один покровитель Аввакума — духовник царя Алексея Михайловича благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев...

В этом пока запутанном клубке дружеских и родственных связей нас поражает одно — сколько же вышло высших сановников русской церкви из крохотного уголка необъятного царства! Правда, все они, кроме Никона, были поповичи. Но не это послужило толчком к их возвышению...

Все они встречались в Макарьевском монастыре, где было, очевидно, неплохое собрание рукописных и печатных книг. Округу, в которой находились их села, можно было обойти пешим ходом за один день. И, верно, они беседовали и спорили друг с другом, обменивались книгами. Так под сенью Макарьевского монастыря постепенно создавался кружок, в котором подрастали молодые люди — развитые, начитанные и честолюбивые. Они не были по рождению дворянами и могли сделать только духовную карьеру. Годам к двадцати с небольшим каждый из них становился священником, религиозный пыл увлекал их в монастыри, где они выгодно выделялись среди полуграмотной монастырской братии, и путь в игумены, а потом и в епископы был открыт.

В дни юности Аввакума еще ничто не предвещало будущих раздоров.

Возмужавшего Никиту Минина родственники вытребовали из монастыря в мир, заставили жениться, а там жители одного из соседних сел выбрали двадцатилетнего парня в священники. Талант и страстность быстро выделили его среди прочих попов, и вскоре заезжие купцы, познакомившись с Никитой на Макарьевской ярмарке, сманили его в Москву...

Подрастал и Аввакум. В семнадцать лет мать его женила на четырнадцатилетней сироте Анастасии. Пока жив был отец девушки кузнец Марко, дом их считался зажиточным. Потом пришла бедность. Матери Аввакума сирота приглянулась своей набожностью и трудолюбием. Как оказалось, Настасья заглядывалась на юношу и мечтала о нем и прежде, так как он, видно, был пригож и статен.

Так в жизнь Аввакума вошла Анастасия Марковна, замечательная русская женщина, прошедшая руку об руку с ним через все мытарства и родившая ему девять детей.

Вскоре умерла мать Аввакума. Почувствовав приближение смерти, она постриглась в ближайшем монастыре, приняв имя Марфы.

И тотчас на молодоженов, обремененных полудюжиной меньших Аввакумовых братьев и сестер, обрушилась беда. Дом священника принадлежал общине. Пока была жива мать, семью не решались выселить. Но строптивый Аввакум не очень ладил с «соплеменниками», которые вынудили его переселиться в другое место.

В двадцать один год он уже стал дьяконом, а в двадцать три — священником в селе Лопатищи. Он по-прежнему крестьянствовал, помогали ему братья. Тогда же увидел свет его первенец Иван.

«Поставлен в попы» Аввакум был весьма просто. Собрались прихожане, выбрали его, как могли выбрать любого из своей среды, и поручились особой записью, что он «человек добрый, святое писание знает и не бражник». Явился он к архиерею вместе с другими кандидатами в священники, и каждый из них держал в руке прошение. Архиерей вышел с книгой и стал ее давать читать по очереди каждому кандидату. Кто читал плохо, того он прогонял, а кто хорошо — у того на бумаге делал пометку. За Аввакума непременно уж замолвили словечко знакомые попы, но и ему, вероятно, пришлось сделать взнос казначею и одарить писцов и прочую архиерейскую челядь. И лишь потом, во время службы, епископ совершил рукоположение...

Так бы и остался Аввакум сельским попом, перебивался бы с хлеба на квас, если бы не жила в нем беспокойная сила, властная потребность действовать. Он не довольствовался церковными службами, которые его прихожане посещали весьма неусердно, и пытался проповедовать «и в домах, и на распустьях», и в других селах. Но часто его проповедь встречалась равнодушно. Своей нетерпимостью Аввакум отпугивал людей заурядных, а начальников приводил в ярость и делал своими врагами.

Но иные прислушивались к нему. Строгий, взыскательный, он умел подходить к людям и с трогательной лаской, а порой не щадил себя для тех, кого опекал, и они платили ему тем же. Духовные дети, которых Аввакум насчитывал потом около шестисот, привязывались к нему нерасторжимыми узами.

Однажды к молодому попу в лопатищинскую церковь пришла исповедоваться девица. Была она «многими грехами обременена, блудному делу... повинна». Встала она перед евангелием и начала покаянную речь. Очевидно, она была так хороша, а рассказ о любовных похождениях настолько впечатляющ, что священник, призванный врачевать чужие души, «сам разболелся». Сжигаемому «огнем блудным», ему было горько и стыдно. И тогда он взял три свечи, зажег их, прилепил к аналою и «возложил руку правую на пламя, пока не угасло злое разжжение».

Надо думать, что на девицу это произвело впечатление.

В своей избе той ночью Аввакум долго плакал, пока «очи не опухли», да так и уснул, лежа на полу под образами, и увидел сон, который всю жизнь считал пророческим.

Увидел он Волгу, а по Волге той стройно плывут два корабля золотые.

И весла у них золотые, и мачты золотые, и все золотое. И всего-то людей на кораблях по одному кормщику. Спрашивает он их: «Чьи корабли?» И ему отвечают: «Лукина и Лаврентьева». А то были купцы работкинские, духовные дети его. И видит он третий корабль, но не золотой, а пестрый — и красный, и белый, и синий, и черный, и пепелесый. Красоты ж его умом человеческим не постичь. Юноша светлый на корме сидит, правит прямо на Аввакума, того и гляди подомнет. И вскричал он: «Чей корабль?» Ответил ему юноша: «Твой корабль! На, бери, плавай на нем с женою и детьми, коль хочется!»

Проснулся Аввакум, сел на полу и стал думать: что же это, какое плавание его ждет?

В скором времени начались беды.

Справедливости искал Аввакум, а нашел жестокость. Местный начальник отнял у вдовы дочь, собираясь, видно, сделать ее своей наложницей. Аввакум вступился за вдову, просил начальника вернуть девушку. И дело не обошлось без обличений, настолько разгневавших начальника, что он явился к церкви со своими людьми и «воздвиг на Аввакума бурю». Попа избили так крепко, что он потерял сознание. Увидев Аввакума недвижимым, начальник испугался и отпустил девушку. Через полчаса Аввакум пришел в себя, и тогда начальник, раскаявшись в собственной «мягкотелости», вернулся в церковь, бил попа, сшиб его и таскал за ноги по полу в полном облачении.

По другой, аввакумовской же, версии поп-богатырь отнял девушку силой, после чего начальник явился к церкви с целым отрядом.

В те времена лучшим аргументом считалась кулачная расправа, сдержанность была не в почете. А уж если кто чуть возвысился над другими, перечить ему было опасно. Сам царь Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим, не задумываясь, хлестал по щекам седобородых бояр, а в церкви во время службы не стеснялся крепких выражений, если ему казалось что не так.

Спустя некоторое время другой начальник, некий Иван Родионович, вломился к Аввакуму в дом, бил его и «у руки огрыз персты, яко пес зубами», а после вечерни пытался пристрелить из «пистоли». Порох на полке пыхнул, но выстрела не последовало. Дал осечку и второй пистолет. Аввакум издевательски благословил начальника:

— Благодать во устах твоих, Иван Родионович, да будет!

Иван Родионович не остался в долгу. Отнял у Аввакума имущество, а самого со двора выбил вместе с Настасьей, маленьким Иваном и только что

родившимся младенцем. «И на дорогу хлеба не дал».

Те, чьи сердца Аввакум сумел завоевать, проводили его за околицу. И побрели изгнанники в Москву. По дороге Аввакум крестил новорожденного и дал ему имя Прокопий.

Была и еще одна причина для гнева начальнического. Ее мы находим в словах самого Аввакума. Иван Родионович «сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; так ему было досадно».

Неужели длительность церковной службы могла вызвать столь бурную реакцию? Да, могла. Еще не прошли те времена, когда нечто подобное бывало даже формальной причиной длительных и кровавых междоусобных войн. И пока Аввакум со своими добирается до Москвы, постараемся разобраться в событиях, предшествовавших расколу.

ГЛАВА 2

Смутное время оставило Русь не только обескровленной, не только катастрофически убавило ее население, не только пожгло ее города и сократило пахотные земли, оно расшатало и устои морали.

И в то же Смутное время ощущение опасности «вечного порабощения латинского», как писал в своих призывных грамотах Дионисий, подняло и сплотило лучших людей земли русской, заставило их неистовым напряжением сил изгнать врага.

Но прошел десяток лет, и герои были оттеснены с политической арены новой знатью — «знатью дворца и приказа». Не слышать уже о Минине, обижен Пожарский. Оказался в тюрьме и архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий, обвиненный в искажении богослужебных книг, проверка которых была поручена ему царем и церковными властями. Выпустил его на свободу в 1619 году вернувшийся из польского плена митрополит, а затем патриарх Филарет, отец молодого царя Михаила Федоровича, умный и дальновидный правитель Московского царства.

Филарет ценил Дионисия и ограждал красивого старца от неприятностей. Под покровительством Филарета Троице-Сергиева лавра процветала. Она была крупнейшим культурным центром того времени, с ней связано творчество многих видных русских писателей. И немалую роль играл тут характер Дионисия, который, по словам историка Платонова, «никого не подавлял и не поражал ни властной волей, ни упорством».

Все окружение Дионисия увлекалось проповедями Иоанна Златоуста и сочинениями Максима Грека, бичевавших пороки общества. И этот интерес не был случаен у свидетелей разнузданности Смутного времени и падения нравов, продолжавшегося в последующие годы. И если призывные грамоты Дионисия поджигали Русь, уже готовую смести взрывом польскую интервенцию, то с нынешней бедой бороться мягкому архимандриту было не под силу. Но получилось так, что именно Троице-Сергиева лавра дала жизнь идеям, породившим (в какой уж раз!) весьма могучее общественное движение, которое питало крупными событиями всю вторую половину семнадцатого столетия...

В двадцатых годах этого столетия к монастырю прибило молодого псаломщика Ивана Неронова. Этот крестьянский сын, вологодец, уже пытался громогласно укорять священников за их пьянство и иные «бесчинства», а в Вологде был крепко бит слугами епископа за свои

обличения. Кто-то из иноков представил его Дионисию, и Неронов так понравился архимандриту, что тот даже поселил его у себя в келье. Вместе они читали сочинения Максима Грека, который доживал некогда свои последние дни под строгим надзором в Троице-Сергиевой лавре, где и скончался в 1556 году.

Афонский инок Максим, приглашенный в Россию великим князем Василием Ивановичем, в юности получил образование в Италии. Одно время он жил в доминиканском монастыре, настоятелем которого был знаменитый Иероним Савонарола. Многие от духа неукротимого доминиканца, обличавшего в своих проповедях распущенность пап и духовенства и сожженного на костре, было в писаниях Максима, прозванного на Руси Греком.

Дионисий с Нероновым вычитывали в его сочинениях только то, что волновало их обоих. Их коробил упадок нравственности, некоторые черты русского быта, противоречившие началам православия, остатки язычества... Но тот же Иван Неронов не хотел замечать широты взглядов Максима, осуждавшего возведение обрядов в степень догмы...

У Неронова был слишком беспокойный, деятельный характер, чтобы искать «спасение» в монашестве. Он рвался «спасать» других. Монах Дионисий одобрил намерение своего молодого друга и дал ему рекомендательное письмо к патриарху Филарету. Неронов явился к патриарху лично и был тотчас посвящен им в дьяконы, а через год и в священники.

Филарет часто приглашал Неронова к своему столу, представил царю и многим знатым боярам, которых молодой священник ретиво укорял в брадобритии и перенимании других иноземных обычаев. Речи его были созвучны настроению Филарета, который заставил всех иноземцев, находившихся на патриаршей службе, перейти в православие, а в случае отказа — подать в отставку.

Назначенный священником храма Вознесения Христова в Нижнем Новгороде, Иван Неронов сразу же показал, на что он способен. В этом громадном торговом городе, тогда четвертом по величине на Руси после Москвы, Ярославля и Казани, он возродил старинную традицию, существовавшую в домонгольское время, — стал опять произносить проповеди и читать книги прихожанам. В проповедях, приводя дурные примеры, он не стеснялся вытаскивать на свет божий грехи местных воевод и священников, разоблачать их разврат, пьянство, взяточничество. А те, в свою очередь, не стесняясь, избивали попа при всяком удобном случае и писали на него доносы в Москву.

Но Неронов сам часто наведывался в Москву, где бывал у царя и патриарха и находил у них управу на своих противников. Однако он занесся так высоко, что осмеливался уже вмешиваться в государственные дела, убеждал царя и патриарха не начинать польскую войну, а потом «во исступлении ума» воспретил ее, предрекая поражение.

За дерзость, или, как говорилось в препроводительной грамоте, «за гордость и высокую мысль», патриарх Филарет сослал попа Ивана на покаяние в дальний Николо-Карельский монастырь.

В свое время Неронов жил в Лыскове. Слава обличителя уже достигла этих мест и будила воображение молодых людей, собиравшихся в Макарьево. Девиз Неронова «Бием (битый — Д. Ж.) одолевай» звучал для них весьма глубокомысленно...

В многочисленных «житиях» святых, знание которых было неременным для всякого образованного человека того времени, описывались всякие ужасы — пытки, заточения, избиения, казни... Гонения со стороны язычников или сильных мира сего и проявленная при этом стойкость были для ранних христиан веским основанием для причисления того или иного человека к лику святых. «Жития» отшельников и монахов полны примеров самоистязаний, умерщвления плоти, аскетического самоуглубления...

У крестьян и ремесленников, наделенных богатым воображением, мучители из «житий» отождествлялись с воеводами и боярами, не знавшими границ в своем самоуправстве. Мир казался средоточием греховности, насилия, несправедности.

В дремучих лесах вокруг Костромы, Ярославля и Нижнего появились «лесные старцы». Они отрицали семейную жизнь и рождение детей и сами носили вериги, ходили в легкой одежде зимой, стараясь лишениями умертвить в себе тягу к естественным человеческим радостям.

Возглавлял это движение некий старец Капитон, возмущавший своим изуверским аскетизмом даже монахов. Один из них писал: «Воздержен в посте, вериги на себе носил каменные, плита сзади, а другая спереди, по полтора пуда в обеих: и всего весу три пуда; петля ему бе пояс, а крюк в потолке, и обе железны, то ему постеля: прицепил крюк в петлю повисе спати...» Сажали Капитона на исправление в монастыри, но он убегал в леса, обрастал учениками и сторонниками, которым не разрешал даже в праздники «сыра и масла и рыбы вкушати».

Капитон отрицал иконы, на которых Христос и богородица изображались в богатых одеждах, не просил благословения у священников, пивших вино, да и саму церковь ставил невысоко, предпочитая

непосредственное «общение с богом».

В «капитоновщине», возникшей задолго до прихода к власти Никона, уже прорастали семена раскола.

Среди учеников Капитона, таких же аскетов и «железоносцев», был некий «великий и премудрый Вавила», о котором позже в одном из раскольнических сочинений говорилось: «Бысть родом иноземец, веры люторския, глаголати и писати учися довольновременно в славней парижской академии, искусен бысть в риторике, логике, философии и богословии; знал языки латинский, греческий, еврейский и славянский».

Неведомы пути, которые в царствование Михаила Федоровича привели этого француза, воспитанника парижской Сорбонны, современника кардинала Ришелье, в леса под Вязники. Но именно там Вавила, «вериги тяжелые на себя положив», довел до крайности взгляды своего учителя Капитона и проповедовал впоследствии массовое самосожжение — деяние несовместимое с догматами даже самых изуверских религий...

Француз Вавила, в прошлом протестант, был истинным сыном века, когда все богословие пронизывалось ощущением близости конца мира. Эсхатологизм немало повлиял и на Реформацию — Лютер ждал светопреставления и призывал покаяться перед страшным судом. Многие и на Руси верили в близкий конец света. Сперва считали, что он наступит в 1492 году, то есть в 7000 году от начала мира по библейскому летосчислению. Благополучно пережив эту дату, одни зарядились здоровым скептицизмом, другие говорили, что конец придет в 8000, то есть в 2492 году, а третьи — и таких было много — предсказывали конец мира в 1666 году, так как в «Откровении Иоанна» антихрист зашифровывался числом 666.

Неронов и его молодые последователи воспринимали несовершенства бытия не столь пессимистично — они видели выход в исправлении народной морали и избрали иной путь борьбы, положив начало совершенно новому виду русского подвижничества. Не от мира уходить, а идти к миру, проповедовать, разоблачать, и если придется пострадать за это, что ж, кто из праведников не страдал? Потом они число побоев и гонений будут ставить себе в заслугу. Претерпевая мучения с невероятным стоицизмом, в своих «житиях» и посланиях они перечисляют побои как знаки отличия.

Вернувшись из ссылки, неугомонный Неронов собрал вокруг себя девятерых нижегородских протопопов и священников, которые и подали

новому патриарху Иоасафу «память», или доклад, о неприглядности церковных нравов, о «нерадении поповском от многого пьянства и бесчинства».

Этот любопытный документ, написанный Нероновым в 1636 году, рисует весьма живую картину.

Вот церковь. Идет богослужение. Церковный причт читает молитвы и поет... Но как? Спеша поскорее отделаться, служители читают и поют все разом и каждый свое, «говорят голосов в пять и в шесть и боле, со всяким небрежением, поспору». Гам стоит невероятный, ни слова нельзя разобрать, но прихожане довольны: отбарабанил причт, и можно идти по своим делам.

Да никто и не слушает службу. Прихожане ходят по церкви, разговаривают, спорят и даже дерутся «с бесстрашием». А попробует поп сделать замечание, его тут же начинают поносить, того и гляди намнут бока. Впрочем, попы тоже хороши, сами в церкви болтают, чревоугодники и пьяницы.

Многочисленное потомство попов во время службы играет в церкви, гоняет по алтарю. По церкви ходят какие-то люди с иконами на шее и блюдами в руках, собирают деньги якобы «на созидание храма», а потом пропивают их в кабаках. На полу бьются, вымаливая деньгу, «бесноватые», оказывающиеся «целоумными». Кричат шпыни, пристают к людям мошенники в черных иноческих одеждах и при веригах, завывают мнимые калеки, будто бы покрытые гнойными язвами, а на деле вымазанные говьящим мозгом с кровью.

Неронов не преувеличивает. Тому подтверждение «память» патриарха Иоасафа о прекращении беспорядков в московских церквях, повторявшая почти буквально доклад нижегородцев.

Патриарх требовал от попов, чтобы в церквях покончили с диким галдежом, называемым «многогласием», и служили не больше чем в два-три голоса. Аввакум у себя в церкви служил «единогласно». Но если даже в Москве удлинение службы вызывало громкий ропот, то в провинции, где до царя далеко, а до бога высоко, начальники с попами не церемонились. Так проясняется конфликт Аввакума с Иваном Родионовичем, дошедший до «грызения перстов», стрельбы из пистолей и изгнания из села.

Но не только это возмущало Неронова и его сторонников. Они обрушиваются на полуязыческий быт своих прихожан, на веселую, разудалую Русь.

От рождества до богоявления гремит праздником Поволжье: браги — море разливанное, по домам ходят ряженные в масках-личинах, «косматые и зверовидные», позади хвосты привязаны. Носят с собой лошадь из луба,

украшенную шелковыми расшитыми полотенцами и колокольчиками. А кто вырядится в быка — Тура (этот обычай остался от культа бога Ярилы) и поет непристойные песни:

Ой Тур, молодец удалой!
Он из города большого
Вызывал девицу красну
С ним на травке побороться,
Ой Дид Ладо, побороться...

В праздник вознесения со всех сел и деревень съедется народ на луг перед монастырем; корчмари с кабаками и «всякими пьяными питии» придут; вожаки с учеными медведями и собаками соберутся; скоморохи в личинах, «в бубны бьюще и в сурны ревуще», зазывают людей на зрелище «позорное», сыпят прибаутками, высмеивая и попов.

Любит народ скоморохов, и начальство даже их под защиту берет.

«И зело слабеет, — по словам Неронова, — род человеческий от многих прелестей сатанинских» и от церкви отвращается. Не нравится ему, что народ на качелях любит качаться, что на кулачках по праздникам дерется, что хранит языческий обычай березам поклоняться. Сносят жены и девицы под дерево яства всякие, в ладоши плещут, песни поют, пляшут, а то и свивают березовые ветви в кольца и сквозь те кольца целуются. Жгут костры и всю ночь до восхода играют и через костры скачут...

«Ревнителю благочестия», как позже называли Неронова и его единомышленников, связывали в единый узел язычество и пьянство, неблагодетельность церковной службы и сквернословие («Бесстыдной, самой позорной нечистотой языка и души оскверняют»), нерадение попов и свободу нравов, нежелание молодых крестьян венчаться в церкви.

В писаниях морализаторов XVII века, которых народ называл святошами и ханжами, почти ничего не говорится о трудолюбии и предприимчивости русских людей, об их высоком чувстве собственного достоинства и большом художественном таланте. Изголодавшаяся в Смутное время по мирному труду, Русь пахала землю, возводила каменные и рубила деревянные храмы, украшала свои жилища чудесной резьбой, осваивала сибирские просторы, писала иконы... Каждый третий на Руси был искусником — либо живописцем, либо резчиком, либо вышивальщицей... Но имена их редко запечатлевались на бумаге. Все это было обыденным, привычным, а на бумагу заносились события

исключительные — войны, убийства, разбой, смены и деяния правителей, политические схватки. И бесчисленные обвинения, обвинения. А обвинения, какими бы они ни были — правдивыми или клеветническими, содержат в себе одно отрицание.

Нижегородцы не были одиноки — из других городов в Москву сыпались челобитные, в которых и сами епископы обвинялись в недостаточном рвении, недостойной личной жизни... И Москва откликалась грозными указными грамотами.

Ко времени изгнания Аввакума из Лопатиц ревнители благочестия уже прочно осели в столице.

Аввакум уповал на их поддержку и не ошибся...

Совсем недавно случились в Москве большие перемены. Скончался первый царь династии Романовых Михаил Федорович, и на престол вступил его пятнадцатилетний сын Алексей Михайлович.

28 сентября 1645 года из Золотой палаты к Успенскому собору двинулась пышная процессия. Впереди нее шел поддерживаемый двумя дьяконами протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев. На голове он держал золотое блюдо, на котором лежали «святой животворящий крест и святые бармы». Следом несли Мономахову шапку, скипетр, державу. Царские регалии сопровождало множество дворян в золотых одеждах во главе с боярином Василием Петровичем Шереметевым.

Стефан Вонифатьев вернулся к юному царю, который с громадной свитой уже сам отправился в Успенский собор, где патриарх Иосиф должен был короновать его «по чину венчания прежних царей». И снова впереди пошел протопоп Стефан Вонифатьев, кропя царский путь.

После коронования под приветственные клики своих подданных, осыпаемый золотыми деньгами, царь в тяжелом облачении, уже со скипетром и державой в руках стал обходить кремлевские соборы. В Архангельском он поклонился гробу своего отца, могилам всех русских великих князей и царей, в Благовещенском выслушал поучение протопопа Стефана Вонифатьева.

Безвестный доселе Вонифатьев начинает играть очень заметную роль, ибо он духовник царя.

Историк Ключевский писал, что одной ногой Алексей Михайлович еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту... Главный воспитатель его Борис Иванович Морозов смело вводил в царский обиход западную новизну. Духовные наставники воспитывали царя в строгом благочестии, и о тонкостях церковной службы

он мог поспорить с любым знатоком.

Стефан Вонифатьев приохотил молодого царя к чтению назидательных книг, докладывал ему о всех церковных делах и знакомил с людьми, которые добивались укрепления церковного порядка и распространения благочестия в народе. Так постепенно сложился кружок ревнителей благочестия, в который входили и сам царь, и его духовник Стефан, и нижегородский поп Иван Неронов, и молодой, но влиятельный царский постельничий Федор Михайлович Ртищев, и, наконец, Никон.

Никон был некрасив, но отличался величием и красноречием. Он увлекал царя и его духовника страстными речами и рассказами о своей необычной судьбе. Перебравшись в Москву по приглашению купцов, Никита Минин похоронил всех своих детей, уговорил жену постричься в монастырь, а сам удалился в Анзерский скит на Белое море и тоже постригся в монахи под именем Никона. Властный инок не ужился с братией и покинул обитель. Оказавшись, в конце концов, в бедном Кожеозерском монастыре, Никон очень быстро был выбран игуменом. Затеяв большую стройку, он стал часто бывать по делам в Москве. Молодой царь, познакомившись с Никоном, уже не захотел расставаться с ним и сделал его архимандритом московского Новоспасского монастыря. Мало того, царь поручил ему рассматривать прошения обиженных в суде, вдов и сирот. Каждую неделю теперь встречался Никон с царем, каждую неделю он выступал в роли защитника сирых и убогих, и с этого началось его головокружительное восхождение на вершину власти.

В 1647 году состоялись смотрины самых красивых девушек государства. Царь надумал жениться. Из двухсот девушек выбрали шесть прекраснейших. Из шести царю приглянулась одна — Евфимия, дочь Рафа Всеволожского. Получив это известие, избранница упала в обморок. «Царскую невесту» тотчас оговорили и вместе с родными сослали в Сибирь. Не без оснований поговаривали, что все это дело рук боярина Морозова, который вскоре сосватал царю Марью Ильиничну Милославскую, а через десять дней после свадьбы женился на ее сестре.

Влияние ревнителей благочестия на царя было огромно. В делах церковных он редко что предпринимает, не посоветовавшись с ними. Даже свадьба Алексея Михайловича по настоянию его духовника Стефана Вонифатьева прошла без шумных торжеств, без традиционных свадебных обрядов и песен. После венчанья молодые сразу же уезжают на богомолье в монастыри.

И в этот год появляется в Москве сельский поп, Аввакум со своим

семейством. Он впервые в столице. Деревенский житель, наверное, с восторгом разглядывает богатые церкви и хоромы, озирается на пышные боярские выезды, удивляется многолюдству и шуму московских торгов... Но в рядах не зазывают его, не хватают за полы — что возьмешь с нищего попа, у которого и всего богатства-то латаная однорядка да гуменцо под засаленной скуфьей.

Спрашивает Аввакум, не знает ли кто, где тут найти нижегородского попа Ивана Неронова. Как же, слышали; кричал поп у Казанской церкви, книгу «Маргарит» народу читал. Царь его уважает, а живет поп на дворе постельничьего Федора Ртищева. Неподалеку тут, за Боровицкими, на углу Знаменки и Моховой.

Передние ворота ртищевские — высокие, крытые, резные; на верхней доске — честной крест... Из-за забора дома не видно, собаки во дворе лают басовито, зло. Караульщик в окошко выглянул: кто таков да откуда?

Двор у вельможи большой. По краям все избы, повалуши, сенники, бани, а в глубине — палаты каменные, двухэтажные, с высоким крыльцом на пузатых столбах. Ввели Аввакума наверх, в крестовую. Вошел, перекрестился перед образами в богатых, украшенных самоцветными камнями ризах и резных золоченых киотах. Никогда прежде не видывал Аввакум такой лепоты в домах. Огляделся. Вся палата, и стены, и своды, расписана красками — травы, птицы, звери чудные. Заморские, видать. И в окнах слюда крашеная. А стулья золоченые, ножки витые, тонкие, сесть страшно — раздавишь...

Углядел поп и зеркало. Подошел и с удовольствием стал всматриваться в свое отражение. Волосы русые под скуфьей свалялись, но лицо чистое; серые глаза под сросшимися бровями посажены глубоко, смотрят дерзко; нос не длинен, не короток — в меру; могучий подбородок бороду вперед подает. Расправил Аввакум плечи, однорядка на груди натянулась — бог ни силой, ни ростом не обидел...

Заметил в зеркале движение, обернулся. Стоят двое, улыбаются, смотрят. Одного, с медным крестом на груди, Аввакум сразу узнал. Иван Неронов. Только постарел он — борода вся седая. И то сказать, давно шестой десяток пошел. А второй, в белом кафтане и красных сафьянных сапогах, совсем молод, лет двадцать будет, еще бороды хорошей не завел...

Молодой стер с лица улыбку и смиренно подошел к Аввакуму.

— Благослови, отче.

Федора Ртищева, своего преданного слугу, любил не только царь. Никогда он не лез на вид, никому местом своим глаза не колол, всех врагов примирить старался, правду говорил не злобно, всем обидчикам своим

прощал и даже на поклон к ним ходил, смиренномудрый.

— Наш, Аввакум сын Петров, из нижегородских пределов, — сказал Неронов со значением, и Ртищев обласкал взглядом.

— Вот, прибрел, — начал рассказывать Аввакум. — Сын боярский Иван Родионов двор у меня отнял, а меня выбил, всего ограбя, за единогласие. Да и иные сетуют — долгоде поешь единогласно, нам-де дома недосуг...

Ртищев с Нероновым переглянулись. Уж не раз Ртищев докучал о том царю Алексею Михайловичу и патриарху Иосифу, да патриарх, опасаясь, как бы церкви от долгой службы не запустели, все разрешает петь «в два, а по нужде в три голоса».

— Ничего, дай срок, найдем управу на твоего Ивана Родионова...

А пока сводил Неронов молодого нижегородца к царскому духовнику Стефану Вонифатьеву. Приветливо встретил Стефан земляка, благословил образом святого Филиппа митрополита и подарил книгу проповедей и поучений Ефрема Сирина, только что полученную с московского Печатного двора. Аввакум прочел ее, не отрываясь, и ходил как в тумане несколько дней. Сирийский проповедник навевал настроение тревожное, пугал концом мира и пришествием антихриста.

Прошло некоторое время, придели Аввакума и повели на «верх», к государю. Алексей Михайлович, которому тогда было всего восемнадцать лет, еще не приобрел мужественной уверенности и больше слушал журчащую благостную речь своего духовника, драматически напряженные рассказы картинного Никона, яростные обличения Неронова, дельные замечания Морозова. Сказал слово и Аввакум. Может, он говорил о поразивших его страницах Ефрема Сирина, читал их на память и обнаружил свой дар вплетать в богословские рассуждения примеры из виденного. И делал это так красочно, что тысячелетние церковные проблемы тотчас обрастали родной русской плотью, а события реальные получали апокалипсическое звучание. Во всяком случае, сочная и страстная речь его не осталась незамеченной, и «государь почал с тех мест знати» его.

Аввакум «прибрел к Москве» не без тайной мысли получить повышение и заручиться поддержкой для расправы со своими врагами. Сбылось только последнее. «Отцы» Стефан с Иваном послали его «паки» на старое место, в Лопатищи, но с грамотой, которая должна была привести в трепет местных начальников.

Ревнителю благочестия еще не были всесильны. Но великие перемены

уже надвигались. Не пройдет и года, как Неронов стараниями Вонифатьева и Ртищева окончательно переберется в Москву и станет протопопом Казанской церкви на Красной площади. Никон же будет поставлен митрополитом в Новгород, получит самую обширную епархию на Руси и станет богаче самих Морозовых, Юсуповых и Строгановых. Через три года патриарх Иосиф будет жаловаться царю, что не он, а Вонифатьев с его окружением распоряжаются церковными делами.

ГЛАВА 3

А пока Аввакум «притащился» на старое пепелище. Почти год ушел на обзаведение новым хозяйством. Сельский священник от службы и с церковной усадьбы получал доходов рублей с тридцать. Деньги по тем временам немалые, если бы не обзаведение, не громадная семья и не десятая часть, полагавшаяся епископу. Собирали налог чиновники из архиерейских дворян и боярских детей, наглые, с попами не церемонившиеся, безобразники и вымогатели. Такой всегда найдет какой-нибудь непорядок и урвет втрое. Пришлось расстаться с «Поучениями Ефрема Сирина», с книгой, подаренной отцом Стефаном. Обменял ее Аввакум на лошадь, которую поручил заботам пятнадцатилетнего брата Евфимия. Долго потом жалел Аввакум об этой сделке и вовсе не потому, что продешевил — лошадь стоила полтора рубля, а на «Поучения» цена в Москве в овощном ряду до трех рублей подскочила. Не богоугодное это дело, да и книга самому нужна — хороша книга. Не раз он собирался вернуть деньги двоюродному брату, тоже попу, у которого была теперь книга, да все нужда не пускала...

Аввакум поклялся «отцам» в Москве, что будет ревновать во Христе и стараться о благочестии. Однако его усердие снова «воздвигло бурю».

Пришли летом в село Лопатищи скоморохи с плясовыми медведями, с бубнами и домрами народ потешить. Остановились у околицы, хари напаяли, играют, языки чешут. Медведи, подняв передние лапы кверху, топчутся, кружатся... Народ смеется, полушки в колпаки скоморохам сыплет. И тут откуда ни возмись лопатищинский поп, Полтора Ивана, могучий, налетел с палкой на скоморохов, бубны и домры вырвал, изломал. Громадные медведи стали рычать. Поп на них — одного палкой по голове так ударил, что тот с лап долой, еле ожил потом; а другого отнял у скоморохов и в поле отпустил.

Скоморохи кинулись в Работки, где в это время пристали корабли большого боярина Василия Петровича Шереметева. Он с сыном, с людьми своими и стрельцами плыл по Волге в Казань, куда назначен был царским воеводой. Скоморохи ему челом бьют: так, мол, и так, изобидел поп Аввакум.

Воевода нахмурился. А ну, подать сюда попа! Ишь, еще молодой, а ханжа. Московским святошам уподобляется. Те так совсем царя от света отгородили. Протопоп благовещенский говорит всюду, что бога Саваофа

видел. Беса он видел, а не бога! Единогласие с Федькой Ртищевым в московских церквах заводят — ноги гудом гудят от стояния... Протопопа Ивашку Неронова, что ныне в Казанской слюной брызжет и народ смущает, Федор Шереметев, когда в Нижнем воеводою был, недаром в тюрьме держал и приказывал бить нещадно батогами. Да, видно, битому нейдется...

Ярость в боярине уже была через край.

А тут еще Иван Родионович, непременно встречавший большого боярина в Работках, наклепал на Аввакума и жару подбавил.

Долго бранил Шереметев попа, которого стрельцы приволокли к нему на судно. Потом взгляд его упал на сына Матвея, ровесника и любимого стольника царя, с любопытством рассматривавшего попа-богатыря, о котором он уже был наслышан от старшего брата Петра. Брат года с три тому назад женился на дочери стольника Федора Волынского, владельца села Григорова.

Скользнув взглядом по бритым щекам своего щеголеватого сына, боярин хитро прищурился. Вспомнил, как сам скоблил щеки, когда был помоложе, и как еще при патриархе Филарете святоша Ивашка Неронов за обедом у царя стал поносить его и других бояр, кричал, что бритые — обычай иноземный, варварский, и что они похожи на девок-шлюх, которые, потрясая рогожными подстилками, заывают честных христиан... Намек на мужеложество был до того обидный, что тогда они еще в сенях сбили Ивашку с ног и, ухватя за бороду, выволокли на двор. Отвозили как надобно. Новый государь по наущению того же Неронова считает бритые еретичеством.

— А ну-ка, попе, благослови моего младшенького, — приказал боярин, весельчак и умница, что было отмечено даже секретарем голыптинского посольства Адамом Олеарием в его знаменитых записках.

— Не дам благословения, — глухо, но твердо сказал Аввакум. — Господь создал нас по образу своему. — Он ткнул пальцем в сторону Матвея. — А се образ блудолюбивый. Какого врага и еретика послушав, бороду-то остругал?

Боярин был доволен.

— В воду его, стрельцы! — закричал он. — В воду его! Утопить как щенка!

Аввакум мигом оказался в воде. Плавал он, как всякий волжанин, хорошо, да только люди боярские не дали уплыть. За волосы схватили и ну окунать. Протомили долго, пока весь не посинел и пузыри не стал пускать. Потом отпустили.

Очень скоро Аввакум мог торжествовать. Из Москвы пришел воеводам царский указ, чтобы «православные хрестьяне скоморохов с домрами, и с гуслиями, и с волынками, и со всякими играми не призывали, и медведей не водили, и всяких бесовских игр не творили, а где объявятся домры, и сурны, и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды, и те б вынимать и, изломав, жечь...». В одной Москве десятки возов набивали музыкальными инструментами, отнятыми и в боярских, и в дворянских, и в домах посадских людей. И жгли, жгли, жгли. Но так и не могли вывести веселья на Руси. И в XIX веке, по описаниям Мельникова-Печерского, на родине Аввакума, «на горах», еще были села, жители которых обучали медведей тысячами, еще были села, сплошь населенные скоморохами, ходившими на свой веселый промысел во все города и веси.

Нетрудно представить себе, какую ненависть вызывал крутой лопатищинский поп, который мог и прибить, и на цепь посадить. Теперь он действовал еще смелее, ощущая поддержку из Москвы.

Правда, у ревнителей благочестия не все шло гладко. Они ожидали от церковного собора 1649 года введения единогласия. Но их даже не пригласили на собор. Один Вонифатьев явился на заседание и в присутствии царя и патриарха обрушился на епископов с бранными словами. Однако «волки и губители», как назвал епископов Стефан, не собирались отпугивать прихожан единогласием от церкви, а следовательно, лишаться доходов. Они потребовали предать Вонифатьева суду, но царь этого не сделал...

В Московском царстве было одиннадцать епископских кафедр.

Одну за другой их стали занимать сторонники ревнителей благочестия.

В 1648 году Никон сел в Новгороде митрополитом.

В 1651 году Симеон становится архиепископом сибирским и тобольским, бывший игумен Макарьевского монастыря Корнилий — митрополитом казанским, друг Неронова и Аввакума Александр — епископом вятским.

Встают у кормила церкви и другие нижегородские знакомцы Аввакума. Павел, епископ коломенский и каширский. Иларион, архиепископ рязанский. Иларион, митрополит суздальский...

Собор 1651 года по записке царя постановил ввести единогласие. И впредь будут удивляться иностранцы. «Усердие москвичей в посещении церквей велико, царь и царица ведут внутри своего дворца более совершенный образ жизни, чем святые: все время в посте и молитве... Мы

вошли в церковь после того, как часы пробили три, а вышли только в девятом часу... Мы выходили не иначе, как разбитые ногами и с болью в спине, словно нас распинали», — записывал дьякон Павел Алеппский, сын антиохийского патриарха Макария.

Некогда послов князя Владимира пленила красота храмов и стройность византийской церковной службы. Ревнители благочестия во главе с царем добились еще большей стройности и великолепия, ввели растяжное наречное пение, а уж об украшении церквей в стране, где многие крестьянские избы были произведениями искусства, и говорить не приходится.

«Знай, — писал тот же Павел Алеппский, — что иконописцы в этом городе не имеют себе подобных на лице земли по своему искусству, по тонкости кисти и навыку в мастерстве...»

Казалось, всюду преуспевали ревнители — даже в своих намерениях сократить пьянство на Руси. Указ 1647 года ограничил продажу вина и предписал закрывать по праздникам кабаки. Никон ратовал за государственную монополию и у себя в новгородской епархии запретил продажу водки во время масленицы и поста. В Костроме друг Неронова протопоп Даниил вообще добился закрытия кабаков. Протопоп Логгин в Муроме, Ярмил в Ярославле, священник Лазарь в Романове-Борисоглебске — все они яростно проводили в жизнь начертания москвичей, читали прихожанам книги, вербовали сторонников. Но недовольных было больше. Горожане откровенно выражали свою ненависть, а воеводы делали вид, что не видят назревавших бунтов.

Строптивый характер Аввакума раздражал начальников. Некий Евфимей Стефанович приехал со своими людьми к его двору, «стрелял из луков и из пищалей с приступом».

На другой день обидчика скрутила какая-то хворь, Прибежали от него звать Аввакума:

— Батюшко государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно. Бьет себя и охает, а сам говорит: «Дайте мне батька Аввакума! За него бог меня наказует!»

У Аввакума душа в пятки ушла. Думал, обманывают его, выманить хотят. Либо задушат, как митрополита московского Филиппа, либо зарежут, как зарезал царь Ирод отца Иоанна Предтечи — пророка Захарию...

Поехал все-таки. На дворе Неонила, жена начальника, встречает.

— Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!

«Чудно! — удивлялся Аввакум. — Давеча был <...> сын, а топерва —

батюшко!...»

Неонила ввела его в горницу. Евфимей Стефанович сполз с перины и бух в ноги Аввакуму. Тот уже совсем овладел собой и грозно спросил:

— Хочешь ли впредь цел быть?

— Ей, честный отче!

Евфимей Стефанович не мог даже встать с полу. Аввакум поднял его на руки, как ребенка, уложил в постель, исповедал и помазал маслом. Он не раз уже пользовал так больных, и некоторые выздоравливали. Вскоре начальник поправился, и Аввакум еще больше уверовал в целительную силу помазания лампадным маслом, как верили в целительную силу возложения рук средневековые французские короли.

Но тех, кому досадил Аввакум, становилось все больше, и они изгнали его из Лопатищ окончательно. Ему было уже за тридцать, когда он «вдругорядь сволокся к Москве».

На сей раз Аввакум получил в столице поддержку не только моральную. Своего усердного сторонника ревнители благочестия ввели в дворцовый круг. Он был обласкан царем, получил доступ в женскую половину дворца, где восхищал царицу Марию Ильиничну и ее боярынь своим богатырским видом, пугал горящим взором и натуралистическими рассказами о своих страданиях. Пользуясь все возрастающим авторитетом, он пристраивал младших братьев — кого попом в дворцовую церковь, кого псаломщиком. Сами бояре поглядывали на него уже с опаской — вхож к царю, мало ли чего натоворит. Шереметевы, ежедневно бывавшие «в сенях» перед царскими палатами в ожидании выхода государя, поспешили помириться, «прощались» с Аввакумом. Жена Василия Петровича даже стала потом духовной дочерью Аввакумова брата, попа Благовещенского собора Герасима.

Вскоре Алексей Михайлович повелел поставить Аввакума протопопом в Юрьевец-Повольской. Протопоп — это высший сан, которого мог достигнуть «белый поп». Аввакум очень гордился — ведь и царский духовник Стефан был протопопом. В Юрьевец он выехал со всеми своими чадами и домочадцами — человек двадцать семьи и слуг кормилось теперь Аввакумовой службой.

Юрьевец, родина Ермака, был построен князем Юрием Всеволодовичем у слияния Унжи с Волгой еще в XIII веке. Ныне большая часть города лежит ниже уровня Горьковского моря, волны которого бьются о громадную дамбу, вознесшуюся над домами. Валы и рвы старой крепости на Георгиевской горе поражают своими циклопическими размерами, но и

во времена Аввакума они уже были всего лишь исторической достопримечательностью. Новая крепость — деревянный острог — стояла на Предтеченской горе. Меж крепостей, на Пятницкой горе — стрелецкая слобода в сорок пять дворов. Внизу, на посаде — дворы воеводы, земского старосты, дьяков, судей, тюремного начальника и палача Никитки Сидорова. Тут же соборная Входоиеруеалимская деревянная церковь. Один из юрьевецких протопопов жаловался, что «тюремное место... близко церкви, и от тюрьмы дух бывает и всякая нечистота течет», и просил перенести застенки.

В Юрьевце было еще тринадцать церквей, подначальных протопопу, два женских и четыре мужских монастыря с сотней монахов и монахинь, 57 лавок, 16 кузниц, 13 рыночных полков... Юрьевчане ежегодно давали «в обиход» царя и патриарха 21 осетра, 50 белорыбиц, 70 больших стерлядей, которые отправлялись в столицу живыми в «прорезных» стругах по Оке и Москве... Горожане торговали хлебом, мясом, крашениной, железом, щепетильным товаром... И всякий в этом большом городе — и попы, и их прихожане — был обложен разными податями, за исправное внесение которых в казну патриарха приходилось отвечать и протопопу, потому что город входил в патриаршую область.

Утвердившись в пятиглавой соборной церкви, при которой была колокольня «на столбах» с шестью колоколами и «часами боевыми», протопоп Аввакум сразу же понял, что в богатом Юрьевце не хватает, с его точки зрения, главного — благочестия.

Скоморохи и медведи живут здесь припеваючи. Возле Богоявленской церкви у могилы Симона блаженного, ходившего, по преданию, по воде через Волгу, кликушествуют лживые пророки. Дети боярские в корчмах в зернь до исподнего проигрываются, а потом кирпичами друг другу головы проламывают. Многие невенчаные живут, в церковь не ходят. А откуда порядку быть, если сами попы на стороне «похоть исполняют», если мужики с женками в одних банях моются, и туда же ходят монахи с монахинями...

Суров оказался протопоп к вольным нравам Юрьевца. Ни дня от него нет покою горожанам. Спит он мало. Встанет задолго до света, добудет огня и книгу читает. Заутреня приспее, пономаря не зовет, сам идет звонить. Пономарь бежит со всех ног. Отдав ему колокол, Аввакум идет полунощицу служить. До заутрени успевает сказать обличительную речь. Заметит среди прихожан провинившихся, заставляет прощения просить. Наказывает. А «который дурует, тот на цепь добро пожаловать».

— Не раздувай уса — тово у меня, — скажет Аввакум и потрясет

громадным кулаком.

Заутреня у него длинная; у всех дела, а не уйдешь. Потом возьмет у воеводы пушкарей, которые за военной ненадобностью превратились в блюстителей порядка, и пойдет по городу искать провинившихся. Попов блудливых за бороды таскает, из сожительствовавших незаконно пар «подвенечную пошлину» выколачивает. Обедню отслужит и читает поучение. После обеда отдыхает часа два — в это время по улицам хоть шаром покати, вся Русь спит. Поужинав после вечерни, Аввакум долго молится, кладет поклоны. Погасит свет и в потемках еще поклонов с тысячу сделает. И протопопица Настасья Марковна с ним, если «робятка у нее не пищат».

На восьмую неделю пребывания Аввакума в Юрьевце горожане не выдержали. Сперва увещевали протопопа, жаловались воеводе Денису Максимовичу Крюкову, но тот сам недавно был назначен из Москвы и Аввакума слушался.

Тогда разразился бунт.

Тысячи с полторы человек бросились к патриаршьему приказу, где протопоп вершил свои дела. Мужики с палками, бабы с ухватами, попы всех четырнадцати церквей вытащили Аввакума на улицу, били, топтали и полумертвого бросили под избной угол.

Воевода наскоро собрал пушкарей, живущих тут же в посаде, и бросился на выручку. Разыскав Аввакума, они умчали его на лошади в протопопов двор. Узнав об этом, горожане снова взволновались и подступили к двору, у которого воевода выставил заслон из пушкарей.

Особенно неистовствовали попы и женщины, которых протопоп «унимал от блудни».

— Убить, убить вора!.. Да и тело собакам в ров кинем! — кричали они.

Лишь на третий день Аввакум немного оправился и, покинув жену, детей и домочадцев, ушел к Москве.

Путь его лежал через Кострому, где он узнал, что местного протопопа, ревнителя благочестия Даниила, взбунтовавшиеся костромичи с попами и скоморохами во главе били смертным боем в присутствии умывшего руки воеводы Юрия Аксакова. И случилось это едва ли не в один день с событиями в Юрьевце.

Оборванный, измученный Аввакум тотчас явился к Стефану Вонифатьеву, но сочувствия не нашел.

— А почему ты церковь соборную покинул? — спросил его осуждающе протопоп Стефан, но оставил ночевать у себя.

Ночью зашел к своему духовнику благословиться царь Алексей Михайлович. И, увидев Аввакума, вспылil:

— А почему ты город покинул?!

Со всех сторон оказался виноватым Аввакум. И ко всему кручина — как там в Юрьевце жена, дети, домочадцы? «Неведомо — живы, неведомо — прибиты!.. Горе!»

Чего добился в жизни Аввакум? Прихожане его ненавидели. Милость сильных он, казалось, потерял.

ГЛАВА 4

В середине XVII были пройдены Сибирь и часть Дальнего Востока.

Уже срублены на новых землях города. Уже дала хлеб сибирская земля. Всего за сто лет создано самое большое в мире государство. Освоено пространство, которое давало русской нации возможность готовить себя для великой будущности.

Чем объяснить этот взрыв? Что заставляло землепроходцев подвергать себя неисчислимым страданиям и лишениям? Только ли стремление к наживе и железная воля воевод? Почему русские люди того времени были полны чувства собственного достоинства и даже надменны в своих отношениях с европейцами? Вспомним хотя бы, как трудно было послам добиться приема у царя. Или обычай мыть руки на глазах у послов после рукоцелования, что вызывало у иностранцев скрежет зубовный.

Не ответив на эти вопросы, нельзя понять раскола, нельзя понять пути, который привел Аввакума и многих других к духовному бунту и смерти на костре.

Буржуазные философы, занимаясь историей Московского царства XVII века, приводят немало примеров полной подчиненности всех и вся интересам державы, указывают на абсолютную власть московских государей.

Но одним этим объяснить успехи москвитов нельзя. В поисках ответа углубимся в историю еще на два столетия.

Московская Русь, собиравшаяся Иваном Калитой, вдохновленная идеями независимости, упрочившая свое положение победой на поле Куликовом, отстраивалась заново и расцветала. Крохотное княжество, казавшееся незаметным рядом с Литвой, Золотой Ордой и Новгородской республикой, очень быстро стало крупным государством. Василий Темный бывал в плену у татар и своих родственников, а союза с его сыном Иваном искала Священная Римская империя.

Прежние идеи сыграли свою роль, теперь нужна была новая идеология, которая отвечала бы чувству силы и превосходства, новым ощущениям, навеянным недавними победами.

И такую идеологию создали. По сути своей религиозная (другой в ту эпоху и быть не могло), она была направлена на воспитание патриотического чувства.

Как только турки взяли Константинополь (1453 г.), великого князя Василия Васильевича Темного стала называть «благодарным и боговенчанным царем», считая его преемником римских цезарей и византийских базилевсов. По легенде, Римскому царству, в котором родился Христос, предназначено было существовать до скончания века. Но Рим погиб, и Царьград называли вторым Римом. Теперь пришло время Москве стать Римом третьим.

За полтора десятка лет до падения Второго Рима византийские император и патриарх признали верховный авторитет папы. Москва же тогда отвергла унию с Римом. Вера в особое положение русского народа сложилась уже в первый век после принятия христианства. В «Слове о законе и благодати» (XI в.) митрополит Иларион утверждал равноправие Руси с Византией.

Около 1461 года в «Слове об осьмом соборе» после описания гибели Царьграда гордо возвещалось: «...а наша русийская земля... растет и возвышается».

Иван III женится на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог и принимает новый герб — черного двуглавого орла, соединив его с прежним московским гербом — изображением Георгия Победоносца. Подготавливается обоснование права великих князей на царский венец. В легендарно-публицистическом сочинении о великих князьях Владимирских рассказывается, как император греческий Константин Мономах «снимает же от своего главы царский венец» и дарит Владимиру Всеволодовичу, «посылает же и ожерелье, сиречь святыя бармы». Иван Грозный уже выводил свой род от Пруса, брата римского цезаря Августа. Прус, мол, правил Пруссией, и будто бы оттуда пришел его потомок Рюрик.

На Ивана Грозного и был впервые официально возложен царский венец. Русская церковь стала считать себя первенствующей во всем православном мире. Сочинена была «Повесть о Белом Клобуке», дарованном будто бы императором Константином папе Сильвестру; из Рима клобук^[10] позже попал в Константинополь, многие века бывший центром православия, а оттуда передан в Новгород, в «светлую Росию». Стоглавый собор 1551 года провозгласил тридцать новых, русских, святых.

«В Третьем же Риме, еже есть на русской земле — благодать святого духа воссия».

Лет через пятьдесят после взятия Константинополя турками старец псковского Елеазарова монастыря Филофей писал великому князю Василию Ивановичу: «...блюди и внимли, благочестивый царю, яко вся

христианская царства снидошася во твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти: уже твое христианское царство инем не останется, по Великому Богослову...»

Филофей верил, как и многие другие в то время, в конец света, считал русское царство последним царством в истории и был уверен, что с гибелью Руси придет конец и всему миру.

А раз четвертому Риму не быть, то и сама Москва — третий Рим — должна стать красивейшим городом в мире. В том, что она раскинулась на семи холмах, как Рим и Царьград, наши предки видели знамение. Теперь уже известно, что Москва в XVI и XVII веках строилась не стихийно, а по единому плану. Как и у апокалипсического «горнего Иерусалима», у Москвы было «с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот» — двенадцать монастырей, построенных вокруг столицы. Высота колоколен, башен, пропорции зданий — все было строго соразмерно и символично.

Никому не разрешалось возводить палат выше трех этажей, дабы не загораживать вид на храмы и не портить цельной картины. За десяток километров путнику открывалось великолепное зрелище — тысячи цветных церквей, стекавшиеся к Кремлю.

Москва была явлением единственным в своем роде...

Учреждение патриаршества на Руси было крупной победой — искуснейшего политика Бориса Годунова. В документе, подписанном константинопольским патриархом Иеремией от имени православного Востока, есть упоминание о третьем Риме.

Четыре восточных патриарха — константинопольский, александрийский, антиохийский и иерусалимский — прозябали под властью турецких чиновников. Они пресмыкались перед турецкими властями, занимались интригами. Бывали годы, когда патриарх и месяца не мог усидеть на престоле — соперники пускали в ход клевету, наветы и даже яд...

В России авторитет греческих иерархов стоял очень невысоко. Они приезжали в Москву кланяться деньгами, иконы, облачение. И сами привозили якобы старые иконы, книги и мощи, а в действительности подделки, сфабрикованные самими «святыми отцами». Патриарх Макарий Антиохийский как-то выторговал соборей на шесть тысяч рублей. Но наезды были часты, и русское правительство даже нормировало «милостыню» — патриархам давали не более двух тысяч рублей, епископам поменьше, и так по нисходящей. В свите патриархов приезжали

купцы и всякие авантюристы, которым для того, чтобы побольше получать подарков в богатой Москве, присваивались духовные звания. Греки занимались всевозможным мошенничеством, продавали стекляшки, выдавая их за драгоценные камни. Иерархи торговали разрешениями на развод, духовными званиями... и, по выражению Крижанича, готовы были «продать нам тысячу раз Христа, коего Иуда продал лишь один раз».

Но если отношение к грекам было полупрезрительное, то дело с греческими книгами и обрядами обстояло не так просто. С греческих первоисточников когда-то были сделаны переводы священных книг, греческие обряды вошли в обиход русской церкви. И хотя после падения Константинополя многие наши книжники утверждали, что теперь не русским следует учиться у греков, а грекам у русских, единого мнения об этом не было как в прежние времена, так и у ревнителей благочестия во времена Алексея Михайловича.

Царь, Ртищев, Никон, общавшиеся с греками, считали, что русские церковные книги испорчены и потому нуждаются в исправлении по греческим подлинникам. Эта традиция шла от Максима Грека, через Филарета, Дионисия. Знатоков греческих текстов в России не было. Пытаясь наладить работу с греческими подлинниками, Федор Ртищев пригласил из Константинополя в Москву архимандрита Бенедикта, считавшегося доктором богословия. Но он оказался жуликом, подделавшим бумаги, которые удостоверяли его личность.

Западная Русь, входившая в состав Речи Посполитой, упорно боролась с угнетателями, которые стремились окатоличить православное население. Под покровом «религиозных одежд» велась яростная полемика с иезуитами по всем важным проблемам — национальным, общественно-политическим и культурным. Западнорусскими православными писателями был накоплен громадный опыт, которым не замедлила воспользоваться Москва. На церковнославянский язык были переведены и опубликованы в Москве такие западнорусские публицистические сборники, как «Кириллова книга» (1644 г.) и «Книга о вере» (1648 г.). Этими книгами зачитывались и Никон, и Аввакум.

Киевский митрополит Петр Могила уже провел у себя церковную реформу. Приблизив западнорусскую обрядность к греческой, чтобы успешней бороться с католицизмом, он создал условия для быстрого расцвета просвещения.

Выросло новое поколение западнорусских писателей-профессионалов, вооруженных достижениями тогдашней науки — схоластической

философией и диалектикой.

Алексей Михайлович написал в Киев, славившийся своими учеными, и просил прислать в Москву священноиноков Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого, которые «божественного писания ведущи и еллинскому языку навичны, и с еллинского языка на славенскую речь умеют, и латынскую речь достаточно знают». Тогда же приехал из Киева и Епифаний Славинецкий. Им поручили сверку русских книг с греческими текстами.

Ртищев основал целое училище у церкви Федора Стратилата, близ дороги из Москвы в Киев. Тут он построил монастырь и поселил в нем тридцать монахов, приглашенных из Киево-Печерской лавры и других украинских монастырей. Царский любимец сблизился с Епифанием Славинецким и другими учеными украинцами, проводил с ним иногда целые ночи в беседах и спорах.

На все эти новшества немало повлиял и приезд иерусалимского патриарха Паисия, ловкого политика, покорившего царя и его окружение умением мыслить широко и перспективно. Паисий знал, с какой надеждой следили за успехами Руси болгары, сербы, греки и другие православные, низведенные турецкими завоевателями до рабского состояния. По дороге в Москву он заезжал к Богдану Хмельницкому и беседовал с ним. Красноречивый сириец Паисий увлек своих московских слушателей картиной всеправославного государственного объединения во главе с русским царем.

В Никоне, который был в то время всего лишь спасским архимандритом, Паисий углядел восходящее светило и не жалел времени для встреч и длительных бесед с честолюбивым монахом. Недаром он писал царю о Никоне: «Полюбилась мне беседа его; и он есть муж благоговейный и досуж и верный царствия вашего». Слушая Паисия, Никон, надеявшийся тогда на патриарший престол, уже видел себя вселенским патриархом, уже распоряжался судьбами гигантской империи, которая протянулась бы от северных морей до самого Египта.

В беседах между Паисием и Никоном, несомненно, был затронут вопрос о некоторых расхождениях между русским и греческим обрядами. Известно, что Паисий «зазирал» Никона, в частности, за неправильное изображение крестного знамения. Греки и все прочие православные крестились тремя перстами, а русские — двумя. Это и другие «отклонения» могли стать серьезным препятствием на пути Москвы к вселенскому главенству. И Никон охотно соглашался с Паисием, когда тот говорил, что

русская церковь постепенно уклонилась от древнего греческого обряда.

Но и тот и другой плохо знали историю. Ранние христиане крестились одним перстом или всеми пятью. Потом греки стали креститься двумя перстами, что и было заимствовано у них при крещении Руси. У греков было два устава — иерусалимский и константинопольский. Греки принесли на Русь константинопольский устав. В Византии же в XII–XIII веках стал преобладать иерусалимский. Многое изменилось и при турецком владычестве. А на Руси неизменно сохранялись древние обряды.

Далеко не все в Москве верили на слово Паисию. Многие считали, что греки давно уже потеряли истинное благочестие, тем более что приезжие греки своими нравами не внушали никакого доверия. Для проверки правильности русских обрядов в Грецию был послан ученый богослов из Троице-Сергиевой лавры Арсений Суханов.

Паисий привез с собой в Москву ученого-богослова и переводчика Арсения, которого с радостью взяли на службу. И снова москвичей постигло жестокое разочарование. Паисий, лихо поторговавшись с самим царем, выпросил на четыре тысячи соболей и уехал, но вскоре в Москве получили от него письмо, разоблачавшее оставленного им Арсения. Этот авантюрист, переходивший из веры в веру, начиная с иудейской, на допросе показал, что в Италии он был католиком, в Турции магометанином, в Польше — униатом. То же самое подтвердил и Суханов, усердно собиравший на Востоке не только древние греческие книги. Ренегата Арсения, прозванного на Руси Греком, тогда же сослали в Соловки. Но ему еще предстоит всплыть на поверхность и связать свою судьбу с судьбой Никона...

А тем временем новгородский митрополит Никон неуклонно думает о патриаршем престоле, добивается царского уважения и доверия весьма простыми, но сильными средствами. В письмах к набожному царю Никон рассказывает о чудесах, якобы случившихся с ним и предопределявших его, Никона, высокое предназначение в жизни. В Софийском соборе он будто бы осязал на своей «грешной голове» золотой царский венец. Во время новгородского восстания 1650 года он рьяно отстаивает царские интересы. Восставшие, когда Никон пытался их уговаривать, ухватили его «со всяким бесчинием, ослопом в грудь ударили и грудь расшибли, по бокам били кулаками и камнями, держа их в руках». Он пишет, как избитый все-таки служил литургию. «И назад больной, в сани взводясь, приволокся и ныне лежу в конце живота, кашляю кровью и живот весь запух».

С чьей-то легкой руки русскому народу как извечное свойство приписывают неисчерпаемую терпеливость и покорность.

Многочисленные расправы с воеводами и церковниками в XVII веке опровергают это утверждение. Исполненный чувства своего достоинства, трудовой русский человек восставал против несправедливости и притеснений и отвечал жестокостью на жестокость.

Наступил 1652 год. Год изгнания взбунтовавшимся народом протопопа Аввакума из Юрьевца. Год триумфа Никона.

Три последних года жизни патриарха Иосифа ревнители благочестия фактически руководили церковью. И Никон целиком и полностью был солидарен с ними, осуществлял у себя в Новгороде их идеи, непрестанно советовался с Вонифатьевым и Нероновым. Никон даже заискивал перед царским духовником. Подарил ему щегольскую епископскую шапку, хотя это и не было положено тому по чину. Вместе они подбирали людей на высшие церковные посты. Вместе они задумали торжества, ставшие апофеозом русского православия.

Решено было перенести в Успенский собор останки патриархов и митрополитов, похороненных вне его стен. В марте перенесли тело патриарха Гермогена, замученного поляками. Затем останки патриарха Иова из Стариц. И наконец, в Соловки за останками митрополита Филиппа едут с большой свитой Никон и князь Никита Хованский.

Боярин Федор Колычев бежал при Иване Грозном в Соловецкий монастырь и стал его игуменом под именем Филиппа. За десяток лет он так благоустроил и укрепил северный остров, что и в наши дни не устаешь восхищаться гением и трудолюбием людей, которые возвели неприступную крепость из валунов величиной с добрый дом, соединили каналами полсотни озер, развели сады у самого Полярного круга, завели в громадных палатах калориферное отопление... Иван Грозный заставил Филиппа занять престол всероссийского митрополита. Но Филипп обличал опричнину, и за это его заточили. По приказу царя Малюта Скуратов задушил Филиппа подушкой. При Алексее Михайловиче митрополит был канонизирован. Никон рассказал царю, как византийский император Феодосий-младший прославился перенесением останков Иоанна Златоуста в Константинополь. Мать императора, виновная в смерти праведника, получила за это от церкви прощение. Алексей Михайлович, считавший себя потомком и продолжателем дела Ивана IV, увидел в идее Никона великий символ. И кому же было ехать за останками Филиппа, как не тому же Никону. Подобно императору Феодосию, царь вручил Никону письмо с обращением к Филиппу, в котором просил жертву своего грозного предшественника простить «согрешение прадеда нашего царя и великого

князя Иоанна, совершенного против тебя нерассудно завистью и неудержанием ярости».

В отсутствие Никона скончался патриарх Иосиф. Письмо за письмом шлет царь Алексей Михайлович «собинному (особенному) нашему другу душевному и телесному», доверительно сообщает о всех московских делах, просит совета и благословения.

Письма Алексея Михайловича полны смирения и веры в человека, которого он прочит в новые патриархи.

Только двое могли с успехом претендовать на патриарший престол: «отец духовный» царя Стефан Вонифатьев и Никон. Ревнители благочестия хотели Вонифатьева.

Именно в это время и появился в Москве незадачливый юрьевецкий протопоп Аввакум, сразу вступивший в предвыборную борьбу и страстно ратовавший за царского духовника.

Он так и не вернулся в Юрьевец, несмотря на недовольство царя и Вонифатьева. Очевидно, за большими событиями о его провинности забыли, да и нужен был ревнителям в Москве горластый протопоп. Вызволив протопопицу Настасью Марковну с чадами из Юрьевца и поселив ее на дворе у своего благодетеля Ивана Неронова, Аввакум служил иногда в Казанской соборной церкви и на паперти читал народу книги.

Уже по приезде он принял участие в важном совещании ревнителей благочестия, которые «с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах».

Но Стефан Вонифатьев свою кандидатуру отвел. Царский духовник был весьма неглуп и прекрасно знал, что Алексей Михайлович в душе уже определил свой выбор. К тому же Вонифатьев был хвор и чувствовал, что он уже не жилец на этом свете.

Царский духовник прямо указал на Никона как на достойного преемника покойного патриарха. В одном из писем царь поспешил намекнуть об этом Никону: «Ожидаем тебя, святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да казанский митрополит (Корнилий), да отец мой духовный».

Никон для ревнителей благочестия был «наш друг», и они его поддержали.

9 июля 1652 года вся Москва встречала останки митрополита Филиппа. Вдоль дороги стояли хоры певчих, звенели колокола во всех церквях, плакали и стонали неизлечимые больные, приползшие и принесенные в надежде на чудо... «И стоял звон десять дней... — писал

царь. — Во всю десять дней без престани... С утра до вечера звон...»

«Светлосияющий архиерей» Никон в этом же месяце был выбран в патриархи и... отрекся. Он помнил, какая власть была в руках патриарха Филарета, носившего официальный титул «великого государя», а не «великого господина», как его предшественники. Но Филарет был отцом царя.

Никон хотел такой же власти.

Крестьянский сын Никитка Минин добился своего. В Успенском соборе сам царь стал пред ним на колени и со слезами на глазах умолял не отрекаться.

— Обещаете слушать меня во всем, как архипастыря и отца крайнейшего?

— Дадите ли устроить церковь?

И все во главе с царем клялись ему, что обещают, дадут...

Ревнители благочестия были в соборе и клялись вместе со всеми. Но, как потом напишет Аввакум, не знали они, что «врага выпросили и беду на свою шею».

ГЛАВА 5

По возвращении из Соловок Никон, уже знавший об отказе Вонифатьева, поспешил явиться к царскому духовнику и другой «братии», как называли себя своенравные и крутые ревнители благочестия, «с поклоном и ласками». «С нами яко лис, — вспоминал Аввакум, — челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах, и (опасается. — Д. Ж.) чтобы откуля помешка какая не учинилась».

«Помешки» не было, и Никон был поставлен патриархом. И тотчас изменил свое отношение к прежним друзьям. Он не то что в свою келью, но и «в крестовую не стал пускать».

Самолюбие ревнителей, уже усвоивших придворную чванливость, было уязвлено. Никон сразу же «возлюбил стоять высоко, ездить широко» и завел свои строгие порядки на Цареборисовом дворе, подаренном ему Алексеем Михайловичем и ставшем патриаршьим двором. Здесь же, против северных дверей Успенского собора, отделялись новые патриаршьи хоромы, громадная «крестовая палата» — приемный зал главы церкви — с ее большими окнами и чудесными цветными изразцами. А пока Никон принимает в «крестовой», что в доме царя Бориса, и без доклада, как было прежде, привратники к патриарху не пускают никого. Павел Алеппский писал: «Теперь же, как мы видели собственными глазами, министры царя и его приближенные сидят долгое время у наружных дверей, пока Никон не дозволит им войти: они входят с чрезвычайной робостью и страхом, причем, до самого окончания своего дела, стоят на ногах».

И такому человеку ревнители благочестия собирались указывать, что ему делать. Он должен был «внимать прилежно глаголам» Неронова и, подобно предыдущему патриарху Иосифу, с беспокойством наблюдать за их хозяйничаньем. Не тут-то было. Даром, что ли, он оговорил себе право быть независимым даже от царя и его ближних бояр? Иметь дело с царским духовником Стефаном еще куда ни шло, но выслушивать назидания и обличения от прочей мелкой сошки, вообразившей, что праведнее ее нет никого?.. Увольте. «Знаю-су я пустосвятов тех», — презрительно скажет Никон.

Но сперва Никон, казалось, продолжал дело «братии». Расставлял всюду верных ему людей. Занимался благотворительностью — строил дома для инвалидов и стариков. Поражая иностранцев, сажал за свой

патриарший стол до двухсот нищих и калек. Закладывал церкви и монастыри. Уже на семнадцатый день после поставления в патриархи добился указа, запрещающего продажу водки по праздникам и некоторым постным дням. На каждый город был оставлен только один питейный дом, и в нем продажа водки ограничивалась одной бутылкой на человека.

Еще через четыре недели появился указ о закрытии кабаков в вотчинах и поместьях. Никон хотел очистить деревню от ростовщиков — деньги в рост по большей части давали зажиточные содержатели питейных заведений.

Четвертого октября 1652 года всех иностранцев перевели на берег Яузы, запретили им одеваться в русское платье и держать русскую прислугу. Начался повальный переход иностранцев в русскую веру...

В церкви Никон завел железный порядок. Перед этим прирожденным администратором заискивали даже царские «министры», а уж о страхе его подчиненных и говорить нечего...

Царь Алексей Михайлович жаловал своему «собинному» другу новые и новые владения, из которых патриаршьи чиновники выколачивали все больше доходов. Но Никон не забывал и своих старых владений. Например, города Юрьевца. Обнаружилась недоимка, и снова была поставлена на карту репутация юрьевецкого протопопа Аввакума, подмоченная его бегством из города. Покидая Юрьевец, Аввакум успел захватить деньги и внес их в Москве в патриарший приказ. Это был налог за бракосочетания. Но Аввакум так усердствовал в Юрьевце, что собирал «подвенечную пошлину» и с тех, кто жил «в блуде», без церковного брака. 9 рублей 22 алтына и 3 деньги сдал он лишним патриаршьяму казначею. Зато, бросив город, он недобрал на другом, и теперь его привлекли к ответу.

Собрал не собрал — до этого никому нет никакого дела. Должен — плати. Нет денег — пожалуй на правеж. Привяжут несостоятельного должника к столбу и бьют палками по икрам каждое утро, пока не выколотят следуемых денег или не отпишут имущества на того, кому задолжал.

А какое было тогда имущество у Аввакума? Ни кола ни двора. Вот и взяли его патриаршие люди на правеж, били по ногам, мучили «недели с три по вся дни без милости, от первого часа до девятого». Спасибо, дал откуп Стефан Вонифатьев, а то были у Аввакума «всяк день... полны голенища крови».

Наказанье батогами на Руси не считали бесчестьем. После порки Аввакум как ни в чем не бывало являлся в дом к постельничьему Ртищеву, вел душеспасительные беседы с его сестрой Анной, великой постницей и

почитательницей Неронова и... Никона. Нет, не батог был темой непрестанных разговоров Аввакума и с братией. Надвигалось нечто совсем небывалое и по небывалости своей страшное...

Ни на день не забывал Никон своих давних разговоров с патриархом Паисием. А тут в декабре приехал в Москву посол Богдана Хмельницкого войсковой судья Самойла Богданович с челобитьем к царю, чтобы принял тот Запорожское войско под свою высокую руку. На шаг ближе стала мечта Никона о вселенском патриаршестве, о великой-православной империи. Константинопольский патриарх Афанасий Пантикларий призывал царя и Никона двинуть рати на Царьград и вернуть православия храм святой Софии...

Было от чего закружиться голове, даже такой крепкой, как у Никона. Он верил в несокрушимость русского государства и увлекал мечтами молодого царя. И не под этим ли влиянием всегда осторожный Алексей Михайлович через несколько лет сделал заявление, ставшее широкоизвестным в православных краях. Христосуясь с греческими купцами, оказавшимися на пасху в Москве, он спросил, желают ли они, чтобы Россия освободила их от турок.

— Как может быть иначе, как нам не желать этого! — ответили греки.

И тогда, обратившись к боярам, царь сказал:

— Мое сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей, которые стонут в руках врагов нашей веры... Со времени моего отца и предшественников его к нам не переставали приходить постоянно с жалобой на угнетение поработителей патриархи, епископы, монахи и простые бедняки, из которых ни один не приходил иначе как только преследуемый суровой печалью и убегая от своих господ... Я порешил в своем уме — если богу будет угодно, я принесу в жертву свои войска и казну, пролью кровь свою до последней капли, но постараюсь освободить их...

Уже зрели и планы выхода Московского царства к Балтийскому морю...

И, принимая желаемое за действительное, Никон сокрушался по поводу нескладницы в обрядах. Во всех православных странах одно и то же, только в Москве не так. Значит, здесь ошибки, и здесь их надо исправлять. Вот и Епифаний Славинецкий говорит, что в Киеве все по греческому чину. Славинецкий перевел для Никона деяния константинопольского собора 1593 года, на котором восточные патриархи согласились на создание патриаршества в Москве при условии, если русская церковь будет

соблюдать все догматы православия. Как же Москва сможет руководить всеми, если будет настаивать на ошибках? И Никон принимает почти единоличное решение провести реформу.

Этим он сразу превратил протопопов — ревнителей благочестия — в своих врагов. Они верили в непогрешимость русских книг и русских обрядов. Они не верили лукавым греческим иерархам, потерявшим всякое достоинство под турецкой властью. Недаром Неронов потом напоминал Никону: «Иноземцев ты законоположение хвалишь и обычаи их приемлешь, благоверными и благочестивыми родителями их называешь, а прежде ты же сам много раз говорил, что греки и малороссияне потеряли веру и твердость и что добрых нравов у них нет...»

Никон затребовал из монастырей и церквей старые богослужебные тексты — 2700 служебников, уставов, псалтырей, евангелий и других книг — для сличения с книгами, бывшими в ходу. Изучение старых славянских и греческих книг подсказало бы Никону, что большая часть расхождений с современными греческими книгами не была виной русских переписчиков и печатников. Но такой титанический труд остался лишь благим намерением. Для сверки были взяты современные греческие книги венецианского издания конца XVI и начала XVII века. Начинает печататься новое издание псалтыри со значительными изменениями.

Это был по тем временам шаг невероятно смелый. В десятках тысяч церквей миллионы прихожан сотни лет слышали слова молитв, привычных, с детства заученных на память. И вдруг эти слова, порядок слов и традиционный ритуал меняются! Психика с трудом приспосабливается к подобным переменам. Добавление или выпадение некоторых слов в молитве воспринималось как нечто очень досадное и тревожное, как фальшивая нота в знакомом напеве.

В помощь Славинецкому, подготавливавшему исправление русских богослужебных книг, Никон вызвал из Соловков Арсения Грека. Сосланный за ренегатство в северную обитель, Арсений и там остался верен себе. Он так усердно молился и крестился двумя перстами, так нахваливал местные обряды, так часто говорил монахам: «Воистину, братья, у нас, греков, и половины веры нет», что приезжавший в Соловки Никон услышал о нем самый благожелательный отзыв. Гибкая совесть Арсения Грека позволила ему мгновенно переключиться на хаяние тех же обрядов, и он занял видное положение при патриархе. Появление его в Москве подлило масла в огонь.

Когда Никон (еще митрополит) вошел в темницу к Арсению, ловкач поклонился и елеинным голосом попросил:

— Святый патриарх российский, благослови!

Легенда об этом пророчестве, «волшебном и еретическом», послужившая будто бы причиной возвышения лукавого выкреста, еще долго распространялась врагами Никона.

Изменения в псалтыри вызвали недовольство ученых справщиков Печатного двора Ивана Наседки, старца Савватия и Силы Григорьева, близких по взглядам к кружку Вонифатьева и Неронова. В ноябре их увольняют, и к важному на Руси делу надзора за печатанием книг приходят ставленники Никона.

Никон явно недооценивал своих бывших друзей. Неоднократно битые, но не сдавшиеся, упрямые, красноречивые, обладавшие незаурядными способностями и сильной волей, они оказались достойными противниками. Если бы они затеяли придворную интригу, если бы они боролись только за личную власть и влияние, то Никон, пользовавшийся безоговорочной поддержкой царя, легко разметал бы их, и этот мелкий дворцовый эпизод едва бы остался в истории. Но они, начав с дворца, увлекли своей борьбой всех — аристократов, попов, иноков и грамотных крестьян, раздули пламя, которое горело еще очень долго и после того, как никого из зачинателей распри не осталось в живых.

Реформаторами были и Никон и его противники. Для Никона отрицательные последствия Смутного времени казались достаточным основанием для крутого поворота; в жертву политической стратегии он готов был принести все... Его противники считали, что устои русской жизни лишь пошатнулись, что нужно укрепить их без коренной ломки и иностранных заимствований. «Начнете переменять — конца переменам не будет», — говорил Аввакум.

Популярный старообрядческий сборник петровской эпохи доносит до нас опасения противников Никона уже внятно и с учетом последствий реформ: «Забыли они писанное, что не следует вдруг вводить иностранные обычаи, чины, председательства, отличия, почести, звания, неслыханные в своем отечестве, а также перемену в одежде, обуви, в пище и питье, и в совет о государственных делах не пущать иноземцев, потому что от перемен и необычных дел в государстве бывают большие и страшные смуты... Не для того не следует принимать иноземцев, чтобы отнимать у них честь или чтоб их ненавидеть, но для того, чтобы по совету иноземцев не произошли в государстве перемены по обычаям и делам и к страны, перемены несогласные с нуждами государственными...»

Споры о крестном знамении, числе поклонов, движении крестных ходов и богослужебных текстах велись и прежде, но это не приводило к расколу.

Теперь же протест защитников старых обрядов был усилен недовольством народа, который связывал чиновничий и боярский гнет с усвоением правящим классом иноземных обычаев. Старообрядцы будут отстаивать не только бороды и русские кафтаны, но и старинное крестьянское право свободного передвижения, право земледельца на обрабатываемую им землю, на старинное самоуправление.

Но это все впереди, а пока у Никона еще была возможность помириться со своими противниками, он мог добиться своего соборным путем. Выражаясь по-современному, он мог многого достичь на началах коллегиальности, но предпочел волевое решение. Он действовал в духе времени — так поступал и царь Алексей Михайлович, не созвавший во второй половине XVII века ни одного земского собора и принимавший решения единолично.

Наступил 1653 год. Не прошло и семи месяцев со дня вступления Никона на патриарший престол, как его прежние друзья выступили против него с открытым забралом...

11 февраля вышла из печати новая псалтырь, а на первой неделе великого поста в Казанскую церковь принесли «память», в которой, помимо прочего, было распоряжение Никона креститься по-гречески — тремя перстами.

Не без умысла Никон послал свое распоряжение прежде всего в Казанскую церковь, к Неронову. Это был вызов. И именно к Неронову, а не к Вонифатьеву собралась вся братия. Придворный протопоп уже не был их вождем, царедворец как никто другой знал настроение молодого царя и поддерживал теперь Никона. И хотя ревнители еще долго будут ссылаться в своих спорах на Вонифатьева, он уже не их, он «всяко ослабел».

Аввакум по-прежнему время от времени служил в Казанской соборной церкви и на паперти ее читал народу книги. Он учился этому искусству у Неронова, человека «речиста» и всегда имевшего многолюдную аудиторию, так как в церкви на Красной площади, посреди торжища, «много народ по вся дни непрестанно бывает».

Читали Неронов и Аввакум и «Пролог», и «Кириллову книгу», и «Книгу о вере», и поучения Ефрема Сирина. Неронов читал со слезой, с «хлипаньем», и толковал темные места простыми словами.

Неронова и Аввакума приходили послушать многие знатные люди и их жены, и здесь завязывались нужные знакомства, раскрывавшие перед безместным протопопом двери известных в Москве домов.

Красноречие и начитанность делают свое дело, круг его знакомых

расширяется, число духовных детей из знатных семейств все растет. «Любил протопоп со славными знаться», — признается он впоследствии. Денежные дары богатых почитателей помогают ему жить с семьей довольно безбедно, справить себе и Настасье Марковне дорогие шубы, крытые атласом и тафтой.

Забегая немного вперед, скажем, что так, не у места, но на виду, Аввакум прожил в Москве больше года. Правда, была у него возможность пристроиться в дворцовую церковь «на Силино покойника место», но он не особенно старался, и место ушло.

Аввакум и другие сторонники Нероновы при толковании книг не упускали случая осудить никоновские нововведения или пустить тревожный слух, чем приводили властного патриарха в неистовство.

Вызов Никона прозвучал для них грозно. «Мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти; сердце озябло, и ноги задрожали», — так образно и сильно передал Аввакум угнетенное состояние братии, их оправданное предчувствие гонений и прочих бед.

Так они ничего и не решили. Оставив церковь на Аввакума, Неронов удалился в Чудов монастырь, что некогда стоял в Кремле, и там молился и думал. Вернувшись, он призвал епископа коломенского Павла, протопопов Аввакума и Даниила и всю братию. И сказал им Неронов, будто слышал он от образа спасителя голос, поведавший ему, что России грозит отпадение от веры, что пришло время страдать и бороться. Семь дней поста, бессонницы и мучительных размышлений привели старика в такое экстатическое состояние, когда собственные мысли вырываются из больной головы и эхом звучат под сводами палаты.

Борьбу начали протопопы Аввакум и Даниил, изложившие взгляды братии в обстоятельной челобитной царю Алексею Михайловичу. С этого несохранившегося сочинения, собственно, и начинается известность Аввакума как писателя и публициста. Теперь всякая его челобитная, всякое послание становится достоянием широкого круга читателей, по достоинству оценивших острый ум и перо протопопа. Тогда они с Даниилом усердно сидели над книгами и делали выписки, среди которых не могло не быть решений Стоглавого собора, предававшего проклятию всякого, кто не крестится двумя перстами.

Царь передал челобитную... Никону. Но попросил его не усердствовать, заниматься нововведениями исподволь, опираясь на церковную верхушку. Алексей Михайлович не терпел в политике никаких крайностей и в деле оказывался тоньше и дальновиднее своих старших современников.

Лишь через несколько месяцев, основательно укрепив свои позиции, начал Никон свою расправу с братией. В подаче челобитной царю не было состава преступления. Но своенравные протопопы не раз нарушали церковную дисциплину. Жалоб на своеволие братии было немало. Вот этим воспользовался Никон и привлек ревнителей к ответственности.

Начал он с муромского протопопа Логгина, который, как и все ревнители, не слишком ладил с местным воеводой. Жена воеводы пришла к Логгину под благословение. Строгий ревнитель благочестия, посмотрев на разодетую, набеленную и нарумяненную дворянку, возьми и спроси:

— А не набелена ли ты?

Тут воевода и другая муромская знать, которым Логгин давно уже стал поперек горла, вступились за женщину. Кто-то сказал ему насмешливо:

— Что ты, протопоп, хулишь белила? Без белил не пишутся образа спасителя, богородицы, всех святых....

Логгин взвился и стал честить всех подряд:

— Мало ли какими составами пишутся образа... А если такие составы положить на ваши рожи, так вы и сами не захотите, — брякнул он, помимо прочего.

Воевода тут же написал на него донос — так, мол, и так, протопоп Логгин хулил иконы спасителя, богородицы и всех святых.

Дело дошло до Никона, и тот повелел отдать Логгина жестокому приставу. В июле 1653 года патриарх созвал у себя в крестовой палате собор для суда над Логгином.

Братия всполошилась. Неронов, приглашенный на собор, вступился за Логгина. Он кричал Никону:

— За что ты отдал его жестокому приставу? Услышит пристав про твой гнев и уморит его. Так-то ты относишься к человеку, облеченному священным чином?

Неронов потребовал доложить дело царю и просить его помочь собору разобраться во всем.

Вот тут-то Никон и проявил свое высокомерие, в конце концов погубившее его.

— Мне и царская помощь негодна и ненадобна, — сказал он, — *я на нее плюю и сморкаю!*

Наступило тягостное молчание.

— Владыко, не дело говоришь, все святые отцы и соборы призывали благочестивых царей на помощь себе... — пробормотал Неронов, а сам уже радостно выглядывал, кого бы привлечь в свидетели Никоновой дерзости. Конец, конец врагу! Митрополит ростовский Иона слышал,

слышали и другие...

Но радость Неронова была преждевременной. Хотя царь и назначил по его доносу следствие, на новом соборе, собравшемся через несколько дней, никто слов Никона не подтвердил. Ни митрополит Иона, ни другие не желали ссориться с могущественным временщиком, и Неронова обвинили в клевете и оскорблении святителя.

В ярости он кричал, что Никон сам клеветник, что он любит клеветников и шепотников и жестоко наказывает безвинных...

На этот раз Никон был очень сдержан.

— Я сужу по правилам святых апостолов и святых отцов, — только и ответил он.

Помощники Никона вмешались в спор и стали говорить, что жена Неронова неистова, а сын украл у образа Казанской божьей матери серьги, подаренные царицей. У ревнителя благочестия и в самом деле были нелады в семье. Аввакум даже боялся за свою семью, потому что в доме Неронова пьянствовали и буйствовали.

Короче говоря, дело началось с придирки, вылилось в грубую и дерзкую перебранку и кончилось мелочным перемыванием косточек. Ни о каких высоких материях и речи не было на этих соборах, имевших столь трагичные последствия.

Неронов укорял Никона за то, что тот поносит Вонифатьева, что забыл он прежних друзей.

— Доселе ты друг наш был, а теперь на нас восстал. Иных ты удалил и на их место поставил других, а от них доброго ничего не слышать.

Никон объявил Неронову, что на него подали челобитную попы и причетники его Казанского собора, обвинявшие своего протопопа в бесчинии и грубости. Неронов потребовал, чтобы челобитную прочли. Читать ее не стали, и тогда Неронов стал кричать, что Никон «когцунник, празднословец, мучитель, лжец».

Теперь состав преступления был — клевета, оскорбление «великого святителя». Неронова посадили под арест в Симоновом монастыре, потом привезли на патриарший двор, жестоко избили, сняли в соборной церкви скуфью, что означало запрещение служить, и отправили в ссылку в вологодский Спасокаменный монастырь, на Кубенское озеро.

И это было только начало.

Логгина расстригли в соборе в присутствии царя. Обряд лишения сана состоял в том, что с осужденного снимали священническую одежду, отстригали бороду и клочок волос на голове. Когда с Логгина содрали однорядку и кафтан, он, как писал Аввакум, через порог в алтарь в глаза

Никону плевал; распоясался, схватя с себя рубашку, в алтарь в глаза Никону бросил... «А в то время и царица в церкви была. На Логгина возложили цепь и, таща из церкви, били метлами и шелепами до Богоявленского монастыря, и кинули в палатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять».

Аввакум с Даниилом Костромским пытались еще раз воздействовать на царя и подали челобитную. Но царь твердо придерживался обещания, данного патриарху при поставлении, и снова передал челобитную Никону.

Даниила тоже расстригли, били и сослали в Астрахань, где уморили в земляной тюрьме. В столице царил террор. Одного за другим хватили ревнителю и рассылали их по тюрьмам в другие города. Подьячие патриаршего приказа ходили по церквам, прислушивались к разговорам, брали всех, кто был близок к арестованным. Прихожане из страха перестали ходить в церкви, где служила братия.

Царский духовник Вонифатьев затаился и молчал.

Расправа была жестокой, но по тем временам обычной. Надо думать, что и протопопы расправились бы с Никоном не менее жестоко, если бы не он, а они пришли к власти.

Когда Неронова в цепях и с цепями на шее везли по Москве, народ вышел провожать его, и многие плакали. А ведь совсем недавно суровых «ханжей и суслеников» ненавидели и даже били. Теперь же, когда власти расправились с ними, русские люди жалели их, а от сочувствия был всего один шаг до внимания их «бунтовщицким» речам.

И первым стал выступать перед народом Аввакум. Когда взяли Неронова, он пошел на паперть Казанской церкви читать поучения. Можно лишь догадываться, как и что говорил Аввакум; известно, что он «лишние слова говорил, что и не подобает говорить».

Тотчас явился в церковь патриарший протодьякон Григорий и подзадорил казанских попов:

— Разве вы не умеете читать поучения народу, что даете читать Аввакуму? Сами поучайте.

Как коршуны, следили за Аввакумом патриаршие люди, ожидая от него неверного шага. И он сделал его.

Обычно он оставался за главенствующего в церкви во время отлучек Неронова. 13 августа, в воскресенье, казанские попы, подзадоренные патриаршим протодьяконом, отняли у него «первенство».

— Первенство мне подобает по приказу батькову и по чину. Я протопоп, — сказал Аввакум.

— Протопоп ты в Юрьевце, а не нам, — ответил ему поп Иван Данилов.

На неверный шаг Аввакума толкнуло уязвленное самолюбие. Он мог бы еще примириться с казанскими попами, которые без Неронова стали прозябать, лишились корма из дворца, лишились многих богатых прихожан и потому уповали на связи Аввакума.

Он толкнулся в другие церкви, где от него отмахивались как от зачумленного. И тогда, собрав верных «овец», Аввакум стал служить в большом сарае на дворе у Неронова, в «сушиле».

— Бывают времена, когда и конюшня иной церкви лучше, — утешал Аввакум верных ему прихожан.

Это было уже преступление — нарушение всех церковных правил. Опрометью кинулся поп Иван Данилов на патриарший двор и сделал извет. Поп получил за донос подарок, сына его назначили в Казанский собор дьяконом. Выяснилось, что тот же поп Иван подбил других попов подать челобитную на Неронова патриарху.

В ночь на воскресенье 21 августа 1653 года патриарший стольник Борис Нелединский доказал свою верность Никону, вскоре сделавшему его боярином. С гиканьем ворвались его стрельцы в сушило, где Аввакум читал своим прихожанам перед заутреней «Беседы» Златоуста. Полетели на землю книги. Топча их, стрельцы стали теснить Аввакумово «стадо». Сам Нелединский подошел к Аввакуму, дал ему по шее и, схватив за волосы, потащил вон из сарая.

Человек сорок пригнали стрельцы на патриарший двор. Никон вышел на высокое крыльцо и проклял всех, а Аввакума велел привести к себе в крестовую палату.

Когда протопопа волокли к патриаршему двору, он взывал: «Надежда, не покинь! Упование, не оставь!», а как привели в крестовую, сердце загорелось. Патриарх и его дьяк Иван Кокошилов пробовали убеждать Аввакума, да куда там! Войдя в раж, он уже не сознавал, где находится. Патриарх не патриарх — теперь ему было все равно. Знай «косит несеянный плевел посреди пшеницы растущий».

Никон слушал его, слушал, а потом и говорит Кокошилову:

— Иван, а Иван, худа гадина протопоп сей. Намучаюсь я с ним.

— А ты, государь, учини ему конец, — посоветовал дьяк.

— Нельзя, брат. Боюсь, защита крепкая у него, — ответил Никон, помня о добром отношении к Аввакуму царя, царицы, Ртищева... А то бы протопоп не дожид до утра.

Никон приказал посадить его на цепь.

На рассвете Аввакума бросили в телегу, привязали руки и повезли в Андроньев монастырь. Три дня сидел он в темном помещении без воды и пищи. «Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно». На четвертый день пришел к нему архимандрит с братией и стал журить, что патриарху не покорился, а Аввакум «от писания бранил Никона да лаял». Монахи потащили его за цепь в церковь, драли за волосы и плевали в глаза...

Через десять дней его снова повели на патриарший двор. Дело это оказалось нелегким. Богатырь Аввакум яростно сопротивлялся. Наконец его ухватили за рукава, спускавшиеся по моде того времени до колен, растянули и повели по городу, «как разбойника».

Протодьякон Григорий допрашивал его о последней челобитной. Но допроса не получилось. Бранились они, бранились, пока протодьякон не выругался «матерно» и не велел увести Аввакума в монастырь.

И тогда же заготовили указ Никона — «Великого Государя Никона» — о том, что «протопопа Юрьевца Повольского Входу Иерусалимского за его многое бесчинство сослать з женою и з детьми в Сибирской город на Лену».

14 сентября из заключения Аввакум написал Неронову письмо о своем аресте и бедствиях братии, а на другой день протопопа повезли расстригать к Успенскому собору. Ехала телега, гремела по бревенчатым мостовым московских улиц, а навстречу ей двигалась длинная процессия с крестами. Был Никитин день, и вся знать московская с церковными властями шла в Басманную слободу к церкви Великомученика Никиты. Опутанный цепями, Аввакум ехал «против крестов», не смея поднять глаз — все его знакомцы были здесь, все видели его унижение... Но не знал еще Аввакум, что многие глядят на него во все глаза не с презрением, а с жалостью. И слава праведника и мученика уже ложилась на его широкие плечи.

В соборе служили обедню в присутствии царя, и Аввакума долго держали на пороге. После обедни Алексей Михайлович сошел с трона и упросил Никона не расстригать протопопа. Видно, тронул Аввакум сердце царя, любившего талантливых людей, да и сердобольная царица за него просила...

От собора рукой подать и до Сибирского приказа, где Аввакума отдали дьяку Третьяку Башмаку, будущему его единомышленнику, расспросили и написали, что жена протопопа Настасья живет на дворе Неронова, что у них есть три сына: девятилетний Ивашка, пятилетний Пронька да восьмидневный Корнилка, который родился, пока Аввакум был в заключении. Еще дочь Агрипейка восьми лет и племянница Маринка.

Настасья Марковна еще не оправилась от родов, но ее, больную, положили на телегу и повезли. А путь лежал долгий — и телегами, и водою, и санями — в Сибирь.

ГЛАВА 6

Небольшой обоз, выехавший на Ярославскую дорогу, сопровождают пятеро верховых: три стрельца и два казака. Стрельцы московские, и едут они только до Ярославля; дальше, до Вологды, обоз будут сопровождать ярославцы. Так говорилось в проезжей грамоте, что прячет у себя в торбе енисейский казак Иродион Иванов. Ему с тюменским казаком Иваном Степановым поручили доставить протопопа Аввакума с семьей до самого места назначения.

Царской милостью Аввакум не колодник и не на Лену едет, — едет в столицу сибирскую, в Тобольск, к старому знакомому архиепископу Симеону. Отписывал в Москву Симеон, что не хватает у него в Сибири черных и белых попов, и просил присылать «небражников» и «неплутов».

Найдется и Аввакуму хорошее место в дальних сибирских краях. В грамоте, что везет казак, недаром писано: «А священство у него, Аввакума, не отнято». Но казаков и стрельцов все-таки приставили, «для бережения».

Путь вот только долгий — три тысячи верст, недель с тринадцать ехать. А протопопица мается, сердешная. По воде, через Казань, путь, конечно, полегче был бы, да зима на носу — реки станут. Велика земля русская — одних городов сколько в проезжей грамоте означено! Переславль-Залесский, Ярославль, Вологда. Далее по Сухоне-реке через Тотьму и Великий Устюг. И опять по суше — Соль Вычегодская, Кайгород, Соль Камская. Сибирские города — Верхотурье, Туринский острог, Тюмень... Воеводам в тех местах велено казаков с ссыльным не задерживать.

Путь до Вологды был древний, как сама Русь. Но такого движения Аввакум не видел никогда. Конца не было обозам, что шли из Москвы и в Москву. Бешено мчались тройки, свистели по-разбойничьи ямщики, норовя огреть кнутом зазевавшегося обозника. Почесывая спины, с завистью смотрели им вслед проезжие. Хороши кафтаны и шапки у ямщиков, богато живут. Рублей тридцать в год жалованья получают да земли сколько! Дороги-то на Руси государевы. Ямской приказ ими ведает — оттого и порядок на дорогах, оттого иностранцы удивляются быстроте езды...

Только в дороге и почувствуешь по-настоящему, как велика и богата Россия. Особенно в последние годы словно всколыхнуло всех. Растут города, расцветают ремесла, суется купцы. Уже у всякого города

обозначается свой норов, свой лад. Один славится кузнечным делом, другой кожевниками и дегтярями, третий изографами и резчиками, четвертый... Идет обмен, торговля между городами — складывается один громадный «всероссийский рынок».

А потому и много денег завелось, по всей Руси великая стройка... Вместо деревянных что ни год встают каменные монастыри и церкви, а в городах и купеческие палаты — в них товарам безопаснее. И в самом деле, большая часть сохранившихся до нашего времени замечательных памятников старинной архитектуры построена или начала строиться во второй половине XVII века. Ростовский кремль, переславские, ярославские, тотемские и великоустюжские церкви, Макарьевский монастырь... Вот лишь малая часть из того, что довелось увидеть Аввакуму в строительных лесах.

От Вологды шли на дощенике. Двадцать гребцов легко гнали судно по течению Сухоны. На дощениках, которые шли вверх, их было уже не меньше пятидесяти и звались они тяглецами, потому что не всюду одолеешь течение — впрягайся в лямку и бреди по песку, вброд через устья рек, сквозь заросли ольшаника.

Небольшая река Сухона, а ею Москва связана и с Архангельском, и с печорскими землями, и с Сибирью. И идут по ней судно за судном с аглицким сукном, шелком и бархатом, посудой, вином и оружием, с мягкой рухлядью — шкурками соболей, бобров, горностаев, лисиц, песцов, с зерном, кожей, салом, воском, медом, рыбой, льном...

Только в 1653 году, когда ехал в ссылку Аввакум, из Архангельска было вывезено за границу товаров на один миллион шестьдесят четыре тысячи рублей!

В Великом Устюге весь берег у причалов был завален товарами. В пятистах лавках и пятидесяти церквях города толпился народ. По торгу ходили и персияне, и англичане, и иных стран люди, всяк по-своему одет. Сотники занимались «прибором» — верстали в казаки свободных людей, чаявших попытать счастья в Сибири. Знаменитые землепроходцы Дежнев и Хабаров были устюжанами. Сибирские воеводы выписывали из Устюга судовых мастеров, кузнецов, оружейников, и недаром в городе даже сложилась поговорка, что «без устюжан в Сибири никакому делу не бывать».

Любопытно Аввакуму, как там, в Сибири. Сопровождающий протопопа енисейский казак Родька Иванов словоохотлив. Бывал он во многих городах, что как грибы вырастали на речных берегах, ходил в

походы. Народу идет в Сибирь — сила! Русаков там стало вдвое больше, чем местных. И по прибору идут, и по указу. Казна только пушнину с воевод спрашивает. Крестьянину свободно — селись, обзаводись хозяйством. Поборов почти никаких нет.

Преступников по указу гонят. В Сибири тюрем для них нет; засылают колодников куда Макар телят не гонял, а там сам себе пропитание добывай, а заодно и земли царю. Самый беспокойный народ собирается на подвижной границе Русского государства. Беглые холопы, воры и разбойники. Пленные иностранцы... Кого только не увидишь в Сибири: поляков, литвинов, немцев цесарской земли, немцев ливонских и шведских, латышей, черкас-казаков малороссийских, и даже один французенин был!

Крестьянин трудится, а вот гулящих людей на государеву пашню не посадишь. Те торговлей и ремеслом промышляют, в служивые записываются, а то так, чем от воевод и приказных обиды и притеснения терпеть, соберутся в ватагу, понастроят кочей да дощенников и айда по рекам на восток.

Сам Родька Иванов вологодский, а сибирским казаком по прибору стал. Приехал к ним сотник, прибрал десятских, а те уж рядовых казаков себе из родственников и вольных гулящих людей набрали. Дали они все сотнику Петру Бекетову запись, что ручаются круговой порукой — быть им в городе Енисейске на житье в конных казаках и государеву службу служить, «а не воровать, корчмы и б... не держать, и зернью не играть, и не красть и не бежать», а кто из них десяти человек сбежит, то все государева жалованья лишаются и головой за одного отвечают. Крепкая запись!

Прибранные получили из казны помощь: женатые по два рубля, холостые по полтора. Прогуляв деньги, новоиспеченные казаки двинулись в Сибирь. Стоном стонали города и деревни на их пути, хуже татар грабили они соотечественников, забивали скот, уводили женщин... Царь за такие дела вешать приказывал, да где там — разбойничали и сами воеводы.

Попов мало, совсем мало в Сибири, хоть и тридцать рублей подъемных им дают и всякие льготы. Мало что народ их не слушает, воеводы своей волей с них скуфьи снимают, батогами бьют.

Рассказал, наверно, Родион и про своего воеводу Афанасия Филипповича Пашкова. Третий год он в Енисейске сидит, стену крепостную с башнями построил. Зверь, а не человек. Людей без государева указа казнит. Подъячих на пытках пытал, а попа соборного раз насмерть бил... У людей деньги вымучивает, крадет где можно и в рост деньги дает.

Богатеют воеводы в Сибири, да только у царя своя управа на них есть.

Возвращается воевода со службы на Русь, раздувшийся от несправедливо нажитого добра, как пьявка, а в Верхотурье, в таможене, уже ждут его. Мягкой казны, соболей, провозить не дозволено, и имущества больше чем на пятьсот рублей вывозить из Сибири не смей. Все, что сверх того, отбирают и на государя записывают.

Аввакум с ревнителями кое-что про сибирские нравы знали, читали о том в грамотах архиепископов сибирских и тобольских. Про то, как русские люди и иноземцы, принявшие православие, крестов на себе не носят, постных дней не хранят, а едят мясо и всякую скверну вместе с татарами, остяками-хантами и вогулами-манси. Не господами пришли русские в Сибирь, живут промеж инородцев, дружат с ними и одежду их по всякий день, кроме праздников, носят. Живут с некрещеными инородками, и попы местные так же ведут себя, венчают не по христианскому закону.

Аввакум сердится из-за скудости веры у сибиряков, а того не ведает еще, что вот эта простота русская прочнее пищалей и сабель помогает сесть на землю. Конкистадор или «негоциант» придет в чужой край, опустошит его огнем и мечом; местные жители у него навек рабами будут, а если и не рабами, то презируемыми низшими существами, а уж врагами и в том и в другом случае непременно. Русский человек ловок и общителен, он мастер на все руки, всякому ремеслу обучен, топором чудеса творит — и избу, и церковь многоглавую, и судно речное играючи срубит да так разукрасит, что любо-дорого посмотреть. Но уменья своего от чужих не таит, не гордится перед ними, сам в гости поедет, у себя примет, породнится... А рабов не было. В смешанных семьях, в смешанных поселениях побеждала более высокая культура.

И у Родьки Иванова, как и у всех в Енисейске, жена местная; бог детишек скуластых дал; все смышленные, читать и писать могут. Дом большой, как крепость: добра и оружия в доме хватает. Бывало, язычники — жены соплеменники — захотят обидеть, или свои, в поход собираясь, озоруют — ничего, с божьей помощью отстреливался Родька в окошки. Он не в обиде, на то она и вольница сибирская, не устоялась еще жизнь. На что Тобольск город большой, тысяч тридцать одних мужиков будет, а и там всяк с оружием не расстается. Родька с сотником Петром Бекетовым за государевым ясаком ходил, Якутский острог строил, в Даурии по рекам Селенге и Хилку тоже острожки рубили. Нынче Бекетов стрелецким и казачьим головой стал, полковником, а его, Родьку, воевода Пашков в Москву послал с бумагой, в Сибирский приказ. Сдаст он Аввакума в Тобольске и домой. Да только пожить дома, видно, не придется — строит Пашков сотни две дощеников для большого похода в Даурскую землю под

началом тобольского воеводы князя Лобанова-Ростовского...

Слушает Аввакум про Пашкова с Бекетовым, а того не знает, что скоро спознается он с ними и земли диковинные повидает...

Много городов и весей проехал Аввакум, много людей и обычаев видел, так что из его первого путешествия целая б книга составила. «И колико дорогою было нужды, того всего много говорить». К рождеству в Тобольск успели. Воевода Аввакума принял и послал его к архиепископу Симеону, чья епархия простиралась от Урала и до самого Тихого океана.

Знакомый еще по Макарьеву, архиепископ принял Аввакума хорошо. Поставленный на свой пост стараниями ревнителей, он еще не был после их разгрома в Москве, не стал еще рьяным никонианцем. «Тогда добр был, а ныне учинился отступник», — скажет впоследствии Аввакум.

Симеон уже год назад добился расширения своих прав. В тобольском Знаменском монастыре вместо игумена поставили архимандрита «с белой шапкой». Вдобавок к Софийскому протопопству учреждено было еще и Вознесенское. Так стало в Тобольске два собора, и Аввакума поставили «вознесенским протопопом», что являлось повышением. Под его началом были священник, дьякон, чтец, дьячки, пономарь.

Белый каменный Тобольск прекрасен. Он стоит в речной излучине, неподалеку от слияния Тобола с Иртышом, и с реки его башни и церкви на высоком откосе из-за своей стройности и устремленности ввысь кажутся невесомыми. При Аввакуме каменного города еще не было. Девять мощных деревянных башен стояли на горе, а еще выше вздымались тринадцать глав Софийского собора. Там, в крепости, хранились сокровища, которые собирали для царя со всей Сибири: шкуры соболей, рысей, белок... Одних соболей больше чем на двести тысяч рублей в год.

Некогда поблизости тут был город Искер, столица хана Кучума, разбитого Ермаком, послы которого «били челами» Ивану Грозному с «новым Сибирским царством». С той поры, когда письменный голова Данила Чулков поставил острог на высокой горе в излучине Иртыша, прошло едва более шестидесяти лет, а Тобольск уже превратился в столицу всей Сибири, завел свой герб — изображение двух стоящих на задних лапах соболей и вертикально поставленной между ними стрелой, получил право вести дипломатические переговоры с иноземцами.

Деревянный Вознесенский собор стоял на самом краю откоса, над глубоким ущельем Прямого взвоза, по которому проходила дорога в верхний город. Сверху Аввакум мог видеть нижний город, посады на Княжем лугу, дома русских, немцев, поляков, юрты татар, громадный базар,

куда приходили караваны с товарами из самой Бухары.

Еще 19 ноября 1653 года архиепископ Симеон был вызван в Москву на собор. Никон решил добиться одобрения своих нововведений и заставить приложить к ним руку всех иерархов. В январе Симеон покинул Тобольск на целый год, приказав ведать духовными и вотчинными делами «своим дворовым людям» дьяку Ивану Струне и приказному Григорию Черткову, а не облеченному саном протопопа Аввакуму. Видно, посчитал, что Аввакум за месяц еще не освоился на новом месте, да и опасался ссыльного.

Но у Аввакума и в Вознесенском соборе было много дел. Опять он читал поучения и вел со своими прихожанами такие разговоры о крестном знамении, о Никоне и прочем, что на него «в полтора года пять слов государевых сказывали».

Аввакум принялся смирять тобольскую вольницу, не зная меры в своем рвении. Обличая с паперти своих прихожан, он и здесь нажил себе много врагов.

А нравы были поистине вольные. Однажды вечером вошел Аввакум со свечой в храм... Впрочем, дадим слово самому Аввакуму:

«...В храме прелюбодей на прелюбодеице лежит. Вскочили. И я говорю: «что се творите? не по правилу грех содеваете!» И оне супротивно мне: «не осужай!» И аз паки им: «не осужаю, а не потакаю». Прелюбодей мил ся деет и кланяется мне, еже бы отпустил. А женщина та беду говорит: «напраслину-де на меня наводишь, протопоп, и затеваешь небылицу! — брат-де он мне, и я-де с ним кое-што говорю». А сама портки подвязывает, — блудницы те там портки носят. И я говорю: «враг божий! — а то вещи обличают». И она смеется. Так мне горько стало, — согрешает, да еще не кается! Свел их в приказ воеводы. Те к тому делу милостивы, — смехом делают: мужика, постегав маленько, и отпустил, а ея мне ж под начал и отдал, смеючись. Прислал. Я под пол ея спрятал. Дни с три во тьме сидела на холоду, — заревела: «государь, батюшко, Петрович! Согрешила перед богом и пред тобою. Виновата, — не буду так впредь делать! Прости меня, грешную!» Кричит ночью в правило, мешает говорить. Я-су перестал правило говорить, велел ея вынять и говорю ей: «хочешь ли вина и пива?» И она дрожит и говорит: «нет, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочик хлеба». И я ей говорю: «разумей, чадо, — похотение то блудное пища и питие рождает в человеке, и ума недостаток, и к богу презорство и бесстрашие: наедшися и напився пьяна, скачешь, яко юница, быков желаешь и, яко кошка, котов ищешь, смерть забывше». Потом дал ей чотки в руки, велел класть перед богом поклоны.

Кланялася, кланялася — да и упала. Я пономарю шелепом приказал. Где-петь детца? Чорт плотной на шею навязался! И плачю пред богом, а мучю... Началя много, да и отпустил. Она и паки за тот же промысл, сосуд сатанин!»

В этом весь Аввакум, с его аскетизмом, с его суровостью и одновременно жалостью к жертвам своей суровости — «и плачю... а мучю»...

Но, как моралист, он терпит поражение и сознается в этом. Он всегда точен и правдив...

Другая его попытка воздействовать на грешника суровыми мерами оказалась более удачной.

Обитал в ту пору в «губительном Вавилоне», Тобольске, некий монах — пьяница, ерник и сквернослов. Напившись, он лез с кулаками на своего архимандрита, воевод ни в грош не ставил, срамил на площадях при каждой встрече...

Однажды ночью он решил покуражиться над Аввакумом. Грязный, расхристанный, опухший от пьянства чернец стоял под окнами его дома и, колотя кулаками в ставни, вопил:

— Учитель, эй, учитель! А ну подавай мне царствие небесное!

Наконец дверь отворилась, и на пороге выросла высокая фигура Аввакума.

— Чего тебе?

— Царства небесного хочу, да поскорей!

«Беда моя. Как быть?» — подумал Аввакум, и тут в голову ему пришла шальная мысль...

— А можешь ли ты испить чашу, которую я тебе поднесу?

— Могу! — дерзко ответил монах. — Сейчас давай, немедленно!

Аввакум впустил монаха в избу и велел пономарю поставить посреди комнаты скамью, приготовить веревку потолще и топор, которым рубили мясо. А сам с книгой в руках стал читать отходную. Оторопевший монах слушал молча. Но когда ему велели попрощаться со всеми, а потом набросили на него веревку и распластали на лавке, весь хмель с него соскочил.

Монах дергался на лавке, кося глазами в сторону пономаря, взявшегося за ручку топора.

— Государь, виноват, пощади, помилуй! — жалобно скулил чернец.

— Ослабь веревку, — приказал Аввакум пономарю. Монах рухнул на пол к ногам протопопа. Жестокий век, жестокие нравы, жестокая шутка.

И Аввакум ничем не отличается от других. Дикий юмор был тогда в

ходу.

Мало того. С монаха содрали мантию и клобук, вложили ему в руки четки и велели отбить полтораста поклонов. И всякий раз пономарь веревкой перетягивал монаха по спине. «Насилу дышать стал: так ево упочивал пономарь-ёт!»

Как только дали монаху отдохнуть, бросился он в незапертую дверь, перемахнул в чем был через забор и бегом...

Пономарь ему вслед:

— Отче, отче! Мантию и клобук возьми! Но монах только рукой махнул.

— А, горите вы со всем!..

Не до мантии. Вернулся монах за своей мантией лишь через месяц, да и то в избу побоялся войти. Потом он Аввакуму при встречах еще издали кланялся. Даже воеводы благодарили Аввакума за то, что унял буяна.

А тем временем у оставшихся за архиепископа Струны с Чертковым разгорелась вражда, «великий несвет». Струна был делец, рвач, «правых винил, а виноватых оправдывал для своей бездельной корысти». Аввакум жил с ним довольно мирно, но за месяц до приезда архиепископа начались великие беды.

Как-то привязался Струна к дьячку Аввакумовой церкви Антону. И уже в Судном приказе хотел подвергнуть его пытке. Но Антон утек, прибежал в церковь к Аввакуму. Струна собрал людей и бросился в погоню. Побаиваясь сурового протопопа, он не решился ввести своих людей в церковь и вошел один. И это было его роковой ошибкой.

Аввакум пел вечерню, когда Струна заскочил в церковь и на «крылосе» ухватил за бороду Антона. Аввакум прекратил службу, бросился к двери и запер ее. Отрезанный от своих, Струна оказался в западне и вертелся по церкви «как бес». Аввакум с Антоном изловили дьяка, разложили на полу и стегали до тех пор, пока он не попросил прощения.

Но стоило Струне выйти за порог, как он и его родственники подняли на ноги весь город. В полночь толпа, предводительствуемая попами и монахами, пришла к избе Аввакума, намереваясь «посадить в воду», утопить протопопа. То ли двери оказались крепкими, то ли воевода князь Василий Иванович Хилков пособил, но жив остался Аввакум. Только с той ночи не стало ему житья, за ворота носа не кажи, куда надо — крадучись пробирайся. Сопровождал его и охранял сын боярский Матвей Ломков по приказу, видно, воеводы. Совсем одинок стал Аввакум; народ и прежде к нему в церковь почти не ходил, а теперь того и гляди растерзают. Как-то

Аввакум еле успел скрыться от толпы в воеводском доме, в тюрьму просился — все под караулом будет. А добрый князь Василий Иванович мятежников боится и только плачет, глядя на Аввакума. Княгиня его, добрая душа, открыла сундук и говорит:

— Полезай, батюшко, я над тобой сяду, как придут тебя искать к нам.

Выручил протопопа вернувшийся из Москвы архиепископ Симеон. Бросилась владыке в ноги одна девка, жаловалась на своего отца и на Струну. Она и ее мать «подали челобитную Струне — жена на мужа, а дочь на отца, что тот мужик дочь свою насильствовал. И он, вор, сделал по неправде». Мужик дал Струне полтину, и дьяк мужика оправдал, а жену и дочь велел бить без пощады. Архиерей приказал привести мужика, который на очной ставке во всем сознался.

Пришла очередь отдуваться жадному дьяку. Посадили его в хлебню на цепь. Архиепископ велел «сыскать в правду приказному Григорью Черткову и протопопу с соборяны». Но Струна не стал ждать разбирательства. Просидев сутки, он с цепью ушел в город к воеводам и крикнул «слово и дело государево» на Аввакума.

Как бы воевода Хилков ни относился к протопопу, он обязан был дать делу ход. Даже хозяин терял власть над холопом, если тот выступал доносчиком. Со Струны сняли цепь и приставили к нему сына боярского Петра Бекетова.

Того самого Бекетова, землепроходца и казачьего голову, о котором слышал Аввакум по пути в Тобольск. Старый вояка недавно вернулся из похода и собирался совсем на покой, благо у него в Тобольске был свой дом и хозяйство крепкое. Ходил он по приказу енисейского воеводы Пашкова в Даурию на разведку, поставил на реке Шилке у Нерчи острожок, хлеб посеял, да тунгусы восстали, все порушили, пожгли, лошадей угнали. Пришлось уходить на Амур, а уж оттуда возвращаться на запад.

Не один из нынешних забайкальских городов чтит имя своего основателя Петра Бекетова. Его же казаки срубили несколько домков у слияния рек Ингоды и Читы, «Ингодинское зимовье», положив начало городу Чите.

Не довелось отдохнуть Бекетову на старости лет...

Архиепископ Симеон был зол на Струну — в архиерейском Софийском доме «воровства и краж объявилось много». Посоветовавшись с Аввакумом, архиерей 4 марта 1655 года в соборе торжественно предал Струну анафеме «за вину кровосмешения».

Такая строгая кара вызвала возмущение. За «слово и дело», мол, мстят церковники. Петр Бекетов прямо в церкви стал бранить архиерея и

протопопа. Накричал, разволновался и поспешил домой, чтобы сообщить Струне об анафеме.

И по пути вдруг упал и умер.

Симеон с Аввакумом в своем неистовстве уже не могли остановиться. Тело умершего без церковного покаяния Петра Бекетова они приказали среди улицы собакам бросить. Три дня молились, чтобы «в день века отпустилось ему», а потом разрешили погresti останки.

Долго потом грызла совесть Аввакума за этот трагический случай. «Еще же и душе моей горе тут есть... Полно тово плачевнова дела говорить»^[11].

Струну передали другому приставу, и сыск «по слову и делу» продолжался. В чем же обвинил дьяк Аввакума, метя заодно и в покровительствовавшего протопопу владыку?

Четырежды спасали архиерей и воевода от изветов Аввакума, а на пятый раз не смогли. Слишком часто выступал протопоп на людях против Никона. Слишком часто называл патриарха еретиком и обвинял в церковном расколе. Кричал, подобно Неронову, что три пагубы за это будет Руси: мор, меч и разделение.

От Симеона и из грамоток, что присылали москвичи, знал он все последние события.

Еще Аввакум был в Москве, когда царь Алексей Михайлович, готовясь к войне с поляками за исконные русские земли, сделал смотр войску. А осенью объявил в Успенском соборе: «Мы, великий государь... посоветовавшись с отцом своим, с *великим государем*, святейшим Никоном, патриархом... приговорили и изволили идти на недруга своего, польского короля...»

На следующий год царь, благословленный патриархом, ушел в великий поход, оставив дела московские на Никона. Поход был успешный — взяты Смоленск и десятки других городов, но из Москвы пришли тревожные вести. Начала там свирепствовать моровая язва. Мор косил людей тысячами, и у самого Аввакума в Москве скончались два брата, перемерли их жены и дети. Многих родственников и друзей потерял Аввакум.

Вот оно, наказание за Никоново самоуправство. Первое сбылось. Сам Никон с царским семейством выехал из столицы. Христиан на Москве все меньше остается. Пришел народ к Успенскому собору, принесли икону — «спас нерукотворенный, лице и образ соскребены». А скребли образ по патриархову указу.

В народе ропот:

— На всех теперь гнев божий за такое поругание...

— Во всем виноват патриарх, держит он ведомого еретика старца Арсения, дал ему волю, велел ему быть у справки печатных книг, и тот чернец много книг перепортил.

— Патриарху пристойно было быть в Москве и молиться за православных христиан, а он Москву покинул, и попы, смотря на него, многие от приходских церквей разбежались...

Архиепископ Симеон про собор рассказывал. Никон открыл собор речью, сослался на деяния константинопольского собора об учреждении в России патриаршества, где заповедывалось пастырям истреблять все новины церковные. Задним числом он потребовал от архиереев утвердить свою реформу, почитая ее возвратом на старое. Зачитывали книги, правленные Арсением Греком. Симеон Тобольский, Макарий Новгородский и другие были против правки. Но они помнили судьбу ревнителей благочестия и... промолчали.

Один епископ коломенский Павел возвысил голос против, так его сослали сперва на Онежское озеро, а потом на Хутынский хутор около Новгорода, куда явились слуги Никона «и убиша его до смерти, и тако его сожгоша огнем по никонову велению».

А в то самое время, когда разгорелось дело с дьяком Струной, в Москве открылся новый собор. Приехали за милостыней антиохийский патриарх Макарий и сербский Гавриил. Попросил их Никон во время торжественного богослужения подтвердить, что на Востоке крестятся тремя перстами. Те рады угодить Никону. В храме тогда были сам царь, бояре, народу тьма. Никон стал говорить поучение против новых икон «франкского письма», то есть писанных по образцам западных картин. И в этом он полностью смыкался с гонимыми им ревнителями. Народ уже возмущался во время мора тем, что отбирали и соскребали эти иконы. Но Никон настоял на своем и заставил восточных патриархов предать анафеме и отлучить от церкви тех, кто станет писать такие образа и держать их у себя в доме.

Никон поднимал иконы одну за другой и говорил: «Эта икона из дома вельможи такого-то, сына такого-то» — и бросал с силой о железные плиты пола. Разбитые иконы он приказал сжечь. Тут не вытерпел царь, подошел и тихим голосом попросил патриарха: «Нет, отче, не сожигай их, но пусть их зароят в землю».

Поведение Никона с трудом поддается объяснению. Кажется, что он движим одной гордыней, что главная его цель — лишь утвердить свою власть. Честолюбие его часто сбивается на тщеславие.

Тогда на соборе он сказал: «Я русский и сын русского, но моя вера и убеждения греческие». Приверженность Никона к греческому доходила до смешного. Он завел на кухне греческую еду, а знаменитый «Белый Клобук» патриарх заменил греческим головным убором и радовался ему, как ребенок, потому что он оказался к лицу...

Но Никон еще в расцвете сил и на вершине власти. И власть свою он обосновывает средневековой теорией о двух мечях: «При архиерействе меч духовный, при царе же — меч мирской...» И, разумеется, власть духовную Никон считает выше мирской. Он сравнивал власть патриарха с солнцем, а власть царя с луной... Он мог быть знаком с католической точкой зрения на папскую власть, когда писал, что поскольку цари получают помазание от архиереев, то по своему достоинству они ниже епископов.

Молодой царь величал его «государем», оставил за себя управлять государством, когда ушел на войну. И в грамотах Никон стал ставить свое имя на первое место: «От великого государя, светлейшего Никона патриарха... всеа Великие и Малые и Белые России...», чем невероятно раздражал бояр. Но пока они помалкивали. Священники же за малейшую провинность наказывались ссылкой, побоями, кандалами... «Великим тираном» звали Никона.

В 1655 году царь Алексей Михайлович, вернувшись из похода в Москву, вышел из саней и долго шел пешком, чтобы встретить патриарха. Власть Никона была так велика, что он мог отнимать имения у дворян и раздавать своим любимцам.

И вот такого человека вздумал хулить Аввакум. Но опять повод для расправы с непокорным протопопом был формальный. В извете Струны говорилось, что «Аввакум ходит с посохом, а посох с яблоки вызолочен, а на рогах оправлено серебром...».

Эти-то вызолоченные яблоки и стали причиной дальнейших бед Аввакума. Дело в том, что духовенство всех рангов имело свои знаки отличия. Знаком протопопского сана был «двоерогий посох», в форме буквы «Т». А посох с яблоками (шар — символ державы, власти) уже приличествовал «владыке», архиерею. К тому же преступление было многократным и всенародным — «ходит с посохом». В Москве ухватились за это.

И повелено было сделать у Аввакума повальный обыск. Воеводы послали к Аввакуму на двор подъячего Лосева, и тот обнаружил не один посох, а целых два. «Один точеной с яблоками, золочеными листовым золотом, а другой — с яблоками же, крашенными красками и золочеными листовым же золотом по местам». Посохи были епископские.

Воеводы отправили отписку (донесение), сыск (следственный материал) и два посоха (вещественные доказательства) в Сибирский приказ, откуда все это попало к Никону.

Откуда оказались у Аввакума посохи? Как и Никону, ревнителям было не чуждо своеобразное щегольство. Стефан Вонифатьев был таким франтом, что об этом есть упоминание даже в летописном сборнике. У него были архиерейские шапка и посох — дары царя и патриарха. Не отставал от старших и Аввакум. «Царевна Ирина Михайловна, — пишет Аввакум, — ризы с Москвы и всю службу в Тобольск прислала». Среди подаренной протопопу «службы» могли быть и посохи.

По патриаршему указу Аввакума с женой и детьми велено было послать на Лену, в Якутский острог, к стольнику и воеводе Михаилу Лодыженскому. Служить ему впредь воспрещалось, то есть его перестали считать попом.

Аввакум прекрасно знал, что едет он в ссылку не за посохи, а «за сие, что бранит от писания и укоряет ересь Никонову». О посохах он не упоминает нигде, не хотелось ему признаваться в тщеславии...

29 июня 1655 года, погрузив вещи и усадив семью в дощеник — плоскодонное судно с палубой, он стал прощаться с провожающими. Пришел некий Федор, которого Аввакум с месяц «смирал» у себя дома, исцелял от безумия доступными средствами. Однажды он крепко побил Федора и велел пономарю приковать его к стене. Но Федор выштал пробой, ушел на двор к воеводе, разогнал всю его семью и, взломав сундук, надел на себя княгинино платье. Посаженный в тюрьму, он избил там узников и разломал печь. Теперь безумие покинуло его, и он пришел прощаться с Аввакумом. Возиться с «бешаными» протопоп любил, видя в их исцелении собственную победу над «нечистой силой». Пришла провожать калмычка Анна, духовная дочь Аввакума, из которой он хотел сделать подвижницу, но она все-таки рвалась к любимому и после отъезда Аввакума пошла за своего Елизара замуж и «деток прижила».

Сопровождали Аввакума красоярский дворянин Милослав Кольцов и пять человек казачьей стражи. Шли сперва вниз по течению Иртыша до Самарова, ныне Ханты-Мансийска, где благополучно соседствовали рядом деревянная церковь святителя Николы и «нагая баба», главный идол остяков. Потом двинулись вверх по Оби — где на веслах, а где и бечевой. Проехали важный пост Сургут — самые нефтяные ныне места. За Нарымом свернули в Кеть и поднялись до Маковского острога. Там ждали снега, чтобы на санях перебраться к Енисейску. А уж от Енисейска водный путь был через Байкал до самого Тихого океана.

Вот уже показались вдали две церкви енисейские, потом острог, избы. На берегу широкого Енисея сотни дощенников и казаки, казаки, конные и пешие...

В тот день свела судьба Аввакума с воеводой Афанасием Филипповичем Пашковым. Недобрая судьба.

ГЛАВА 7

Что Пашков человек был незаурядный, в том нет сомнения. Военная косточка, он привык повиноваться, но и от подчиненных не терпел никакого прекословия. Смелый и волевой, он представляется крепким, матерым, способным своим зычным голосом перекрыть целую ватагу, а в случае неповиновения или бунта уложить на месте зачинщиков своей саблей.

XVII веку волевых людей не занимать. Но в деятельности того же Никона, Неронова, Аввакума преобладало духовное начало.

Пашков — человек действия в чистом виде. Именно такие могли смирять казачью вольницу и добывать с нею славу и земли русскому царю. Убийство — его профессия, привычное средство достижения цели. В жестокости его нет садизма; есть одно лишь равнодушие к чужой жизни, убеждение, что нет иных законов, кроме волчьих.

Еще в 1650 году якутский воевода Димитрий Францбеков доносил, что «Даурская земля Лены прибыльнее, и против всей Сибири будет... место всем украшено и изобильно».

В 1652 году Пашкову было приказано подготовить двести дощеников для большой экспедиции князя Лобанова-Ростовского в Даурскую землю. Не менее трех тысяч людей и много грузов могла поднять эта речная флотилия.

Энергичный воевода впряг в работу весь Енисейск, изыскал средства, лес, работников и сделал даже сверх того, что было приказано. Он разведal пути в Китай, куда проследовало русское посольство Федора Байкова, потерпевшее неудачу. Пекин лишь недавно захватили маньчжуры и положили начало Циньской династии, правившей Китаем до 1912 года. Еще не весь Китай покорился маньчжурам, но они уже совершали набеги на Приамурье, угоняли в неволю тамошних жителей.

Пашков послал на разведку в Даурию отряд Петра Бекетова. Тому пришлось несладко, но он поставил первые укрепления, а главное, привез «чертежи» рек Хилла, Ингоды, Шилки, разведal более короткий путь в Даурию. Пашков писал в Москву, что для упрочения русского владычества на Амуре, где геройствовал Ерофей Хабаров, необходимо утвердиться на берегах Шилки.

В 1653 году Хабаров уехал в Москву, а «приказным человеком великой реки Амура новой Даурской земли» оставлен был Онуфрий Степанов,

успешно сражавшийся с многотысячным войском богдыхана.

Однако из-за военных действий на западе России большая экспедиция в Даурию не состоялась. Незадолго до приезда Аввакума в Енисейск туда же прибыл новый енисейский воевода Иван Акинфов, который привез Пашкову царский указ самому ехать воеводой в Даурскую землю и привести под государеву руку тамошних князей, собирать ясак, проводывать про серебряную руду, медь и олово, а также — есть ли по Шилке-реке (тогда так называли и Амур) и по иным рекам пашенные места? Уже не в разведывательный набег приказывали идти Афанасию Пашкову с его сыном Еремеем, а создать новую Приамурскую область, которая бы управлялась царскими чиновниками и подчинялась непосредственно Сибирскому приказу в Москве.

Вчера Пашков был всего лишь городовым воеводой, а сегодня стал самовластным правителем громадной территории, равной едва ли не половине Европы. Честь была великая, но и труды предстояли великие, чтобы на деле осуществились честолюбивые планы Пашкова, подкрепленные московским указом.

По указу ему надо было набрать триста человек казаков, что он и сделал. В Тобольске прибрано шестьдесят человек, в Тюмени — пятьдесят, остальные — в Таре, Верхотурье, Березове, Сургуте, Пелыме, Туринске, Красноярске... К тремстам Пашков присоединил в Енисейске человек сто двадцать — на его заставах задерживали людей, бежавших на вольный Амур от кары за участие в якутском и других бунтах. Аввакум считает в отряде шестьсот человек. Видно, Пашков прибирал людей еще и по пути.

Когда эта вольница стала прибывать в Енисейск, город стоном застонал от ее буйства. У Пашкова с Иваном Акинфовым начались нелады, посыпались взаимные обвинения и доносы. «Великий озорник», как называл Пашкова архиепископ Симеон, понуждал стариц енисейского девичьего Рождественского монастыря подписывать донос на нового воеводу не читая. А когда старица Прасковья потребовала прочесть бумагу, он велел взять ее из монастыря, «бил ее по щекам своими руками и пытал ее у себя на дворе». Тогда же он «завал попа Якова на судно и бил его на смерть своими руками, и он, поп Яков, от его Афонасьевых побой лежал недель с шесть при смерти — едва ожил».

Аввакум с ужасом наблюдал за хозяйничаньем Пашкова в Енисейске. И не только наблюдал. По природе своей Аввакум не мог стоять в стороне — он пытался воздействовать на воеводу словом («много уговаривал»). Так начался неравный поединок ссыльного протопопа с могучим воеводой; он продолжался много лет, и ни одна сторона не хотела уступить другой...

Сперва Пашков, занятый своими делами, с презрением отмахнулся от Аввакума, умствования которого казались ему полнейшей бессмыслицей.

Надо же было случиться такому — Аввакум «и сам в руки попал» мучителю людей. В будущей главной резиденции Пашкова велено было устроить церковь с двумя приделами «во имя Алексея митрополита да Алексея человека божия» (Алексеями звали и царя с наследником) и еще две церкви. Пришел указ ехать протопопу Аввакуму не на Лену, а с Пашковым. В полку воеводы до этого был всего один черный поп. В грамоте Никон приказал «смирять» Аввакума, что и Пашков и протопоп расценили как «мучить». Положение Аввакума было двусмысленным: с одной стороны, он вроде бы становился полковым попом, а с другой — не снятое запрещение служить лишало его всякого авторитета в глазах Пашкова.

К 18 июля 1656 года на сорок дощеников погрузили пятьдесят пудов пороху, сто пудов свинца, сто ведер вина, восемьдесят четвертей ржаной муки енисейской пахоты, десять четвертей крупы и столько же толокна, топоры и другие припасы. После молебна буйное войско Пашкова расселось по судам и тронулось в путь — сперва по Енисею, а потом вверх, против стремительного течения Ангары.

Как-то поднялась буря. На дощенике Аввакума сорвало ветром парус, вода залила трюм, палуба едва выглядывала из воды. Настасья Марковна кое-как повытаскала ребят на палубу, то и дело окатываемую разбушевавшейся водой. Вскоре судно прибило к берегу. Семейству Аввакума повезло — на другом дощенике с палубы сорвало двух человек, и они погибли в речной пучине.

Оправившись от последствий стихийного бедствия, караван дощеников тронулся в путь. Возле Шаманского порога повстречалась партия казаков, с которыми ехали две пожилые вдовы, собиравшиеся постричься в монастырь. Пашков задержал казаков, а заодно и вдов, которых он тут же решил выдать замуж за кого-нибудь из своих казаков. В царском наказе воеводе предписывалось крестить туземных «жонок и девок» и выдавать их замуж, дабы покрепче привязывать русачков к новым местам. Пашков решил, что он вправе распоряжаться судьбой шестидесятилетних русских женщин. Аввакум же счел своим долгом вступить за них.

— По правилам не подобает таковых замуж давать, — сказал протопоп. Самодурство Пашкова уже вызывало ропот его людей, и к тому же Аввакум был прав. Воевода, очевидно, плюнул и не стал связываться с Аввакумом, но с этого времени отношения их были безнадежно испорчены.

Очень скоро воеводе представился случай проучить строптивца. У Долгого порога, где Ангара со страшным шумом прорывалась сквозь скалы, Пашков стал «выбивать» Аввакума из дощеника.

— Ты, еретик! — сказал он презрительно ссыльному протопопу. — Из-за тебя дощеник худо идет. Поди по горам, казаки без тебя управятся...

Теперь формально прав был воевода. Он торопился поспеть до зимы в Братский острог и старался облегчить суда. Но настолько ли был тяжел Аввакум и настолько ли беспомощен, что ему не нашлось бы места и дела на судне? Зная нрав воеводы, который обходил суда в сопровождении палачей и не давал спуска никому, Аввакум полез на скалы. По прямой Долгий порог протянулся за семь верст, в обход же по горам, сквозь густые заросли Аввакуму пришлось пробираться действительно долго.

«О, горе стало! — вспоминал он. — Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный, яко стена стоит...»

Измученный, истерзанный Аввакум выбирается из колючих зарослей, всходит на свой дощеник, уже давно миновавший порог, и пишет письмо...

Но какое письмо пишет Аввакум? Перед нами две версии — аввакумовская и пашковская. Обе они красочны; и в той и другой есть недоговоренность, но, дополняя одна другую, они проясняют ход событий, которые в конце концов становятся известными даже самому царю Алексею Михайловичу.

По версии Аввакума, письмо было написано Пашкову, ушедшему уже версты на три вверх по реке.

Зверь зверем был для Аввакума Пашков, и в письме, из которого мы знаем только начало, довольно прозрачно намекалось на сходство воеводы с дьяволом, не трепетавшим перед богом и даже презиравшим его. И уж, наверное, не преминул Аввакум в крепких выражениях осудить человека, который «беспрестанно людей жжет, мучит и бьет».

И этих обвинений было так «много», что терпенье Пашкова лопнуло. Гнев воеводы был ужасен. Казаков, которых Пашков послал за дощеником Аввакума, била дрожь, когда они передавали провинившемуся, что с ним собирается сделать воевода. Они почти бегом тащили на лямках судно к месту стоянки Пашкова. Во время передышки Аввакум сварил казакам каши, они ели ее и смотрели с жалостью на человека, которого везли, как казалось им, на верную смерть.

Нашлись бы среди них и такие, что бежали бы ватагой на Амур добывать себе лучшую долю, а то бы при случае, не задумываясь, порешили воеводу. Обличения красноречивого Аввакума западали им в

душу. И хотя Аввакум не считал себя бунтовщиком, он разжигал недовольство и тем мешал успеху пашковского предприятия.

Недаром потом Аввакум скажет: «Десять лет он меня мучил, или я его — не знаю; бог разберет в день века».

Пашков уже ждал на берегу с обнаженной шпагой в руке. Рядом стоял его сын Еремей, «товарищ» — заместитель воеводы и «друг тайной» ссыльного протопопа. Палачи выхватили Аввакума из дощеника и подвели к воеводе. Дрожа от гнева на дерзкого ссыльного, у которого даже и звание непонятно какое, Пашков заорал:

— Ты кто таков: поп или распоп?

— Я Аввакум протопоп, — гордо заявил Аввакум, обиженный тем, что воевода видел в нем лишь попа-расстригу. — Говори, какое у тебя дело до меня?

Как зверь взревел Пашков. Он хлестнул Аввакума по щеке, по другой, потом, сбив с ног, схватил свой воеводский железный чекан и трижды ударил лежащего по спине. Но самое худшее было впереди.

Палачи уже приготовили козла. Содрав с Аввакума рубаху, они прикрутили его к доске. Приготовили два кнута с «хвостами» сыромятной кожи, твердой, с острыми, как ножи, краями, срезавшими кожу со спины.

Воевода подошел к Аввакуму.

— Когда полно будет, скажешь: «Пощади».

Аввакум молчал. «Хвосты», со свистом разрезая воздух, рвали его кожу в клочья. А он молчал. Трижды меняли на кнутах сыромятные «хвосты», размягчавшиеся от крови. Пашков, обозленный упрямством Аввакума, не хотевшего просить пощады, кричал:

— Бей! Еще бей!

Первым не выдержал Еремей Пашков. Он стал просить отца пощадить Аввакума. Богобоязненный, всегда покорный отцовской воле, на этот раз он был так потрясен жестокостью наказания, что стал пререкаться с Афанасием Пашковым. Грозный воевода поднял шпагу и бросился на сына. И если бы не отскочил, не побежал Еремей, быть беде...

Чтобы забить насмерть человека, хватало шестидесяти ударов. Аввакум выдержал семьдесят два. И наконец вскричал:

— Полно бить тово!

Когда протопопа сняли с козла, он не только не упал, но и нашел в себе силы сказать воеводе с укоризной:

— За что ты меня бьешь? Ведаешь ли?

И за это получил еще несколько ударов «по бокам». Когда Аввакума отпустили, он все еще стоял. Потом тело его свело судорогой, и он рухнул

на землю. Пашков велел сковать ему руки и ноги и отнести на «казенный» дощеник, где находилась государева пороховая и свинцовая казна.

Лежа ночью на палубе под холодным осенним дождем, Аввакум испытывал невыносимые муки. Болели скованные ноги и руки, болела спина — живое мясо, болел позвоночник, сильно ушибленный воеводским чеканом. Во время истязания он, ожесточась, не так чувствовал боль. Под ударами он молился, а теперь на ум взбрело другое: «За что ты, сын божий, позволил так мучить меня? Я ведь за вдов вступился! Прав ли ты — кто нас с тобой рассудит? Когда я воровал, грешил, ты меня так не оскорблял! А ныне я греха за собой не знаю!»

За что?! Горькое сомнение в справедливости бога пронзило все его существо. Видимо, здание веры заколыхалось. Он боялся этих мыслей, гнал их, но они возвращались вновь и вновь. Бог оставил его... Это была самая страшная ночь в жизни Аввакума. Боль физическая, помноженная на боль душевную... «Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал».

Кто-то, добрая душа, плеснул в рот Аввакуму воды, и он кое-как отошел. Каким невероятно могучим здоровьем и какой силой духа надо было обладать, чтобы выдержать все испытания, выпавшие на его долю! Дни и ночи лежал он на палубе под снегом и дождем.

Когда дощеники подошли к Падуну, самому грозному порогу (где теперь построена Братская ГЭС), Аввакума вытащили из лодки и поволокли за цепь по камням. Боялся он повторения страшной ночи. И придумал простой довод, казавшийся ему утешительным. «Кого любит бог, того и наказывает... А кто без наказания приобщается к нему, те <...>, а не сыны божий». В этой грубоватой казуистике отсутствовала логика. Но логика не могла заменить веру и не прибавляла силы...

На Падуне все дощеники прошли благополучно меж каменных гряд; лишь дощеник Пашкова, оснащенный лучше всех, не мог пройти, «взяла силу вода». Течение подхватило его, стащило в воду людей, державших канаты, и поволокло судно на камни. Вода захлестывала застрявший дощеник, в котором оставалась Фекла Симеоновна, жена воеводы. Отец и сын Пашковы метались по берегу, загоняя в воду казаков.

Кормщик Пашкова потом рассказал Аввакуму, что Еремей упрекнул отца:

— Батюшко, за грех наказует бог! Напрасно ты протопопа кнутом избил. Пора покаяться, государь!

И на этот раз укор сына привел воеводу в гнев. Описывая сцену, которой не видел, Аввакум дает волю воображению. Недаром ему находят

место рядом с Сервантесом, а его «житие» называют «явлением, приближающимся к роману»^[12]. Как и полагается романисту, художник в нем берет верх над хроникером.

«Он же (Пашков — Д. Ж.) рыкнул на него как зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «господи помилуй!» — говорит. Пашков же, ухватя у малого (казака-телохранителя. — Д. Ж.), колешчатую пицаль, — никогда не лжет^[13], — приложася на сына, курок спустил, и божию волею осеклася пицаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и опять-таки осеклася пицаль. Он же и в третий раз так же сотворил; пицаль и в третий раз осеклася. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил; так и выстрелила! А дощенник все так же на камне под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумался и плакать стал, а сам говорит: «Согрешил окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопу бил; за то меня наказует бог!»

Впоследствии, когда писалось «житие» и когда Аввакум свыкся с ролью вождя «истинной церкви», он старался объяснить исход всякого события — благополучный и неблагополучный — вмешательством высших сил и даже приписывал себе способность творить чудеса. Вот и теперь стоило воеводе произнести покаянное слово, как «дощенник сам... сплыл с камней и стал носом против воды; потянули, он и взбежал на тихое место тотчас».

Тогда Пашков будто бы подозвал сына и стал просить его:

— Прости, Еремей, правду ты говоришь!

А Еремей поклонился отцу и сказал:

— Бог тебя, государя, простит! Я пред тобою и пред богом виноват!

«И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его».

Живописуя своих врагов, Аввакум никогда не пользуется одной черной краской, он ищет в них человечность, он готов даже простить Никона, «волка в овечьей шкуре», лишь бы он покался.

1 октября все сорок дощенников приплыли к Братскому острогу^[14]. «В тюрьму кинули, соломки дали, — вспоминает Аввакум. — И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! Что собачка, в сололке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батожка не дадут, дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила... Есть после побоев хочется, да ведь в неволе: как пожалуют, дадут. Да бесчинники ругались надо мною: иногда одново

хлебца дадут, а иногда ветчинки одной невареной, иногда масла коровья без хлеба же... Караульщики по пяти человек одаль стоят. Щелка в стене была, — собачка ко мне по вся дни приходила поглядеть на меня; как Лазаря во гною у врат богатого псы облизывали, отраду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал, а люди далеко меня обходили и поглядеть на тюрьму не смели».

В одном из списков «жития» упоминается, что на Аввакуме был лишь кровавый кафтанишко. Шубу ему дали не скоро. «...Гной по всему, и вши, и мыши, и стужа, и есть хочется. В щелку гляжу, а у Пашкова того прыгут да жарят и носят на блюдах, и пьют и веселятся. А ко мне никто не заглянет, ничего не дадут — дураки! Я бы хотя блюдо то полизал или помоев тех испил, — льют на землю, а мне не дадут. Всяко бродит на уме...»

Им овладевали приступы отчаяния, мысли о несправедливости бога и людей, не раз он уже собирался просить прощенья у Пашкова, но так и не попросил...

Через месяц Пашков перевел Аввакума в теплую избу, где он в оковах просидел остаток зимы вместе с аманатами — заложниками из местных племен.

Семью его Пашков поселил верстах в двадцати от Братска, в лесу. Они там едва не померли от голода, цинги, стужи, от тоски-кручины, от безысходности своего положения. Все съестные припасы, которые Аввакум взял с собой из Енисейска, Пашков приказал отнять вместе с частью носильных вещей. Некая «баба Ксения» всю зиму мучила Настасью Марковну, «лаяла да укоряла».

После рождества, в самый мороз, пришел навестить Аввакума старший сын Иван, но Пашков не дал им увидеться: велел запереть мальчонку на ночь в той самой студеной башне, где прежде сидел Аввакум. Наутро, едва не замерзшего, его прогнали к матери.

В общем Пашков поступил с Аввакумом по тогдашнему дворянскому присловью: бей попа что собаку, лишь бы жив был. Его версия о наказании «распопа Аввакумки» кнутом была изложена в отписке воеводы на имя царя Алексея Михайловича. Пашков боялся, как бы Аввакум не умер после жестокого наказания. За смерть такого известного человека ему рано или поздно пришлось бы отвечать. И он поторопился заручиться «свидетелями» мятежного поведения протопопа, его «многих неистовых речей». Была составлена челобитная, которую заставили подписать четыреста двадцать казаков. Собственная отписка воеводы повторяла обвинения челобитной слово в слово, но была более пространной.

Очевидно, что оба документа сочинил один и тот же человек — даурский воевода Пашков.

В отписке Пашкова уже известные события выглядят совсем по-другому. Он, Пашков, старается исполнить государев указ, ведет людей в Даурскую землю. И вот на Долгом пороге, на Тунгуске реке, в 1656 году, сентября в 15 день приносят ему письмо. А письмо то предназначено совсем не для воеводы — оно глухое, безымянное. И в том подметном письме речи воровские, непристойные, будто «езде в начальных людях, во всех чинах нет никакой правды».

Воевода, верный холоп государев, тотчас устроил сыск и нашел вора, который писал своею рукою непристойную память. Им оказался не кто иной, как бывший протопоп Аввакум. Хотел он смуту учинить в его, пашковском, полку, людей подговаривал, чтоб они государю изменили, отказались выполнять государев указ. Не пишет Пашков, что Аввакум хотел сам атаманом стать, но намекает на это. В Илимском остроге такой же вор, как распоп Аввакум, казак Мишка Сорокин прибрал к себе воров триста тридцать человек и с ними Верхоленьский острог и многих торговых людей пограбил. Енисейские служилые люди, Филька Полетаев с товарищами ограбили казну государеву и своего начальника да побежали в Даурскую землю сами по себе.

И Пашков велит учинить вору-распопу наказание — бить кнутом на козле, чтобы впредь такие вору нигде в государевых ратях воровскими письмами смуты не чинили.

И все бы ничего, да только когда начали Аввакума кнутами потчевать, как закричит он:

— Братцы казаки, не выдавайте!

Он, распоп, с казаками, видно, прежде стакнулся, неистовые речи им говорил, а теперь решил поссорить их с воеводой, взбунтовать. Да за такие дела ему, вору, полагается смертная казнь. Но не смеет учинить того воевода без государева указа.

Что же здесь правда? Вероятнее всего, неистовые речи Аввакум говорил, в письме воеводу обличал, но письмо это не было безымянным, и к бунту протопоп никогда бы призывать не стал. Это было бы против его убеждений.

Отписку воеводы повез даурский казак Микитка Максимов, да, видно, не одна она попала в Тобольск, потому что архиепископ Симеон уже в 1658 году писал царю о «великом озорнике» Пашкове, о том, как тот бил чеканом Аввакума, и других бесчинствах воеводы. Кто-кто, а Симеон знал воевод и был с ними на ножах. Только недавно ему передали слова

тобольского воеводы князя Буйносова-Ростовского, сказавшего с военной прямотой:

— А нашему архиепископу и самому из головы мозг вышибу!

И царь Алексей Михайлович, и царица Марья Ильинична, и царевны жалели Аввакума, который навсегда врезался им в память. Они думали о жестокости Никона, читая со вздохами приписку Симеона: «А нынеча, государь, тот протопоп Аввакум жив или нет, того не ведаю».

Многое изменилось на Москве с тех пор, как Аввакум отправился на дощенике в путешествие по сибирским рекам...

Мы оставили Никона на вершине власти. Он увлекся грекофильством, переносил в Москву греческие амвоны, мантии, клобуки, посохи, напевы, приглашал греческих живописцев, строил монастыри по образцу греческих, приближал к себе сомнительных греческих грамотеев. Своей заносчивостью он оскорблял все больше людей, и это не могло не сказаться на их настроениях.

Ссылные ревнители, и особенно Неронов, не прекращали своей проповеди против Никона, слава их и писания распространялись с необыкновенной быстротой. Гонимые, они заставили себя жалеть и слушать. Они питали надежду на церковные соборы, но там победили никониане. Царь чтит решения соборов и поддерживал Никона. Но и это не обескураживало ревнителей. Они помнили слова волоколамского игумена Иосифа Волоцкого, который, подозревая в свое время Ивана III и митрополита Зосиму в «ереси жидовствующих», писал, что царь такой «не царь, а мучитель», что «такового царя не послушаеши», а епископ «не пастырь есть, а волк». На самую высшую власть готовы они были замахнуться, если эта власть изменяла русской традиции.

Неронов из своей вологодской ссылки писал царю, царице, Вонифатьеву: «На Москве сидит мордвин и всем царством мутит». Предрекал появление антихриста. Подчеркивал, что жестокость Никона противоречит всем заветам. Неронову было запрещено писать царю. Частные письма Неронова читались всеми на Москве, переписывались. Его послания доходили и до Аввакума, который отвечал ему при всяком удобном случае. В письме из Сибири Аввакум сравнивал Неронова с апостолом Павлом.

Неронова перевели на Север, в Кандалакшский монастырь. Он сделал круг, чтобы заехать в Вологду, и выступил здесь в соборе.

— Завелись новые еретики, — сказал он, — мучат православных христиан, которые поклоняются по отеческим преданиям...

Неронов бежал в Соловки и склонил на свою сторону весь монастырь,

бросив в землю семена будущего восстания. Тайком вернувшись в Москву, он скрывался у Вонифатьева. Царь, проезжавший с войны, знал об этом и не выдал его патриарху. Тогда же Неронов постригся в Даниловом монастыре и стал старцем Григорием.

Никон, добившись на соборе 1656 года утверждения всех своих реформ, отлучил старца Григория от церкви. Эта анафема возбудила еще большее сочувствие к Неронову. Народ избивал патриарших слуг, искавших старца. Но самого Неронова проклятье потрясло.

4 января 1657 года случилось нечто совершенно невероятное. В этот день Аввакум сидел в кандалах в аманатской избе Братского острога. И в этот день Иван Неронов, он же старец Григорий, открыто явился к своему злейшему врагу патриарху Никону. Явился прямо в собор, куда Никон шел к обедне, и сказал патриарху, что тот видит перед собой человека, которого давно разыскивает.

Не менее неожиданно повел себя Никон. Властный, вспыльчивый, раздражительный, на этот раз он не ответил на упреки Неронова, а после обедни взял его в крестовую палату и долго разговаривал с ним.

Мало того, вскоре патриарх снял со старца церковное отлучение, разрешил служить в московских церквях по старым обрядам и по старым служебникам. И когда Неронов стал допытываться у Никона, какие же книги лучше — старые или исправленные по новогреческим образцам, он устало ответил:

— Обоим добры. Все равно. По каким хочешь, по тем и служи.

Казалось, не было борьбы, ссылок, кипения страстей... Ради чего же тогда затевалось все? Ради чего претерпел Аввакум свои страшные муки? Уж не наметилось ли примирение?

Неронов уже снова часто видится с царем. Он подходит к нему в церкви и говорит:

— Доколе, государь, тебе терпеть Никона? Смутил он всю русскую землю и твою царскую честь поправил, и уже твоей власти не слышать. От него, врага, всем страх...

И Алексей Михайлович не вступает за своего «собинного» друга патриарха. Он молча отходит от старца.

Что же случилось?

А то, что Алексею Михайловичу уже было под тридцать, что он возмужал, что он много чего повидал и пережил во время военного похода, что он хотел править самостоятельно, а не по указке властолюбивого патриарха. Все чаще он, не морщась, выслушивал многочисленных врагов Никона. И патриарх это знал. Было и еще одно качество у патриарха,

которое не могло не раздражать царя. Известно, что Никон любил «тешить свою плоть». «Большой плутишко и баболоб», — говорил о нем Аввакум. Когда Никон увозил царскую семью от моровой язвы, возможно, что-то и произошло у него с какой-нибудь из близких царю женщин. Во всяком случае, на соборе 1667 года во время суда над Никоном царь обмолвился, что «Никон вельми оскорбил» его, но объяснить свои слова отказался.

Алексей Михайлович не любил крайностей. Но за внешней мягкостью теперь многие чувствовали в нем тонкого политика, умевшего добиваться своего без громких фраз и грубого нажима. Ни в чем не проявлял он себя неистово, но в каждое дело, за которое брался, он вносил много здравого смысла.

Письма его содержат множество метких наблюдений. Он не чужд поэзии; деловые бумаги под его пером иной раз превращаются в лирические сочинения. «Красносмотрителен же и радостен високова сокола лет... Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, нелениво и безскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу», — писал он начальнику соколиной охоты.

Тяга к красоте сочеталась в нем с деловитостью, аккуратностью, хозяйственностью. Он дотошно записывает свои расходы. В письмах управляющему хозяйством расспрашивает об именах крестьян, вникает в подробности. В государственных делах не спешит, выспрашивает мнение всех сторон и только потом принимает решение.

Эволюция царя как политика была весьма заметной. В 1652 году он признавал действия Ивана Грозного греховными, просил прощения за него пред останками Филиппа, а в 1657 году Алексей Михайлович уже внимательно изучал политику своего предка и велел патриарху отслужить панихиду по царю Ивану. Окончательно вводится в титул царя слово «самодержец». При Михаиле Федоровиче земский собор созывался десять раз, а при Алексее Михайловиче — гораздо реже. Боярская дума слабеет, над армией чиновников вводится тайный и строгий надзор, и в конце концов создается Приказ тайных дел — всесильное учреждение, подчинявшееся только царю. Во главе его фактически становится не родовитый человек, а дьяк Дементий Башмаков, которого Аввакум ядовито называл «от тайных дел шишом антихриста».

Все чаще царь, по примеру Грозного, проявлял грубость и жестокость, все нетерпимее становился к тем, кто осмеливался проявлять самостоятельность в суждениях и делах.

Второму «великому государю» места рядом с Алексеем Михайловичем не оставалось. Обещание слушаться, данное Никону при вступлении того

на патриарший престол, было забыто. Все реже приглашает его царь на совещания и даже на официальные приемы. Приближенные царя, которым Никон давно уже был не по нраву, не упускали возможности уколоть патриарха, подчеркнуть его «мужицкое» происхождение.

А пример им показал сам Алексей Михайлович. Когда Никон скрыл свои разногласия с антиохийским патриархом Макарием и с разрешения государя изменил обряд водосвятия, разразился скандал. Узнав про обман, царь пришел в ярость и в церкви кричал на патриарха:

— Мужик, сукин сын!

— Я твой духовный отец, как же ты можешь так унижать меня? — с достоинством сказал Никон. Но царь ответил, что не считает его своим «отцом».

6 июля 1658 года Алексей Михайлович давал во дворце обед прибывшему в Москву грузинскому царевичу Теймуразу. Никона на обед не пригласили. Он послал своего дворянина князя Дмитрия Мещерского выяснить, в чем дело. Царский окольничий Богдан Матвеевич Хитрово, расчищавший царевичу путь в толпе любопытных, задел Мещерского палкой по голове.

— Напрасно бьешь меня, Богдан Матвеевич, — сказал князь, — я не просто пришел сюда, а с делом.

— Ты кто такой? — спросил окольничий.

— Патриарший человек и с делом послан, — гордо ответил Мещерский.

Но прошли уже времена, когда слова «патриарший человек» вызывали страх и трепет.

— А ты не чванься своим патриархом! — крикнул Хитрово и еще раз ударил его палкой по лбу.

Князь побежал жаловаться. Никон воспринял оскорбление своего дворянина как кровную обиду. Он тотчас написал царю письмо, требуя немедленного удовлетворения. Царь во время обеда собственноручно отписал ему, что расследует дело и лично увидится с Никоном. Патриарх снова написал письмо, и царь за обедом же снова ответил на него уклончиво. И тогда Никон сказал:

— Коли не хочет мне государь дать защиты от оскорблений, я с ним управлюсь как глава церкви...

Но это была пустая угроза. Царь перестал бывать на службах у патриарха, а вскоре князь Ромодановский пришел к Никону и сказал:

— Царское величество на тебя гневен. Ты пишешься великим государем, а у нас один великий государь — царь.

— Я не сам себя назвал великим государем, — ответил Никон. — Так захотел и повелел называть меня его царское величество. И вот свидетельство: грамоты, писанные его рукой.

— Царское величество почтил тебя как отца и пастыря, но ты этого не понял. А ныне царское величество повелел сказать тебе: отныне и впредь не пишишь и не называйся великим государем. И почитать тебя впредь не будет...

Никон мог бы еще найти общий язык с Алексеем Михайловичем, если бы смирился, отказался от притязаний на высшую власть. Но патриарх был слишком горд, самолюбив и решил попугать царя драматической сценой, подобной той, какую он устроил при своем восшествии на патриарший престол.

10 июля, в праздник ризы господней, Никон велел принести в Успенский собор простую монашескую рясу, клобук и священническую палку. После службы он заявил, что больше патриархом не будет, снял с себя патриаршье облачение и стал надевать рясу. Этому ему сделать не дали и послали к царю крутицкого митрополита Питирима.

Царь не пришел к Никону, не стал его уговаривать, а послал к нему князя Трубецкого. Так и покинул Никон храм, сказав, что не быть ему больше главой русской церкви. И уехал в построенный им Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим). С этих пор многие годы патриарший престол был пуст. Фактическим главой церкви стал сам Алексей Михайлович.

Вот почему еще царь с особенным сочувствием вспомнил о яростном противнике Никона протопопе Аввакуме. Вот почему он повелел за избиение Аввакума «чеканом и кнутьем... Пашкова от Даурской службы отставить». Наверно, тогда же царь распорядился вернуть Аввакума из ссылки.

Но Пашков с Аввакумом были уже так далеко, что приказы царя догнали их лишь через несколько лет.

ГЛАВА 8

Весной 1657 года по первой талой воде пашковский полк двинулся на дощениках к Байкалу, к морю, как уважительно говорил всякий русский человек. Сурово было Сибирское море. Тоскливо выл ветер, волны захлестывали низкие речные суда. Чуть было не утонул здесь Аввакум.

В три дня дощеники на парусах перебежали Байкал, и вот уже устье Селенги — реки, стесненной горами и такой быстрой, что ни на миг нельзя лямку ослабить — унесет и разобьет в щепу пузатый дощеник. Сделали легкие барки и поволокли против течения.

Пашков и Аввакума заставил впрячься в лямку — людей не хватало. Поесть было некогда, не то что спать. В лямке как в удавке — кус насилу проглотить. Люди утомятся, повалятся прямо в грязь и засыпают. А пашковские псы-надзиратели тут как тут, бьют палками и к воеводскому судну гонят. А тот бьет иных батогами, иных кнутом, многих прибил до смерти. И от водяной тяготы люди погибали. У Аввакума ноги и живот совсем посинели, распухли, кожа расселась, и образовались кровавые язвы.

На Хилке Аввакумову барку оторвало от берега и понесло. Настасья Марковна была в это время с детьми на берегу, а кормщик с Аввакумом вскоре оказались под перевернувшейся баркой. Едва Аввакум выполз на днище. С версту несло барку, пока ее люди не переняли. Все припасы водой вымыло до крохи. Хоть и поразвесили по кустам люди с оханьем платье, шубы московские атласные да тафтяные и другое добро, что вез Аввакум в чемоданах да сумах, сушить их не было времени. Перегнило все, и превратилось семейство протопопа в оборванцев, за что Пашков чуть было опять не оттрепал Аввакума. Нарочно-де, выражается так — на смех людям. Аввакуму пришлось даже обратиться с короткой, но выразительной молитвой к «свету-богоматери»:

— Владычица, уйми дурака!

Кажется, помогло.

Добрались до Иргеня озера. Здесь на плоскогорье много озер, отсюда одни реки берут начало и скатываются в Байкал, а другие — в Амур. Афанасий Пашков взялся за восстановление Иргенского острога, а Еремей с казаками пошел на разведку и впереди два поста срубил. В наше время на низком берегу озера, в том месте, где когда-то стоял острог, можно найти только остатки невысокого вала, почему-то густо обросшего сочными стеблями ревеня.

Когда зима сковала и засыпала снегом болота, отряд начал перебираться к реке Ингоде. Работников у Аввакума воевода отнял, и пришлось «бедному горемыке-протопопу» самому волочиться верст сто. Дети у него мал мала меньше, один он работник. Сделал нарты-сани, нагрузил на них пожитки и повез. Маленькие Иван и Прокопий впряглись с отцом. Настасья Марковна, безропотная протопопица, муку и младенца за плечами тащила. Дети, «что кобельки», нарту тянут. Изнемогут и на снег повалятся. Кое-как добрались, но Пашков семью в засеку не пустил. Стали жить они под сосной, пока воевода им в засеке места не указал, где можно балаганец поставить. Мерзли ребята, хоть и огонь «курился» не переставая. Так помаялись до полрой воды, когда начались еще горшие мучения.

За зиму казаки заготовили лес для стен острога и для изб, связали из бревен сто семьдесят плотов. Весной поплыли плоты вниз по течению Ингоды, на каждом два-три казака, кони.

Ох и тяжела была доля казачья. Самое страшное время началось. С болью говорил о нем Аввакум:

«Стало нечего есть; люди учали с голоду мереть и от работы в воде. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: только начнут мучить человека — а он и умрет!.. И без битья насилу человек дышит, с весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, а все равно работай, работай, никуда на промысел не ходи; вербы, бедной, в кашу ущипать кто сбродит — и за то далкою по лбу: не ходи, мужик, умри на работе!.. Ох, времени тому!»

За эти строки должно Аввакуму памятник поставить. За то, что он обессмертил подвиг и муки первых даурских насельников в словах страшных и прекрасных, гневных и сочувственных. Ныне об Аввакуме в Забайкалье вспоминают только как о «первом ссыльном» в ряду многих знаменитых страдальцев «всероссийской каторги».

В самом сердце Даурии при слиянии реки Нерчи с Шилкой выбрал Пашков «самое угодное место... у хлебных пашен и у соболиново угодного промыслу» и поставил там острог, вместо бекетовского, разрушенного тунгусами.

Пашков послал из Нерчинска к Степанову на Амур указ о своем назначении воеводой над всеми амурскими землями. Он приказывал Степанову прибыть со ста казаками в Нерчинск, а остальным казакам велел ожидать себя в Албазине. Но не знал Пашков, что в это самое время Степанов доживал свои последние дни. 30 июня 1658 года Степанов с пятьюстами казаками был окружен у устья Сунгари десятитысячным

маньчжуро-китайским войском. Часть новоприбранных казаков бежала, а Степанов с 270 храбрейшими казаками погиб в битве, «исчез среди врагов, как утес, затопленный волнами». Часть бежавших попала в плен, часть занималась грабежами и ушла потом в Якутию, а с несколькими незадачливыми вояками мы еще встретимся в своем рассказе...

Тридцать пашковских казаков, посланных к Степанову, не застали его в живых да еще были ограблены беглецами. Пашков доложил царю о гибели Степанова, о создании Нерчинского острога, о своем намерении растить хлеб...

Поспешил с донесением Пашков — хоть и распахали казаки несколько десятин, это место хлеба не родило. И начался голод.

Сам Пашков довез свои запасы благополучно, но не спешил поделиться ими с подначальными людьми. Воевода и здесь на чужой беде умудрялся наживаться. У Аввакума вся одежда, как мы помним, сгнила; уцелела лишь однорядка Настасьи Марковны. В Москве она стоила двадцать пять рублей, в Сибири — гораздо больше (роскошно одевал свою жену протопоп), но воевода дал за нее всего четыре мешка ржи, которые семья тянула год-другой, добавляя в кашницу траву, толченую сосновую кору, корешки и даже кости обглоданных волками животных, чтобы «привкуснее» было.

Десятками умирали казаки. Жуткие картины рисует Аввакум, «рыдание людское и смерть от глада и нужды».

«Из куреня выйду — мертвый, по воду пойду — мертвый, по траву пойду — тамо и груды мертвых... Иные по нужде ели и кобылятину, и волков, и лисиц, и кал человечь... Кобыла жеребенка родит, а голодные тайком и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла... поскольку неосторожно жеребенка вытащили из нее: лишь голова появилась, а они и выдернули, да и почали кровь скверную есть... И сам я, грешный, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам...»

Не раз говорил себе протопоп:

— Аввакум, приспел конец, приблизился час...

У него умерли два маленьких сына, родившиеся в Сибири. Труп одного из мальчиков Настасья Марковна положила на песок. «И потом с песку унесло ево водою, мы же за ним и руками махнули: не до нево было — и себя носить не сможем». Горе отца и матери притуплялось чувством безнадежности и необходимостью заботиться о ребятишках, оставшихся в живых. Всей семьей, босые, они бродили по склонам сопок, усыпанным острыми камнями, в поисках черемши и других съедобных корешков.

Во всех бедствиях Аввакум обвинял воеводу Пашкова, не сумевшего устроить доставку продовольствия из Енисейска. Впоследствии в записке, поданной царю, он подробно описал бесчинства воеводы, который «пытал, бил кнутъем, и ребра ломал, и огнем жег», а двух человек «послал нагих за реку мухам на снадение». Пашков боялся отпускать от себя людей, потому что они могли сговориться и уйти совсем, и так, «не отпущаючи на промысл... переморил больше пятисот человек голодною смертию».

Один раз только Пашков решился отпустить семьдесят человек под строгим надзором своих помощников. С ними отъехал вверх по реке, где надеялись добыть пищу, и Аввакум. Во время этой экспедиции почти все семьдесят умерли от голода. Аввакум, не евший пять дней, приплыл обратно на плоту. Настасья Марковна пошла к воеводской жене Фекле Симеоновне, и та накормила его.

«Из какого дома злоба, из того и милость», — писал Аввакум, Фекла Симеоновна и жена Еремея Евдокия Кирилловна подкармливали семью протопопа. «Иногда пришлют кусочек мяса, иногда кольбок, иногда мучки и овсеца, сколько найдется... а иногда у коров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила тайком к ней под окно. И горе, и смех! — иногда робенка погонят от окна без ведома боярыни, а иногда и многонько притащит». Горько было Аввакуму это унижение...

В большой семье Пашкова все, кроме самого воеводы, относились к протопопу с уважением. Вдовы Марья и Софья, работницы в доме воеводы, стали даже его духовными дочерьми. Когда Пашков узнал об этом, он снова пришел в неистовство.

— Тайны мои хочешь выведать! — кричал воевода и даже приказал сжечь Аввакума в срубе, но потом смиростивился, и протопопа отвели к жене избитого и с выдранными волосами. Бессмысленная жестокость Пашкова поражала даже его привыкших к жестокости современников.

Так прошли два года, пока зимой с шестидесятого на шестьдесят первый год воевода не решил вернуться с остатками своего полка в Иргенский острог. Именно к этому переходу относится ставший потом хрестоматийным разговор Аввакума с Настасьей Марковной.

«Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал (Пашков. — Д. Ж.) две клячки, а сам я и протопопица брели пеши, убивающиеся об лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится — скользко гораздо! В иную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут.

Мужик кричит:

— Матушка-государыня, прости!

А протопопица кричит:

— Что ты, батяко, меня задавил?

Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря:

— Долго ли муки сея, протопоп, будет?

И я говорю:

— Марковна, до самыя до смерти!

Она же, вздохня, отвечала:

— Добро, Петрович, ино еще побредем».

На Иргене Аввакум с ребятами ловил рыбу. По десятку прорубей в день ему приходилось прорубать во льду, толщиной в рост человека. Эта работа так согнула Аввакума, что он уже и до самой смерти не мог «раскорчиться». Летом уродился хлеб и вроде бы улучшились отношения с воеводой.

В августе 1661 года в Иргенский острог явились с десяток казаков из тех, что бежали от Степанова и бродили потом по Амуру. Они попросились снова на государеву службу. Пашков то ли не знал об их прегрешениях, то ли простил их. Ему нужны были люди, чтобы начать выполнять царский наказ, который предписывал приводить к присяге местных князьков и собирать ясак, уговаривая «ласково». Но часть эвенкских вождей уже платила дань хану забайкальских монголов Чихунь-Дорджи и, связанная договором, вела себя по отношению к русским враждебно. Теперь вступала в действие вторая часть наказа — «на непослушников посылать государевых ратных людей с огненным боем».

Походом на улусы должен был идти второй воевода Еремей Пашков с семьюдесятью двумя казаками и двадцатью союзниками-эвенками. Уходил отряд торжественно. Эвенки пригласили шамана, чтобы погадал, будет ли удачным поход. Воеводы согласились на камлание — в Сибири верили в вещую силу языческих кудесников, в способность их предсказывать будущее.

Шаман в длинной кожаной рубахе, с раскрашенным страшно лицом привел с собой живого барана. Был уже вечер. Казаки и эвенки, поживаясь, вслушивались в тревожные вскрики колдуна, вглядывались в его порывистые движения. Метались тени по земле, красной от пляшущего пламени костров.

Шаман подскочил к барану, схватил его за рога и начал быстро-быстро вертеть, пока не открутил голову совсем. Отбросив ее прочь, он схватил бубен и стал плясать, прыгать и истошным голосом призывать духов.

Потом закружился на месте все быстрее и быстрее и наконец упал на землю, дергаясь в конвульсиях. На губах его выступила пена...

Придя в себя, шаман объявил, что духи явились ему и сказали: «С победою великою и с богатством большим будете назад».

Воеводы радовались. Радовались все, оживленно переговариваясь:

— Богаты приедем!

Аввакум был возмущен этим «суеверием». Он сплюнул и демонстративно удалился в хлев. И стал оттуда кричать так, чтобы слышали все:

— Послушай меня, боже, царю небесный, свет, послушай меня! Да не возвратится вспять ни один из них!.. Погибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!

Доложили об этом Пашкову. Тот выругал Аввакума, но расправиться с ним было недосуг — пора было отправлять отряд. Протопопа и самого охватило острое чувство жалости к людям, уходившим в неизвестность. Но он, прощаясь, по-прежнему упрямо твердил:

— Погибнете там!

Еремей Пашков, совершенно сбитый с толку противоречивыми предсказаниями, стал слезно просить Аввакума помолиться за него. Протопопу стало жаль своего «друга тайного», столько раз вступавшегося за него наперекор отцу. И он обещал молиться. Что бы ни случилось теперь, та или иная молитва должна была подействовать...

Прошел месяц. Уже пора возвращаться Еремею, но от него нет никаких известий. Мрачный воевода видеть не хочет Аввакума, которого считает виновником гибели сына. Но однажды он приказывает готовить застенок и разложить огонь. пытка на дыбе, поджариванье на огне ждут Аввакума, и он знает, что недолго после этого живут люди у воеводы. Уже шатавшийся от горя, как пьяный, Пашков приходит в застенок и посылает двух палачей за протопопом...

И вдруг в воротах острога показывается Еремей Пашков. Он ранен, но сидит на коне. Едет он дорожкой мимо избы Аввакума, видит палачей, приступивших к протопопу, и отзывает их. Спешит к нему из застенка воевода. Еремей слезает с коня, кланяется отцу и рассказывает...

А случилось с ним вот что. Давно бы казаки бежали от Пашкова, да зорко следил он за ними, держал среди них доносчиков и истреблял всякого, кто мог возмутить людей. А тут ушли они из-под бдительного надзора воеводы, и, раззадоренные рассказами пришельцев с Амура, семнадцать наиболее решительных казаков сговорились.

В ночь на четвертое сентября, забрав много оружия и рухляди, они

бежали на плотах вниз по Ингоде. В Нерчинске обманом взяли у оставленного там Пашковым управителя несколько судов, и пошла вольница гулять по рекам, грабя всех встречных и поперечных... Так доносил по начальству Афанасий Пашков.

Еремей же, по словам Аввакума, потерял остатки своего отряда в схватках с монголами, от которых его увел по пустынным местам и по каменным горам эвенк-проводник. Пока Еремей рассказывал отцу о своих приключениях, пришел поклониться и разузнать новости Аввакум. Пашков, по-прежнему уверенный в происках протопопы, возвел на него очи — «слово в слово, что медведь морской белый, живого бы проглотил».

— Так-то ты делаешь? — вздохнув, сказал воевода. — Людей погубил столько!

Аввакум по обыкновению хотел поперечить воеводе, но Еремей вовремя остановил его:

— Батюшко, поди, государь, домой! Молчи ради бога!

Неудача Еремея была крушением всего дела Пашкова.

Напрасны оказались его упорство, жестокость, гибель сотен людей. Это был последний год его воеводства. В ту же зиму новый воевода Иларион Толбузин, огибая Байкал с севера, шел на лыжах ему на смену. 12 мая 1662 года он принял у Пашкова семьдесят пять оставшихся в живых служилых людей^[15]. Тогда же и Аввакум узнал о разрешении ему вернуться на Русь.

Пашков уехал в том же месяце на нескольких больших дощениках с вооруженной охраной. Аввакума он с собой не взял, надеясь, что опасный свидетель его бесчинств погибнет дорогой — то ли утонет в бурных реках, то ли убьют его воины какого-нибудь немирного племени. Впрочем, и сам Аввакум с ним не поехал бы, разумно полагая, что воевода способен «среди моря велеть с судна пихнуть», а потом сказать, будто «сам свалился».

ГЛАВА 9

Через месяц тронулся и Аввакум с семьей. Подготовился к пути он неплохо. Свел дружбу с приказчиком, подарил ему книгу, покумился с ним — у Аввакума и Настасьи Марковны родилась девочка, и они с приказчиком-крестным назвали ее Ксенией. Новый друг уделил ему муки, корову, несколько овец из оставшегося пашковского имущества. После прежней скудости это был великий праздник. Отпаивались молоком, наделали в дорогу сыров, засушили мяса...

По другой версии, сам Пашков, отъезжая, «с сердца» дал дойную корову, овец и коз.

Не обошлось без драматических сцен и при отплытии. В легкой барке, кроме жены и пятерых детей Аввакума, поместилось еще с десятков старых, больных и раненых и два мерзавца, которых протопоп в приступе всепрощения решил спасти от справедливой кары. Это были пашковские ябедники, доносчики, исполнители кровавых приказов воеводы. Один из них, Василий, в свое время чуть было на кол Аввакума не посадил. После отъезда Пашкова казаки тотчас стали убивать доносчиков. Василия протопоп выкупил, а другой негодяй бежал в лес. Дождавшись Аввакума по пути, он с плачем кинулся к нему в карбас. Но за ним уже была погоня. Тогда Аввакум велел лечь стервецу на дно лодки, сверху бросил постель и уложил на нее жену с дочерью. Казаки перерыли все на судне, но Настасью Марковну с места не тронули.

— Матушка, опочивай ты, — говорили они. — И так ты, государыня, горя натерпелась!

Аввакум же позволил себе сказать ложь во Спасение ябедника:

— Нету его у меня!

Потом он не без гордости каялся в том, что солгал. И это очень примечательно для Аввакума. С одной стороны, солгал, а с другой — спас человека, который еще способен покаяться и исправиться. Вот и разбирайся Христос на страшном суде в этом деле.

В плавании Аввакуму сопутствовала удача. Стали запасы кончаться, изюбря добыли. В устье Селенги русских людей встретили, станицу соболиную, рыбу они там промышляли. Видно, так плохо выглядели путешественники, что станичники, глядя на них, плакали, пашковские же полчане плакали от радости. Всю рыбу, сорок осетров свежих, предложили им взять в запас.

Мрачно было на душе у Аввакума, когда он впервые оказался на Байкале. А теперь — человек свободный — огляделся, и... ровно другой свет осветил все. Господи, красота-то какая!

Вокруг моря горы высокие, утесы каменные; ветер из тех утесов высек и палаты, и повалуши, и ворота, и столбы!.. Благословенна байкальская земля, растет в ней сам по себе лук большой и сладкий, чеснок растет, конопля, цветы благовонные... На отмелях песок золотой, чище чистого; у берега вода изумрудная, а дальше синяя-синяя, глубокая, холодная, и птиц на воде всяких, гусей и лебедей видимо-невидимо плавают. Как снег. А рыбы в море густо — и осетры, и таймени, и стерляди, и омули, и сиги... Осетры и таймени такие, что на сковороде нельзя жарить — один жир.

Жить бы да радоваться человеку красоте этой, думает Аввакум, так нет: человек все суетится, пустым занимается, скачет как козел, раздувается как пузырь, гневается как рысь, лукавит как бес, обжирается и ржет как жеребец при виде красоты, не им созданной.

Починив карбас и скропав парус из бабьего сарафанишка, пошли через море. Едва переплыли, как началась буря — насилу место нашли от волн. Пока Аввакум в Даурии был, неподалеку от Байкала новая крепостица выросла — Иркутск. К зиме сплыли по Ангаре до Енисейска, где Аввакума хорошо принял воевода Иван Ржевский.

Весной тронулся по Оби. По дороге его перехватили туземцы. Перед этим они только что убили двадцать человек, а его отпустили. Надо думать, что Аввакума хранил его священнический сан — как Пашков с казаками уважали и побаивались туземных шаманов, так и туземцы не хотели навлекать на себя гнев таинственных, потусторонних сил, с которыми непременно был связан «русский шаман». На Иртыше снова засада. Обскочили «иноземцы», пуки со стрелами направили. Аввакум сошел с судна, стал их обнимать. Мужики подобрали, привели своих баб. А уж Настасья Марковна, само обаянье, улестила их. Аввакум уже знает, как много значит настроение женщин, как они умеют повернуть по-своему, и в будущем, вербуя сторонников, он станет опираться именно на женщин.

Вот и теперь мужики спрятали свои луки и стрелы и стали торговать с Аввакумом. Когда он прибыл в Тобольск, там удивились, как ему удалось проехать. Почти по всей Сибири — от Урала до Оби — полыхало восстание башкир, татар, черемисов, хантов и других народов, поднятое Девлет-Киреем, внуком хана Кучума. Он мечтал восстановить «Сибирское царство» своего деда...

В Тобольске пошел десятый год странствий Аввакума. Архиепископа Симеона в городе не было, воеводой сидел Иван Хилков, сын князя Андрея,

старого друга и защитника Аввакума. Для подавления восстания воевода готовил войско по-иноземному, «польскому», строю — тысячу рейтаров и тысячу пехотинцев. Многие были вновь протопопу...

Уже в первых же русских городах на своем пути Аввакум увидел, что никоновские нововведения распространились и довольно прочно утвердились в церковном обиходе. Сперва он недоумевал — ему было известно, что случилось с Никоном. Почему же живет то, что заведено ненавистным патриархом? Как быть? Бороться в открытую? Или скрываться и вести борьбу тайную, что пророчило слабый успех? Он не боялся открыто проповедовать свои взгляды, но ему было страшно за жену и детей, которым тоже пришлось бы пострадать за него.

Настасья Марковна заметила его печаль и неназойливо («с опрятством») стала выпрашивать причину его дурного настроения.

— Как быть, жена? — сказал Аввакум. — Зима еретическая на дворе. Говорить мне или молчать? Связали вы меня!

Жена поняла его с полуслова.

— Что ты, Петрович, говоришь! Слыхала я... ты же мне и читал речь апостола Павла — «соединен с женою, не ищи развода». Я тебя с детьми благословляю: дерзай, проповедуй по-прежнему. А о нас не тужи... Не будем расставаться, а если разлучат, не забывай нас... Поди, поди в церковь, Петрович, обличай блудную еретическую!

В ноги ей поклонился Аввакум. Словно крылья обрел, отряс «печальную слепоту» и начал «учить по градам и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал».

Произнося речи во всех городах, которые он проезжал, выступая в церквях и на торгах, Аввакум довел свое ораторское мастерство до совершенства. Он не стеснялся ни площадного языка, ни крутой народной речи, приводил примеры из своей многострадальной жизни, и ему верили, за ним шли, его слово несло дальше. Еще десятки лет потом начальство доносило об «угаре», которым Аввакум наполнил сибирскую сторону.

Но успехи Аввакума как оратора объясняются не только его талантом. Не говоря уже о подготовленности почвы, на которую падали семена его обличений, в самом Аввакуме, в его духовном мире произошли большие перемены. Сотни раз он был на грани смерти и не умер. И все сильнее и сильнее крепло убеждение, что его берегут высшие силы, что ему предназначена некая высокая миссия... Он уже верил в собственную неуязвимость, в то, что вмещены в него «небо, и земля, и вся тварь». И он решил до конца стоять, по его словам, за «чистоту и непорочность» России. Такая убежденность не могла не удесятить его силы, не могла не

привлекать к нему людей.

В Тобольске Аввакум сперва бывал в церквях, служил в Софийском соборе по-новому, хоть и ругался. Однажды после заутрени в день именин царевны он вздремнул, и «в тонком сне» ему приснилось, как это бывает, именно то, о чем он напряженно думал все время. Христос «попужал» его, пообещал рассечь надвое, если он не будет блюсти веру. В тот день Аввакум, как он каламбурил, «к обедне не пошел и обедать к князю пришел». Во время обеда он был особенно красноречив и растрогал всех, а «боярин, миленькой князь Иван Андреевич Хилков» даже плакать стал. Чувствительностью воевода был в отца.

С той поры Аввакум ходил в церкви только проповедовать. В Тобольске он нашел немало ссыльных ревнителей благочестия, среди которых наиболее видной фигурой был поп Лазарь из города Романова. Одним из первых он начал «свободным языком проповедовать». Аввакум и предполагать не мог, что вместе с Лазарем им в одном костре сгореть придется. А в общем поп был человек веселый, не дурак выпить и рассказать неприличную байку, чем он смущал гостей своего доброго знакомого, тоже ссыльного, а впоследствии знаменитого писателя Юрия Крижанича.

Судьба Крижанича, человека очень крупного и недостаточно еще оцененного, весьма любопытна. По национальности хорват, он принадлежал к знатному, но обедневшему роду. Учился в католических коллегиях в Вене, Болонье и Риме. Его готовили в качестве агента для пропагандистской работы в далекой православной Московии. Он изучил церковную историю, греческий язык и греческую литургию, прочел все литературные известия о России. Зная неприязнь царя к католицизму, он решил действовать среди русских осторожно, сперва «не упоминать о схизме», а только «увещевать их в добродетели». Скупые отцы католической церкви, правда, не снабдили его достаточными средствами, не особенно, видно, веря в успех его миссии. В первый раз он посетил Москву в 1647 году вместе с одним из польских посольств, разговаривал с патриархом и увидел, что католическими догмами тут никого не проймешь. Но рвение его не угасло, и он на свой страх и риск отправился в Россию снова.

На Украине он попал в самую гущу политических неурядиц и написал путевой очерк «От Львова до Москвы», который надеялся представить русскому царю. В 1659 году он вновь оказался в Москве. Он мечтал написать грамматику славянского языка, составить лексикон, а также собрать материал для обличения «инородников», клеветавших на славян. У

него возникла идея объединения всех славян под властью царя, но царь... должен был признать главенство папы. Он предложил Алексею Михайловичу свои услуги в качестве царского библиотекаря. Но тут католику не поверили и на всякий случай сослали в Сибирь, обеспечив безбедное существование. В Тобольске он написал большой труд под названием «Политические думы».

Этот трактат, в котором есть разделы историко-философский, экономический и политический, написан на странной смеси русского, сербохорватского и польского языков. Таким представлял себе общеславянский язык панславистски настроенный Крижанич. Он очень благожелательно отнесся к московской действительности, пророчил русскому государству великую будущность. Он верил во всемогущество русского абсолютизма и справедливо ждал от него реформ в области народного образования и экономики. Знания Крижанича энциклопедичны, он цитирует произведения сотен писателей, древних и новых. Горячо отстаивая власть просвещенного монарха, он не менее горячо выступает и против тирании. Главным для могущества славянских народов Крижанич считал неуклонное выполнение нравственных законов и борьбу против «чужебесия», борьбу против проникновения чуждого духа, так как это ведет к ослаблению нравственности, раздорам, к закабалению нации.

И Аввакум захотел увидеть этого человека, который был бы ему духовно близок, если бы не одно весьма важное обстоятельство... Послушаем, что рассказал об их встрече Крижанич:

«Аввакум (когда его из Даур в Москву везли) послал за мной и вышел на крыльцо навстречу. Только я хотел на лестницу взойти, как он говорит мне:

— Не подходи, стой там! Признайся, какой ты веры?

— Благослови, отче, — сказал я.

— Не благословлю. Скажи сперва, какой ты веры?

— Отче честной, — ответил я, — я верил во все, во что верует святая апостольская, соборная церковь, и иерейское благословение почту за честь. И прошу эту честь оказать мне. Я готов сказать о своей вере архиерею, но не первому встречному, к тому же еще и сомнительной веры...»

Так будто бы отбрил протопопа Крижанич. И описал он эту встречу в «Обличении Соловецкой челобитной», в котором обращался к сторонникам Аввакума. «Вот видите, отцы, каков ваш апостол, — добавил он. — Такой бы и Христа осудил за то, что тот позволил Марии Магдалине ноги себе целовать».

Крижанич выступал против «чужебесия». А для Аввакума

«чужебесием» было латинство, католичество Крижанича. Нетрудно углядеть в этом некую иронию относительности...

В начале 1664 года Аввакум с семьей благополучно проехал до Сухоны через охваченный восстанием край. С ними уехала из Тобольска калмычка Анна, все же постригшаяся в монахини. В Великом Устюге к ним присоединился местный юродивый Федор, ходивший всю зиму босой, в одной рубашке. Когда он забегал в церковь, его спрашивали:

— Как же ты после мороза в тепле стоишь?

— Когда отходят ноги, очень болят, — отвечал он и стучал по кирпичному полу ногами, как деревяшками.

Аввакум у него в келье обнаружил псалтырь новой, никоновской, печати и тотчас стал объяснять юродивому «еретичность» новых книг. Федор схватил книгу и бросил ее в печь. Так Аввакум приобрел верного и очень важного сторонника.

В Москве Аввакума встретили «как ангела божия». И царь, и бояре — все были рады ему. Царский постельничий Федор Ртищев выскочил на крыльцо встречать его. Три дня и три ночи проговорили они; все Ртищев не отпускал увлекательного собеседника. Потом повел протопопа к царю. Алексей Михайлович справился о здоровье, дал руку поцеловать и пожать, распорядился поселить Аввакума на монастырском подворье в Кремле. Проходя мимо Протопопова двора, царь всякий раз низко кланялся Аввакуму и просил благословения. Однажды Алексей Михайлович ехал верхом и, снимая шапку-мурмолку перед протопопом, уронил ее наземь. Из кареты высовывался, завидев Аввакума. А следом и бояре к нему «челом да челом»...

Царь любил талантливых людей. Да и нужен был ему протопоп сейчас, когда окончательно решался вопрос о патриаршем престоле — и свободном, и вроде бы еще занятом отсутствовавшим Никоном. Но Аввакум не оправдал надежд царя. Он подал бумагу, известную под названием «Первой челобитной».

В ней он писал, как, живя на Востоке «в смертях многих», он надеялся, что в Москве тишина, а застал раздор церковный. Мало было морового поветрия из-за «Никоновых затеек»! Будут и еще беды. Как было тихо и немятежно при протопопе Стефане Вонифатьеве, скончавшемся в 1656 году, никого он не губил, как Никон. Докучает он, Аввакум, государю рассказами о своих бедах, но что было, то было. И ребра ломали, и кнутьем мучали, и на морозе голодом томили. И все-таки не хочет душа принимать законов беззаконных. Не время ли отложить служебники новые, «никоновы

затейки дурные». Исторгнется злой корень — пагубное учение, кротко и тихо станет царство Алексея Михайловича...

И еще рассказал Аввакум о своих странствиях и о самодурстве Афанасия Пашкова. Но просил не мстить воеводе, а велеть ему постричься в монахи, чтобы впредь не сидел он нигде на воеводстве и не губил бы людей.

В первые же дни по приезде Аввакума в Москву Пашков понял, что дело его плохо. Он боялся разорения, пыток, злой смерти и хотел откупиться, предлагал протопопу много денег. Но Аввакум денег не взял. Другое у него было на уме — он жаждал моральной победы. И одержал ее.

Не выдержал Пашков пытки ожидания и послал за Аввакумом. Протопоп пришел к нему на двор, и грозный воевода бросился ему в ноги.

— Делай со мной, что хочешь!

Еще в Даурии Аввакум говорил, что Пашкова постричь надобно. И теперь он торжествовал. Вместе с монахами Чудовского монастыря он постриг и посхимил Пашкова. Самолюбие старого, но еще деятельного воеводы было уязвлено так сильно, что его разбил паралич, и он вскоре умер.

А вот дело с отменой «никоновых затеек» не сдвинулось ни на шаг.

ГЛАВА 10

Война с Польшей положила конец вековой борьбе, так как выявился перевес России. Воссоединились русские земли, возросла государственная мощь. Была выбита почва из-под политических притязаний католицизма. Более того, появилась возможность объединить духовные усилия Москвы и Киева для перехода в наступление на католицизм. Но для этого необходимо было не только перенять западнорусский опыт идеологической борьбы, но и с помощью ученых украинцев и белорусов овладеть системой пропаганды, применявшейся противниками России. И это невольно приводило к сближению и взаимному проникновению двух великих (русской и западной) культур.

Рядовые московские воины, побывавшие в западных областях России, привыкали к новым обрядам, отстаивали службы вместе с православными украинцами и белорусами, крестившимися тремя перстами. Царь Алексей Михайлович с великим удовольствием внимал киевскому церковному пению, а потом вводил такие распевы в Москве. Во время похода он и его окружение общались с католиками, среди которых были люди занятные и умные, и постепенно приучились к веротерпимости. Много белорусов и украинцев приехало в Москву. Они не были иностранцами и поэтому не знали ограничений, жили свободно среди москвичей. Грамотные и обходительные, они сразу же обзаводились широким кругом знакомых, что не могло не порождать либеральных веяний, подтачивавших скалу московской исключительности.

Иностранцы тоже охотно ехали в Московию. Их привлекали выгодными условиями и не отпускали, пока они не передавали свое мастерство переимчивым и способным русским ученикам. Особенно много иноземцев было в армии. Европа переживала смутное время. Фронда и регентство Мазарини во Франции... Гражданская война, казнь Карла I, правление Кромвеля в Англии... Эмигранты-дворяне из Англии и Шотландии неплохо приживались в Москве. Иные, перейдя в православие, становились совсем русскими помещиками, сидели сиднями в своих деревнях и даже, по обычаю некоторых русских, сказывались в нетях, когда надо было являться на службу...

В домашних библиотеках москвичей появилось много иноязычных и переводных книг. Уже у Никона был Демосфен и Плутарх. Во второй половине XVII века на русский язык перевели сто семнадцать книг, три

четверти из которых были светскими. Сам Алексей Михайлович не гнушался носить польские и западные костюмы, завел во дворце иноземную мебель. А вскоре будет и «немчин играть в органы», а царица смотреть театральные представления... В домах бояр висели картины западных мастеров, хлопотали польские и немецкие слуги.

Петр I ступил на уже подготовленную почву. Как бы ни впечатляла его деятельность, не он первый задумал и начал осуществлять воссоединение русских земель, укрепление западных и южных границ и знаменитые реформы. Алексей Михайлович не собирался резко менять русский уклад на западный, но и не отказывался от полезных новин. Что же касается резания бород, то у Петра I были и бритые враги, и бородатые друзья...

За несколько месяцев до возвращения Аввакума в Москву там же появился образованный монах Симеон, замеченный Алексеем Михайловичем в Полоцке еще во время военного похода. Способный проповедник и стихотворец, он стал учителем царских детей, втолковывал Алексею Михайловичу западные идеи абсолютизма.

Неурядицы, шатания, анафемы — все это подрывало уважение к церкви. Во время патриаршего междуцарствия, длившегося девять лет, царь все чаще вмешивается в церковные дела и даже поручает присматривать за ними своему боярину Семену Лукьяновичу Стрешневу, который стал как бы предтечей оберпрокурора Синода.

Никона не любил никто — бояр унижала его властность, церковники страдали от его суровости, народ видел в нем нарушителя старых верований и обычаев. Но реформа не была личным делом Никона. Ее хотел царь, ее освятили восточные патриархи, и, что самое главное, она расширяла политические возможности Русского государства.

Падение Никона заставило его противников еще больше сомневаться в правильности реформ. Алексея Михайловича буквально засыпали челобитными; на всех улицах и перекрестках по всей Руси обсуждалась правка книг. Люди читали, выискивали исправления, спорили. Это было доступно всем знавшим грамоту. Пока каждый мог свободно высказать свое мнение, и каждый дорожил им.

Новые переводы книг не были совершенными. Сам Никон греческого языка не знал. Главным переводчиком и справщиком книг при нем был Арсений Грек, который только во время ссылки в Соловки выучился говорить по-русски. В тонкостях русского языка он не разбирался, не всегда умел подыскать нужное слово или оборот, и поэтому его переводы уступали старым в ясности и точности, многие выражения в них звучали

для русского двусмысленно и чуждо. Критики, помня нечистоплотное прошлое Арсения Грека, обвиняли его в намеренном искажении текстов.

Епифаний Славинецкий был человеком высокой культуры, ученым, проповедником, переводчиком. Но в последнем качестве он известен как крайний приверженец буквализма. Епифаний насиловал природу русского языка, шел на поводу у греческого строя речи. Он просто подставлял вместо греческих слов русские, выстраивал их в искусственные и маловразумительные сочетания. Изобретал собственные слова. Естественно, это давало обильную пищу для толкований и обвинений.

Иван Неронов уже через год после ухода Никона подал царю челобитную об избрании нового патриарха. Ее подписали «всяких чинов люди», считавшие, что пора кончать со смутой. Суздальский поп Никита Добрынин, известный в истории под прозвищем Пустосвят, подал на архиепископа Стефана донос за то, что тот употреблял никоновские обряды, и собор 1660 года едва не осудил Стефана. В Соловецком монастыре новых книг не признавали, но царь приглашал соловецкого архимандрита к своему столу. Церковные иерархи чувствовали себя неуверенно: одним больше нравилось старое, другим — новое. Царь гневался на упрямых епископов, но решительных мер пока не принимал.

Еще до возвращения Аввакума из Сибири стала складываться литература в защиту старых обрядов. Родственник Ртищева архимандрит Покровского монастыря Спиридон Потемкин обвинял исправителей книг в латинской ереси.

Он и другие проповедовали:

Создав церковь, Христос обещал ей существование до скончания века. «Созижду церковь мою, и врата адовы не одолеют ее». А посему церковь недвижима в своем устройстве и догматах. Знамя церкви держат в Русском государстве. В писании говорится, что древний змий, который есть дьявол и сатана, был окован ангелом с неба на тысячу лет. «И егда скончается тысяща лет, разрешен будет сатана от темницы своея, и изыдет прельстити языки сущия на четырех углах земли». В XI веке западная церковь отпала от восточной. Еще через 600 лет Западная Русь приняла в Бресте унию. Еще через 60 лет Никон произвел перемены в московском благочестии. А после 1666 года (число зверя — 666) придет и сам князь тьмы, антихрист в образе человека.

Это очень действовало на умы.

В лесах под Вязниками образовалась целая колония «лесных старцев». Ученики Капитона — француз Вавила, Леонид, Василий Волосатый —

проповедовали уже не укрощение плоти, а самоубийство голодом. Изуверы-морильщики сотнями запирали людей в избах, но сами в голодовках не участвовали, несли свою ужасную проповедь дальше. К 1665 году изуверы стали призывать крестьян запираяться в овинах и сжигаться. Десять последующих лет весь Север был охвачен массовыми «гарями», как тогда называли самосожжения.

Близок по духу Спиридону Потемкину и «лесным старцам» был внук крепостного из поместья Одоевских дьякон московского Благовещенского собора Федор Иванов. Этот молодой еще человек увлекся вопросами обряда, изучил греческий и латинский языки, раздобыл старинные книги и писал сочинения, полные мрачных предсказаний. Впоследствии они с Аввакумом пояснили пришествие антихриста, «сына погибели». Он будет человеком, определенной личностью, «зачатой от блуда» еврейской женщиной «от колена Данова». И он «воцарится в Риме, но пройдет мучительно и до Иерусалима». Там, в своей столице, он будет первым среди одиннадцати земных царей, начав покорение прилежащих стран с Египта.

Гнетущее беспокойство заставляло обращаться к туманным словам древних книг, к сочинениям Кирилла Александрийского, например, и толковать по-своему откровения Иоанна, предсказывавшего появление царя, «которому надлежит пасти все народы жезлом железным».

Все это будоражило русский народ, катилось до самого Дона и дальних сибирских краев, подготавливая почву для появления сотен старообрядческих группок и сект, наслаиваясь на недовольство крестьян все туже завинчивающимися тисками царской и боярской власти.

Старая гвардия ревнителей благочестия почти сошла на нет. Неронов совсем одряхлел, да и примирился он с нововведениями. Но возвращения Аввакума добивался неустанно. Молва о страданиях и огнепальной проповеди протопопа в Сибири возбуждала любопытство, надежды, тревогу.

Тревогу испытывал царь. Но как трезвый политик, он рассчитывал на сокрушительную работу времени, денег, власти. Аввакум, насколько помнил Алексей Михайлович, простодушно любил всяческие почести. И эти почести были ему оказаны.

Протопопу сказали прямо: уймись, и ты получишь любое место. Даже наивысшее — место царского духовника. Заготовили и показали ему бумагу о назначении. Но Аввакум «не захотел, да не захотел же...»

Уговаривать Аввакума поручено было Родиону Стрешневу,

впоследствии боярину и «дядьке» царевича Петра. И если царь надеялся «исправить» протопопа, то и Аввакум чаял того же. Он так и сказал Стрешневу: мол, «помаленьку исправится» царь. Стрешнев хохотал — такое о царе можно было сказать только в шутку.

Царь велел вознаградить протопопа. «Пожаловал, ко мне прислал десять рублей денег, царица десять рублей же денег, Лукьян духовник десять рублей же, Родион десять рублей же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных и нечева сказывать: всяк тащит да несет всячиною!» Поскольку Аввакум отказался от духовничества, ему посулили, что с сентября 1664 года он сядет на Печатном дворе и будет править книги.

Большей радости Аввакуму трудно было доставить. Но еще в августе боярин Салтыков передал ему царский выговор:

— Власти на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил. Поедь в ссылку опять.

Что же стало причиной царского гнева? Что успел сделать Аввакум за свое сравнительно короткое пребывание в Москве?

Очень многое.

До приезда Аввакума многочисленные противники никоновской реформы действовали всяк на свой риск. У них не было признанного главы, руководителя, который бы объединил разрозненные усилия и создал мощное движение. Теперь такой руководитель появился. Десятилетняя ссылка в Сибирь, непоколебимая стойкость и приверженность к «родной святой старине», громадная начитанность, редкая способность в любых условиях постоять за свои убеждения — все это создало ему непререкаемый авторитет. Аввакум воспринял признание своих заслуг как нечто само собой разумеющееся и пошел напролом — он действовал смело, не знал колебаний и не шел ни на какие уступки.

Любопытно, что первыми обвинение в расколе бросили именно Аввакум и его друзья. Для Никона, а потом для Алексея Михайловича такого понятия не существовало — были строптивцы, возмутители спокойствия и не более того.

Аввакум был желанным гостем в домах московской знати. Многие становились его духовными сыновьями и дочерьми. Умный и тонкий психолог, отличный рассказчик, протопоп притягивал к себе людей как магнит. Так он сразу сблизился с боярыней Феодосьей Прокопьевной Морозовой и ее сестрой княгиней Евдокией Прокопьевной Урусовой. Обе были дочерьми окольничьего П. Ф. Соковнина, близкого родственника и дворецкого царицы. Феодосью рано выдали замуж за Глеба Ивановича

Морозова, брата царского «дядьки и пестуна», а потом всеильного временщика Бориса Ивановича Морозова. Рано же овдовев, она по-прежнему занимала высокое место при царице Марии Ильиничне, была ее ближней боярыней и подругой. И Соковнины, и Морозовы имели сказочно большие состояния. По словам Аввакума, только у Морозовой было тысяч восемь крепостных и всякого имущества на полтораста-двести тысяч рублей. Она выезжала в золоченой карете, которую тянули полдюжины горячих аргамаков и сопровождали до сотни слуг, расчищавших путь, «оберегавших честь и здоровье» боярыни.

Женщина экзальтированная, она тянулась к славному сибирскому мученику и самозабвенно служила его делу. Свой дом она превратила в подобие монастыря, наполнила его монахинями, нищими, юродивыми, которые, имея доступ в любой московский дом, усердно помогали Аввакуму настраивать общественное мнение.

Морозова жила без мужской ласки. Нервная любовь к единственному сыну и лихорадочная деятельность в защиту старины стали смыслом ее существования. Современным романистам, заглядывающим в XVII век, всегда соблазнительно бывает внести в отношения Феодосии и Аввакума некий романтический оттенок, а то и намекнуть на возможность близости между ними. Поводом к тому может быть имеющееся в делах XVII века неподтвержденное обвинение в том, что, водясь с протопопом Аввакумом, боярыня Морозова будто бы «робят родит».

— Вдова я молодая, — говорила она Аввакуму. — Хочу тело свое умучить постом и жаждою...

В своем постничестве она доходила до крайностей. Носила власяницу. Ложилась спать при слугах «на перины мягкие под покрывала драгоценные», а потом перебиралась тайком на пол, покрытый рогожкой.

У своей духовной дочери Аввакум «не выходя жил во дворе». Часто бывал он и у родственницы царицы — боярыни Анны Петровны Милославской, внучки знаменитого князя Дмитрия Пожарского. К Федору Михайловичу Ртищеву за Боровицкие ворота он ходил «браниться с отступниками». Кстати, Феодосья Морозова была двоюродной сестрой начальника приказа Большого Дворца Ртищева, а ученый старовер Спиридон Потемкин — его дядей по матери.

Ртищев, как мы уже говорили, покровительствовал украинским монахам и стоял за новшества, но не забывал и ревнителей старины. Он любил слушать их оживленные и продолжительные споры. Даже не углубляясь в догматическое существо споров, можно представить себе, как темпераментно Аввакум состязался в красноречии со своим земляком

архиепископом Иларионом, царским духовником Лукьяном, Епифанием Славинецким, Симеоном Полоцким...

С Симеоном, «Семенкой-чернецом», Аввакум познакомился на приеме у царя тотчас по приезде из Сибири. «Видев он ко мне царевы приятные слова, — писал Аввакум, — прискочил ко мне и лизал меня. И я ему сказал:

— Откуда ты, батюшка?

Он же ответил:

— Я, отеченька, из Киева.

Я вижу, похож он на римлянина (католика. — Д. Ж.). У Федора Ртищева с ним в палате считались...»

«Счеты» они с Симеоном сводили до полного изнеможения и расходились «как пьяные».

Однажды Аввакум пришел на свой двор от Ртищева «зело печален, так как в дому у него шумел много о вере и законе». И застал у себя непорядок — Настасья Марковна побранилась с вдовой Фетиньей, жившей в семье Аввакума. Еще не остывший от споров, он сгоряча побил обеих. «Да и всегда такой я, окаянный, сердит, драться лихой».

А в то время в избе у Аввакума жил, прикованный к стене, буйнопомешанный Филипп. В Древней Руси к помешанным отношение было боязливо-почтительное. Считалось, что в буйных вселялись бесы, и лечили их не врачи, а священники и монахи. Таких «бешеных» в «житии» у Аввакума можно насчитать с десяток. Он держал их на цепи и пользовал молитвой и уговорами. Ухаживал за Филиппом юродивый Федор, которого Аввакум вывез из Великого Устюга.

Юродивые, «блаженные» отказывались от мирских благ, но жили в миру, отличаясь истовостью веры и буквальным соблюдением евангельских заповедей. Их нечувствительность к холоду и голоду, обостренная прозорливость и другие способности, несвойственные обыкновенным людям, производили впечатление чуда^[16]. Юродивые почитались и в народе и во дворцах. Пользуясь народным покровительством, они бесстрашно говорили с царями и боярами. Аввакум умел так привязывать к себе «блаженных», что они становились самыми яростными защитниками его дела, шли за него на костер и на виселицу. Такая судьба ждала и Афанасия, жившего в доме у Морозовой, и Киприана, и Федора, переписывавшего те места из книг, которые подбирал Аввакум для своей полемики с никонианами.

Возвратимся на первое, как говаривал Аввакум. «Бешаной» Филипп, встревоженный ссорой протопопа с домашними, пришел в неистовство,

рвал цепь и дико кричал. Женщины и дети перепугались. Аввакум, которого уже охватило раскаяние за то, что он «оскорбил гораздо» Настасью Марковну, пошел укрощать помешанного. Обычно протопоп легко справлялся с ним, но на этот раз, угнетенный сознанием вины, он даже не стал бороться с Филиппом, когда тот принялся бить и терзать его, приговаривая:

— Попал ты мне в руки! Не боюсь я тебя!

Наконец Филипп отбросил Аввакума. Полежав немного, протопоп «с совестью собрался», нашел жену и поклонился ей в ноги.

— Настасья Марковна, прости меня, грешного! — со слезами на глазах просил Аввакум. И Настасья Марковна, тоже поклонившись, простила мужа. Просил прощенья он и у Фетиньи.

Однако совесть его все была неспокойна. Русский человек, если он в ладу с собственной совестью, необорим. Он может быть и жестоким во имя дела, к которому прикипел душой. Но стоит ему почувствовать вину, душевный разлад, как угрызения совести начинают опустошать его, заставляют искать наказания и даже гибели.

Несмотря на прощение, Аввакум чувствовал себя несчастным. Совесть его успокоилась только тогда, когда он лег посреди горницы и заставил всякого — жену, детей, человек с двадцать — стегать его плетью «по окаянной спине». И когда каждый со слезами отпускал ему по пять ударов, Аввакум приговаривал:

— А кто бить меня не станет, тот не получит со мною места в царствии небесном!

За себя он был совершенно уверен. И с этой верой в свое избранничество он снова писал, говорил, плакал своих сторонников, вербовал новых... Трудно даже перечислить все то, что написал и сделал Аввакум за свое короткое пребывание в Москве в 1664 году.

И надо сказать, что никто не стеснял его свободы. В церкви было шатание, а царь пока предпочитал действовать уговорами. О широте этой свободы говорит хотя бы то, что многочисленные приверженцы старых обрядов созывали свои соборы. Так, среди участников одного из соборов мы встречаем и знакомые нам имена Аввакума, Спиридона Потемкина, попа Лазаря, вернувшегося из Тобольска, юродивого Афанасия, ставшего иноком Авраамием... Это был уже настоящий раскол. И рассуждали-то они о том, следует ли перекрещивать переходящих от никониан в старую веру.

Вскоре церковные власти явственно ощутили, что Аввакум «своим учением прихожан отлучил многих». Церкви стали пустовать. По отношению к попам многие вели себя дерзко. Сторож Благовещенского

собора Андрей Самойлов, например, «называл митрополита и архиепископов проклятыми и бранил их матерны».

Долго так продолжаться не могло.

Церковные власти, «как козлы, пырскать стали» на Аввакума, а потом лопнуло терпение и самого царя Алексея Михайловича. У царя уже была договоренность с восточными патриархами о лишении Никона патриаршьяго сана. Кому быть новым патриархом? Аввакум не мог оставаться в стороне от столь важного дела. И он составил челобитную, которая до нас не дошла. Как некогда Стефан Вонифатьев с ревнителями благочестия рекомендовали через царя патриарху Иосифу «кто в какие владыки годятся», так и теперь Аввакум перечислил людей, способных, по его мнению, занять патриарший престол. Что это были за люди, можно судить хотя бы по предложенному протопопом Никанору, будущему руководителю Соловецкого восстания.

Увы, времена царского послушания ушли вместе с его молодостью. Да и получить аудиенцию было нелегко. В своей первой челобитной Аввакум просил царя «наедине светносное лицо твое зрети», но мы знаем только о том, что Алексей Михайлович принимал его вместе с другими, и о разговоре с глазу на глаз нет нигде и намека.

Аввакум всегда и всюду старался подчеркнуть непринужденность своих отношений с царем, в письмах называл его просто Михайловичем, а тут он сказался занемогшим и послал с челобитной к царю своего верного юродивого Федора.

Юродивый не стал раздумывать и ринулся к проезжавшему в карете царю напролом, расталкивая стражу. Царь протянул было руку, но в тесноте людской не достал письма. Стрельцы схватили Федора и посадили его в караульное помещение, что было под Красным крыльцом царского дворца. Обнаруженное при нем письмо все-таки попало к царю.

Федора отпустили, но вскоре он подошел к царю в церкви и «учал юродством шаловать», то есть кликушествовать, выкрикивая обвинения, которые слышал от Аввакума. Алексей Михайлович просто отослал Федора домой, но тот сказал Аввакуму, будто его зовет царь. Аввакум пришел и поклонился, царь тоже ему поклонился. Наступило неловкое молчанье. «Да так и разошлись; с тех мест и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал...» А юродивого царь велел отослать в Чудов монастырь, где его заковали в цепи...

Челобитная была подана 22 августа, и, видно, в ней Аввакум «наворчал» столько, что царь уже не мог стерпеть... Впрочем, именно в этот день архимандрит Чудова монастыря Павел был поставлен

митрополитом сарским и подовским, а так как его резиденция была в Крутицком подворье, то по традиции он назывался крутицким митрополитом. Павел был знатоком польского и латинского языков и ярым приверженцем реформы. Жестокого и решительного, его не раз назначали местоблюстителем патриаршего престола. Именно ему поручили готовить собор и осуждение Никона. Это могло означать только одно — царь решил покончить с шатаниями, и можно представить себе, какое впечатление на него произвело «моленейцо» Аввакума о смене иерархов.

Уже через неделю, 29 августа, Аввакума с семьей сослали на дальний Север, в заполярный город Пустозерск. Ехало всего двенадцать человек, а провожал их известный своей дерзостью сторож Благовещенского собора Андрей Самойлов. По дороге разболелись малые дети Аввакума, и с разрешения двинского воеводы князя Щербатова семья больше месяца прожила в Холмогорах. Недели с четыре пробыл у них и Самойлов. Вероятно, с ним Аввакум отправил царю письмо. Приближалась студеная пора, и он боялся, как бы нездоровые ребятишки не перемерли во время трудного пути, который предстояло проделать на оленях. Да и Настасья Марковна опять была на сносях.

Аввакум напомнил Алексею Михайловичу о прошлых своих мучениях, о том, что у него в Даурии умерло два малолетних сына, и просил оставить его в Холмогорах.

Это письмо 21 ноября отдал царю в Москве юродивый Киприан, один из духовных сыновей Аввакума.

Хлопотал за него и Неронов. Дьякон Федор тоже подал челобитную об освобождении Аввакума царскому духовнику Лукьяну, «и он в глаза бросил с яростию великою»...

Дьякона Федора арестовали. А следом суздальского попа Никиту Пустосвята и других. И всех выслали на Север. После чистки Москвы пришла очередь для карательных экспедиций в северные и восточные провинции государства. Полковник Лопухин схватил «лесных старцев». Воспитанника Сорбонны Вавилу сожгли. Лопухин прочесал Керженец и Среднее Поволжье. Севернее действовал полковник Артамон Матвеев...

Аввакум с семьей добрались только до Мезени да там и остались. Это было в декабре 1664 года. Мезенский воевода Алексей Христофорович Цехановицкий не мог отправить их дальше, в Пустозерский острог, так как местные крестьяне учинили бунт и отказались везти ссыльных и стражников. В январе 1665 года Аввакум писал царю: «А корму мне твоего, государева, из казны не идет, терплю всякую нужду... Не вели нас,

двенатцети человек, поморить безгодною смертию с голоду и без одежды, и вели, государь, нам из своей государевой казны давать корм по своему государеву рассмотрению, хотя по алтыну в день на человека, чем бы нам в сих безхлебных странах быть сытым». О разрешении тратить казенные средства на прокорм семьи Аввакума просил и Цехановицкий.

И хоть писал протопоп жалостные письма, в правоте своей у него сомнений не было. По пути во всех городах он произносил проповеди, «пестрообразных зверей обличал».

Аввакум поселился в большой слободе, что была основана в устье реки Мезени в середине XVI века новгородским боярином Окладниковым и славилась своими крещенскими ярмарками. Правда, ко времени ссылки Аввакума торговля на Мезени стала хиреть, поскольку царь, заботясь о развитии Архангельска, запретил иностранным кораблям «приставать и торговать с немцы русским людям никому не давати, а велеть итти кораблем к Архангельску городу к корабельной пристани...».

На Мезени Аввакум обзавелся избой, промышлял рыбу и служил в церкви. По преданию, сохранившемуся в тех краях, голос у него был настолько мощный, что слова, произнесенные им во время обедни, долетали до другого конца слободы.

Настасья Марковна родила ему здесь еще одного сына — Афанасия.

Сидя у самого Белого моря, Аввакум не порывал связи с Москвой ни на месяц. В посылаемых с гонцами или оказией письмах москвичи пеняли Аввакуму на его неосторожное поведение в Москве, повлекшее за собой разгром сплотившихся было противников церковной реформы. Он и сам признавал, что оказался негибким политиком, что «гной расшевелил и еретиков раздражил», но молчать отказывался — «если нам умолчать, то камни возопят».

В Окладниковой слободе Аввакум стал свидетелем и действующим лицом драмы, которая теперь кажется совершенно дикой. Но для суеверного люда XVII века она была характерна и потому подробно описана в «Житии».

Аввакум часто бывал гостем местного воеводы Алексея Цехановицкого. Ясновельможного пана и доброго католика превратности войны привели в Москву и заставили принять православие. Но пан втайне проклинал «схизматиков» и держался римско-католической веры. А жена его Ядвига, ставшая на Руси Евдокией, прониклась православным духом. «Грамоте умела, панья разумная была, проклинала зело усердно римскую веру», — вспоминал Аввакум, не оставлявший заботами свою новую духовную дочь.

Навсегда запомнились Аввакуму последние дни этой несчастной полячки. Обрушилась на нее послеродовая горячка, металась пани Цехановицкая в бреду и, едва придя в себя, решила исповедаться Аввакуму:

— Все из-за мужа, батюшко, наказует меня бог, — говорила она. — Втайне он держит римскую веру... Слава Христу, что избавил меня от нее... Русская вера как солнце сияет против всех вер... Но и вы грешите, разделяясь. Худы затеи новые и мрачны зело: умри ты, за что стоишь, и меня научи, как умереть... Причасти меня... Сказали мне — ныне или завтра умру... Помилуй, батенько, миленький мой!..

Она села на постели и, рыдая и дрожа, ухватилась за Аввакума. Он уложил ее в постель. Разум ее снова помутился. Евдокия показывала рукой куда-то в угол и кричала:

— Отченько мой, вот черти пришли... взять меня хотят!..

Протопоп усиленно кадил и брызгал кругом водой.

В руках у больной оказался крючок из согнутой булавки. Она кричала, что этим крючком вынула свою душу и отдала ее чертям. Бред ее Аввакум принимал всерьез, но на всякий случай справился у служанок, не они ли дали булавку безумной.

Воевода Цехановицкий сделал попытку спасти не душу, а тело жены. Как только Аввакум ушел, он дал ей напиток, приготовленный каким-то местным знахарем, — пиво, сваренное с целебными кореньями. Но у нее снова начался припадок. Аввакум, которому сообщили об этом, прибежал и стал бранить пана. Они поругались, и протопоп, забрав Настасью Марковну, сидевшую у постели больной, покинул дом воеводы.

На другой день Цехановицкий прислал за Аввакумом, Евдокия в безумии своем в кровь избилась об пол и стены.

— Из-за мужа меня мучат бесы, из-за веры его! Не муж он мне! — кричала она.

Пан Цехановицкий сгоряча ударил ее по щеке и тотчас устыдился своего поступка. Аввакум велел ему выйти из избы, а потом причастил больную. Измученная женщина затихла, вздохнула и скончалась.

Аввакум похоронил ее не у церкви в Окладниковой слободе, где жили Цехановицкие и Петровы, а на берегу Мезени. Здесь в дни короткого северного лета, под незаходящим полярным солнцем некогда любила сидеть пани Цехановицкая. В туманной дали за широкой неспокойной черной водой чудились ей иная жизнь и теплые края...

Полтора года прожил Аввакум на Мезени. И если до ссылки он действовал, а власти нерешительно наблюдали за ним, то теперь в Москве времени не теряли...

ГЛАВА 11

В тот год, когда Аввакума снова отправили в ссылку, в ночь с 17 на 18 декабря к московской заставе подъехал санный поезд.

— Кто едет? — закричали сторожа.

— Власти Савина монастыря.

Поезд направился к Кремлю, а там и к Успенскому собору.

Служили заутреню. Вдруг загремели и растворились двери. Вошла толпа монахов, за ними внесли крест, а за крестом явился патриарх Никон и стал на патриаршем месте. Раздался знакомый повелительный голос, которого давно было не слышать в Успенском соборе:

— Перестаньте читать!

Монахи Воскресенского монастыря, приехавшие с Никоном, запели по-гречески «Исполаэти деспота», славя владыку. Патриарх подозвал под благословение ростовского митрополита Иону.

— Поди, — сказал он, — возвести великому государю о моем приходе.

«Немедленно забежали огни во дворце, — подробно описывал это событие историк С. М. Соловьев, — отправились посланцы за архиереями и комнатными боярами; шум, смятение, точно пришла весть, что татары или поляки под Москвою; архиереи, бояре перемешались, все спешило вверх по лестнице... Царь, в сильной волнении, объявил им новость; бояре начали кричать, архиереи, качая головами, повторяли: «Ах, господи, ах, господи!»

Очень скоро к Никону явились посланные бояре и сказали ему:

— Ты оставил патриарший престол самовольно, обещался вперед в патриархах не быть, съехал жить в монастырь, и об этом написано уже к вселенским патриархам. А теперь ты для чего в Москву приехал и в соборную церковь вошел без ведома великого государя и без совета всего освященного собора? Ступай в монастырь по-прежнему.

Не так просто было спорить с Никоном, требовавшим свидания с государем или хотя бы передачи царю письма...

И когда в третий раз пришли к нему крутицкий митрополит Павел с боярами и возвестили неизменность царской воли, то Никон покорился.

Приложившись к образам, он взял посох Петра митрополита, служивший традиционным отличием патриаршего сана, и пошел к дверям.

— Оставь посох, — сказали ему.

— Отнимите силою, — ответил Никон и вышел из собора.

Еще не кончилась эта тревожная ночь, и в предрассветном небе горела хвостатая комета. Садясь в сани, Никон отряхнул ноги и сказал евангельскими словами:

— А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших.

Стрелецкий полковник, приставленный к нему в провожатые, не замедлил вернуть:

— А мы этот прах подметим!

— Да разметет господь бог вас той божественной метлой, — ответил Никон, показав на комету.

Еще не доехал Никон до Вознесенского монастыря, а заставили его таки отдать посох. На просьбу же увидеть в Москве царя ответили:

— Великий государь указал тебе сказать: из-за мирской многой молвы ехать тебе теперь в Москву непристойно, потому что в народе теперь молва многая о разности в церковной службе и печатных книгах... Так из-за всенародной молвы и смятения изволь теперь ехать назад... пока будет об этом собор в Москве, и к собору приедут вселенские патриархи и власти; в то время тебе дадут знать, чтоб и ты приезжал на собор, а на соборе великий государь станет говорить обо всем...

А прискакали к Никону верхами и вели переговоры с ним митрополит Павел крутицкий, чудовский архимандрит Иоаким, окольный Родион Стрешнев и дьяк Алмаз Иванов — все люди новые, сильные и жестокие, царю преданные. Суровый Иоаким, бывший воин и будущий патриарх, ответил как-то царю:

— Я, государь, не знаю ни старой веры, ни новой, а готов делать все, что велят начальники, и слушать их во всем.

На военный лад строит новую церковь царь Алексей Михайлович, подбирает архиереев, что военачальников. Таков и Павел крутицкий. Никон ему сказал тогда:

— Тебя я знал в полах, а в митрополитах не знаю; кто тебя в митрополиты поставил — не ведаю...

Знал Никон, кто поставил Павла. Был у царя помощник грек Паисий Лигарид, выдававший себя за митрополита Газы. Ох, и извилистый же путь привел Лигарида в богатую Москву. Он учился в иезуитской коллегии. Перейдя в православие, ловкий мошенник добился кафедры в Газе, но продолжал вымогать жалованье у католической конгрегации Пропagанды. Патриарх Паисий проклял Лигарида и лишил кафедры. Тогда Лигарид оказался в Москве с подложными документами. Выпрашивал у царя большие деньги якобы на нужды своей епархии, спекулировал соболями и

драгоценными камнями, устраивал за деньги разводы, занимался маклерством, писал доносы... Не было подлости, на которую не был бы способен этот достойный выученик иезуитов. Царь знал про все его дела и... прощал. Нужен, очень нужен был ему Паисий Лигарид и для поставления архиереев, и для подготовки собора, и для борьбы с приверженцами старины, и для борьбы с Никоном...

А ведь не кто иной, как Никон, пригреб сперва Лигарида, о котором потом писал в грамоте к вселенским патриархам, перехваченной царскими людьми: «Главный враг мой у царя — это Паисий Лигарид; царь его слушает и как пророка божия почитает...»

В России не знали, что авантюрист не имеет права поставления новых епископов, а когда узнали, то сам царь просил за него перед александрийским патриархом Паисием. Хороши были и другие восточные священнослужители, осевшие в Москве. Дьякон Мелетий, пробавлявшийся ростовщичеством. Дьякон Агафангел — виноторговец, пивовар и содержатель игорных притонов, проигравший раз все деньги и одежду и ограбивший соседа священника. Архимандрит Дионисий, которого Аввакум не без оснований обвинял в содомском грехе, чинимом даже в церкви...

Хитрые, наглые, жадные до денег люди, отвергнутые у себя на родине, все они стали ценными агентами царя Алексея Михайловича в переговорах со вселенскими патриархами и в подготовке большого собора. Попытка Никона самовольно вернуться на престол, всероссийская пропаганда Аввакума и его единомышленников заставляла торопиться царя, хотевшего опереться на решение собора и на авторитет вселенских патриархов.

Патриархи Дионисий константинопольский и Нектарий иерусалимский уклонились от поездки в Москву. Согласились Макарий антиохийский и Паисий александрийский. Они были беднее и потому покладистей.

Ехали они не через Европу, где шла война, а азиатским путем, через Астрахань. Денег на дорогу им не жалели — одних лошадей под патриархами и их свитой было пятьсот. Мелетий Грек, провожавший владык по указу царя, был учтив до приторности, говорил о *бывшем* патриархе Никоне, но подробности таил...

А в Москве тем временем идет лихорадочная работа. Царь тщательно готовится, сам составляет программу собора, сам отбирает его участников. И как ни просит старец Григорий, никто из мирян и белого духовенства, ни один защитник старой традиции на собор не попадет.

Но их велено привезти из мест ссылки. Это было в феврале 1666 года. Одновременно царь вызывает поодиночке всех участников собора и предлагает им ответить письменно на три вопроса. Вот существо их:

1. Имеют ли право восточные патриархи решать дела русской православной церкви?

2. Достоверны ли печатные греческие книги?

3. Правильны ли решения собора 1654 года (когда Никон начал пересмотр книг)?

Видя грозную решительность царя, отрицательных ответов не дал никто. Правка книг, трехперстие и другие обряды признавались правильными.

Алексея Михайловича теперь не узнать. Выжидание кончилось. Действует расчетливый политик, вместе со своими расторопными помощниками заранее определивший ход событий. Никон только успевает оправдываться, исписывая горы бумаги. Исход его дела ясен, обвинение разработано подробно и убедительно. Царя больше волнует другая сторона, противники Никона. С этими спорить труднее. Надо уговорить, пригрозить... и лишь в крайнем случае вывести их на собор.

Станным кажется положение царя, как бы вынужденного защищать дело своего врага. Но царю оно странным не казалось. Дело было его, царское. И оно должно жить независимо от того, кто сидел или будет сидеть на патриаршем престоле. Противники нововведений уже понимали это.

Многие из мятежников покаяться до собора и были разосланы в разные монастыри. Упорствовали четверо.

Первый из них, благовещенский дьякон Федор, сидел на дворе у митрополита крутицкого «Павла краснощекого». Федор приготовил для собора письменную память, в которой сличил тексты разных изданий никоновских книг. В них и то многое не сходилось. Как можно верить таким книгам? Митрополит Павел уговаривал его. Пусть Федор поймет царя. Алексей Михайлович не хочет раздора ни в церкви, ни в стране. Вот и он, Павел, не отрицает старого благочестия, но воля царя для него — закон, и он исполнит ее во что бы то ни стало.

Политические соображения митрополита не тронули Федора, и он осудил Павла решительно и дерзко:

— Надо угождать Христу, а не тленному царю!.. Хочешь быть на виду, оттого и стараешься...

На том и кончились «ласковые» увещевания. Посадили Федора на цепь.

Писал Федор о старых служебниках, что они «не с мордовских, не с черемиских и не с латинских переложены, а напечатаны в старину с греческих древних письменных, переведены в добрые времена, до взятия Царьграда и за много лет до истребления римлянами греческих книг...». Он предлагал царю перечитать повесть о Белом Клобуке и вспомнить о славе третьего Рима.

Ему вторил Никита Добрынин Пустосвят, который тоже привез подробный разбор изданий Никона. Его книгой занялись отдельно Симеон Полоцкий и Паисий Лигарид. Никита повторял слова инока Филофея о третьем Риме, о «великой России», а о греческих патриархах отзывался «нехорошо». На Никона он «отрыгал хулы и клеветания», как на принявшего «зловерие жидовское» от «ведомого вора... Арсения чернеца».

Подавал челобитные и поп Лазарь, готовивший свиток под названием «Роспись вкратце нововведенным церковным раздорам».

Четвертого, Аввакума, привезли в Москву 1 марта 1666 года. С ним приехали сыновья Иван и Прокопий. Настасья Марковна с меньшими детьми осталась на Мезени.

Аввакум тоже попал в Крутицы к краснощекому здоровяку митрополиту Павлу. Павлик, как его называл протопоп, не стеснял свободы Аввакума. Беспрепятственно разгуливал он по Москве. Две ночи провел в «несытных» разговорах с Феодосьей Морозовой. Они клялись друг другу «пострадать за истину».

— Смерть примем, а друг друга не выдадим...

Дни проходили в спорах с Павлом крутицким. Этот матерщинник, скорый на расправу человек, следовал указанию царя во что бы то ни стало уговорить протопопа. Терпеливо втолковывал он упряму, что ему следует примириться с царской волей, говорил о высшей государственной необходимости. Но доводы его не трогали Аввакума, и совсем по-иному понимал он высшую государственную необходимость. Эрудиции Павла он противопоставлял свою начитанность.

Уговаривал его и рязанский архиепископ Иларион, что некогда был попом в Лыскове, игуменом в Макарьеве и другом Аввакума. Теперь он ходил в ближних советниках царя. Обходительный, пронырливый и благообразный Иларион давно уже понял, что нужно Алексею Михайловичу, и являл собой новый тип князя церкви. Он учился у архимандрита Дионисия греческому языку и греческим нестрогим нравам. Светские замашки Илариона дали потом Аввакуму обильную пищу для мастерской сатиры. «Друг мой Иларион, епископ рязанской! Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, ездя! Да еще был

царской породы. А ты кто? Вспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядет, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи-униатки любили...». Видно, досталось Илариону от ядовитого Аввакума в эту встречу, потому что возненавидел он протопопу лютой ненавистью.

Аввакуму первому надоели томительные пререкания. Он демонстративно явился в Успенский собор и «стал пред митрополитом Павликом».

Нигде нет внятного сообщения, о чем говорил протопоп, обрекавший себя на муку. Прошло всего пять дней вольной жизни, а потом снова отъезд. 9 марта он уже сидит на цепи в Пафнутьевом монастыре у города Боровска, в девяноста верстах от Москвы.

Причудливо вьется Протва среди сосновых боров там, где поселился в XV веке внук ханского баскака инок Пафнутий. Потомок татар стал хранителем заветов Сергия Радонежского, положившего все свои силы на объединение России, избавление ее от татарского ига. Одним из учеников его был знаменитый писатель и политик Иосиф Волоцкий. Монастырь быстро укреп. И в наше время поражают величием пятиглавый собор Рождества богородицы, стены и башни монастыря, построенные, по некоторым предположениям, гениальным Федором Савельевым Конем. Богат был монастырь. Один боярин Андрей Клешнин внес сюда все свое громадное состояние. Левкий Схимник — так его называли в монастыре — скрывался от глаз людских, замаливал тяжкий грех... В 1610 году двое воевод-изменников открыли ворота Тушинскому вору. Воевода Волконский бился до последней минуты и был зарублен у стены собора. В этом бою погибло 12 тысяч человек... И вновь история коснулась крылом Пафнутьева монастыря...

Игумен Парфений получил от митрополита Павла распоряжение сломить волю Аввакума. То его держали на цепи в «темной палатке», то «вольно». И уговаривали. Приезжали уговаривать из Москвы.

— Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!

Видно, мир с ним очень был нужен царю. Политика кнута и пряника не помогала. Аввакум отправил в Москву с приезжавшим нарочно в Боровск ярославским дьяконом Козмой письмо «с бранью с большою». Этот Козма вел очень странную игру, похожую на провокацию. «Не знаю какого духа человек», — сказал о нем Аввакум.

При всех он уговаривал протопопу, а наедине ободрял:

— Не отступай от старого благочестия!.. Не гляди на нас, что погибаем

мы!

— А сам что же ты? — наверно, спросил Аввакум.

— Мне нельзя. Никон опутал меня...

В Москве события развивались своим чередом. Готовясь к приезду вселенских патриархов, русские епископы 29 апреля сошлись на собор. Открыли его речами царь и митрополит Питирим. Тревожные известия о росте раскола, о народных волнениях, грозивших перерасти в религиозную войну, требовали, чтобы собор прежде всего занялся идеологами и вождями недовольных.

В истории России Аввакум мог стать фигурой не менее крупной, чем Лютер в истории Германии. Но не стал. Исторический смысл социально-религиозной деятельности каждого из них был различен; дело Аввакума победить не могло. И тем не менее сопоставить эти две личности чрезвычайно любопытно. Аввакум был одарен не менее Лютера и так же прекрасно владел пером. Как и немец, он не считал неизбежной победу сил зла. Как и у Лютера, отождествлявшего Рим с блудницей вавилонской, мироощущение Аввакума было глубоко национальным, а язык — сочным, народным. И та же злость, привязанность к жизни на земле, к семье...

Царь инстинктивно чувствовал опасность и поступал как государственный деятель, хотя так до конца и не мог подавить в себе тщательно скрываемого чувства восхищения перед личностью Аввакума.

Митрополит Павел приказал срочно доставить протопопа на собор. 12 мая ему дали старую лошадь, и в сопровождении пристава он поспешил к Москве. Путь в девяносто верст был проделан в один день. Пристав требовал ходу и ходу и сам нахлестывал лошадь Аввакума по крупу. Измученная кляча спотыкалась и валилась в грязь, и протопоп летел через ее голову наземь. Еле живой он дотащился до Москвы глубокой ночью, а утром уже его ждали в крестовой палате иерархи русской церкви.

И снова Павел крутицкий и Иларион рязанский пытаются уговорить и переспорить Аввакума. Но где там! Он им «столько напел, сколько надобе». Павел не выдержал, облаял Аввакума и послал его к черту. А митрополит Питирим, как «красная девка, никшнет — только вздыхает».

Не добившись покаяния, собор постановил лишить его сана и отлучить от церкви. Из крестовой палаты Аввакума провели в Успенский собор. Там уже ждал конца литургии дьякон Федор, тоже осужденный собором. Лазаря на собор не привезли, через несколько дней его осудили заочно. Никиту Добрынина Пустосвята расстригли двумя днями раньше.

Аввакуму отрезали бороду, «оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу». Потом предали анафеме. Проклинаемые

тут же проклинали отлучавших.

«Зело было мятежно в обедню ту...» 13 мая 1666 года.

Из собора расстриженных отвели на патриарший двор. В Москве началось брожение. Духовная казнь Аввакума возмутила многих. Даже у царя с царицей случилось «нестроение». Марья Ильинична, которой Морозова и другие боярыни все уши прожужжали про Аввакума, стала дуться на царя...

Видно, возмущение в Москве было сильное — отлученную троицу не посмели вывезти из Кремля средь бела дня. В полночь Аввакума вывели к спальному крыльцу, где стрелецкий голова, дежурный начальник царской стражи, удостоверясь, кто перед ним, велел вывести протопопа потайными воротами к Москве-реке. Там его ждал не кто иной, как сам Дементий Башмаков, дьяк страшного Приказа тайных дел, человек, знавший подноготную всех видных людей в Русском государстве.

Башмаков подошел к Аввакуму и сказал:

— Протопоп, велел тебе государь сказать: не бойся ты никого, надейся на меня!

Протопоп! Как будто и не лишали сана.

Что это было — проявление душевной сложности Алексея Михайловича или тонкая психологическая игра? Аввакум предположил второе.

— Челом бью на его жалование, — сказал он не без иронии. — Какая он надежда мне? Надежда моя Христос!

Аввакума повели через мост за реку. Там его посадили на телегу, которую тотчас плотно окружили конные стрельцы под началом полуголовы Салова.

Телега медленно подвигалась в сторону Коломенского, но не по дороге, а стороной, по берегу Москвы-реки, болотами, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. Впереди Аввакум увидел такую же телегу и стрельцов. Это везли Федора. Вскоре стало понятно, куда везут. В старинный Николо-Угрешский монастырь, построенный, по преданию, Дмитрием Донским в память победы над татарами.

«На Угрешу привезли в восьмом часу, — писал своим Федор. — И как привезли к монастырю нас, взяли отца Аввакума два стрельца под руки, обвили голову ему епанчей и повели в монастырь боковыми воротами, что от рощи. При виде этого я пришел в ужас и подумал, как помню: в пропасть глубокую хотят нас сажать на смерть; начал (мысленно. — Д. Ж.) прощаться с женой и чадами и со всеми вами верными. И увели Аввакума; не знал я, куда его дели. Пришел полуголова и велел стрельцам взять меня

так же, а голову мою рогожею покрыть... Посадили меня в башню пустую, а бойницы замазали и двери заперли».

Сюда привезли и Никиту Добрынина Пустосвята. В конце концов, в Москве узнали, где заключенные. Аввакум написал письмо обугленной лучинкой и даже сумел переправить его своим на Мезень, хотя к нему не пустили ни сыновей, ни князя Ивана Воротынского, сулившего двадцати стрельцам-охранникам «денег громаду». «У Николы на Угреше сию в темной палате, весь обран и пояс снят... Иногда есть дают хлеб, а иногда и щи. Дети бедные к монастырю приезжают, да получить меня не могут...»

Дети протопопа Иван и Прокопий, а с ними и его племянник Макар Козьмин, были схвачены в монастыре. Все трое говорили, что они племянники Аввакума. Их допрашивали несколько дней, пока Иван и Прокопий не сознались, что они сыновья Аввакума, что подходили к окну темницы («под церковью в палатке»), что спрашивали отца о здоровье.

И он, утешая их, будто бы ответил:

— Живите, не тужите.

Вряд ли во всем признались сыновья узника, отпущенные в конце концов на поруки.

Голодный режим, суровость стражи делали свое дело. Федор и Никита не выдержали, написали притворно покаянные письма, будто бы признали реформу. Их отправили в монастыри, где не было тюрем со строгим режимом. И они оттуда бежали. И снова были изловлены.

В Угрешах Аввакум остался один. Но и не думал сдаваться.

Однажды в монастырь заехал сам царь. Ему уже и дорогу к темнице приготовили, песочком посыпали. Царь подошел к двери, поохал, повздыхал, «постонал», но к узнику все-таки не вошел. Подозвав полуголову стрелецкого, порасспросил об Аввакуме и поехал домой. «Кажется... — писал Аввакум, — жаль ему меня». Знал протопоп и о царице, которая стояла за него, «миленькая; напоследок и от казни отпросила», когда царя «озлобили лукавые власти».

3 сентября Аввакума снова отправили в Пафнутьев монастырь со строгим наказом «беречь его накрепко с великим опасением, чтоб он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать и никого к нему пускать не велеть, а корму давать как и прочим колодникам».

Аввакум сидел на цепи в темнице, где одно время были заложены и окна и двери. В помещении стоял дым, здесь же отправлялись естественные надобности. Восемь месяцев пребывания в Боровске Аввакум довольно подробно опишет в «Житии»...

И пока он мучается, пока его уговаривают, пока воюет он с монастырскими властями и перетягивает многих на свою сторону, пока переписывается с Морозовой, в Москву прибыли два патриарха и начался большой собор.

У гостей Москвы были громкие титулы: «Кир Паисий — папа и патриарх великого божия града Александрии и всей вселенной судия», «Кир Макарий — патриарх божия града великая Антиохии и всего востока». Так их называли в Москве. На родине патриархами их уже не считали. Турецкий султан лишил их престолов за оставление паствы без разрешения властей. На Востоке сочувствовали грекофилу Никону. Но жадность превозмогла «идейные соображения». Они привезли с собой много вина и табака, которым на Руси запрещали торговать под страхом смертной казни. Им же разрешили торговать и тем, и другим. Утешение от потери престолов и угрызений совести патриархи нашли в богатых царских подарках — мехах и золоте. Впрочем, дипломаты Алексея Михайловича похлопотали и о возвращении им престолов.

Но 2 ноября 1666 года Москва встречала патриархов звоном колоколов и выпренными речами. Право их на участие в русском соборе было сомнительным. Но царь уже уладил это, получив подписи русских иерархов. Теперь он три часа просидел с гостями наедине и заручился их поддержкой.

Высоко подняв голову, вошел Никон в столовую избу, где заседал собор. Все встали, когда он начал читать молитву. Никон поклонился царю до земли трижды, а патриархам дважды и, не увидев особого места для себя, отказался сесть...

И тут царь сошел с трона и сказал:

— От начала Московского государства соборной и апостольской церкви такого бесчестья не бывало, как учинил *бывший* патриарх Никон: по своей прихоти, самовольно, без нашего повеления и без соборного совета церковь оставил, патриаршества отрекся никем не гоним, и от этого ухода многие смуты и мятежи учинились, церковь вдовствует без пастыря девятый год...

И хотя собор судил Никона еще много дней, участь его была давно решена.

В одной из речей на соборе Алексей Михайлович припомнил, как Никон составил письмо с обращением к мощам Филиппа, как уговорил он царя просить прощения за «согрешения прадеда».

— Для чего он, Никон, такое бесчестье и укоризну блаженным памяти

великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси написал?

Будто бы и не было мечтаний и душевных бесед в молодые годы. Один Никон виноват. Теперь даже намек на осуждение царской власти не потерпел бы Алексей Михайлович.

Никон промолчал.

12 декабря Иларион Рязанский прочел длинную выписку из соборных деяний. Никон обвинялся в самовольном уходе с престола, в оскорблении царя, в смуте, в жестоком обращении с людьми... Любопытно, что припомнили ему и мучения противника реформы епископа коломенского Павла, которого Никон «предал на лютое биение; архиерей этот сошел с ума и погиб безвестно, зверями ли заеден, или в воде утонул...».

Патриарх антиохийский Макарий снял с Никона клобук и панагию и стал поучать, как смиренно ему жить надо в простых монахах.

— Знаю я и без вашего поучения, как мне жить, — сказал патриархам Никон. — А что вы клобук и панагию с меня сняли, то жемчуг с них разделите между собой, достанется вам жемчугу золотников по пяти и по шести, да золотых по десяти. Вы султанские невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтоб было чем заплатить дань султану...

Когда Никона отправляли в место заточения, в Ферапонтов Белозерский монастырь, царь прислал ему денег и шубу на дорогу. Тот не взял даров и не дал своего благословения царю и его семейству. А народ московский уже жалел и Никона, толпы набежали к Сретенке, но его повезли другой дорогой. И будут потом ходить слухи, будто Стенька Разин встретился с Никоном в монастыре и благословение от него получил, а потом видели якобы патриарха в обозе у мятежного казака...

Новым патриархом избрали во всем послушного царю Иоасафа. Но и то, чтобы власти церковные впредь не заносились, Паисий Лигарид выработал «правило», в котором нарушением закона считалось любое противление царской власти, «патриарху же быти послушлива царю». Так Тишайший постепенно сделал то, что не удавалось и Грозному царю.

Новый патриарх приступил к рассмотрению дел церковного раскола, и 13 мая 1667 года собор проклял дониконовские обряды.

К этому времени Аввакума уже привезли в Москву. На подворье Пафнутьева монастыря тотчас стали навещать московские друзья Аввакума. Боярыня Морозова почти не выходила из его келий. Иногда с ней приходила Евдокия Урусова. Женщины кормили отощавшего узника роскошными обедами, а он их потчевал душевной беседой. Время от

времени Аввакума волокли в Чудов монастырь, где бравый архимандрит Иоаким и другие власти с ним «грызлись, что собаки».

Потеряв надежду переубедить Аввакума, 17 июня его доставили в крестовую палату, где заседал собор — два восточных патриарха и больше сорока русских епископов. Пожалуй, это был самый знаменательный день в жизни Аввакума. Как никогда, он был собран и уверен. А ведь уже не выдержали и покаялись перед этим грозным собором и его учитель Григорий Неронов, и соловецкий архимандрит Никанор, и Никита Добрынин Пустосвят...

Аввакум с презрением посматривал на русских иерархов, лебезивших, как лисы, перед восточными патриархами. Спор об обрядах был долгий. И наконец, один из патриархов привел довод, казавшийся ему неотразимым:

— Почему ты упрямисься? Вся наша Палестина, и сербы, и румыны, и албанцы, и римляне, и ляхи, — все тремя перстами крестятся, один ты стоишь в своем упрямстве... Так не подобает!

— Вселенские учителя! — отвечал Аввакум. — Рим давно упал и не встанет... И у вас православие пестро стало от насилия турецкого Магомета. Да и не удивительно, немощны вы стали. Впредь приезжайте к нам учиться: у нас, божиею благодатью, самодержавие...

Аввакум слушал, как переводит патриархам его слова толмач архимандрит Дионисий, и думал свое. Вот сидят «всей вселенной судия» и «патриарх всего востока», а плут Дионисий помыкает ими. Написал им, что старые русские обряды от невежества возникли, а они за ним и повторяют. А попробуй не повтори, он им сразу пригрозит: царь даров не даст и сошлет, как Максима Грека... Слушаются патриархи, как миленькие. Жалкие они, привыкли унижаться перед турками. А Русь, слава богу, самостоятельна — самодержавна, и православие до Никона было чисто и непорочно. Москва — третий Рим; на десятки тысяч верст расширилась держава; сам в ее концах бывал — три года надо ехать. Стоглавый собор при царе Иване повелел, как слагать персты, а на нем были и казанские чудотворцы, и соловецкий игумен Филипп, русские святые...

Так и сказал Аввакум.

Патриархи задумались. И тут вскочили Павел и Иларион, только что за усердие в деле Никона осыпанный наградами.

— Глупы были и не смыслили наши русские святые! Неученые люди были! Грамоте не умели! Зачем им верить?..

Как?! Русских дураками зовут!.. Этого Аввакум стерпеть не мог. Слова из евангелия об беззаконных он завершил потоком брани. «Собаки, никониане, воры, другие немцы русские» — это еще не самые сильные

ругательства, которые он тогда употребил.

— Да нечего вас и слушать: только и знаете, что говорите, как продавать, да как покупать, как баб блудить, как ребят в алтаре за афедрон хватать!

Много чего творилось под сводами крестовой палаты, но такого еще не бывало. Степенные епископы кричали:

— Возьми, возьми его! Всех нас обесчестил!

Все сорок с лишним человек бросились на Аввакума, стали его толкать, бить. Дьяк патриаршего двора Калитин потащил его к выходу...

— Постой, не бейте! — вскричал Аввакум. Разъяренные епископы отпустили его.

— Денис, — сказал он толмачу, — говори патриархам: по апостолу Павлу, архиереям подобает быть преподобными, незлобивыми и прочая. А как же вы, убив человека, в церкви служить станете?

Это отрезвило собор, и все расселись по местам. Аввакум отошел к дверям и, видно, сильно помятый отцами церкви, повалился на бок.

— Вы посидите, а я полежу, — съюродствовал он. Это развеселило иерархов.

— Дурак протопоп! — бросил кто-то. — Патриархов не почитает.

— Мы — уроды-дураки; вы в славе, а мы в бесчестии; вы сильны, а мы немощны, — ответил ему Аввакум, перефразируя слова апостола Павла...

Спор продолжался, пока Аввакум не услышал:

— Нечего нам больше говорить с тобою. Да и повели его сажать на цепь.

ГЛАВА 12

Под усиленной охраной Аввакума отвезли на Воробьевы горы. Там он встретился с еще двумя нераскаявшимися узниками. Первый был соловецкий старец Епифаний, ушедший из монастыря из-за никоновских реформ. Он долго жил отшельником на реке Суне, написал обличительную книгу и пришел в Москву «спасать» царя от никониан. Отныне они с Аввакумом, который станет его духовным сыном, не расстанутся до самой смерти, как и с другим узником, уже знакомым по Тобольску, попом Лазарем. Из Тобольска его отправили в Пустозерск, откуда и затребовали в Москву на церковный собор. Все трое потом «градскому суду преданы быша»... Лазарь собирался крепко поспорить на соборе, обличал мздоимство и разбойничьи ухватки «пастырей церковных», но ему много говорить не дали. Тогда он сделал предложение совсем в духе Стефана Пермского.

— Молю вас, — сказал он патриархам и всему собору, — повелите мне идти на судьбу Божию в огонь, и если я сгорю, то правы новые книги. Если же не сгорю, то правы старые наши отеческие книги...

Патриархи тотчас заявили, что не имеют на это права. Русские иерархи тоже растерялись и положились на волю царя. Алексей Михайлович так и не рискнул прибегнуть к «божьему суду»...

Аввакум вспоминал: «Поставили нас по разным дворам; неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник, над нами стояли, — берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор с... провожали». И добавлял со всегдашней своей доброжелательностью ко всем, кто не был, по его мнению, сознательным носителем зла: «Прямые добрые стрельцы те люди... мучатся туды же, с нами возятся: нужница та какова прилучится, и они всяко, миленькие, радеют».

А впрочем, как не порадеть, если узники такие знатные, что вся Москва о них говорит, если их из страха перед гневом народным то и дело перевозят с места на место — то в Андреевский монастырь, то в Савину слободку, то в Угрешскую обитель, если, что ни день, их навещают и уговаривают самые именитые и близкие к государю люди.

Царь то пришлет совсем уже сломленного старика Неронова склонять Аввакума к покаянию, то грозного дьяка Дементия Башмакова — «шпынять». Опять увещевали его митрополиты Павел с Ларионом, архимандрит Иоаким и много, много других... Вроде бы все — отлучили,

прокляли, а продолжают его называть протопопом и ищут его благословения. Полтора месяца Алексей Михайлович еще питал надежду на примирение с упрямцем. Присылал людей с просьбой благословить его с царицей и детьми.

Аввакум в ответах на предложенные ему вопросы писал, что царь православен, но книги «простою своею душою принял от Никона». Он тоже не терял надежды убедить царя. Вспоминалось ему, как в доброе старое время, когда он еще в Казанском соборе книги читал, пришел туда на праздник Алексей Михайлович крашеные яйца раздавать. Сын Аввакумов Иван совсем еще маленький был. Вышел он куда-то из церкви на улицу. Царь Ванюшку хорошо знал и послал брата Аввакумова сыскать ребенка. Долго стоял, ждал, покамест брат не привел мальчика. Царь ему руку дает целовать, а он видит, что не поп, и не целует, несмышленьш. Тогда царь погладил его по головке и два яйца дал. Мучитель царь, а ведь добр бывал.

Аввакум вздохнул и в очередном послании царю приписал благословение ему, царице и детям.

Когда узников взяли в Москву на Никольское подворье, комнатные люди царя то и дело ходили. Сам Артамон Матвеев, любимец царский, по два раза в день бывал. Однажды он привел с собой Симеона Полоцкого.

Воспитатель царевича большую силу взял. Членом собора он не был, но вмешивался в допросы и давал указания епископам. Уже Печатный двор и книгу его выпустил. «Жезл правления». Одни называли ее «чистым серебром», другие видели в ней одно «латинство». А была она направлена против сочинений Лазаря и Никиты.

С Аввакумом у Симеона получился такой крик, что узнику потом кусок в горло не полез от возбуждения.

Напоследок Симеон сказал:

— Какая острота телесного ума! Да лихо упрямство. — И добавил, обратись к Матвееву: — А все оттого, что науке не учился.

Аввакум только сплюнул и опять свое. Артамон Матвеев начал грозить ему смертью.

— Смерть мужу покой есть, — сказал Аввакум. — Не грози мне смертью, не боюсь я телесной смерти...

Через несколько дней царь опять прислал Матвеева со слезными просьбами. Аввакум смеялся:

— Не ищи в словопрении высокой науки...

Уходя, Матвеев не выдержал и сказал сквозь зубы:

— Нам с тобою не сообщно!

И в самом деле, ничего общего не было у Аввакума ни с Симеоном, ни с одним из первых русских «западников» Матвеевым, верившим в светское просвещение. Выла б воля Матвеева, а не царская, он раздавил бы Аввакума и не оглянулся...

Только 26 августа царь подписал указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Епифания, Лазаря и Никифора. Последний был протопопом, его «за слушанье и за непокоренье о крестном знамении» приказали взять в Симбирске восточные патриархи, когда еще ехали в Москву; в Пустозерске он вскоре умер.

На другой день Аввакума и Никифора отвезли в Братовщину, село, что на полпути в Троице-Сергиеву лавру, а Епифания с Лазарем повезли на Болотную площадь. Тут, напротив Кремля, за Москвой-рекой, палачи усадили их на скамьи и вырезали языки. Аввакума от этой казни спасло заступничество царицы.

Все это совершалось скрытно и в страшной спешке. Епифаний писал: «...ухватили нас, как звери лютые суровые, и помчали нас так же скоро, скоро. Мы же от болезней и ран горьких изнемогли, не можем бежать с ними, и они ухватили извозчика, и посадили нас на телегу и все-таки помчали нас скоро». Едва душу не вытрясли из истекавших кровью людей, пока тоже не привезли в Братовщину. Оттуда начался их скорбный путь в «место тундряное, студеное и безлесное», в заполярный Пустоверск...

Вез их сотник Федор Акишев с девятью стрельцами, и был у него строгий наказ — не пускать никого к узникам, не давать им обращаться к народу. Но на Печоре, в Усть-Цильме Аввакум, по преданию, из-за стрелецкого частокола руку вверх взметнул «с крестом верным» и крикнул:

— Этого держитесь, не отступайтесь!

От Усть-Цильмы до Пустозерска оставалось всего двести пятьдесят верст. По льду реки за шесть дней, слившихся в сплошную полярную ночь, одолел санный поезд этот путь, и 12 декабря пустозерский воевода Иван Саввинович Неелов уже встречал и размещал по избам московских колодников и стрельцов.

В сопроводительной царской грамоте воеводе велено «тем ссыльным сделать тюрьму крепкую и огородить тыном вострым в длину и поперек по десяти сажень, а в тыну поставить 4 избы колодникам сидеть, и меж тех изб перегородить тыном же, да сотнику и стрельцам для караулу избу...». Да где ж леса взять в тундре? Решил воевода «очистить» несколько изб — пусть порознь колодники живут, пока мужики лес по Печоре не сплавят да тюрьму не построят.

Так и жили. В апреле 1668 года привезли и дьякона Федора, тоже без языка. Помаленьку казненные научились урезанными языками говорить, и Аввакум, а потом и все за ним стали толковать об этом как о чуде — языки-де выросли.

Тогда, на Угреше, Федор покался. Это была уловка. Его отправили в Покровский монастырь, но он из-под надзора ушел к себе домой, взял жену и детей и скрылся. Все же он был сыскан и осужден на урезание языка и ссылку в Пустозерск.

Пустозерск ныне не существует. За несколько часов хода от Нарьян-Мара по протокам Печоры можно добраться на моторке до того места, где он был. Из земли торчат венцы и целые срубы. Печорская волна бьет в берег, размывая его все дальше и унося следы былой жизни. Поодаль видны черные покосившиеся кресты и обелиск, воздвигнутый стараниями известного исследователя жизни Аввакума и собирателя древнерусских рукописей Владимира Ивановича Малышева.

Судя по плану Пустозерска в книге Николая Витсена «Северная и Восточная Татария», изданной в Амстердаме в 1705 году, это был довольно большой город. Вокруг стен острога стояли постоянный двор, таможня, съезжая изба, дом воеводы, подворье пинежского Красногорского монастыря, несколько церквей, дома и лавки торговых людей, мастеровых, стрельцов. Во времена Аввакума в Пустозерске жило не менее шестисот русских людей, да вокруг во множестве ставили свои чумы ненцы.

Острог «зарубили» в 1499 году московские воеводы князя Ушатый и Курбский да еще Заболотский Бражник. Сюда стекались потоки пушнины, отсюда выходили промышленники осваивать Новую Землю и Шпицберген, выступали отряды, покорявшие Сибирь... Основанный на полсотни лет раньше Мангазеи, Пустозерск стал хиреть одновременно с ней. Он был обречен на прозябание царским запретом плавать по северным морям, когда англичане стали посягать на русский Север...

Сначала Аввакум, Лазарь, Елифаний и Федор жили в Пустозерске почти свободно, сходились, обсуждали книгу «Ответ православных», которую писал Федор. В Пустозерск приехала и купила избу жена Лазаря Домница. Настасья Марковна с детьми оставалась на Мезени, старшие сыновья мыкались в Москве.

Правда, голодно было. Соли не давали. Одежишка пооборвалась. Ходили «срамно и наго». В сопроводительной грамоте воеводе указывалось, чтобы он давал сотнику московских стрельцов из таможенных и кабацких сборов деньги на покупку корма из расчета по два четверика ржаной муки на хлеб и полчетверика на квас в месяц на каждого

человека. Это примерно сорок килограммов муки. Других продуктов не выдавали, но муку можно было обменять на что угодно. Да только не получали колодники этой муки. В своей первой челобитной царю из Пустозерска Аввакум писал: «А корму твоего, государь, дают нам в вес — муки по одному пуду на месяц... Хорошо бы, государь, и побольше для нищей братии за ваше спасение». Это был уже голодный паек. Полтора пуда «прилипало» к рукам воеводы, сотника и стражников.

В той же челобитной Аввакум напоминает царю, как тот велел Дементию Башмакову сказать тогда у потайных ворот, чтоб надеялся протопоп на государя. Вот и просит он за себя да за своих сыновей Ивана и Прокопия. Просит отпустить их на Мезень.

Но уже менялось его отношение к царю. Приходили из Москвы вести нерадостные.

Собор признал законными реформы Никона. Греки твердили, что русские завели ереси с тех пор, как независимы стали от Константинополя. Особенно усердствовал Дионисий. В великую субботу русское духовенство пошло с плащаницей «посолонь» — по ходу солнца, а Дионисий увлек восточных патриархов в обратном направлении, навстречу русским. Замешательство, спор, крик во время богослужения. Царь вмешался в конфликт и предложил идти вслед за гостями. Так похерили еще один русский обычай, заимствованный, кстати, у Византии.

Греческие иерархи настояли на том, чтобы запрещена была «Повесть о Белом Клобуке», где писалось о предательстве греческой церкви на Флорентийском соборе и о великом предназначении Руси — третьего Рима. Запретили даже писать на иконах русских митрополитов Петра и Алексея в белых клобуках.

В тот же год Соловецкий монастырь отверг новые обряды.

Бывший архимандрит его Никанор, покаявшийся на соборе, повел себя в Соловках иначе. Взбунтовалась братия, нового архимандрита выкинула вон и стала обсуждать, следует ли теперь молиться за царя. Царских стрельцов твердыня встретила выстрелами, и началась многолетняя осада. Стены в Соловках толстые, из громадного дикого камня сложенные; девяносто пушек на стенах; в погребах девятьсот пудов пороху; хлеба на десять лет; одного меда двести пудов...

Федор из Пустозерска писал: «Во время сие ни царя, ни святителя».

Лазарь в посланиях царю и патриарху говорил, что «в Великой Руси есть и сто тысящ готовых умереть за законы отеческие».

Аввакум то ласково обращался к царю, то грозился.

Неизвестно, читал ли царь их письма, но что их читали очень многие — это определено. Сыновья Аввакума вернулись на Мезень в 1669 году, и тогда же Федор писал туда Ивану, посылая челобитные его отца, свою книгу «Ответ православных» и «сказки» Лазаря:

«И ты, братец Иван... сотвори так, как отец приказал вам — в Соловки пошли и к Москве верным; и тут давай списывать верным людям... списывали б добрым письмом».

В Москве «верные» постарались, наладили тайную почту. Московский священник Дмитрий поселился близ Пустозерска, а жена его Маремьяна Федоровна действовала в Москве. Дело было поставлено так хорошо, что протопоп бочками посылал освященную воду, а из Москвы получал деньги на пропитание и подкуп стрельцов, одежду и даже малину, до которой был большой охотник.

Инокине Мелании он писал: «Малины еще пришлите ко мне... Спаси бог за епатрахиль и за всю доброту вашу ко мне».

И была та старица Мелания вроде бы игуменьей в монастыре, в который все больше превращался большой дом боярыни Морозовой. Уж у боярыни один раз имения отбирали, да спасибо матушке-государыне Марии Ильиничне — от опалы спасла подругу.

Теперь в доме что ни день люди из Пустозерска, Поморья, Заволжья, Сибири, с Дона. Послания Аввакума и других пустозерских страдальцев переписываются и рассылаются во все концы. У кого какой вопрос появится, тотчас Аввакуму напишут, а он ответит и все разъяснит. Чем-то вроде патриарха старообрядчества становился Аввакум.

Кто же охотнее всего следует за Аввакумом? Кто разносит его послания?

Тогдашний патриарх Иоасаф обратился с «увещанием ко всем православным», призывая их беречь себя от «тунеядцев», «от новоявленных церковных мятежников и их лстивого учения».

Он писал, что те, кто не хочет «великого государя службы служить, инии холопства избываяще, инии лентящися работати, инии нехотяще в монастырех жити, скитаются по лесом и вертепом, и оттуду тайно яко тати и сынове тмы, во ограды и веси входят и простыя люди прельщают».

Беглые холопы и монахи, служивые и посадские люди — все самое пытливое и беспокойное, что выплескивает из себя рядовая Русь. Это тот же слой, из которого вербует своих эмиссаров и равнодушный к религии Степан Разин.

В стране неспокойно. Стенька Разин уже к нижегородским пределам приблизился. Мужики на севере и на востоке, как завидят стрельцов царя

— слуг антихриста, сжигаются по сто и больше человек. Наверно, мог осудить и остановить гари Аввакум, но не сделал этого, считая, что так русский народ доказывает свою преданность старой вере. «Русачки бедные, пускай глупы, рады: мучителя дождались; полками в огонь дерзают...» И странно это — сам он жизнь любил и антихриста не боялся. Вот так переплелись две ветви раскола. Изуверы «капитоны» и ревнители старины.

С тревогой и сомнением наблюдают сочувствовавшие Аввакуму аристократы Воротынские, Хилковы, Плещеевы, Хованские и другие, как воспринимаются в народе послания Аввакума. Но и здесь у него немало деятельных сторонников. И даже таких непостижимых, как Феодора Нарышкина, которая, подобно жене Артамона Матвеева, была англичанка, урожденная Гамильтон.

А в народе уже возникают такие легенды.

Пришел будто бы Аввакум к царю во дворец и сказал:

— Горе всему русскому народу выпало, стрельцы твои всех мужиков обобрали. Чем же дальше они животы свои держать будут?

Царь покраснел как рак и закричал:

— На колени стань!

Протопоп на колени не стал и царю ответил:

— От пола до ушей далеко, так-то оно лучше слышать. Неужто, царь, все перед тобой должны гнуться?..

ГЛАВА 13

К концу 1669 года наконец построили для узников тюрьму — четыре избенки с земляным полом «по сажени, а от полу до потолка головой достать». То есть по четыре с небольшим квадратных метра на человека. И в такой тюрьме можно было сносно существовать, получая с воли деньги, теплую одежду, письма и даже малину. Но надвигалось на узников время жестокое, ожидали их муки тяжкие.

Власти решили, наконец, покончить со старообрядческим подпольем в Москве, действовавшим хотя и осторожно, но весьма ощутимо. Разумеется, была и слежка. Перехватывались письма. Шпионы Приказа тайных дел были и среди челяди дома Морозовой.

А Морозова и шагу теперь не делала без совета с Аввакумом. Писала ему о женитьбе сына и о проказах оставленного у нее протопопом юродивого Федора... Не ко двору пришелся ей Федор. «Всем домом мутит», — говорила боярыня. Непонятно из ее писем, то ли пил и буянил Федор, то ли сошелся с одной из близких боярыне женщин... Выгнала она юродивого из своего дома, и попал он сперва в тюрьму к митрополиту рязанскому Илариону, а потом ушел с сыновьями Аввакума на Мезень.

Морозова просила Аввакума запретить своим сыновьям шататься с Федором. И Настасье Марковне написала о том же.

Но Аввакум стоял за Федора горой, хоть и поругивал: «Ведаю я твое высокое житье, как у нее живучи, кутил ты!» Боярыне Морозовой он послал резкое письмо, написав его на обороте ее послания.

Отсылка этого письма дает яркое представление, как велась тайная переписка. Воевода Неелов отправлял в Москву с отчетом стрельца Машигина. Аввакум дал с себя ему шубу и полтину денег, а за это стрелец разрешил старцу Епифанию, на все руки мастеру, выдолбить в топорище бердыша «ящичек». В этом тайничке и повез стрелец письмо в Москву.

Ох и ругал же Аввакум боярыню за Федора и за то, что осмелилась она указывать, кого проклинать протопопу. «Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком...» Отругав, он тотчас просит: «Ну, дружи со мной, не сердитуй же!.. А вы мне все больны — и ты и Федор...»

Не раз он писал ей: «Помирися с Федором...»; «Я детям своим велю Федора любить — добрый он человек... Такова-то ты разумна — не справишься с коровой, да подойник о землю! Себя было тебе бить по роже дурной...»

Нужный человек был Федор. Напишет ему Аввакум из Пустозерска, что надо тайно проникнуть в восставший и осажденный Соловецкий монастырь и доставить туда Протопоповы письма, и Федор тотчас готов ехать. И помощник у него есть — молодой московский мужик Лука Лаврентьев. Вместе они живут у Настасьи Марковны, и в каждом письме шлет им Аввакум благословения, как и всем в семье. Ждал он весной гостей к себе с Мезени, но так и не дождался...

Первым был взят ученик и духовный сын Аввакума инок Авраамий.

В Москве знали его как слезливого юродивого Афанасия. Бродил он босиком и в одной рубашке зиму и лето. Грамоте был горазд. В чернецах Авраамий стяжал себе славу духовными стихами и постепенно превратился в опытного писателя-полемиста, успевшего составить сборник из сочинений как собственных, так и многих крупных деятелей разных времен — от Максима Грека до Аввакума. Он часто переписывался с Пустозерском. Авторитет Авраамия был так высок, что многие, получив послание из Пустозерска, просили подтвердить подлинность писаний узников: «Достоит веровать».

Во время ареста при нем тоже оказались письма пустозерцев. Допрашивали его все те же митрополит крутицкий Павел и митрополит рязанский Иларион.

— Я человечешко скудоумной и беспамятной, — скулил юродивый. — Писем не помню, где взял.

— Беспамятной! — ворчал Павел. — Да и памятным сидя разбирать, сколько ты наплел!

Иларион возмущался:

— Ведь ни философии, ни риторике, ни грамматике не обучался, а хочешь говорить выше разума своего!

Авраамий никого не выдал на допросах, но от связи со своим учителем отпереться не мог.

— А я отца Аввакума исповедаю. Сего ради и вопрошаю его. Хочу от него научиться всякому доброму делу.

Митрополит Павел, распалясь, ухватил его одной рукой за бороду, чтобы, как с иронией писал Авраамий, «не пошатнулся он и о помост палатный не ушибся», а другой рукой стал «любезно подавать благословение» — хлестать по щекам.

Авраамий предрекал мятежи и большие беды, называл царя мучителем и гонителем и был в конце концов сожжен на Болотной площади.

Авраамия взяли 6 февраля 1670 года, и еще не истек этот месяц, как из

Москвы на север выехал стрелецкий полуголова Иван Кондратьевич Елагин. Стало известно, что юродивый держал связь с пустозерскими узниками через Мезень, а Елагину те края были знакомые — служил он на Мезени воеводой года три. Суров Елагин, к службе ревностен и отмечен не раз самим царем за это. Посулили полуголове: если пригасит он пустозерский костер, быть ему полковником, головой стрелецким в полку личной охраны государя.

Быстро доехал Елагин до Мезени и тотчас учинил следствие. Тут и разбираться почти не пришлось, вся слобода как на ладони. Изругал он местного воеводу за нерадивость и велел посадить в тюрьму всю Аввакумову семью, а с ней Федора юродивого и Луку Лаврентьева.

У полуголовы Елагина разговор был короткий.

— Как, мужик, крестишься? — спросил он Луку.

— Как отец мой духовный, протопоп Аввакум, — ответил Лука.

— Повесить! — приказал Елагин.

Вздернули и юродивого Федора на релях — двух столбах с перекладиной.

Сыновья Аввакума оказались пожиже. Испугались они смерти, повинились. Полуголова велел их держать вместе с Настасьей Марковной в земляной тюрьме, а сам на оленях поспешил в Пустозерск.

Как снег на голову свалился он на сотника Илариона Ярцева и стрельцов. Те караульную службу несли небрежно, узникам потачку давали. Впрочем, дело ограничилось несколькими оплеухами.

С узниками Елагин был вежливее и не так скор на расправу, как на Мезени. Он предложил им принять новые обряды.

— Царь вас вельми пожелует, — пообещал он.

Это узники и сами знали. Не раз уже им обещали все блага на свете. Но и на этот раз они отказались.

Тогда Елагин резко изменил тон. Уговоры сменились угрозами.

— Вы послания писали на Дон к казакам и весь мир всколебали...

Обвинение в причастности к восстанию Степана Разина отвергли все четверо, хотя знали, что их послания читают и на Дону. Кровососы, темные власти церковные оклеветали-де их перед царем. Узники еще надеялись в глубине души на перемену в настроениях царя-батюшки, надеялись, что устрасится он ответа на грядущем страшном суде, где «христиане возвеселятся, а никониане восплачутся...». О неповиновении церковным властям они писали, но к бунту против царя, против государства не призывали. Они не осознавали еще, что были идеологами движения не только религиозного, но и социального, ветви и части народного

антифеодального движения, которое породило и Степана Разина.

Алексей Михайлович и его советники лучше разбирались в природе религиозных волнений, подрывавших и государственные устои. Еще по Уложению 1649 года за преступления против веры и церкви полагалась смертная казнь. Потом появились дополнительные указы о разыскивании раскольников и сжигании их в срубе, если «по трикратному вопросу» у места казни они не откажутся от раскола.

Еще три дня пытался запугать и уговорить Елагин пустозерских узников, а на четвертый зачитал царский указ. Аввакума снова пощадили, хоть и умерла уже его заступница, царица Мария Ильинична.

— Изволил государь и бояре приговорили: тебя, Аввакума, вместо смертной казни держать в земляной тюрьме и, сделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим товарищам, кроме того, резать без милости языки и сечь руки...

— Я плюю на ево кормлю; умру, не евши, — сказал Аввакум.

И в самом деле, возвратившись с места казни, он выбросил в окошко все, что имел, вплоть до рубашки, и стал поститься, чтобы умереть. Десять дней Аввакум отказывается от пищи и прекратил голодовку лишь по просьбе товарищей.

Страшно казнили остальных. Палач был неопытный, не претерпевшийся еще к своему ремеслу. Трясущимися руками «выколупывал» он из горла остатки языков у троих мучеников. А потом отрубил Лазарю руку по запястье, Федору ударил топором поперек ладони, Епифанию отсек четыре пальца. Стрельцы сразу же повели их в новые тюрьмы. Прежние срубы сделали пониже, засыпали сверху землей, оставив по маленькому отверстию.

«...Запечатлен в живом аду плотно гораздо; ни очию возвести возможно, едина скажня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке; в него же и ветхая измещем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на земли валяясь удушисься, насилу отдохнешь. А на полу том воды по колени, — все беда. От печали великия и туги... многожды и дух в телеси займетсся, яко мертв — насилу отдохнешь. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест с гойтаном: нельзя мне, в грязи той сидя, носить одежды».

И в таких условиях узники прожили еще больше десяти лет.

Правда, потом окошки расширили немного, стрельцы стали помилостивее и даже опять появилась возможность писать на волю и получать письма. Первым делом Аввакум написал своей Марковне, чтобы не падала духом и чтобы сын Афанасий не чурался братьев, оказавшихся

нестойкими. А вскоре протопопу пришлось утешать и своего «друга головного» боярыню Морозову.

Всё знали про нее власти, но не трогали старшей боярыни покойной царицы, пока она не прогневала царя. А случилось это во время женитьбы царя на юной красавице Наталье Нарышкиной. По придворному чину Морозовой надо было на свадьбе «титлу царскую говорить». Но боярыня даже не явилась на торжество.

— Тяжко ей будет тягаться со мной. Одному из нас придется уступить...

Что-то вроде этого сказал царь, когда услышал об ее отказе. Алексей Михайлович с годами становился болезнен, рыхл и злобен. Придворные и духовенство стали осаждать Морозову и требовать, чтобы она перестала противиться царю. «За учение Аввакума проклятого умереть хочешь», — говорил ее дядя Михаил Ртищев.

Почувяв беду, старица Меланья и монашки, наполнявшие дом Морозовой, скрылись. Только Евдокия Урусова и жена стрелецкого полковника Мария Данилова навещали опальную боярыню. Ночью 14 ноября 1671 года к ней в дом пришел чудовский архимандрит Иоаким. Он приказал своим подручным держать Морозову и Урусову под домашним арестом и наложить на них кандалы. Вскоре была арестована и Данилова.

Трех женщин допрашивали и уговаривали, заточали в монастырь и снова привозили. в Москву.

Их пытали на Ямском дворе. Их вздергивали на дыбу, бросали полунагими в снег, били плетьюми. И все-таки, проезжая на дровнях по улицам Москвы, Морозова поднимала кверху окованную гремучей цепью руку с двумя вытянутыми перстами. Народ московский волновался и жалел бедную женщину.

Вдобавок Морозову постигло большое горе. Разлученный с матерью, ее единственный сын Иван разболелся с тоски. Царь прислал к своему юному стольнику лекаря, но, как писал автор жития Морозовой, «они его так улечили, что в малых днях к гробу предаша».

В 1674 году патриархом стал суровый и ревностный вояка Иоаким, когда-то сказавший царю, что для него свято лишь слово начальников.

«Ревя как медведь», он просил царя разрешить ему сжечь мятежницу. На Болоте уже готовили костер, но воспротивились бояре...

В России было всего шестнадцать родов, представители которых занимали боярские должности, минуя меньшие чины, — Воротынские, Черкасские, Трубецкие, Голицыны, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы, Хованские,

Шереметевы, Морозовы и Урусовы. И они отказались предать сожжению двух знатных женщин.

После трех дней пыток Морозову отвезли в Новодевичий монастырь. За нее вступилась сестра царя Ирина Михайловна, которая в свое время послала Аввакуму ризы в Тобольск.

— Почто, братец, некрасиво поступаешь и вдову бедную помыкаешь с места на место? Нехорошо, братец! Достойно было бы помнить заслуги Бориса и Глеба.

Но царь отказывался вспоминать заслуги Морозовых. Начав преследовать подругу покойной жены, он уже не мог остановиться и приказал отправить всех трех женщин в Боровск, где некогда сидел и Аввакум.

В Боровске Морозова, Урусова и Данилова на первых порах жили сносно. Морозова получала письма от Аввакума. Евдокия Урусова писала сыну Васеньке и дочерям.

«Да молю у тебя, любезный мой Васенка, будь ты ласков к сестрам и утешай их и слушай во всем их, что они станут тебе говорить, и ты слушай во всем их, любезной мой, и не печаль их...»

Юный Урусов уже был царским стольником и вел развеселую жизнь. Отца его, царского кравчего князя Петра Семеновича Урусова, власти решили развести с Евдокией и женить на молодой женщине. Княгиня страдала и оплакивала в письмах своих осиротевших дочерей.

«...Носила вас, светов своих, во утробе своей и радовалась и родила вас, светов своих, забыла болезнь свою материнскую, возрадовалась вашему рождению, глаза мои грешные на вас не нагляделись и сердце мое вами не нарадовалось...»

Патриарх Иоаким был безжалостен. Он прислал в Боровск дьяка Кузмищева, который приказал вырыть в земле глубокую яму и посадить туда узниц. В яме было холодно, сыро и темно. Женщинам не давали воды для умывания, не давали сорочек на смену. Они лежали в грязи, покрытые сплошь насекомыми. Иногда им бросали в яму несколько сухариков и подолгу не давали пить.

Первой умерла на руках у сестры Евдокия Урусова.

Через несколько недель умирающая от голода Феодосья Морозова попросила стражника:

— Помилуй меня, дай калачика.

— Ни, госпожа, — сказал стрелец, — боюсь.

— Сухарика...

— Не смею.

Последняя ее просьба была вымыть сорочку, чтобы достойно встретить смерть. Плача сам, стражник постирал сорочку в реке.
А еще через несколько недель умерла и Мария Данилова.

ГЛАВА 14

«Бесчеловечен человек».

Есть у Аввакума такое словосочетание. Вынутое из фразы, оно звучит страшно. От него веет жестокостью, безжалостностью массовых казней. Не был кроток и сам Аввакум. «Дайте только срок, собаки, — грозил он своим врагам, — не уйдете у меня... Яко будете у меня в руках: выдавлю из вас сок-от!»

Гневлив и несдержан бывал протопоп. Но как он умел утешить и поднять человека в трудную минуту! И голос, наверно, у него становился другой, тихий и ласковый. «Язык мой короток, не досяжет вашей доброты и красоты; ум мой не обymeт подвига вашего и страдания. Подумаю да лишь руками взмахну!» — писал он Морозовой и ее сестре,

«Свет моя! Еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной! Еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя?»

В страшных условиях жили и сами пустозерские узники. Холодные каморки их заливала вода, прела одежда, по всему телу рассыпались гнойные язвы. И все-таки Аввакум находил в себе силы иронизировать: «Покой большой у меня и у старца (Епифания. — Д. Ж.)... где пьем и ядим, тут, прости бога ради, и лайно испражняем, да складше на лопату, да и в окошко!.. Мне видится, и у царя Алексея Михайловича нет такого покоя».

Больные, а трое с отрубленными языками и с покалеченными руками, они не сдавались, выползали из своих нор, разговаривали и спорили, а возвращаясь к себе, думали и при неверном свете лучины, положив на колено дощечку с бумагой, писали, писали, писали...

Разные люди были эти знаменитые пустозерские узники.

Вот Лазарь-гуляка, которому тесна бывала тобольская улица, когда он возвращался в подпитии. Он как и прежде подшучивал над всеми и удивительно выучился артикулировать обрубленным языком. Аввакум диву давался.

— Щупай, протопоп, — сказал ему Лазарь. — Забей руку в горло, не откушу!

— Чево щупать? На улице язык бросили.

— Собаки они, вражьи дети! Пускай мои едят языки, — ругнулся Лазарь и показал тупой обрубок.

Его жена Домница, жившая в Пустозерске в своем дворе, верно, уж не забывала тяги муженька к спиртному и, подкупая стражу, снабжала его

белым вином.

Федор был человек иного склада. Педантичный и очень трудолюбивый. В Пустозерске он написал несколько книг, из которых лучшим сочинением было «Послание к сыну Максиму». С Аввакумом они не ладили. Едва ли не сразу же возник у них догматический спор о сущности троицы. В этом споре Федор был более логичен, а Аввакум горяч и смел в своих доводах. Протопоп писал Морозовой, Урусовой и Даниловой: «Молодой щененок, Федор дьякон, сын духовной мне, учал блудить над старыми книгами... Буди он проклят, враг божий».

Большой знаток христианской догматики, Федор отстаивал принцип нераздельности «святой троицы», что соответствовало взглядам как дониконовской, так и никоновской церкви. Аввакум, которого поддерживал Лазарь, яростно нападал на этот принцип, обвиняя Федора в еретичестве. Но еретиком, с православной точки зрения, был именно Аввакум.

«Несекомую — секи! Небось, — по равенству, — едино на три существа и естества... Три цари небесные»^[17].

Препирались они неистово.

— Федька, — вопрошал Аввакум, — по-твоему, кучею надобно? Едино лице?

— Я исповедую, — твердил Федор, — святую троицу, единопредстольную, едinosущную и нераздельную... Три лица в едином божестве и едино божество в трех ипостасях совокупно...

— Троица рядом сидит! — вопил Лазарь. — Сын одесную, а дух святой ошую отца на небеси. Как царь с детьми, сидит бог отец, а Христос на четвертом престоле особом сидит пред отцом небесным...

Но Федора это приводило в ужас, и тогда Аввакум разражался ругательствами:

— Ведь ты дурак, Федор! Гордой пес, поганец, еретик! Сидит бог и человек на престоле своем царском, и ты, дитятко бешеное, не замай его, не пихай поганым своим языком с престола, собака...

Спорили они так, будто от них и в самом деле зависело быть или не быть Христу на троне.

Полемика их вышла далеко за пределы пустозерской земляной тюрьмы. Письмо за письмом посылали они верным, доказывая каждый свою точку зрения. Аввакум проклинал Федора, а своим сторонникам на воле излагал дело так, что дьякона исключили из числа «начальных отцов». Федор страдал — на Москве власти проклинали его за старую веру, и здесь друзья проклинали за несогласие в вере же. Он взялся за перо, долго трудился и о своих разногласиях с Аввакумом составил «книжицу не малу,

листов с полтораста». Отношения стали настолько напряженными, что Аввакум, если верить Федору, в своей горячности потерял всякое чувство меры и поступал не лучше их общих врагов.

«Некогда в полночь, — писал Федор, — выходил я из ямы вон окном, как и Аввакум, в тын, и посещал прочую братию вне ограды. Сотник же, Андрей именем (стрелецкий сотник Андрей Чупреянов был начальником караула в Пустозерске в 1675—77 годах. — Д. Ж.), враг был, издоимец, и на меня гнев имел за некое обличение. И в то время велел меня ухватить стрельцам в тыну, нагого... И начали меня бить зело без милости... И посем, руки мои связав, к стене привязали и знобили на снегу часа два. А друзья мои смотрели на меня и смеялись! А стрельцы влезли в мою темницу, по благословению Протопопову, те книжицы и выписки мои похитили и ему продали. И он из тех книжиц моих лиска с три токмо выдрал лукавно и те листки послал на Русь братьям нашим, перепортя писание мое, чтобы меня обвиняли, а его бы учение оправдали...»

Свои рассуждения о троице и других догматах Аввакум излагал в письмах и Симеону — «Сименушке», ставшему в иноках старцем Сергием, известному впоследствии своим участием в старообрядческой смуте 1682 года. Это был старый друг и земляк Аввакума «посадский человек Сенька, Иванов сын, Крашенинников».

Впоследствии Федор заново написал свою «книжицу». Вместе с описанием обстоятельств ссоры с Аввакумом она была отправлена к сыну Максиму и друзьям в Москву и сильно поколебала авторитет Аввакума.

Неистовый бунт против церковной догматики известный оратор и публицист митрополит Димитрий Ростовский через двадцать семь лет после смерти Аввакума назвал «мужичьим умствованием», опровержением евангелия, не старой верой, а «новым мудрованьем». Впоследствии исследователи объясняли еретичество Аввакума полемической увлеченностью и неумением точно выразить отвлеченные богословские положения.

Но, как бы там ни было, взгляды Аввакума смутили самих раскольников, сошедшихся впоследствии даже на собор, где обсуждались полученные от самого отца Сергия письма Аввакума. Собор кончился свалкой, кто-то крикнул: «Стреляй!», и все разбежались. Сторонников у аввакумовской «новизны» оказалось немного, и о ней старообрядцы старались больше не упоминать.

Самым близким другом и духовным отцом Аввакума был мягкий и простодушный старец Епифаний, но и ему не по сердцу пришлись «ярость великая и вопль» протопопа по поводу догматов. Федор не преминул искать

поддержки старца. «Старец же прост человек, — писал Аввакум, — правду чаял шептание его и напал на меня по ево учению всеми силами». И хотя протопоп привык «от купели троицу чести в трех образах, а не единицу жидовскую», поступился он ради дружбы с Елифанием своей совестью и пошел ночью в землянку к Федору мириться. Дьякон наставлял его, а он, затаив гнев, только «помикивал».

Но гнев все равно прорвало. «Не до дружка стало — до своего брюшка». Пошел Аввакум «косить» и старца. Это был гнев отчаяния. Молва о том, что Аввакум пишет по-еретически, ширилась и докатилась уже до Пустозерска. Та же горечь, что некогда съедала Федора, теперь грызла и Аввакума. «Никониане еретиком зовут, дети духовные еретиком же зовут!» Это был вопль упрямой души...

Случилось это уже году в 1678. По легенде, помирились будто бы перед смертью Аввакум с Федором, и немалую роль сыграл в этом, наверно, старец Елифаний.

Дружба Аввакума и Елифания трогательна и удивительна. С самого начала, с первой же встречи в Москве. глубоко уважал старца Аввакум, заботился о нем, едва ли не в каждом письме упоминал о нем с благодарностью.

Сперва, когда в Пустозерске им жилось сравнительно легко, Аввакум и Елифаний подолгу рассказывали друг другу о своей жизни. После казней узники продолжали встречаться, переползая из землянки в землянку под покровом темноты или пользуясь попустительством сочувствовавших им стражников. В этом общении родилась постепенно «Книга бесед», а потом «Житие» и другие произведения Аввакума.

Елифаний был довольно опытным писателем, уже один раз положившим на бумагу свое житие. Он-то и «понудил» Аввакума написать книгу.

В рассказах Аввакума о его приключениях и злоключениях оживала едва ли не вся русская земля — и Поволжье, и Север, и Сибирь; сотни и сотни людей всех званий и состояний страдали и радовались, боролись и покорно несли свой крест... В мокрых, погребенных под землей срубам воспоминания о вольной жизни горели ярким пламенем, слова лились свободно.

Немало «житий» прочел на своем веку Аввакум. Но большая их часть написана была каким-то мертвым, нескладным языком, не тем богатым, сочным языком, на котором изъяснялись русские люди.

«Не позарите просторечию нашему, понеже люблю свой русской

природной язык, виршами философскими не обык речи красить...» — напишет он впоследствии во вступлении к своему «Житию».

«Я не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русского...»

Аввакум не заботился об изысканности, презирал напыщенную трескотню придворных графоманов. «По нужде ворчу, понеже докучают. А как бы не спрашивали, я бы молчал больше».

Литература не была для него ни профессиональным занятием, ни средством удовлетворения честолюбия. Борец, он видел в литературе лишь иной род оружия. Не окажись Аввакум в земляной тюрьме, он, возможно, ограничил бы свою деятельность лишь огненными проповедями да еще письмами. А теперь он вынужден был писать более пространно и творил так же талантливо и страстно, как делал в жизни все. И вроде бы «само» получалось у этого мужицкого писателя, который речь свою называл «вяканьем», а литературную работу «ковыряньем».

И хотя все было рассказано Епифанию за несколько полярных ночей, говорено обо всем переговорено, взявшись за перо, Аввакум задумался, о чем писать. Пестра жизнь, а сказать людям надо главное, чтобы не отвлекать их мысль в сторону, чтобы была книга как вопль в ночи, а не жалобное стенание...

«Стану сказывать верхи своим бедам», — решил Аввакум.

Считается, что Аввакум начал писать свое «Житие» еще в 1669 году, до приезда в Пустозерск Елагина и введения тюремных строгостей. Однако известны еще три редакции «Жития», написанные Аввакумом с 1672 по 1675 год. Сохранились подлинные рукописи двух из них. Подлинники и списки дают представление, как работал Аввакум, как он совершенствовал свое знаменитое произведение, как шлифовал фразы и отбирал эпизоды, как перешел он от мемуарного повествования к сюжетному...

Полемика и поучения, ради чего и задумана была автобиография, как-то не укладывались в русло жизни, которая упруго билась и теснила их к берегам, на края, в начала и концы... «Простите меня... А однако уже развякался — еще вам повесть скажу».

Не соврать бы, всю правду сказать. И такой он был, Аввакум, и сякой, всякий, непростой. Не ведал Аввакум, что назовут его писание «первым опытом законченного психологического автопортрета в древней русской литературе», «многофигурной бытовой автобиографической повестью, тяготеющей в значительной мере к большой форме романа»^[18].

Редко-редко найдешь в «Житии» эпизоды, которые бы ныне не подтверждались документами. Не преувеличивал, не приукрашивал ничего Аввакум. Не часто подводила его память. Но дело даже не в том, точен или

не точен был Аввакум. Не хронику он писал. Дело в том, как он изображал себя и других.

Действительность для Аввакума была чем-то суетным, преходящим. Но в ней человек проходил испытание. Выдержавшему давалось истинное и вечное. Однако до чего же он был привязан к этой суетной жизни, с каким достоинством шагал по ней, как стойко переносил страдания! И не любовался ими, как авторы многих житий, якобы испытывавшие к боли прямо-таки сладострастное влечение. Противоречивый человек был Аввакум — у него найдешь и пространное описание, как постились узники в Пустозерске, десятки дней не принимали пищи, лишь полоскали рот квасом, а вот он радуется, что досталось ему «хлепча немношко» и удалось «штец похлебать».

Всему свое время. Время непреклонности и время уступчивости. Время жестокости и время нежности. Время злословия и время шутке. Всему человеческому отдал дань Аввакум и не постыдился этого человеческого. Сказал своим читателям — судите сами. Он доверял им, и это доверие есть проявление величайшего уважения к человеческой личности, вера в то, что всякий человек сложен и умен.

Чередой возникали в памяти его Неронов, Никон, Ртищев, Пашков, юродивый Федор... И еще многие. Одних он любил, других ненавидел. Но никому не мог отказать Аввакум в человечности. На что Пашков злодей был, а и то мучился и сомневался... Победить врага злого да глупого — себе чести мало. А сам-то он, Аввакум, всегда ли добр бывал даже к близким своим?

Даже к самому близкому человеку, к жене, к Марковне своей, что ныне с сыновьями Иваном и Прокопием на Мезени в земле закопана сидит? Не бывал ли он груб с ней, не попадалась ли она ему под горячую руку? Ох, горе! Страдалица безропотная, подруга верная, мать хлопотливая... В ноги кланяется он ей и всем заказывает — помните вечно, какова Марковна!

А дети? Какая им выпала доля, горемыкам? А сколько детей духовных показнили? Федор юродивый, удушенный палачами на Мезени... Вспомнил его еще раз Аввакум и написал: «Не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянный...» Собственный труд казался ему незначительным. Смерть кругом, смерть!

«Выпросил у бога светлую Росию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою».

Безобразна и греховна жизнь! Кричать хочется.

А как сказать главное? Тянет в стороны повествование, того и гляди все рассыплется. Но отсекает безжалостно Аввакум сучья, чтобы ствол

прямее был, да что делать — разве все отсецешь?

Благословения надо у отца духовного Епифания просить. Напишет Аввакум кусок и просит стрельца, что подбробнее, отнести в земляную яму к старцу — пусть рассудит тот. Вот написал он, как, возвращаясь из-за Байкала, спас папшовского «замотая». Как завалил его пожитками, а сверху Марковну с дочерью положил. Как казакам лгал. Сильно ли он согрешил тогда? «Припиши же что-нибудь, старец».

И Епифаний приписывает: «Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружью твою Анастасию и дщерь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и правильно. Аминь».

Получив через стрельца же рукопись обратно, Аввакум пишет: «Добро, старец, спаси бог на милостыни! Полно тово» — и продолжает свой рассказ о возвращении из ссылки. Удивительна эта рукопись, как бы хранящая тепло рук и дыхания двух человек, которые в зловонных своих ямах не ожесточились, не потеряли способности мыслить возвышенно...

Иной раз Епифаний редактировал Аввакума: заклеивал текст бумажкой и сверху писал свое. Епифаний был не лучшим из редакторов. Коробила его литературная смелость Аввакума, благообразней хотелось ему написать, а получалось бледно и невыразительно.

Все рукописи Аввакума проходили через руки Епифания, Который был искусник во всяких поделках. Он сделал «ящичек» не только в топорщице бердыша, с которым стрелец отправился в Москву. Такие же тайнички для писем вырезал он и в деревянных крестах, которые изготавливал для московских почитателей пустозерских узников. Передавали их стрельцы, получая от москвичей приличную мзду.

Рукописи своего и аввакумовского «Житий» Епифаний аккуратно сшивал, делал переплеты из обтянутых оленьей замшей деревянных дощечек, изготавливал из кусочков меди петли для застежек и окрашивал киноварью обрезы книг.

Эти книги тоже тайно проносились в Москву и другие русские города, там их переписывали усердные грамотеи. И подлинники, и списки берегли как зеницу ока, читали и перечитывали и сохранили до наших дней.

Больше восьмидесяти сочинений написал за свою жизнь Аввакум. И всюду — в «Книге бесед» (1669–1675), в «Книге толкований» (1673–1676), в «Книге обличений», в письмах, челобитных, посланиях — он всякий раз говорит о себе и о других что-нибудь новое. У него нет времени на повторения. То же замечено академиком В. Виноградовым и в аввакумовской манере повествования, где «каждая формула не поясняет предшествующую, а подвигает изложение вперед»^[19].

В своих сочинениях Аввакум часто ссылался по памяти на книги, которые читал в недолгие годы своей вольной жизни. В пустозерской тюрьме узники почти не читали книг. Лазарь писал царю: «Книг, государь, нам не дают лет больше десяти, а в печали у нас память губится».

И сколь замечательна была и память, и начитанность Аввакума, можно судить по недавнему исследованию Н. С. Демковой, отыскавшей в произведениях узника указания на его знакомство с двумя десятками повествовательно-исторических и естественнонаучных сочинений, более чем тремя десятками житий, с полусотней богословских и полемических сочинений, восемнадцатью апокрифами. Среди них мы находим «Историю Иудейской войны» Флавия, «Повесть о Белом Клобуке», «Сказания о Флорентийском соборе», «Физиолог», «Сказания о падении Византии», притчи Эзопа. Аввакум был даже знаком в какой-то мере с «Илиадой» Гомера.

Особенно хорошо знал Аввакум апокрифическую литературу и легенды, отодвинутые впоследствии каноническими текстами в небытие. С этой литературой связано было и народное «самосмышление», проникнутое идеями равенства всех перед богом и природой, справедливости и духовной свободы, дающей жизнь творчеству. Легенды, духовные стихи, апокрифы не только питали Аввакума идеями, но и еще теснее приобщали его к народной словесной культуре...

Писания пустозерских узников попадали и в восставший Соловецкий монастырь. Воевода Мещеринов и близко не мог подойти к стенам со своим тысячным войском. Лихой монах Никанор, с которым переписывался протопоп, ходил по стенам, кропил голландские пушки и приговаривал:

— Матушки мои галаночки, надеемся на вас, что вы нас обороните.

А пушкарям наказывал стрелять по воеводе.

— Поразишь пастыря, ратные люди разбредутся аки овцы.

Крестьяне, посадские люди, казаки потеснили монахов и дрались со стрельцами упорно, зло. Сосланные сюда ученики Аввакума бились бок о бок с бывшими сподвижниками Степана Разина (в свое время ходившего на богомолье в Соловецкий монастырь). Окрестные крестьяне помогали осажденным чем могли...

Так бы и отсиделись, если бы не перебежал в стан осаждающих чернец Феоктист, показавший под сушилом у Белой башни закладенное камнями окно. Ночью Мещеринов проник в крепость, перебил сонных защитников и повесил монаха Никанора...

ГЛАВА 15

В январе 1676 года, вскоре после казни соловецких повстанцев, умер царь Алексея Михайлович. Новый царь Федор Алексеевич повелел перевести пустозерских узников в мрачные тюрьмы Спасо-Каменского и Кожеозерского монастырей, где их ждала участь боярыни Морозовой. По какой-то причине перевод не состоялся, но остался в силе приказ воеводе Львову накрепко и неотступно следить за Аввакумом с товарищами, никого решительно не допускать к ним для разговоров, не давать им чернил и бумаги, «писем бы никаких у них никто не имал».

И все-таки оживленная переписка между Аввакумом и множеством его приверженцев на воле продолжалась. О чем только не писал Аввакум, каких только дел не затрагивал, и уж, конечно, высказывал свое отношение к покойному царю.

Алексей Михайлович скончался буквально через несколько дней после падения Соловок. Аввакум увидел в этом волю провидения и вскоре уже излагал в одном из посланий обстоятельства, при которых будто бы умирал Алексей Михайлович. По этой легенде царь «расслаблен был прежде смерти». В бесконечных муках, в отчаянии он взывал к погибшим:

— Господие мои, отцы соловецкие, старцы, утешьте меня, дайте покаяться в воровстве своем — как беззакония совершал, как от веры христианской отвергся, как вашу соловецкую обитель под меч подклонил!.. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил, и боярынь живых, засадя, уморил в пятисаженных ямах. А иных пережег и перевешал... Утешьте!

А изо рта и из носа у него сукровица потекла, «бытто из зарезанныя коровы». И бумаги хлопчатой не могли напасть, затыкая царю ноздри и горло.

— Пощадите, пощадите! — будто бы кричал, умирая, царь.

— Кому ты, государь, молишься? — спрашивали его.

— Соловецкие старцы пилами трут меня и всяческим оружием, — отвечал он. — Велите войску отступить от монастыря их!

«А в те дни уж посечены быша», — заключил Аввакум.

Еще до кончины Алексея Михайловича возненавидел его Аввакум как мучителя и губителя людей. Перегорела в нем надежда на «исправление» царя. А ведь прежде, признавая достоинства государя, Аввакум писал: «Ведаю разум твой; умеешь многие языки говорить, да што в том

прибыли?» Он бил на патриотические чувства царя: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах». А то начинал стыдить: «А ты, миленькой, носмотри-тко в пазуху-то у себя, царь христианской! Всех ли христиан тех любишь? Перестань-ко ты нас мучить тово! Возьми еретиков тех, погубивших душу свою, и пережги их, скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти, природных своих. Право, будет хорошо. Меня хотя и не замай в земле той до смерти моей; иных тех распусти».

В своих посланиях Аввакум часто возвращается к раздумьям о царе и пределах его власти.

Враг царя омрачил. Как ему льстили, как величали — благочестивейший, тишайший, самодержавнейший государь наш, такой-сякой, великий, больше всех святых от века! Вот он и возомнил, что и впрямь таков, святее его нет!

Много мучительства сотворил Алексей Михайлович, крови неповинной реки потекли. А ведь царства у него никто не отнимал, просто по совести хотелось жить, по своему закону. И за это пластают и вешают людей. В Москве жгут, и по городам жгут, митрополиты и воеводы. Помер царь, а дело его и ныне делают.

Безумцы никониане, утесняя душу свою, говорят: «Не на нас-де взыщется, нам-де что? Предали патриархи и митрополиты с архиепископами мы-де и творим так».

На великих ссылаются.

А патриархи на соборе говорили ему, Аввакуму: «Не на нас взыщется, но на царе! Он изволил изменить старые книги».

Царь тоже ответа держать не хотел: «Не я. Так власти изволили».

А кто эти власти? Никон? Как-то он при духовнике Стефане вздыхал, как-то плакал, овчеобразный волк. В окно нищим деньги бросает; едучи, по пути нищим золотые мечет! А мир-то слепой хвалит: такой-сякой, миленький, не бывал такой от веку! А бабы молодые... тешат его, великого, государя пресквернейшего! Миленький царь Иван Васильевич скоро бы указ сделал такой собаке.

Говорят, антихрист Никон. Нет, Никон — шиш антихриста. Не патриархом, а царем будет антихрист. И родится он от отца Иакова-Израиля и матери Баллы Рахилины. Сперва будет казаться людям кроток и смирен, милостив и человеколюбив: слово в слово, как и Никон, ближний предтеча его, плакать горазд. Обманет он людей, и пойдут они за ним по своей воле... Так думал и писал Аввакум.

И он рисовал карикатуры на Никона на бумаге, а не было ее, то на

бересте. И надписи делал язвительные и неприличные, обличавшие развратное поведение Никона. Сам Аввакум никогда не был ханжой и, отвергая крайний аскетизм некоторых своих сторонников, цитировал: «Честен брак и ложе не скверно».

Сатирические сочинения и карикатуры Аввакума расходились по Руси.

Аввакум был не только великим оратором, не только великим писателем, разрушавшим каноны тогдашнего неудобоваримого книжного языка, не только публицистом, поднявшим критику до небывалого высокого художественного уровня, он был и первым известным русским карикатуристом.

Рисовал он карикатуры и на митрополитов Павла с Иларионом, и на восточных патриархов, и на царя. Ненависть его к Алексею Михайловичу была уже такова, что он под конец велел через сыновей своим сторонникам царскую гробницу «дехтем марать».

Это кощунственное распоряжение объясняется тем, что в аду и только в аду видел место Аввакум покойному государю. «А мучитель ревет в жюпеле огня. Навось тебе столовые, долгие и бесконечные, пироги, и меды сладкие, и водка процеженная, с зеленым вином! А есть ли под тобою перина пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твоё здоровье, чтобы мухи не кусали великого государя? А как там срать-тово ходишь, спальники робята подтирают гузно-то в жупеле том огненном?.. Бедной, бедной, безумное царишко! Что ты над собою зделал?.. Ну, сквозь землю пропадай, блядин сын!»

В то время надо было иметь великую дерзость мысли, чтобы так писать. А черпал эту дерзость Аввакум в своем представлении о равенстве всех людей перед богом. В «Евангелии учительном», изданном в 1652 году, он мог прочесть, что всем людям одинаково даны «разум и самовластие», «равно сияет солнце на всех: на благих и на лукавых...»

«Ныне же равны вси здесь на земли, — писал Аввакум, — нечестивии ж и паче наслаждаются». Его рассуждения о равенстве православных, братьев «по духу», мало отличаются от заветов раннего христианства. Но Аввакум не терпел отвлеченности. Примеры из русской действительности придавали евангельским идеям острое социальное звучание.

Аввакум выступал в защиту личных достоинств человека, считая, что люди равны по своей природе. Богатую и родовитую Морозову он иронически спрашивал: «Али ты нас тем лучше, что боярыня?»

Из этого не стоит делать вывод, что Аввакум был последовательным борцом за демократию, но в условиях строго иерархического общества уже само подобное рассуждение обладало огромной взрывчатой силой. И

нетрудно себе представить, как воспринимались послания Аввакума в народе.

Суете, всему «внешнему» Аввакум противопоставлял напряженную духовную жизнь. Для чего живет человек? Стяжательства ли ради? Не имеют ценности богатства Морозовых, не говоря уже о бедняцком имуществе — «мешок да горшок, а третье — лапти на ногах». Тем, кто трусил и ссылался на то, что дети малы, жена молода, разоряться не хочется, Аввакум приводил в пример стойкость Морозовой и ее подруг.

«А ты — мужик, да безумнее баб, не имеешь цела ума: ну, детей переженишь и жену утетишь. А за тем что? Не гроб ли?..»

Есть и спать для того, чтобы жить. Жить для того, чтобы есть и спать. Начисто отвергал Аввакум подобную «философию». Смысл жизни был для него в борьбе, в напряженном искательстве «правды». Он обличал «пьяных и блудных», поработившихся «страстям века сего», и славил тех, кто мог гордо сказать:

— Никово не боюся, ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни диявола самого!

Туго набитое «чрево» становится у Аввакума как бы символом и причиной всех зол. Даже отход от раскола князя И. И. Хованского он объяснял боязнью вельможи «покинуть» фаршированные куры и крепкие меды. Князь церкви, в описании Аввакума, непременно был толсторожим и «колебал» упитанным брюхом. Новый фасон иерейской одежды с высокой талией давал ему повод для ядовитых восклицаний:

«А ты, что чреватая жонка, не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываешься по титькам! Чему быть? И в твоём брюхе-то не меньше робенка бабья наложено беды-то, — ягод миндальных, и ренсково, и романей, и водок различных с вином процеженным налил. Как и подпоясать? Невозможное дело — ядомое извредить в нём!»

В том же «Евангелии учительном» говорилось, что человек «самовластно» выбирает, как ему жить. «Никого не понуждает бог: или добре живет, или зле...» Аввакум, наверно, не раз возвращался к этой мысли и опять же не мог воспринять ее отвлеченно. Понимание «добра и зла» он переводил из моральной плоскости в чисто политическую. Зло для него было заключено в «никонианстве», иные критерии оценки человека как-то стушевывались — их подавлял жесткий партийный принцип. Здесь — добро, там — зло. Здесь — высокая духовность, там — низменная страсть к обогащению, суетное желание сделать карьеру любой ценой.

— Жги, государь, крестьян; а нам как прикажешь, так мы в церкви и

поем. Во всем тебе, государь, не противны; хоть медведя дай нам в алтарь, и мы рады тебя, государя, тешить, лишь нам погребы давай, да кормы с дворца.

Так, по Аввакуму, будто бы говорили царю церковные власти, готовые ради дворцового «пайка» поощрять любые преступления против народа.

О своем враге, митрополите крутицком Павле, Аввакум писал:

«Тот не живал духовно, — блинами все торговал, да оладьями, да как учинился попенком, так по боярским дворам блюда лизать научился; не видал и не знает духовнаго-тово жития».

В житейских примерах своих Аввакум порой опускался до сплетни. Все годилось в дело, когда речь шла о развенчании врагов. Так же все годилось для обмана никониан. В своих советах старообрядцам Аввакум мастерски рисует целые житейские картины, поясняя ими, как вести себя с начальниками и попами. Впрочем, он не отговаривал своих сторонников от царской службы, советовал скрывать свои взгляды, продвигаться и «добро творить».

Аввакум гордился своей славой учителя. «Мне неколи плакать, всегда играю с человеки... В нощи что пособеру, а в день и рассыплю». Ему верили, но иные его советы были жестокими...

Отчаявшись найти правду, поиски которой стали смыслом его жизни, Аввакум писал другу: «Пропала, чадо, правда, негде соискать стало, разве в огонь, совестью собрався, или в тюрьму — по нашему».

Не только «капитоны», но и десятки «правоверных» старообрядцев проповедовали:

— О братие и сестры! Радейте и не ослабейте! Великий страдалец Аввакум благословляет и вечную вам память воспевает. Текайте да все огнем сгорите. Подойди-ка, старче, с седыми своими власами! Приникни, о невеста, с девическою красотой! Воззрите в сию книгу, священную тетрадь — не мутим мы вас, не обманываем! Зрите слог словес и чья рука! Сам сие чертал великий Аввакум, славный страдалец...

Однажды Аввакум написал: «Знал я покойника Доментиана: прост был человек... а конец пускай добре сотворил; отступников утекая, сожегся».

Тюменский поп Доментиан стал иноком под именем Даниила. К его келье, что была под Тобольском, пришли люди из многих городов и уездов и, побуждаемые фанатиками, требовали «крещения огнем». Старец Даниил просил совета у своего духовного отца инок Иванища.

— Заварил кашу, — ответил тот, — ну и ешь ее как знаешь.

1700 человек сгорело с Даниилом.

Огонь и меч опустошал русскую землю. Когда разбили Разина, на многих тысячах виселиц закачались тела, кровью пропиталась земля городских площадей. Не было спуска и раскольникам.

Узнав, что идут подьячие и начальники с солдатами и понятыми, раскольники приходили в крайнее возбуждение. Уже настроенные фанатиками, они клялись друг другу не даваться в руки солдат живыми.

Крестьяне бежали к проповедникам и кричали:

— Враг беды с напастями и бурю с огнем воздвиг! Секут да рубят, кончина пришла! Заставы и приставы на всякой версте; едет ли кто, идет ли, кричат: как крестишься? Что медлишь, старче! Невозможно стало жить...

Все вместе они запирались в часовне, в церкви, в избе или овине, заваливали окна и двери бревнами и разобранными заборами, прокладывали везде, смольем и соломой и ждали «гонителей». Огонь зажигался лишь при нападении солдат.

Самосожжение не было особенным раскольническим догматом. Самоубийство запрещено религией. Сжигались скорее от отчаяния.

Только на родине Аввакума, в нижегородском Закудемском стану, в овинах сгорели «тысячи с две» крестьян с женами и детьми.

Недоброе дело сделал Аввакум, одоблив самосожжение...

Однако согласны с Аввакумом были не все...

Одним из руководителей старообрядчества в Поморье был Досифей, бывший игумен Беседного Никольского монастыря близ Тихвина. Пользовался он громадным влиянием. «У отца Досифея благословения прошу, и старец Елифаний также, по премногу челом бьет», — писал Аввакум.

Досифей и его окружение боролись с горями. Он настоял, чтобы «самовольных мучеников» признали за самоубийц. Ученик и друг Аввакума известный инок Сергей набросился на Досифея:

— Ты уничижил рассуждение великого страдальца!

— Сатана за кожу тебе залез! — ответил Досифей.

К этому времени уже пестр стал раскол. Раздоры дробили его на все более мелкие секты. Аввакум с тоской писал: «Уже друг друга гнушается, и хлеба не ядите друг с другом. Глупцы! от гордости, что черви капустные все пропадете... У нас повсюду ропот, да счет, да самомнение с гордостью, да укоризны друг на друга, да напыщение на искренних, да всяк учитель, а послушников и нет».

А нет единства, нет и силы, как ни ревностен каждый по отдельности.

«Доброе дело содеяли, чадо, Симеоне, надобно так», — цитировал

Сергий письма Аввакума и давал их переписывать. А потом доверял: «Аввакум писал своею рукою здесь». Но противники самосожжения не дремали.

Ученик Досифея инок Ефросин ходил по городам, где заправляли фанатики, и устраивал диспуты. В городе Романове он будто бы убедил всех, а потом слышит, как некая «девка-дуравка» ходит по улицам и рассказывает:

— Наши подьячего взяли, день и ночь пишут, чем уличить Ефросина и из города выгнать...

Страшную злобу питали друг к другу «братья по вере». В том же Романове скрывалась раскольница княгиня Анна Хилкова, выступавшая против самосожженцев. Ей отказывали в крове, грубили и досаждали, даже едва «голодом не уморили».

Встречу свою с проповедниками самосожжения Ефросин описывал так:

«Поликарп долу главу поник, покашливает; Андрей, сидя на лавке, поезживает; подьячий из кута, что волк, позирует; все друг на друга поглядывают».

— Почему поборствуешь и вшивишь? — говорили они. — Почему людям гореть не велишь?

— Не ты ли, губитель, душеяд и душеглот, по целому граду глотаешь? Белев свой проглотил уже, и Романов хочешь пожрать! Не проглотишь, вем: подавишься молитвами страдальца отца Аввакума! — кричал Поликарп Петров.

Ему вторил проповедник Андрей. «Яко ерш из воды, выя колом, голова копылом, весь дрожа и трясясь от великой ревности, брада плясаше, зубы щелкаху».

Выразительно писали в XVII веке, точно и красочно.

Долго боролись сторонники Досифея и Ефросина, прежде чем гари пошли на убыль.

ГЛАВА 16

Критики Аввакума не раз обвиняли его в грубости языка и в «мужицьем безумном умствовании». Сам Аввакум писал: «Я ведь не богослов; что на ум попало, я тебе то и говорю». Неистовым борцом, а не глубоким мыслителем проявляет себя Аввакум в своем литературном творчестве.

А. Н. Робинсон утверждает, что «в его замечательной автобиографии, в «Книге бесед», «Книге нравоучений и толкований», «Книге обличений», многочисленных заметках, челобитных и письмах нельзя найти какой-либо стройно изложенной единой социологической или даже религиозной доктрины. Но все его рассуждения, нередко противоречащие друг другу, все его толкования — даже по отвлеченно-схоластическим церковным вопросам — всегда были прочно связаны с жизнью, всегда возникали под давлением социальной действительности и были обращены к ней же»^[20].

Но писатель-то Аввакум был замечательный. Именно этот его талант заставлял так напряженно прислушиваться к нему современников и вызывал восторженные отзывы последующих поколений великих русских литераторов.

«Ценность чувства, непосредственности, внутренней, душевной жизни человека была провозглашена Аввакумом с исключительной страстностью, — пишет академик Д. С. Лихачев. — Сочувствие или гнев, брань или ласка — все спешит излиться из-под его пера»^[21].

Отказавшись от условностей и традиций средневековой литературы, Аввакум смело ввел народное просторечие в книжный язык. Ему чужды были обычные для того времени риторические украшения, фразы его до предела насыщены, как говорят сейчас, «информацией». Это особенно отчетливо проявилось в его «Житии», где не в ущерб ясности словам чрезвычайно тесно, где каждая фраза едва ли не законченный эпизод.

И в каждой строчке, написанной Аввакумом, виден русский человек. Не зная иной действительности, кроме русской, в своих поучениях он даже персонажей религиозных книг изображает как своих современников. «У богато́ва человека Христа из евангелия ломоть хлеба выпрошу, у Павла Апостола, у богато́ва гостя, и с посланей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у торгова́го человека, кусок словес его получю, у Давида царя и у Исаи пророков, у поса́дких людей, по четвертине хлеба выпросил; набрав кошель, да и вам даю...»

Вот Адам и Ева после грехопадения «проспались бедные с похмелья, оно и самим себе сором: борода, ус в блевотине, а... со здравных чаш голова кругом идет и на плечах не держится! А ин отца и честного сын, пропився в кабаке под рогожею на печи валяется!»

У Аввакума «на кресте Христа мертва в ребра мужик стрелец рогатиною пырнул. Выслужился... пять рублей ему государева жалования, да сукно, да погреб! Понеже радеет нам, великому государю». Это уже не только бытовая сцена. Она имела глубокий политический и психологический смысл для русского человека XVII столетия, а современному читателю дает яркое представление о той эпохе.

Советский исследователь В. Комарович с исчерпывающей точностью определил сущность писателя Аввакума:

«Все творчество Аввакума противоречиво колеблется между стариной и «новизной», между догматическими и семейными вопросами, между молитвой и бранью... Он всецело находится еще в сфере символического церковного мировоззрения, но отвлеченная церковно-библейская символика становится у него конкретной, почти видимой и осязаемой. Его внимание привлекают такие признаки национальности, которые оставались в тени до него, но которые станут широко распространенными в XIX и XX веках. Все русское для него раскрывается в области интимных чувств, интимных переживаний и семейного быта. В XV–XVI веках проблема национальности была неразрывно связана с проблемами государства, церкви, официальной идеологии. Для Аввакума она также и факт внутренней, душевной жизни. Он русский не только по своему происхождению и не только по патриотическим убеждениям: все русское составляло для него тот воздух, которым он дышал, и пронизывало собой всю его внутреннюю жизнь, все чувства. А чувствовал он так глубоко, как немногие из его современников накануне эпохи реформ Петра I, хотя и не видел пути, по которому пойдет новая Россия»^[22].

Однажды случилось в Москве вот что.

Сербский архидьякон Иван Плешкович пришел как-то в мастерскую к знаменитому иконописцу, «царския палаты начальнейшему изографу» Симону Ушакову^[23] и увидел только что написанный образ Марии Магдалины. Не изможденная христианская святая смотрела на него с иконы, а, как выразился тогда еще живой инок Авраамий, «блудница»... Написанная ярко, в новомодной манере, она могла служить иллюстрацией к словам Аввакума, которыми он описал внешность богатой щеголихи: «А

прелюбодейца белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны niskи, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мямки, приветы сладки... рубаха белая, ризы красные, сапоги сафьянные. Как быть хороша!»

Иван Плешкович возмутился и даже плюнул.

— Не приемлю! — рявкнул архидьякон и принялся хулить «световидные образы» Симона Ушакова. Присутствовавший при этом ученик Симона и сам уже изрядный мастер Осип Владимиров вступил с Плешковичем в спор. А поскольку Иван Плешкович был не одинок в своем неприятии новой манеры, Владимиров написал трактат об искусстве «Послание некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу».

Из этого сочинения и стало известно о споре с архидьяконом, которого Владимиров называл «лаятелем», «блекотливым козлицем», «зловзвистным». Восторженно отзываясь о западноевропейской живописи, знаменщик, а иначе художник Печатного двора Владимиров, хвалил мастеров, следующих «благотелесному образу», отчего всякая их икона, «светло и румяно, тенно и живоподобне воображается»^[24].

Иностранные художники, по мнению Владимирова, хорошо изображают «царские персоны», в том числе и образ «российского царя». И он задает явно провокационный вопрос:

— Об этом царевом образе как рассуждаешь, Плешковиче? Надо ли такую царскую персону хвалить и любезно почитать?

Попробуй тут возражать, и тотчас припишут оскорбление «царского величества». Придворным живописцам всегда было легко постоять за себя.

Царские иконописцы пренебрежительно отзывались о народных художниках, о «мазарях», почему-то отождествляя неискусные работы некоторых с русским искусством вообще. Владимиров высмеивал иконы, которые «Шуяне и Холуяне, Палешане на торжках продают». Сам он был посадским человеком, но уже усвоил аристократический тон, уверяя, что мужикам «скорее бы гончарствовати, а не иконы писать».

Владимиров делал вид, что никогда не любовался иконами старых мастеров в кремлевских соборах. Правда, закопченные и потускневшие, они могли и не производить сильного впечатления. Но дело тут было еще и в другом. Яростный сторонник никоновской реформы, он считал, что в русских книгах от невежества допущены ошибки, и теперь они «исправляются от премудрейших», греческих. «Тако же, господине, и в иконах», — заключал он.

Расцвет русской иконописи падает на XIV–XVI века. Победа над

татарами, идея третьего Рима... Икона тогда не была личным достоянием иконографа. Иконописец, как бы растворяясь в народной массе, был выразителем ее переживаний, ее победно-торжественного настроения, ее ощущения соборности. Реалистические подробности не отвечали этому настроению. Благоговейное отношение к своему делу, длительные посты перед самым процессом иконописания исключали какую бы то ни было будничность. Принято было даже думать, что самые прославленные иконы писались несознательно — некая «высшая сила» водила рукой художника...

В XVII веке расцвело то, что принято называть «русским барокко», с его нарядностью, затейливостью, красочностью. Но вместе с проникновением западной культуры при Алексее Михайловиче постепенно менялась и живопись. Главным становилось личное мастерство художника, а не общественное настроение. Ослабла символичность искусства, духовность его. Появилось желание поразить какой-нибудь отдельной деталью, стремление если не к реализму, то к реалистичности.

Аввакум утверждал, что если прежде художники, «добрые иконографы», создавая иконы, писали руки и ноги тонкими, а лица изможденными «от поста, и труда, и всякия им находящий скорби», то ныне образа пишутся по образу и подобию тех, кто больше заботится о брюхе, чем о душе. «Пишите таковых же, как вы сами: толстобрюхих, толсторожих и ноги и руки яко стульцы».

Отказ от духовности, как считал Аввакум, ведет к оскудению искусства. Выступая против господства сытой плоти и житейского тщеславия, предугадывая дух мертвой и мертвящей рассудочности, которым уже пахло с Запада, Аввакум в своей беседе «Об иконном писании» жестоко высмеивал новые веяния. У образов теперь «лице одутловато, уста червонные, власы кудрявые, руки и мышцы толстые... тако же и у ног бедра толстые», разве что «сабли при бедре не писано». Заносясь в своем неприятии всего нерусского, Аввакум восклицал: «Ох, ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев! А Николе-чудотворцу дали имя немецкое: Николай...» Обидно было ему за любимого святого русских людей, который в свое время совсем в духе Аввакума «Ария, собаку, по зубам брызнул».

Аввакум считал, что национальный тип иконных ликов подменяется нерусским, и в этом он был не одинок. Иван Плешкович тогда, в мастерской Ушакова, кричал:

— Немчина вынесли на гору на кресте том написанного!

Обвиняя Плешковича в том, что тот любит «темнообразие икон и

очаделые лица святых», Осип Владимиров спрашивал:

— Весь ли род человеческий во едино обличье создан? Все ли святые смуглы и тощи были?

К Аввакуму эти саркастические вопросы не относились бы, так как протопоп даже обвинял новых иконописцев в том, что они предпочитают «в лицах» святых «белость, а не румянство». Впрочем, спор о русской иконописи XVII века продолжается до наших дней.

В конце XIX века чрезмерно восхваляли Симона Ушакова и его круг... В начале XX века были расчищены и поразили своей красотой иконы, писанные до XVII века, и тогда Игорь Грабарь заявил, что в творчестве Ушакова была безвозвратно утрачена «красота стиля, и совсем не найдена ни живописная красота, ни красота жизни»^[25]. Резкий бросок в другую крайность породил поспешную оценку всего творчества Симона Ушакова, в лучших работах которого видны и страстность, и мастерство, и несомненная духовность.

Современное искусствоведение пытается пойти на компромисс. «Утраты большого стиля, утраты глубины образных характеристик, отсутствие в живописи XVII века выразительности и духовной напряженности, свойственной произведениям XI–XV веков, восполнялись красочностью, яркой декоративностью и избытком узорочья».

Трудно представить себе, как красочность может «восполнить» отсутствие духовной напряженности. Скорее всего было и то и другое. Но если яркая декоративность и избыток узорочья были достойным продолжением и развитием национальной традиции, то отрицательные качества живописных произведений XVII века свидетельствуют об утрате самобытности. Художники перенимали западную манеру, а в период ученичества шедевры создаются редко....

Разумеется, Аввакум понимал «духовность» в живописи несколько по-иному, чем современные ученые, и все же нельзя не согласиться с А. Н. Робинсоном, который пишет: «Не защищал ли объективно этот писатель-демократ, человек огромного художественного таланта и тонкого эстетического чутья, непреходящую красоту?»

ГЛАВА 17

Еще надеясь на перемены, Аввакум послал челобитную царю Федору Алексеевичу. «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал в один день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрий Алексеевич Долгорукой! Перво бы Никона того, собаку, рассекли бы начетверо, а потом бы и никониан тех».

Но эта жажда мести относилась уже к области жестоких мечтаний. Москве было не до Аввакума...

От первого брака у царя Алексея Михайловича было восемь дочерей и пять сыновей. Дочери отличались крепким здоровьем, а сыновья почему-то были хилые, и трое из них умерли еще в детстве. Внезапная смерть Алексея Михайловича привела на престол четырнадцатилетнего мальчика, с распухшими от болезни ногами, оказавшегося в полной зависимости от своего опекуна князя Юрия Долгорукого.

Артамон Матвеев, ведавший после Ордина-Нащокина всей внешней политикой, имел в последние годы большую власть. Он женил вдового Алексея Михайловича на своей воспитаннице и родственнице Наталии Нарышкиной и видел в воцарении Федора закат своей звезды. Матвеев подкупил стрельцов, чтобы они стояли за Петра, маленького сына Наталии, но эта попытка не удалась. Падение Матвеева было предрешиено.

Аввакум писал, что Артамон уговаривал «царя со властями — возьми да пали бедных наших, и Соловки не пощадили». И случилось так, что снова встретились они друг с другом.

Помимо прочего, Матвеева обвинили в умысле на жизнь государя, потому что в ведении его находились и лекарства, аптекарская палата. И если сперва его отсылали в почетную ссылку воеводой в Верхотурье, то потом на пути догнали, отняли книги лечебника и велели ему выдать своих людей «Ивана еврея и карлу Захара». Долго велось следствие, как составлялось и подносилось лекарство больному царю... Обвиненный в чернокнижии, Матвеев с сыном был сослан в «место плачевное», в Пустозерск.

Там он «развратил» местного попа, обращенного было Аввакумом в старую веру.

— Артамон — ученый ловыга, плут, и цареву душу в руках держал, а сия ему тварь — за ничто же, — говорил протопоп.

В беде Артамон оказался нестойким, без конца писал жалобы в Москву. А ведь держали его в куда лучших условиях, чем Аввакума.

В 1680 году Матвеева перевели на Мезень. Он и оттуда писал царю: «А что... жалованья дано... и того будет на день нам... по три денежки... А и противникам церковным, которые сосланы на Мезень, Аввакума жена и дети, и тем твоего государева жалованья на день по грошу на человека, а на малых по три денежки, а мы, холопи твои, не противники ни церкви, ни вашему царскому повелению».

Суровый патриарх Иоаким взялся и за Никона, жившего в Ферапонтовом монастыре. Следствие показало, что властолюбивый Никон там жил не только вольно, но и по-прежнему называл себя патриархом. Напившись, тиранил людей безвинно. Занимал двадцать пять келий, затевал мелочные ссоры с монахами, сожительствовал с женщинами... Собор по настоянию патриарха постановил перевести Никона в Кириллов монастырь, поручить его заботам двух старцев, а мирян и других иноков к нему в келью не пускать.

Но при дворе Никона не забывали. У него находились могущественные заступники, которые говорили о нем царю Федору только хорошее. К тому же царь посетил недостроенный Никоном Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим). Эта величественная постройка понравилась ему. Он решил довершить ее и даже предложил патриарху Иоакиму перевести Никона в эту обитель. Иоаким, испугавшись такой близости соперника к Москве, наотрез отказался дать свое согласие.

— Свержен он не нами, а великим собором и вселенскими патриархами. Мы не можем возвратить его без их ведома. Впрочем, государь, буди твоя воля, — сказал он царю.

Соловьев, вслед за историком Татищевым, писал: «Есть известие, что Симеон Полоцкий, не ужившийся с Иоакимом, хотел употребить Никона орудием для его удаления и уговаривал своего царственного ученика установить в России четырех патриархов на местах четырех митрополитов, в Новгороде, Казани, Ростове и Крутицах, послать Иоакима, патриархом в Новгород, а Никона возвратить в Москву и назвать папою».

Созван был даже собор, так и не решивший дело Никона. А Никон в это время был уже при смерти. Иоаким велел похоронить его как простого монаха, но дело дошло до царя, который добился, чтобы бывшего патриарха похоронили в Воскресенском монастыре.

Умиравшего Никона везли на струге по Волге. В Толгском монастыре он приобщился. Когда струг вошел из Волги в реку Которосль, Никон скончался.

Это было 17 августа 1681 года.

В Пустозерске к тому времени тюрьма «стала обширнее. Сидели тут и разинцы, и соловецкие мятежники...

Пустозерский воевода Тухачевский докладывал: «А ныне и впредь велено приказывать караульным стрельцам накрепко, под смертною казною, чтобы они тех колодников держали в тюрьме с великою крепостью... И те тюрьмы, где сидят Аввакум с товарищи, сгнили, и тын, что возле тех тюрем, погнил и развалился...»

Ему вторил и Андриан Тихонович Хоненев, воевода с 1680 года:

«Да в Пустозерске же, государь... тюрьмы, где сидят ссыльные Аввакум с товарищи, все худы и развалились же, а починить тех тюрем нельзя, все сгнили, а вновь построить без твоего, государя, указу не смею».

Хоненеву велено было строить «тюремный двор с великим бережением, чтоб из тюрьмы из колодников кто не ушел; а строить преж велесть тюремной тын с великим же остерегательством».

Сгнили и осыпались бревна зарытых в землю срубов, не устояли тюрьмы перед разрушительной работой времени и сырости, а вот узники выстояли, не сдались. Никакие «остерегательства» не могли пресечь их связи с волей. Среди сотни стрельцов пустозерского гарнизона всегда находились как сочувствовавшие, так и те, которых можно было подкупить.

В Москве готовилось открытое выступление сторонников Аввакума. И он принимал в его подготовке деятельное участие.

В день крещения «раскольник рострига» Герасим Шапошник при большом скоплении народа в Кремле бросал с Ивана Великого «воровские письма». Могли среди них быть и послания Аввакума.

В январе, в день водосвятия, в присутствии царя и патриарха единомышленники Аввакума снова метали листовки в народ и «тайно вкрадучися в соборные церкви, как церковные ризы, так и гробы царские дегтем марали».

Собор 1681–1682 годов отметил большое число выступлений посадских людей против церкви и государства и принял решение подвергнуть раскольников жестоким казням. И еще собор не окончился, как в Пустозерск выехал «по нарочной из Москвы посылке стремянный, стрелецкого полку капитан Иван Сергиев сын Лешуков». Прежде он состоял на службе в Приказе тайных дел.

По пути, на Мезени, Лешуков объявил опальному Артамону Матвееву указ о помиловании и разрешении вернуться в Москву.

14 апреля 1682 года Лешуков сжег Аввакума и его узников.

До нас дошли очень скудные подробности этой казни. Известно, что совершалась она при большом стечении народа.

С опаской, наверно, поглядывал капитан на толпу людей, собравшихся не только с Пустозерска, но и из ближних сел. Не раз советовался с Хоненевым, как ему расставить стрельцов, чтобы у зрителей не появилось соблазна отбить осужденных. А стрельцов-то было всего сотня да десять пришедших с Лешуковым.

Узников вывели из-за тюремного тына к месту казни.

Аввакум заблаговременно распорядился своим имуществом, роздал книги. Нашлись для этого смертного часа и чистые рубахи. Но все равно зрелище было тягостное — загноенные глаза, обрубленные усохшие руки...

Теперь Аввакума, Федора, Лазаря и Епифания никто не уговаривал отречься...

Из приговора до нас дошла одна фраза:

«ЗА ВЕЛИКИЕ НА ЦАРСКИЙ ДОМ ХУЛЫ...»

Палачи привязали осужденных к четырем углам сруба, завалили дровами, берестой и подожгли.

Народ снял шапки...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АВВАКУМА ПЕТРОВА

1620 или 1621— Рождение Аввакума в селе Григорове в «Нижегородских пределах» в семье священника Петра и его жены Марии.

1638 (?) — Аввакум женился на четырнадцатилетней сироте Анастасии Марковне.

1644 (?) — Был поставлен в попы.

1647 (?) — Изгнан из Лопатищ начальником Иваном Родионовичем и познакомился с царем Алексеем Михайловичем и московскими «ревнителями благочестия».

1652 (?)— «Вдругорядь сволокся к Москве». Поставлен протопопом в Юрьевец-Повольской.

25 июля— Никон возведен в патриархи.

1653, в ночь на 21 августа— Аввакум взят под стражу.

Сентябрь— сослан с семьей в Сибирь.

1656, 18 июля— начало похода А. Ф. Пашкова в Даурию.

1657–1658— Аввакум два лета «брел» до Иргеня.

1658, 10 июля— Никон покинул патриаршую кафедру.

1659, весной— Аввакум на реке Ингоде.

1660–1661, зимой— Возвратился в Иргенский острог.

1661, осенью— Поход Еремея Пашкова.

1662, летом— Возвращение из Даурии.

1663— Встреча с попом Лазарем и Юрием Крижаничем.

1664, весной— Аввакум возвращается в Москву.

Май— пишет первую челобитную царю Алексею Михайловичу и записку о жестокостях воеводы Пашкова.

29 августа— Ссылагается в Пустозерск.

С декабря— Пребывание в ссылке на Мезени.

1666, 1 марта— Привезен из ссылки в Москву.

9 марта— Аввакум доставлен в боровский Пафнутьев монастырь.

13 мая— Острижение Аввакума и дьякона Федора.

15 мая— Аввакум, Никита Добрынин Пустосвят и Федор отвезены в Никольский монастырь на Угрешу.

8 сентября— Снова отъезд под стражей в Пафнутьев монастырь.

12 декабря— Низведен патриарх Никон.

1667, 30 апреля— Аввакум взят из монастыря в Москву.

- 17 июня— Аввакум на суде пред восточными патриархами.
- 80 июня— с Воробьевых гор Аввакум, Лазарь и Епифаний перевезены на Андреевское подворье, откуда узников перевели в Никольский монастырь.
- 8 июля— К Аввакуму приезжал Д. М. Башмаков.
- 10 июля— Аввакума приезжали уговаривать Иоаким и А. С. Матвеев и брали в Чудов монастырь митрополит Павел Крутицкий и архиепископ Иларион Рязанский.
- 22 и 24 августа— Приезжали к Аввакуму на Никольское подворье А. Матвеев и Симеон Полоцкий.
- 26 августа— Указ о ссылке Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания в Пустозерск.
- 12 декабря— Узники привезены в Пустозерск.
- 1667–1676— Восстание в Соловецком монастыре.
- 1668, 20 апреля— Туда же доставлен дьякон Федор.
- 1670, 14 апреля— Еще раз вырезаны языки и отсечены руки у «союзников Аввакума».
- 1671, 6 июня— Казнен в Москве руководитель восставших крестьян — Степан Разин.
- 1669 (?) — Аввакум начал писать «Житие».
- 1669–1675— Работа над «Книгой бесед».
- 1673–1676— Работа над «Книгой толкований».
- 1675, 2 ноября— Погибла Ф. П. Морозова.
- 1682, 14 апреля— Аввакум, Лазарь, Епифаний и Федор сожжены в срубе в Пустозерске.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

«Житие протопопо Аввакума, им самим написанное», Спб., издание Д. Е. Кожанчикова, 1862.

«Материалы для истории раскола за первое время его существования». Под редакцией Н. И. Субботина, т. 1. М., 1875; т. V. 1879; т. VIII, 1887.

Барсков Я. Л., Памятники первых лет русского старообрядчества, вып. I. Спб., 1912.

«Сочинения бывшего юрьевецкого протопопо Аввакума Петрова». М., издание Братства св. Петра митрополита, 1916.

«Памятники истории старообрядчества XVII в.», кн. I, в. I. Русская историческая библиотека, т. 38, Л. 1927.

«Житие протопопо Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». Редакция, вступительная статья и комментарий Н. К. Гудзия. М., Academia, 1934.

Малышев В. П., Три неизвестных сочинения протопопо Аввакума и новые документы о нем. Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета, вып. 3. 1951, стр. 255–266.

Малышев В. И., Два неизвестных письма протопопо Аввакума. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (ТОДРЛ), т. XIV. М.—Л., 1959, стр. 413–420.

«Житие протопопо Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». Под общей редакцией Н. К. Гудзия. Вступительная статья В. Е. Гусева. М., ГИХЛ, 1960.

Робинсон А. Н., Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., Изд-во Академии наук СССР, 1963.

Демкова Н. С., Неизвестные сочинения протопопо Аввакума. ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965.

«Житие протопопо Аввакума». «Изборник» «Библиотека всемирной литературы». Серия первая. М., ГИХЛ. 1969.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ АВВАКУМЕ

Виноградов В., О задачах стилистики. Наблюдение над стилем «Жития протопопа Аввакума». «Русская речь». Сборник статей под ред. Л. В. Щербы. (Труды фонетического института практического изучения языков, в. I.) Пг., 1923, стр. 195–293.

Виноградов В., К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. ТОДРЛ, т. XIV. 1958, стр. 371–379.

Гусев В. Е., Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума. ТОДРЛ, т. XIII. 1957, стр. 273–281.

Гусев В. Е., «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в. (Постановка вопроса). ТОДРЛ, т. XIV. 1958, стр. 380–384.

Демкова Н. С., Творческая история Жития протопопа Аввакума. ТОДРЛ, т. XXV. 1970, стр. 197–219.

Каптерев Н. Ф., Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, тт. I–II. 1909, 1912.

Комарович В. Л. и Лихачев Д. С., Протопоп Аввакум. В кн. «История русской литературы», т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 302–322.

Кожин В. В., Художественный смысл «Жития» Аввакума. В кн. «Происхождение романа». М., 1963.

Лихачев Д. С., Перспектива времени в «Житии» Аввакума. В кн. «Поэтика древнерусской литературы». Л., 1971, стр. 331–339.

Малышев В. И., Заметка о рукописных списках «Жития протопопа Аввакума» (материалы для библиографии). ТОДРЛ, т. VIII. 1951, стр. 379–397.

Малышев В. И., Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. ТОДРЛ, т. IX. 1953, стр. 387–404.

Малышев В. И., Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917–1953 годов. ТОДРЛ, т. X. 1954, стр. 435–446.

Малышев В. И., Две заметки о протопопе Аввакуме. В кн. «Из истории русских литературных отношений XVIII–XX вв.». М.—Л., 1959, стр. 344–352.

Мякотин В. А., Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Спб., 1893.

Никольский В. К., Сибирская ссылка протопопа Аввакума. Ученые записки Института истории, т. II. М., 1927, стр. 137–167.

Робинсон А. Н., Аввакум и Епифаний (К истории общения двух писателей). ТОДРЛ, т. XIV. 1958, стр. 391–403.

Робинсон А. Н., Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в. ТОДРЛ, т. XVIII. 1962, стр. 149–175.

Робинсон А. Н., Идеология и внешность (Взгляды Аввакума на изобразительное искусство). ТОДРЛ, т. XXII. 1966, стр. 353–381.

Робинсон А. Н., Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI–XVII века (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий). В сб. «Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.)». М., 1971, стр. 33–83.

Сарафанова Н. С., Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. ТОДРЛ, т. XIV. 1958, стр. 385–390.

Сарафанова Н. С., Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума. ТОДРЛ, т. XVIII. 1962, стр. 328–340.

Щапов А. П., Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1859. Сочинения, т. 1. Спб., 1906.

Иллюстрации

Протопоп Аввакум. *Дерево. Темпера. Конец XVII — начало XVIII века.*

Церковь в селе Григорово, где родился Аввакум.

Макарьевский монастырь. Фото Д. Жукова.

Село Лопатици. Фото Д. Жукова.

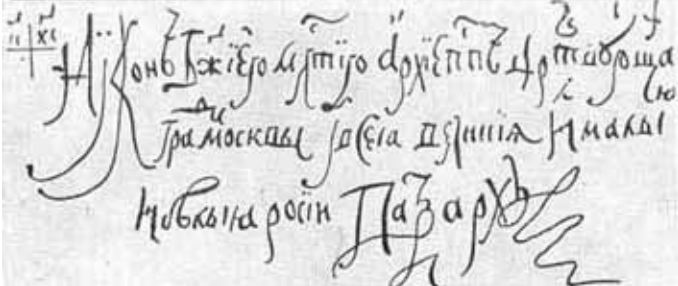
Город Юрьевец. Фото Д. Жукова.

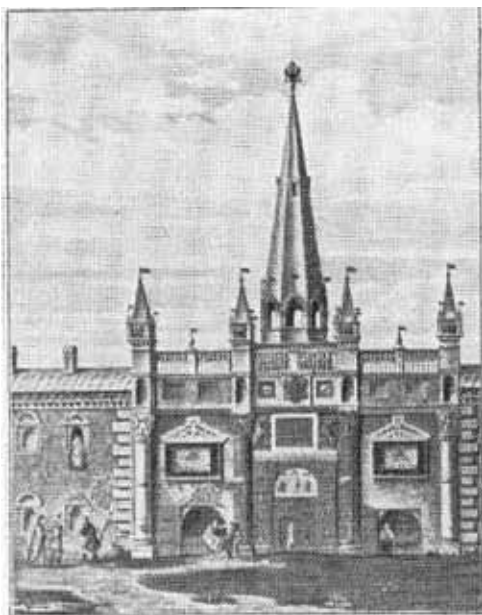
Скоморохи. Из сочинения путешественника Олеария, 1656 г.

Патриарший собор.

Патриарх Никон. Из «Титулярника», 1672 г.

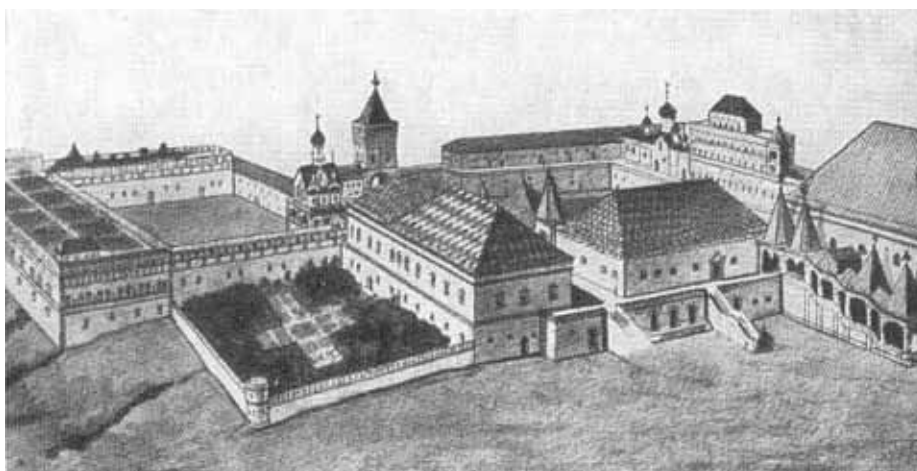
Московский Печатный двор.

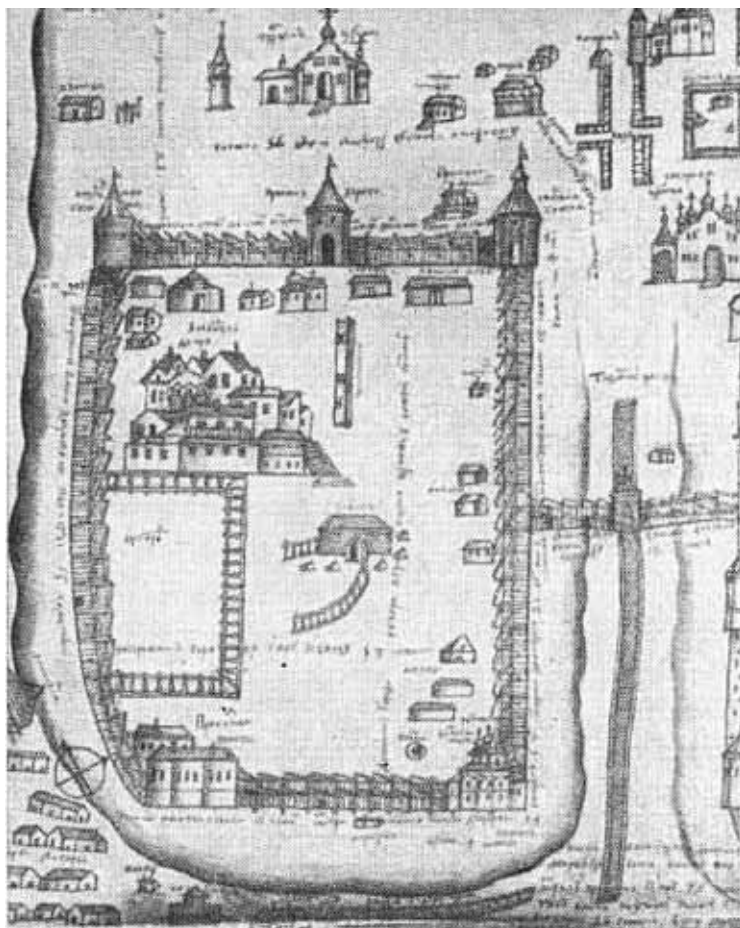
Одежда В XVII века. Из сочинения Олеария.

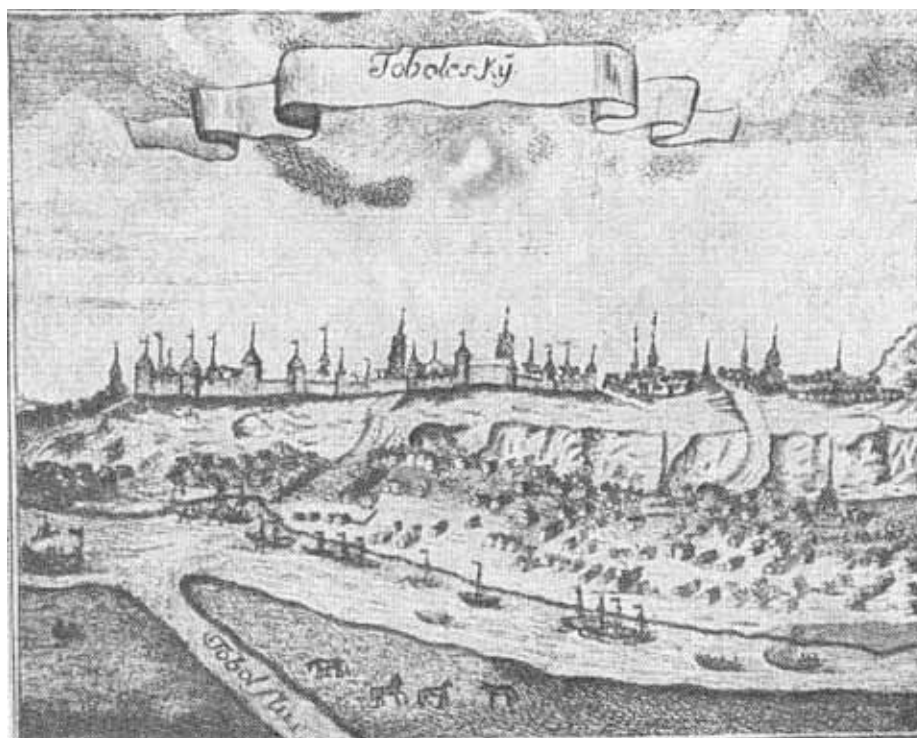
Андроньев монастырь.

Большой царский дворец в Кремле. *Реконструкция.*

Объемное изображение Тобольского деревянного острога, сделанное С. Ремезовым.

Тобольск в XVII веке.

Башня Братского острога.

Место, где был Иргенский острог. Фото Д. Жукова.

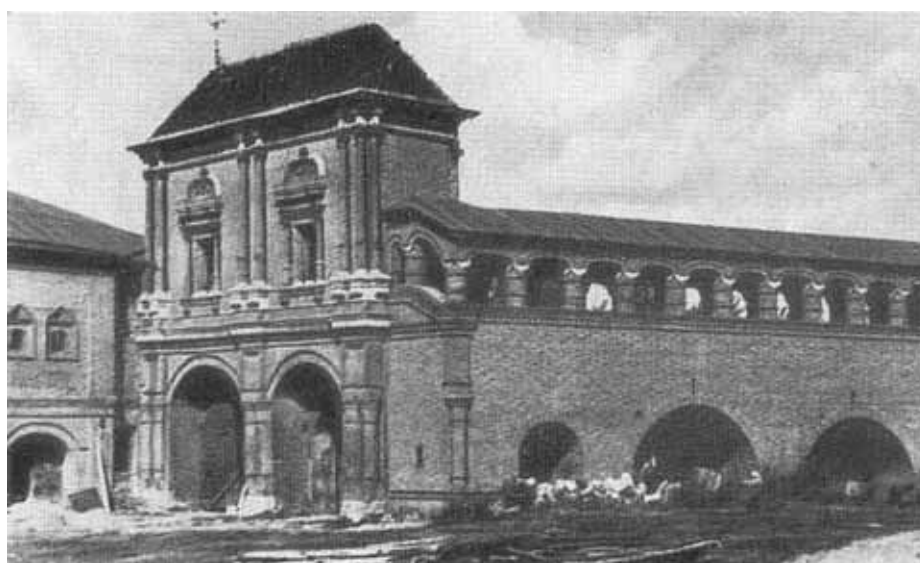
Л. С. Матвеев. Копия с портрета, принадлежавшего Мусину-Пушкину.

Костюм боярышни. XVII в.

Вход в подземелье в Крутицах, где, по преданию, держали Аввакума.
Фото Д. Жукова.

Крутицы. Фото Д. Жукова.

«Не рыдай мене, мати». Двусторонняя выносная, икона XVI в.

Симон Ушаков. Богоматерь Елеуса-Киккская. Деталь, 1868 г.

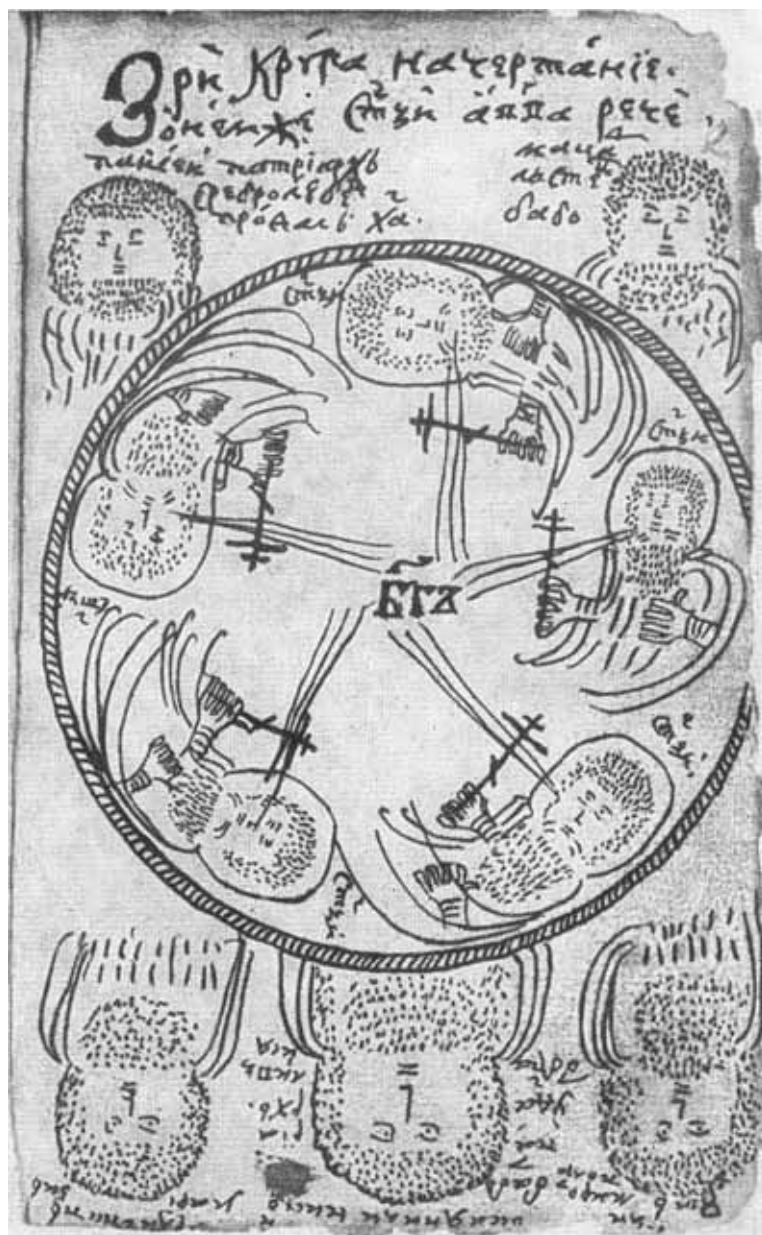

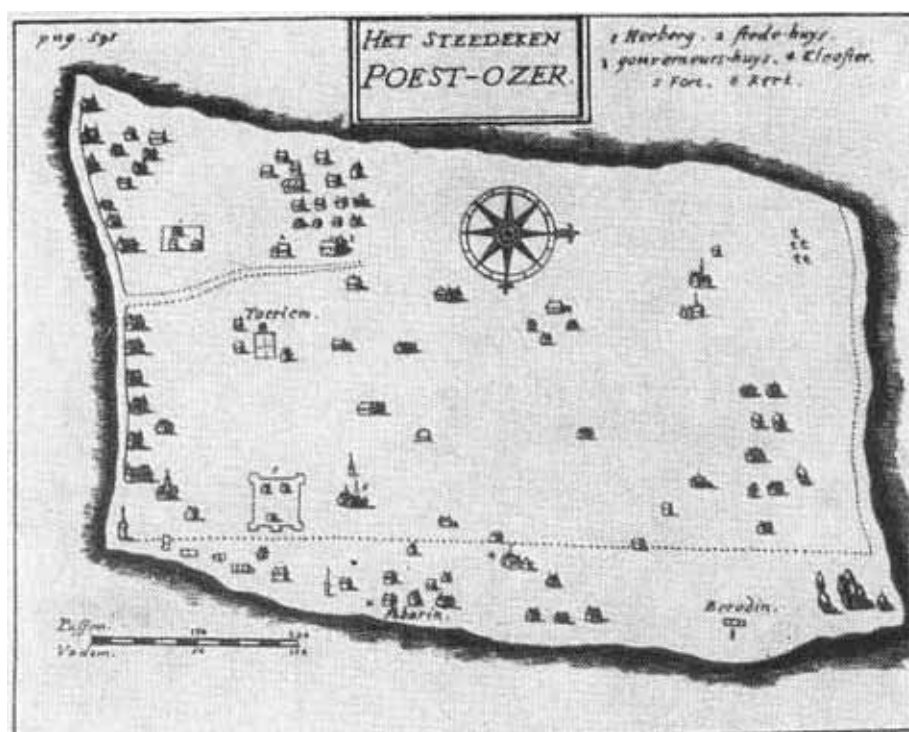
Рисунок Аввакума.

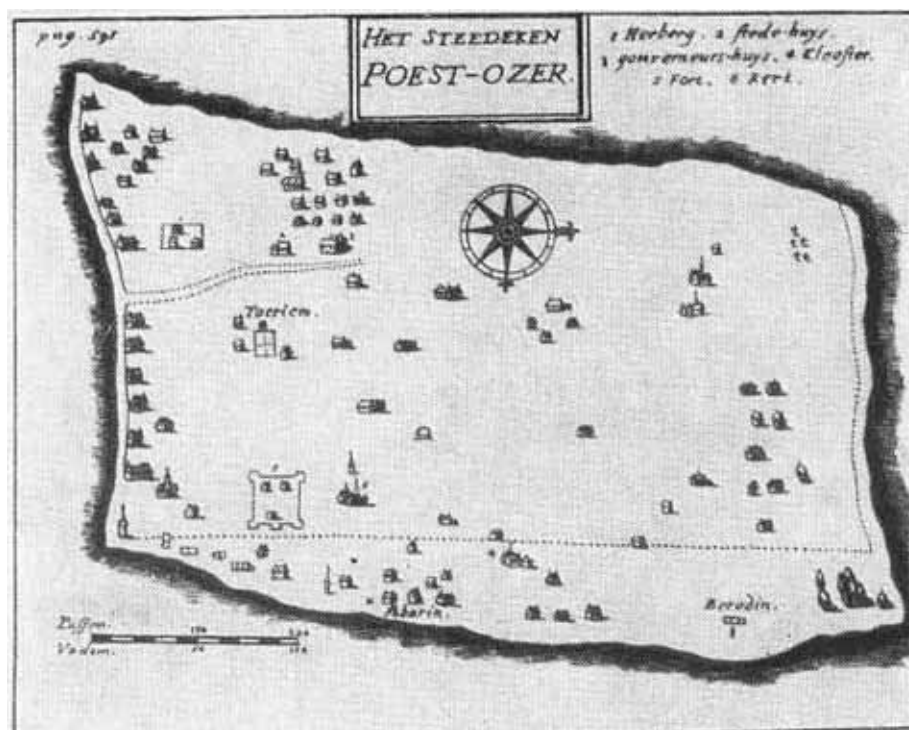
Автограф «Жития» Аввакума с припиской старца Елифания.

Одна из башен Соловецкого монастыря.

Соловецкий монастырь.

План Пустозерска XVII века.

«Житие» Аввакума, найденное в 1967 году. После покрытия переплета.

«Житие». Фрагмент.

Л. Пушкарев

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

В творчестве Есенина, Блока, Некрасова, Лермонтова, Пушкина с наибольшей яркостью и полнотой проявилось национальное своеобразие русского народа. Но если мы захотим дойти до начала начал русской поэзии как непрерывного литературного процесса, если мы постараемся дойти до ее истоков, установить первого профессионального русского поэта, то мы неизбежно должны будем обратиться к произведениям Симеона Полоцкого.

Многими громкими именами прославила себя русская драматургия. В 1972 году будет отмечаться трехсотлетие русского театра. Но если мы захотим узнать, кто был первым русским профессиональным драматургом, мы также должны будем вспомнить имя Полоцкого.

Около трехсот лет отделяет нас от того времени, когда жил и творил на Руси этот поэт, драматург, педагог и общественно-политический деятель. Мало что говорит его имя современному читателю. Бедна событиями его недолгая жизнь. Немного осталось документов, позволяющих воссоздать историю его деятельности при дворе русских царей во второй половине XVII века. Но до нас дошли созданные им произведения, которые и дают возможность рассказать об этом замечательном просветителе.

Полоцкий оставил после себя громадное количество стихов. Исследователи насчитывают несколько десятков тысяч сочиненных им стихотворных строчек. Сочинения Полоцкого — это памятник непреходящего историко-культурного значения. Внимательный анализ его поэтических произведений позволяет нарисовать картину нравов его времени, охарактеризовать важнейшие идеи, волновавшие русское общество во второй половине XVII века, показать сложный путь развития России и становление культуры на рубеже новой эпохи.

XVII век был одной из излюбленных тем для дореволюционных историков. Драматические события междоусобицы и воцарения династии Романовых, борьба в русской церкви с расколом, эпоха, предшествовавшая началу царствования Петра I, — все это было тщательно и подробно описано во многих научных и популярных трудах. Но глубоко ошиблись дворянские историки, когда изобразили XVII век временем покоя и довольства. Страну потрясали классовые бои, переходящие в войны восставших крестьян против эксплуататоров. Логика классовой борьбы эпохи заставляла русское правительство отказаться от прежней замкнутости и отчужденности. Росли экономические связи Русского

государства с его соседями, укреплялись дипломатические отношения не только с порубежными, но и более отдаленными государствами, военные события XVII века выдвинули Россию на одно из центральных мест в общеевропейской политической системе. Наконец, культурные связи России со странами Запада и Востока начинали развиваться исключительно быстрыми темпами. Русская общественно-политическая мысль и литература освобождались от средневековых традиций.

Полоцкий жил и творил в сложный переходный период в истории России. Процесс становления новой дворянской культуры осложнялся острой идейной борьбой внутри церкви, стремлением православного духовенства оградить себя от проникновения западного влияния и сохранить прежние господствующие позиции в обществе. Поэт по призванию, просветитель по духу, Полоцкий был монахом по своему положению, и как служитель церкви он не мог остаться в стороне от этих событий.

В 1666 году был созван церковный собор с участием восточных патриархов. Это был необычный собор. Он судил святейшего Никона, патриарха Московского и всея Руси и за самовольный уход с престола, и за притязания на главенство церковной власти над царской. Обвинителем Никона выступал сам царь. Но необходим был человек, который составил бы важнейшие документы собора, раскрывающие деяния патриарха Никона и возникшего в эти же годы раскольнического движения.

Выбор царя пал не на виднейших деятелей церкви, не на опытных, хитроумных дьяков, а на недавно прибывшего из Полоцка в Москву ученого монаха Симеона, который и подготовил обличительное сочинение против раскольников и описание деятельности собора.

Кто же был этот доселе неизвестный монах?

Мало что знаем мы о его детских и юношеских годах. Даже гражданское имя его (Самуил) стало известно ученым лишь в начале XX века. Об отчестве же Самуила до сих пор идут споры. Отчество «Емельянович» было указано в одном из первых исследований о Полоцком — в книге И. Татарского — и с тех пор прочно вошло в научный обиход. В одной из своих челобитных к царю Алексею Михайловичу Симеон пишет: «Выехал на твое великого государя имя из Литовския земли брат мой единокровный Иоанн Емельянов сын», — следовательно, отца Симеона звали Емельяном. Найдены и документы, в которых сам Полоцкий называет себя Гавриловичем. Не исключено, что по обычаю того времени его отец имел два имени — мирское и церковное. Вопрос о дате рождения Полоцкого также долгие годы вызывал споры.

Впервые сведения об этом читатели могли получить в «Древней российской вивлиофике», где была опубликована надгробная надпись. В ней указывалось, что Полоцкий скончался 25 августа 1680 года на 51 году жизни. Митрополит Евгений (Болховитинов) в своем «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви» написал, что Полоцкий родился в 1628 году (от 1680 года митрополит отнял 51 год и 9 месяцев, не обратив внимания на предлог «на»: из надписи ясно, что Полоцкий прожил пятьдесят лет, а на девятом месяце пятьдесят первого года умер). Академик Л. Н. Майков указал иную дату рождения — апрель 1629 года, ничем этого не мотивировав. Встречается указание, что Полоцкий родился в декабре 1629 года, однако чаще всего называется просто 1629 год, без упоминания месяца. В литературе последних лет, а также и во всех справочных изданиях принята именно эта дата. Она основывается на стихах самого Полоцкого, писавшего, что, когда он принял монашество в 1656 году,

«Бых же аз инок в четвертой седмицы
Лет моих, токмо кроме единицы»,

то есть ему было $(7 \times 4) - 1 = 27$ лет; следовательно, сам он считал годом своего рождения 1629 год.

Полоцк, где родился Самуил, — один из древнейших русских городов.

Он упоминается в «Повести временных лет» еще под 862 годом. Удобное географическое положение предопределило и процветание города, стоявшего на перекрестке знаменитых путей с севера на юг — «из Варяг в Греки» и с запада на восток — из Европы, через Витебск в глубь русских земель.

Полоцк являлся крупным городом в Древней Руси. Там был построен одним из виднейших древнерусских зодчих, мастером Иоанном, величественный собор св. Софии. С развитием ремесла и торговли Полоцк превращается в важнейший торговый центр.

Полоцкие купцы отличались любовью к просвещению, к книге. В конце XV века в Полоцке в семье купца родился один из образованнейших людей своего времени, выдающийся деятель белорусской культуры, просветитель и издатель Георгий (Франциск) Скорина. В Полоцке выступал на диспутах известный представитель реформационного движения Симеон Будный.

Опасаясь усиления социальной и национально-освободительной

борьбы, правящие круги Польши обратились за помощью к иезуитам — организации, созданной католической церковью для борьбы с «ересями». Алчные стяжатели-иезуиты под видом религиозной борьбы занялись грабежом, самоуправством, уничтожением культурных богатств Полоцка. Была разграблена и превращена в руины Софийская церковь, уничтожена богатейшая библиотека. Иезуиты открыли в Полоцке свое училище для юных полочан, но жители Полоцка отказывались посылать туда своих детей.

Для борьбы со все усиливающейся католической и униатской пропагандой в Полоцке организовалось так называемое «братство» — городская церковно-религиозная организация просветительского характера. Полоцкое братство существовало при Богоявленской церкви. В 1533 году земский судья Севостьян Мирский пожертвовал ему участок земли на улице Великой для строительства школы.

Таким был Полоцк во второй четверти XVII века — крупный торговый, ремесленный и культурный центр Белоруссии, средоточие борьбы братств и православной церкви с католиками и униатами.

ГЛАВА 1

Итак, Самуил Гаврилович (или Емельянович?) Петровский-Ситнианович родился в 1629 году в Полоцке. Мы пока ничего не знаем о его родителях. До нас дошел только отрывок, в котором Самуил оплакивает смерть своего отца. Судя по содержанию этого отрывка и по датировке сопредельных с ним документов, кончина отца Полоцкого должна быть отнесена ко времени между 1660 и 1663 годами. О днях молодости Самуила нам точно известно только то, что он учился в Киево-Могилянской коллегии. Это первое высшее учебное заведение на Украине. Коллегия была создана в 1632 году, когда школа Киевского богоявленского братства (существовавшая с 1615 года) объединилась с духовной школой Киево-Печерской лавры (основанной в 1631 году киевским митрополитом Петром Могилой). Академией это учебное заведение стало называться только с 1701 года, а в XVII веке оно именовалось обычно коллегией.

В XVII веке Киево-Могилянская коллегия имела 8 классов, делившихся на младшее (4 класса), среднее (2 класса) и старшее (2 класса) отделения. Продолжительность обучения доходила до 12–14 лет. В коллегии преподавались славянский, греческий, латинский и польский языки, грамматика, риторика, пиитика (поэзия), философия, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, богословие. В младших и средних отделениях учащиеся назывались спудеями, преподаватели — дидасками; в двух старших классах — студентами и профессорами. Среди профессоров Киево-Могилянской коллегии в то время, когда там учился Полоцкий, были крупнейшие деятели культуры, ученые и писатели того времени: Иннокентий Гизель, Лазарь Баранович, Епифаний Славинецкий. Лазарь Баранович позднее называл Полоцкого своим учеником. В младших классах практиковались экзерциции (то есть классные письменные упражнения) и оккупации (то есть домашние письменные работы). В старших классах по субботам проводились диспуты на основе пройденного за неделю материала. В конце года устраивался большой публичный диспут, на котором присутствовали образованные люди Киева. Студенты выступали с речами, показывая свои достижения в богословии, языках, ораторском искусстве. Публичные диспуты велись на латинском языке, который в то время являлся международным языком науки.

Киево-Могилянская коллегия была крупнейшим православным

центром высшего гуманитарного (и, конечно, богословского) образования. Она готовила учителей для монастырских школ, деятелей церкви и государства. В коллегию принимались дети зажиточных горожан, богатых казаков, высшего духовенства.

В XVII веке на Украине по традиции, берущей свое начало из античной Греции, жизнь человека, когда дело касалось его обучения и воспитания, делилась на семилетние отрезки времени. Полоцкий позднее также склонялся к выделению этих периодов: от рождения до 7 лет — воспитание в семье, с 7 до 14 — время практического обучения мастерству, с 14 до 21 года — период умственного развития и гражданского воспитания. Есть все основания предполагать, что и Самуил поступил в Киево-Могилянскую коллегию скорее всего в 1637 году. Что же примечательного было в Киеве для семилетнего белорусского мальчика, приехавшего учиться в одну из крупнейших школ того времени?..

Еще издавлек он должен был увидеть так называемый Верхний город. Высоко подымал свою золоченую голову Софийский собор со слободкой вокруг него (Софийский городок), где жили монастырские крестьяне и торговцы. Устремились ввысь церкви Михайловского монастыря, в стороне поросли бурьяном развалины Десятинной церкви... Остатки оборонительных валов, сооруженных еще во времена Ярослава Мудрого, окружали Верхний город.

В Верхнем городе многие дома были полуразрушенными, в оборонительных валах зияли огромные бреши, церковные здания вблизи оказались закопченными и побитыми. До сих пор еще были видны следы жестоких татарских набегов! От Верхнего города вниз, к Днепру, вел крутой Боричевый спуск, а от Батыевых, или Софийских, ворот — дорога.

И вот Подол — нижняя часть Киева, где из-за разрушения Верхнего города сконцентрировалась в начале XVII века вся жизнь города. На Подоле были только три красивые, довольно широкие улицы, где и располагались важнейшие здания. Все остальные улочки и переулки, застроенные низкими одноэтажными домами мещан и казаков, представляли собой подобие лабиринта. Каждый дом был окружен садом и огородом, поэтому Подол занимал большую территорию.

В стороне, за живописными холмами, покрытыми лесом, на восток от Подола виднелись маковки Печерского монастыря. Печерский городок — так называлась эта часть Киева — состоял из Печерского и Пустынно-Никольского монастырей и слободы, где жили торговцы, ремесленники и зависимые от монастырей крестьяне. Тут же была и «гостиница для паломников», где и остановился Самуил вместе с отцом.

Утром выяснилось, что в Киево-Печерский монастырь они приехали напрасно: школа, основанная Петром Могиллой, была переведена из монастыря на Подол. На следующий день по Ивановской дороге путешественники отправились в Верхний город. Дорога шла по узкой незаселенной Крещатой долине, покрытой густым кустарником и лесом.

Вот и город. С трудом разыскали они жилище ректора Киево-Могилянской академии. Исая Трофимович Козловский жил в двухэтажном деревянном доме. Войдя в комнату и перекрестившись, маленький Самуил раскрыл от удивления рот: перед ним стояла печь-камин, облицованная разноцветными изразцами... Чего только не было на этих расписных плитках! И важные казаки, и веселые паненки, невиданные звери и чудесные птицы, фантастические рыбы и знакомые с детства петухи... Поверху и понизу шел орнамент из выпуклых и вдавленных рисунков в народном украинском стиле. Окна были маленькие, застекленные желтоватой слюдой, почти не пропускавшей света. Даже днем у письменного стола ректора горела свеча.

Но что совершенно изумило мальчика, так это водопровод! Ректор открыл кран, и холодная днепровская вода, журча, побежала в глиняную кружку! «Вода была проведена трубами из колодца, обрубом обделанного», — писали удивленные путешественники. Деревянные водопроводные трубы изготавливались из толстых сосновых колод, выжженных или высверленных внутри.

Ректор побеседовал с мальчиком и отправил его в сад. Там работали ученики Киево-Могилянской академии. Яблоки, груши, сливы и неизвестные в Белоруссии миндаль, абрикосы, грецкие орехи росли в саду. Отдельно, на южном склоне сада, был разбит виноградник. У маленького Самуила глаза разбежались при виде всех этих редкостей...

А в это время ректор, получив обусловленную обычаем мзду, договаривался с отцом Самуила о том, как и чему будет обучаться мальчик в коллегии. Как часто будет он ездить на каникулы и сколько будет стоить его обучение. Сыну было разрешено побыть с отцом еще несколько дней: 1 сентября начинались занятия.

Надолго покинул свой родной город Самуил, надолго оторвался от семьи, да и преподавание в коллегии велось не на родном белорусском, а на церковнославянском языке. Отдельные курсы (например, курс философии в 1645–1647 годах) читались по-латыни. Игнатий Иевлевич, Арсений Сатановский, Иосиф Горбатский были его первыми учителями. Вместе с киевлянами в коллегии учились юноши из самых отдаленных уголков Украины, Белоруссии и России; были ученики, приехавшие даже из

Молдавии и Валахии. Число учеников достигало нескольких сот.

Трудно было на первых порах маленькому Самуилу в коллегии. Ученики-киевляне высмеивали его белорусскую речь. Поэтому с таким рвением принялся он за изучение славянского языка и латыни и скоро достиг в этом значительных успехов. Учителя Киево-Могилянской академии часто водили своих учеников в Киево-Печерский монастырь на церковные богослужения. В пещерах этого монастыря при неверном, дрожащем свете свечей и лучин воспитанники коллегии могли прочитать надгробные надписи на могилах наиболее уважаемых лиц. Среди похороненных здесь князей и монахов была и могила корректора книг и управителя Киево-Печерской типографии Тарасия Земка: «Человек, сведущий в греческом, латинском, славянском и русском языках, умерши, здесь положен. 1632 год сентября 13» — вот что прочитал Самуил на надгробии.

Но совершенно особое впечатление на Самуила произвела стихотворная надпись на могиле Памвы Берынды — киевского ученого, автора славяно-русского словаря (лексикона), корректора и типографа:

Памву Берынду здесь смерть сразила
И тяжелым холмом гроб придавила
Как бы для того, чтобы люди
О нем позабыли.
Но напрасно, ибо, кто ни проходит
Мимо Сего холма, читает: здесь лежит
Истинный монах Памво,
Твердый в добродетели.
Часто бывает так, что кого мы зарываем
Более всего, широкие врата
Тому до вечной славы
Приготовляем беспрепятственно.

Можно с уверенностью сказать, что именно во время учебы в Киеве Самуил и полюбил книгу.

Скучно и однообразно тянулись годы ученья. Изнуряющая душу зубрежка, долгие молитвы, изучение латинских вокабул, заучивание богослужебных текстов...

Прошло десять лет. В 1646 году Самуил в числе других старшеклассников коллегии присутствовал на ученом диспуте между

иезуитом Николаем Циховским и ректором Киево-Могилянской коллегии Иннокентием Гизелем. Диспут состоялся 8 июня в здании коллегии, и Самуил с огромным интересом следил за блестящей полемикой двух образованнейших богословов.

Изредка студенты коллегии бывали и в соборе св. Софии. По большим праздникам звонили во все колокола, в том числе и в самый большой. Один язык колокола весил несколько пудов. Восемь человек, становясь по четыре с каждой стороны, раскачивали его толстыми канатами, и тогда ходуном ходили свод и перекладины, на которых висел колокол, и даже вся высокая звонница...

Уединенной была жизнь студентов в коллегии. Лишь по самым большим церковным праздникам могли они свободно и беспрепятственно гулять по Киеву, любоваться богатыми домами, бродить мимо многочисленных лавок с чужеземными товарами. Пестра и разнообразна толпа на киевских улицах в праздничный день! Вот едут дочери киевских вельмож — их волосы покрыты повязкой из черного бархата, обшитого золотом и усаженного жемчугом и драгоценными камнями. Повязка блестит, как корона, и стоит не менее 200 золотых рублей... А вот идет бедная украинская дивчина, у нее на голове венок из живых цветов, а поверх юбки — вышитая узорами плахта...

В Киево-Могилянской коллегии Полоцкий увлекся поэзией. До нас дошел составленный им в 1648 году и собственноручно переписанный конспект теории поэзии. К этому же году относится и первое известное нам стихотворение Самуила, написанное на польском языке. В этом «Акафисте пресвятой богородице» нет ни одной самостоятельной мысли, он представляет собою простую рифмовку обычных молитвенных формул и канонических церковных выражений. Видимо, студент попытался создать свой собственный текст акафиста, который можно было бы использовать во время богослужения. В предисловии к одному из своих поэтических сборников, «Рифмологиону», Полоцкий впоследствии писал, что он проучился в коллегии около 14 лет («две седмицы») и был выпущен из нее учителем (дидаскалом). Следовательно, он окончил Киево-Могилянскую коллегию в 1651 или 1652 годах.

Вот и кончился четырнадцатилетний иску́с труда и учебы для молодого студента. Позади остались бессонные ночи подготовки к экзаменам, в прошлое ушли и сами экзамены, на которых строгие монахи проверяли его способности вести дискуссию по-латыни, составлять проповеди на заданную тему, толковать и комментировать богослужебные тексты.

Торжественным был заключительный акт вручения дипломов об окончании коллегии. Студенты прослушали сначала благодарственный молебен, а затем ректор коллегии выдал каждому написанный затейливой вязью диплом, в котором удостоверялись заслуги и знания каждого студента. И вот теперь диплом, тщательно завернутый в льняную тряпицу, лежит в его кармане, а молодой человек покидает свою альма-матер — Киево-Могилянскую коллегию. Ему 22 года, перед ним широкая дорога, он дипломированный учитель. Куда он поедет? Какой путь изберет?

Неспокойно было на Украине в середине XVII века, шла национально-освободительная война украинского и белорусского народов за воссоединение с Россией. Стране были нужны не дипломированные наставники, а ратники. Но не привлекает воинская слава молодого белоруса.

Он ощущает необходимость продолжить свое образование, его интересуют философия и зарубежная литература, главным образом польская. Самуил едет в Вильну.

Долго был путь по тем временам от Киева до Вильны. Столица Литвы мало чем отличалась от столицы Украины — те же одноэтажные, беспорядочно расположенные дома, крытые тесом, те же узкие улочки, только вместо златоглавых православных церквей возвышались угрюмые католические соборы да протестантские кирхи. Три улицы наиболее красивы в Вильне — Замковая, Великая и Бискупья (то есть епископская), на них стояли Московский двор и Немецкий двор — два торговых центра, бывшие украшением города, палаты, принадлежавшие магнатам Радзивилам, Ходкевичам, Сапегам, Острожским, Пацам, Тризнам. Их окружали низенькие, грязные, курные избы, печи были даже не во всех домах, многие топились по-черному. Выделялся лишь центр города с замком, обнесенным высокой каменной стеной, недавно построенным в стиле барокко костелом св. Терезы и Ратушной площадью со старинным зданием ратуши — городского управления (магистрата). Возле ратуши стоял столб — так называемый «пилат», у которого секли преступников. Ратуша увенчивалась высокой башней с часами, которые громко отбивали время.

Древняя Вильна — эта подлинная колыбель литовской национальной культуры — была теснейшим образом связана с историей белорусского народа. В начале XVII столетия здесь печатал первые книги на церковнославянском и на своем родном языке Георгий (Франциск) Скорина, здесь же была издана одна из первых книг на латышском языке.

Название города Вильна (современное Вильнюс) напоминает

литовское слово «вильнис» — «волна». Город расположен на реке Нерис, при впадении в нее реки Вильняле; появление первых замков связывают обычно с XIV столетием; по традиции годом основания города принято считать 1323 год. Много раз страдал город от нападений крестоносцев, войны и пожары опустошали его, страшная эпидемия чумы незадолго до прибытия туда молодого белоруса унесла десятки тысяч жизней.

Мрачно выглядел город после чумы, многие дома стояли заколоченными. Самуила поразила бедность обстановки в домах — не везде были даже постели, спали обычно на лавках, покрытых медвежьими шкурами. Но зато сказывалась близость Польши. Жены виленских горожан были разодеты в пышные, дорогие платья, янтарные ожерелья так и переливались на солнце, мед, водка, брага и густое пиво продавались прямо на улицах. Жители были гостеприимны и приветливы.

Молодой студент прибыл в Вильну, как он писал в предисловии к сборнику стихов «Вертоград многоцветный», «пресладостные и душеполезные цветы услаждения душеживительного вкусить». Виленская иезуитская коллегия могла привлечь Полоцкого как одно из самых известных и знаменитых в то время высших учебных заведений на востоке Европы. К концу XVI века в ней преподавало около 90 профессоров и училось более 700 учащихся. В 1653 году Самуил составил сборник упражнений по риторике на польском и латинском языках, здесь же находятся и конспекты занятий его по арифметике и нравственной философии. Эта рукопись, судя по примечаниям студента на полях и по оглавлению, создавалась в Виленской иезуитской коллегии, что косвенно подтверждается и упоминанием в сборнике Казимира Кояловича, бывшего профессором Виленской иезуитской коллегии во второй половине XVII века. Братья Кояловичи были виднейшими профессорами коллегии в середине XVII века, и совершенно не случайно именно их лекции по теологии слушал и конспектировал Самуил. Некоторые современные исследователи полагают, что он поехал в Виленскую коллегия для того, чтобы изучить принципы и методы католической пропаганды для более успешной борьбы с ней в будущем. Однако едва ли у столь молодого человека, еще даже не избравшего профессии, могли возникнуть такие далеко идущие намерения.

Но не пришлось Самуилу надолго отвлекаться от мирских забот и целиком отдаться науке: в октябре 1653 года земский собор в Москве принял решение о воссоединении Украины с Россией. Началась война с Польшей, которая продолжалась 13 лет и шла с переменным успехом, однако в начале войны преимущество было явно на стороне России.

В мае 1654 года сотысячное русское войско под командой Шереметева выступило к границам Речи Посполитой, как тогда называлась Польша. Русским противостояло около 60 тысяч поляков и 100 тысяч конницы крымского хана — союзника Польши. Пали Смоленск, Орша, Борисов, Минск. Русские войска, предводительствуемые боярином князем Яковом Куденетовичем Черкасским, в союзе с казацкими отрядами Золотаренко, присланными Богданом Хмельницким, подошли к Вильне.

Полоцкий мог наблюдать первую стычку с московскими войсками 29 июля 1654 года под самыми стенами города. Большая часть польских воинов при появлении казацкой конницы бросилась бежать врассыпную. Но Радзивил еще долго держался. Бой длился до самой ночи; жестокая и упорная схватка произошла при переправе через реку Вильняле у Зеленого моста, за который отступили польские войска. Радзивилу удалось задержать противника, разрушить мост и отступить за реку, но город был им оставлен.

Русские войска вошли в город. Были разрушены иезуитские костелы, католические монастыри, униатские церкви.

Перепуганный студент бежал из Вильны на другой же день.

Царь Алексей Михайлович находился в это время в 50 верстах от Вильны, в селении Крапивне, когда прискакал к нему гонец с радостным известием о взятии города. Уже 31 июля Алексей Михайлович въехал в литовскую столицу. Полоцк был занят русскими войсками 29 июня 1654 года. Вернувшись в свой родной город, Самуил встал перед дилеммой — или вступать в ряды войска (московские воеводы усиленно набирали новых воинов взамен выбывших — битвы еще продолжались!), или искать такую защиту, которая надежно охранит его от превратностей судьбы и даст возможность заняться своим любимым делом. Что делать, к кому обратиться за советом?

Самуил застал в Полоцке подлинное возрождение: обрадованные приходом русских войск, полочане дружно восстанавливали разрушенные оборонительные сооружения, уничтожали следы недавних боев и пожаров. Только и было разговоров, что вернулись их братья по крови и вере, что окончилось лихое время католического господства.

Взятие Полоцка, главного города Полоцкого воеводства, оказало существенное влияние на весь дальнейший ход военных действий, ибо русские войска перерезали коммуникации противника по Западной Двине. Русское правительство поспешило высказать свое милостивое отношение к полочанам. В грамоте царя Алексея Михайловича полоцким мещанам от 7 сентября 1654 года говорится о том, что когда русские войска под

руководством боярина и воеводы Василия Петровича Шереметева пришли под Полоцк, то посадские люди Федор Сатковский, Василий Ульский, Козьма Федоров и другие помогли русским войскам войти в Полоцк и освободить его от польских захватчиков. Царь разрешает им за это беспошлинную торговлю в Полоцке, дарует ряд льгот и призывает верно служить Русскому государству. Узнав о таких милостях, игумен полоцкого Богоявленского монастыря Елисей обратился к царю с просьбой приписать к монастырю насильно отнятые у него католиками деревни и заодно отдать монастырю пустые дома сбежавших в Польшу «латинян» Каспара Глятивича и других. Грамотой от 3 марта 1655 года царь утвердил право монастыря «владети в век неподвижно» новыми землями и домами.

Игнатий Иевлевич стал с 1656 года игуменом монастыря Богоявления после Елисея. Поставление Игнатия Иевлевича в игумены, как об этом свидетельствует его письмо к Федору Михайловичу Ртищеву, не обошлось без содействия как последнего, так и А. Л. Ордина-Нащокина. Одновременно с этим полоцким и витебским епископом был назначен марковский игумен Каллист. Патриарх Никон в своей жалованной грамоте от 13 марта 1656 года особо подчеркнул необходимость «отрочат... усердно желающих учению, чтению... учить и наказывати, избирая на сие учителей, во благих свидетельствованных и богобоязненных».

И новый игумен Богоявленского монастыря, где уже и ранее была школа, начал деятельные розыски тех, кому бы он мог доверить преподавание в братской школе. Весна 1656 года прошла в бесплодных поисках. Но случай улыбнулся наконец ему: во время пасхального богослужения Игнатий Иевлевич заметил своего бывшего ученика по киевской школе — Петровского-Ситниановича. Они встретились после богослужения, и Самуил долго рассказывал игумену о своих мытарствах. Внимательно отнесся к молодому человеку бывший профессор, подробно расспросил его об учебе в Виленской коллегии, тщательно изучил сохраненный Самуилом диплом...

Решение было неожиданным: Иевлевич предложил недавнему студенту стать монахом и заняться воспитанием детей в братской Богоявленской школе.

Советовался ли Самуил с родителями? Мы не знаем, да, по-видимому, и никогда не узнаем об этом. Но, верно, долго колебался молодой, полный сил и юношеских надежд Самуил. Ему пришлось по душе предложение игумена быть учителем, но пугала мрачная перспектива иноческой жизни. «Инок» — значит одинокий... Он должен обречь себя на безбрачие, забыть все земные блага, подчиниться определенному уставу и иметь своей целью

служению идеалам, достижимым лишь путем самоотречения и удаления от мира... А это вело, в частности, и к отказу от собственного своего имени. Много дней провел в беседах с ним многоопытный игумен. Решающим было то, что в условиях того времени учителем могло быть только лишь лицо духовного сана: школа управлялась церковью, гражданских учителей еще не было.

И вот произошло событие, резко изменившее всю жизнь молодого белоруса: Самуил принял иночество под именем Симеона. 8 июня 1656 года Игнатий Иевлевич произнес приветственное слово в монастырской трапезной, обращенное к новому иноку. Отныне черная монашеская ряса станет его единственной одеждой, а крест и книга — его постоянными спутниками...

У нас есть лишь один источник, который может косвенно разъяснить, что побудило Симеона к этому шагу. Вероятно, он предполагал, что, будучи монахом, сможет плодотворнее заниматься наукой, поэзией, драматургией. Уже позднее в своем интересном стихотворении «Женитьба», включенном в сборник «Вертоград многоцветный», он писал, что человек, посвятивший себя науке, не должен жениться, потому что и жена, и дети будут удалять его от книг. При этом поэт ссылается на авторитет Эпикура и Теофраста, также предостерегавших мудрецов от женитьбы. Жена, утверждает Симеон, заботится только о нарядах да удовольствиях, она ревнива и корыстолюбива, нет от нее покоя ни дома, ни вне его, — и вот конечный вывод поэта: остерегайся бед супружества, склонись на покойное место к книгам.

Приняв иночество, бывший студент стал учителем (дидаскалом) в братском училище полоцкого Богоявленского монастыря.

У недавнего студента было одно преимущество: он был «свидетельствованным» (то есть со свидетельством об образовании) учителем; видимо, и в остальном он отвечал предъявляемым требованиям, хотя в первое время и преподавал лишь в младших классах.

ГЛАВА 2

Остановимся подробнее на преподавательской деятельности Полоцкого. Ведь всю свою сознательную жизнь он был учителем — сначала в братской Богоявленской школе, потом в московской Заиконоспасской и, наконец, стал наставником царских детей.

Он не ограничился только педагогической практикой, сразу же активно вступил в споры о путях образования и просвещения в России.

Для русского общества эта тема была острой и актуальной. Выходили рукописные статьи, в которых защищалось право на изучение латинского языка. Известны нам и произведения, написанные в защиту греческого направления в образовании. Заглавия их говорят сами за себя: «Довод, яко учение и язык еллино-греческий наипаче нужно-потребный, нежели латинский язык и учение», или: «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и теологии и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писания, или, не учася сим хитростям, в простоте богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати — и что лучше российским людям учитися греческого языка, а не латинского». Дело, конечно, не в том, какой язык нужно было изучать в первую очередь, а в том, что крылось за этим спором. Сторонники «латинского» образования стремились сблизить Россию с Западной Европой, расширить круг светских наук, преподаваемых в школе, ввести в практику школьного образования философию, риторику, естественные науки. Сторонники греческой образованности, наоборот, пытались отгородиться от влияния Запада и посвятить все школьное время на изучение греческого языка и православного богословия.

Интерес к светскому знанию, к естественным наукам сурово осуждался церковью. Борясь против свободы мысли, против стремления к знаниям, церковь использовала все средства для того, чтобы воспитать у своих прихожан покорность и смирение. В школьных прописях (то есть образцах для письма при обучении грамоте) встречаются, к примеру, такие слова: «Не ищи, человеце, мудрости, ищи кротости: аще обрящеши кротость, то и одолевши мудрость; не тот мудр, кто много грамоте умеет, а тот мудр, кто много добра творит».

А вот что говорится в другой прописи: если тебя спросят — знаешь ли ты всю философию, ты ему так отвечай: учился я азбуке, греческих хитростей не изучал, риторских астрономов не читал, с мудрыми

философами в беседах не бывал, философию же даже в глаза не видел. «Учусь я книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от греха...»

К чести Полоцкого следует сказать, что он, сразу же отказавшись от узкой ограниченности «греческого» образования, всячески стремился расширить объем преподаваемого материала — не только детальное изучение творений отцов греко-восточной церкви, но и диалектику, риторику, пиитику старался привить Полоцкий на древо российского просвещения. Полоцкий хотел подготовить служителей не только для церкви, но и для государства, научить своих учеников латинскому языку, приобщить их к достижениям европейской науки.

Полоцкий выступил с пропагандой своих педагогических взглядов в тот период, когда Русское государство выходило на международную арену. Русское правительство обменивалось посольствами с Австрией и Англией, Францией и Голландией, Данией и Бранденбургом. Русские послы побывали уже в Венеции, Турции и Иране; тогда же Китай и Монголия стали известны в России. Государству были нужны опытные, знающие люди, способные легко объясняться на различных языках, в первую очередь на латинском и западноевропейских. Грамотные люди на Руси тянулись к книге — она была почти единственным в то время источником знания.

Существовавший же в Москве со второй половины XVI века Печатный двор находился в ведении патриарха и выпускал книги преимущественно церковные, богослужебные и духовно-назидательные. В XVII веке деятельность Печатного двора несколько оживилась. Стали выходить книги и светского содержания, учебная литература — буквари, грамматики, азбуки, но спрос на книги был так велик, что печатных произведений не хватало, книги переписывались от руки. Центральным правительственным учреждениям требовалось большое количество грамотных людей, которые были бы способны вести переписку, а также учет поступающих налогов и податей, могли бы растолковать смысл и значение прибывающих из столицы документов и материалов. Одним словом, Русское государство было поставлено перед необходимостью признать народное образование одной из насущных своих задач, приблизить его к уровню западноевропейского. Наиболее ярко и последовательно эту мысль выразил один из крупнейших мыслителей XVII века ученый Юрий Крижанич, посвятивший основную часть своего трактата «Политика» обоснованию значения образования (по его терминологии — «мудрости»). Он призывал царя ввести в России образование на западный манер.

Первоначальное обучение грамоте на Руси производилось так называемыми «мастерами», грамотными людьми главным образом из низших слоев духовенства: дьячками, пономарями, дьяконами, священниками. Набрав группу из нескольких человек, учитель получал плату (часто — натурой, продуктами) и приступал к изучению букваря. Дети, хором повторяя за учителем названия букв церковнославянской азбуки («а» — «аз», «б» — «буки», «в» — «веди», «г» — «глаголь» и т. д.), заучивали их, затем составляли слоги («ба» — «буки-аз», «ва» — «веди-аз»), из слогов — простейшие слова («папа» — «покой-аз-покой-аз»), от слов переходили к чтению текста. Основанная на зубрежке, на механическом запоминании, эта система обучения грамоте была крайне тягостна для учеников. Их часто наказывали розгами; нередко учеников заставляли выполнять хозяйственные работы в доме учителя.

Обучение в школе мало чем отличалось от домашнего обучения. Дети жили обычно при училище. Симеону в начале своей педагогической деятельности пришлось пользоваться одним из вышедших к тому времени печатных букварей. Первый печатный букварь Василия Бурцева был выпущен в свет еще в 1634 году и назывался так: «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания». Этот букварь переиздавался несколько раз, занимал одно из первых мест по тиражу среди изданий Печатного двора и стоил две деньги, то есть одну копейку. Букварь Бурцева открывается гравюрой с изображением класса и учителя, наказывающего розгой ученика.

Вместе с букварем ученики изучали и арифметику по рукописным руководствам, имевшим такое витиеватое название: «Книга сия, глаголемая по-эллиньски и по-гречески арифметика, а по-немецки альгоризма, а по-русски цифирная счетная мудрость». В конце XVII века в Москве была напечатана таблица умножения, причем в заглавии была указана и практическая цель издания: «Считание удобное, которым всякий человек, купующий или продающий, зело удобно изыскати может число всякие вещи».

Как известно, в древнерусской начальной школе вслед за азбукой и словарем учащиеся приступали к чтению часослова — богослужебной книги, содержащей молитвы. Они были расположены по часам церковной службы — отсюда и название «часослов».

Ученики должны были выучить тексты молитв наизусть и знать последовательность их произнесения во время службы. Знакомство с часословом свидетельствовало уже о более высокой степени грамотности.

В бумагах Симеона сохранилось «Предисловие в часослов», вероятно,

оно предназначалось для вышедшего уже после его смерти, в 1681 году, часослова. В предисловии к часослову Полоцкий излагает свои педагогические взгляды. Исходя из того, что полученные в детстве навыки и привычки сохраняются до самой смерти человека, Симеон говорит о необходимости начинать обучение и образование ребенка с самого раннего возраста. Он пишет, что надо оберегать детей от сквернословия и грубости. Золотое время детства никакою ценою возвратить нельзя, поэтому неблагоразумно разрешать детям проводить годы своего младенчества «в тщетных играх», нужно с малых лет приступать к обучению и воспитанию ребенка. Для большей убедительности Полоцкий сравнивает возраст человека с временами года и пишет, что на весне жизни (то есть в детстве) нивы «сердец учащихся» готовы к восприятию и посеянные учителем семена знания легко прорастают, что и дает возможность человеку в пору зрелости собрать «душепитательные класы» (то есть колосья, злаки).

Показательно еще одно высказывание из этого предисловия: его издание предназначалось Симеоном «во общую пользу всех отроков православно-христианских». Полоцкий специально подчеркивает, что эта книга печатается не только в богослужебных целях, но и для обучения детей письму и чтению. Он призывает родителей — «чадам вашим вручайте ко учению» эту книгу — и убеждает детей радостно принимать часослов, внимательно читать и разумеать напечатанное в нем.

И в своих стихотворных посланиях и обращениях Симеон касается задач просвещения, воспитания. В одном из стихотворений он прямо говорит, что не тот мудр, кто много читал, видел и знал, а тот, кто ведает, как эти знания употребить к добру, а не ко злу. Особенно глубоко и детально осветил Полоцкий вопросы семейного воспитания. Полоцкий считал, что именно семья, мировоззрение и поведение старших оказывают огромное влияние на еще не окрепшую и жадную к новым впечатлениям душу ребенка.

Симеон отмечает, что у многих хороших родителей бывают плохие дети. Отчего это происходит? Оттого, что ребенка излишне балуют. Любовь родительская — благо, но лишь тогда, когда она не чрезмерна. У маленького сына — маленькое зло, но если его не пресечь вовремя, то вместе с ростом ребенка вырастет и его зло. Обязанности родителей сложны и многообразны. Они должны выбирать товарищей для своего сына (в соответствии со взглядами своего времени Полоцкий говорит преимущественно о воспитании мальчиков), не подавать ему плохого примера ни словами, ни поступками, нужно приступать к обучению

ребенка с юного возраста, затем учить мастерству и больше всего на свете опасаться безделья, ибо оно есть источник зла.

Симеон неоднократно возвращается к теме родительской любви и всеми способами старается убедить своих читателей в необходимости сдерживать порывы родительских чувств, так как безмерная любовь отца может привести к гибели его сына. В качестве яркого и впечатляющего примера Полоцкий рассказывает историю о сыне Солнца — Фазтоне. Отец, горячо любящий сына, внял его просьбам и разрешил ему ездить в своей огненной колеснице. Фазтон же, не имеющий ни сил, ни достаточного опыта для управления «быстротекущими» конями, не справился с ними; мало того, из-за своего безрассудства он едва не сжег и небо и землю. И отец-Солнце вынужден был молнией убить своего сына.

Симеон делает такой вывод из этой легенды: не всякую детскую прихоть нужно удовлетворять. Надо знать детские силы и соразмерять с ними разрешаемое. Особенно опасно позволять детям ездить на конях самовольства, в колесницах богатства, ибо это в конце концов приведет к их скоропостижной смерти.

Ценность многих стихотворений Полоцкого для характеристики его педагогических взглядов заключается в том, что его поэзия носит по преимуществу дидактический характер. Всеми способами стремится автор воспитать у читателя любовь к книге, учению, знанию. Вот, к примеру, короткая басня, называемая «Частость» (то есть частота): «Не сила капли камень пробивает, но яко часто на того падает...» Так и тот, кто много (часто) читает, в конце концов выучится и станет образованным, даже если он и не очень талантлив. Или вот как характеризует Симеон невежду: как не может невежда указать правильный путь, так не может поучать и тот, кто не читает книг; когда невежда поучает мудрого — это все равно что слепец указывает путь зрячему; когда невежда рассуждает о мудрых вещах — это все равно что сова рассуждает о лучах солнца... И наоборот, в стихотворении «Вежество» (то есть знание) Полоцкий также использует образ совы, но совсем в ином смысле. Он говорит: древние, когда хотели дать символ, образ знания, изображали зрящую и в ночи сову — как она видит во тьме, так и знающий человек («вежда») разбирается в трудностях.

Симеон всемерно стремится к распространению знаний в народе, он помешает, например, в сборнике своих стихов «Рифмологионе» стихотворение «Увещание к читателю», которое по праву может рассматриваться как одно из программных его произведений. Помните, родители, говорит поэт, дети подражают вам: если ты сам благ — и дети

будут благие, если зол — и дети вырастут злыми; плод падает близко от дерева, ребенок получает нрав от отца: орел родит орленка, подобного себе, а сова — «темнозрачного» совенка. Не так-то много есть детей, родившихся злыми, а позднее прославившихся добрыми делами, гораздо больше тех, кто родился от благих родителей, но из-за их недосмотра обратился к злым делам. Даже человек, родившийся в «худом» доме, но научивший своих детей добру и благу, сам сможет через своих детей добыть и честь и славу.

В публицистике XVII века роль женщины в воспитании ребенка несколько замалчивалась. Считалось, что женщине грамотность не нужна, что только мужчина может воспитать своего ребенка «в страхе божьем...». Церковь называла женщину источником зла, «сосудом греховным». В отличие от традиционной церковной точки зрения Полоцкий не отстраняет мать от воспитания детей, а, наоборот, подчеркивает, что

Ты убо родший и честная мати
Тщитесь чада ваша соблюдать...

В сборнике «Вертоград многоцветный» помещено стихотворение «Учитель», которое также должно быть отнесено к числу наиболее важных с точки зрения педагогики. Учитель, не выполняющий сам тех требований, которые он предъявляет своим слушателям, ничего не достигнет. Кто хочет быть учителем, тот должен придерживаться трех правил. Первое: он сам должен быть знающим (искусным), иначе он будет не учить людей, а только прельщать их знаниями. Второе: учитель должен «украсить» свое слово правдой, действием. Третье: учитель обязан преклонять свое сердце к творению тех дел, которым он учит своих слушателей. Такого учителя можно назвать благим.

С этим стихотворением тесно связано и другое — «Учение», где Симеон также говорит о том, что тот, кто поучает словами, тот идет долгим путем, а тот, кто наставляет делом, личным примером, — кратким. Как всем приятно глядеть на прекрасные цветы, так всем приятны и обученные, хорошо воспитанные дети. Каждый человек должен или учить, или учиться, говорит Полоцкий в стихотворении «Учитися и учити»: тот, кто не знает, тот нуждается в обучении, тот, кто знает, тот должен передать свои знания другим.

В стихотворении «Учай, а не творяй» Симеон отмечает, что много еще встречается таких, которые увещевают других быть добрыми, но сами мало

добра творят. Их можно сравнить с теми, кто созывает народ в церковь, а сам туда не идет. Желая стать правым учителем должен сам творить то, чему он учит других; слушатели же его, глядя на учителя и подражая ему, его делам, быстрее встанут на благой путь.

Прославляя учение, знание, Полоцкий пишет в стихотворении «Незнание» о том, что для человека познать себя самого и сознательно рассуждать о своих собственных немощах есть благо... Тот, кто не знает себя, тот ничего не знает, даже если он и звезды небесные считает (то есть занимается астрологией). Надо сказать, что Симеон весьма скептически относился к средневековой астрологии и по мере сил своих боролся с подобными заблуждениями. Так, в стихотворении «Звезда» поэт говорит, что не звезды и не их расположение на небосводе определяют злые поступки людей: звезды не влияют на волю человека. В стихотворении «Чародейство» Полоцкий предупреждает своих читателей: нельзя доверять чародеям, бабам, шептунам, а надо обращаться к врачам. Не правы те, кто осуждает врачебную помощь и хулит врачей: врачи сотворены богом на пользу людям.

Одна из наиболее важных черт творчества Симеона — это пропаганда чтения, мудрости, философии, книги как средства просвещения человека. Долг человека просвещенного, писал он во втором предисловии к «Псалтыри рифмотворной», воспитывать «мудрость», которая поможет осуществить человеку главную цель — быть полезным для окружающих. Тот, кто утаивает в себе мудрость, — тот подобен человеку, закапывающему в землю «чистое золото». Необходимо делиться своими знаниями с незнающими, тебя от этого не убудет: мудрость от раздаяния приводит не к скудости, а к умножению знаний. Отсюда высокая оценка роли учителя как проповедника мудрости.

В стихотворении «Нрав» Полоцкий пишет о том, что трудно пересаживать старое дерево и трудно изменить нрав старика: как молодое дерево легко можно пересадить, так и юноша легко усваивает ученье. Наполни новый сосуд туком (то есть жиром, салом) — он долгие годы в нем хранится; так и юноша сохраняет до старости то, что было воспитано в нем с детства. В стихотворении «Честь» Симеон пишет, что честь родителей не переходит на сына, если он не подражает им, — лучше самому добиться от окружающих уважения и чести, чем пользоваться заслугами предков.

Вообще Полоцкий очень часто говорит о самовоспитании. Так, в стихотворении «Злый от добрых и с добрыми» он пишет, например, что человека возвысит только его собственная добродетель, а не честное место,

изящество рода или сан. Добродетельному человеку, конечно, не повредит то, что он родился от благих родителей, а вот злому человеку это не поможет. И с высоких мест многие падают вниз, и в пречестном сани совершают низости. Вывод Симеона таков: человек должен гордиться не достоинствами своих предков, а тем, чего он сам достиг.

Особенно резко восстает Полоцкий против невежества. В стихотворении «Невежество трегубо» он говорит о трех видах невежества: первое, когда мы можем, но не хотим учиться; второе, когда не стараемся получить нужные знания или, боясь трудностей, не ищем их, и третье, когда мы хотим получить знания, но не знаем, где и как мы можем их получить.

Свои взгляды на воспитание Симеон высказывал также и в проповедях. В слове «Возлюби искреннего своего яко сам себя» он говорит, что не только люди, но и птицы, и животные заботятся о воспитании своих детей: орел заставляет своих птенцов смотреть не мигая на солнце для того, чтобы они могли стать такими же, как и их отец, который не смежает своих зениц, глядя на светило, а лев кормит своих детей полузадушенными животными, с малых лет приучая львят убивать жертву. Так и родители должны личным примером воспитывать своих детей, как делают, например, художники, которые учат своих учеников, заставляя их подражать учителю. Красноречивые проповеди Полоцкого сыграли большую роль в распространении его педагогических взглядов.

В обоих своих сборниках проповедей, и «Обеде душевном», и «Вечери душевной», Симеон затрагивает вопросы воспитания. Особое поучение он специально посвятил вопросу «О достодолжном чад воспитании». И в этой проповеди Полоцкий говорит о необходимости сдерживать родительскую любовь — и «материнское ласкательство», и «отчее ненаказание». Начинать воспитание ребенка надо с самых ранних лет, пока душа его восприимчива и податлива. При этом Симеон ссылается на авторитет древнегреческого философа Платона «премудрого», сравнивавшего сердце юноши с воском, который легко принимает форму любой печати. Отпечатает воспитатель на этом воске (то есть в душе человеческой) образ голубя — и человек вырастет незлобивым и целомудренным; высокопарящего и светлюбивого орла — будет рваться вверх, к светлему и вышнему; землеточивого крота — полюбит землю. Иными словами, что сумеет вложить воспитатель в душу и сердце ребенка, то он сохранит на всю жизнь и будет либо трудолюбивым волком, либо ленивым ослом, или смиренным агнцем и чистым горностаем, или лютым львом и хищным волком, либо хитрой лисой, либо лающим псом.

Далее Полоцкий приводит широко распространенное в средние века по всей Европе сравнение детского ума с чистой доской (*tabula rasa*): написанное на ней воспитателем человек сохранит на всю жизнь, посеянное в детстве семя с годами вырастет в колос.

Интересна и образна еще одна мысль Симеона: как в кривизне дерева повинны садовники, как в безобразии картины повинны художники, так и в злонравии детей повинны их воспитатели.

Каковы же средства истинного воспитания детей? Их четыре: телесное наказание, сохранение от плохого общества, личный пример родителей, нравственное воспитание в христианском духе.

В другой своей проповеди, посвященной дню Николая-чудотворца, Полоцкий говорит, что в первые семь лет жизни ребенка родители должны научить его быть правдивым, прилежным и воспитанным. Во вторую седмицу (то есть с 7 до 14 лет) отрока следует учить ремеслу, «коему-либо художеству»; в третью седмицу (с 14 до 21 года) юноша должен воспринять благой разум, страх божий и премудрость. И, что очень важно, уже в это время он должен четко себе представлять, «како честно гражданствовати в мире». Это совершенно новое требование, которое мы впервые встречаем у Симеона. До сих пор все церковные наставления ограничивались заботой о воспитании правоверного христианина. Полоцкий был первым в истории русской педагогики, кто обратил внимание на важность гражданского воспитания.

Итак, и в своих проповедях преимущественное внимание автор уделяет нравственному воспитанию, «добронравию, яко без оного аки тело без души есть».

Мы остановились так подробно на педагогических взглядах Симеона еще и потому, что своим первым успехом на общественно-политическом поприще он был обязан в первую очередь учительской деятельности. Через месяц после начала преподавательской работы Симеону пришлось публично выступить вместе со своими учениками. В июле 1656 года молодой учитель Богоявленской братской школы в Полоцке впервые предстал перед царем Алексеем Михайловичем — Симеону представился редкий случай высказаться по поводу политических идей, волновавших в то время русское общество.

В мае 1656 года, после объявления войны шведам, Алексей Михайлович выехал к стоящему в Белоруссии войску. С 5 по 15 июля он жил в Полоцке.

В субботу 5 июля 1656 года перед вечерним богослужением игумен Игнатий Иевлевич вместе с многочисленной братией Богоявленского

монастыря ожидал в поле за Борисоглебским монастырем прибытия царского войска. Вот на горизонте показалось облако пыли, засверкали в лучах заходящего солнца наконечники пик и сабли всадников, блеснули золотым шитьем праздничные ризы священников — огромное поле вскоре заполнилось придворной свитой, русскими воинами, обозами. С крестом, высоко поднятым над головой, вышел вперед дальновидный игумен и произнес первые слова своей речи: «Долговременная и прискорбная наша желания благо нам мздовоздашася, егда на пресветлого лица твоего царского величества пренасветлейшие очи... благодарственно взираем!»

Игнатий сравнивал приход московских войск с восходом солнца, говорил о том, как тяжело было жить белорусскому народу под иноземным игом.

Внимательно слушали речь игумена царь и бояре, взволнованные теплым приемом со стороны полочан. Одобрительно кивали головами именитые жители Полоцка, собравшиеся на поле для встречи пришедших с востока избавителей... Речь Игнатия Иевлевича была составлена в обычном приподнятом стиле и «милостиво» выслушана царем. Гораздо большее впечатление произвели на него 12 отроков братской школы во главе с Полоцким, прочитавших приветственные стихи «Метры на пришествие великого государя Алексея Михайловича». Отроки поздравляли царя, освободившего белорусский парод от иноземного ига, бояр, смело пошедших на войну против свирепых гонителей белорусского народа, и митрополита сарского и подонского Питирима, своими «сладкими словесы» вдохновлявшего русскую армию на борьбу с иноверцами.

Подобные торжественные вирши не были в диковинку Алексею Михайловичу. Уже при взятии Смоленска в 1654 году белорусский поэт (его имя осталось нам неизвестным) воспел победу православного царя. «Песня о взятии Смоленска» начинается так:

Крикнул орел белой, славной,
Воюет царь православной,
Царь Алексей Михайлович,
Восточного царства дедич,
Идет Литвы воевати,
Свою землю очищати...

Стихи, которыми встретили царя в Полоцке, резко отличались от этого

примитивного славословия. В стихах говорилось о русских воинах, освободивших своих белорусских братьев, о радости белорусского народа, наконец-то воссоединившегося с Россией. Эти стихи были прославлением важнейшего политического акта середины XVII века — воссоединения Украины и Белоруссии с Россией.

«Кто сей монах? Узнай и приметь!» — тихо сказал Алексей Михайлович сопровождавшему его митрополиту Питириму.

Молодой дидакал обратил на себя внимание царя и искусно составленной похвалой, и торжественностью исполнения, и тем, конечно, что стихи, в которых русские слова соседствовали с белорусскими и польскими, были произнесены 9–10-летними учениками, что не могло не произвести впечатления.

«Метры» — не единоличный труд Симеона, это коллективное произведение отцов и братии полоцкого Богоявленского монастыря. Монастырь этот в середине XVII века был центром культурной жизни Белоруссии. Помимо братской школы, при монастыре имелась хорошая библиотека, большую часть которой составляли полемические сочинения, направленные против «латин», католиков, что было вполне естественно для этого форпоста православия на границе с католической Польшей.

Кроме Игнатия Иевлевича, большое влияние оказал на Полоцкого еще один монах Богоявленского монастыря — Филофей Утчицкий, известный своими стихами богослужебного и церковного характера. После отъезда из монастыря Утчицкий в течение продолжительного времени переписывался с Полоцким. Возможно, что Утчицкий и был его учителем в области поэзии.

Быстро промелькнули десять дней пребывания царя в Полоцке. Весь город был оживлен, все ожидали дальнейших событий. Царь собирался выступить вместе с полками против шведов в Ливонию. Расторопный игумен Иевлевич решил воспользоваться случаем и в день отъезда царя из Полоцка на молебне в церкви св. Софии подал царю челобитную с просьбой отписать на монастырь два села да три деревеньки «на строение церковное, откуль бы промыслити для братии пищу и одежду». На том же молебне царь отписал монастырю эту вотчину в присутствии думного боярина Бориса Ивановича Морозова.

Русские войска дошли до Риги, осадили ее, но взять не смогли. Царь снял осаду Риги и отступил в Полоцк. 12 октября 1656 года игумен Иевлевич вновь встретил царя в поле за городскими стенами. «Ничего не успеют сделать враги и супостаты твоего царского величества», — утешал игумен царя. Игнатий Иевлевич особо отметил взятие «столичного града

Ливонской митрополии» — города Юрьева (Дерпт), пожелал царю «здравия, долгоденствия и на врагов победу».

Царь пробыл в Полоцке чуть больше двух недель. На прощальной литургии Иевлевич вновь произнес торжественную речь, в которой заверил царя в верности полочан русскому православному государю.

Центральное событие внутривосточной жизни Руси середины XVII века — воссоединение трех братских народов (русского, украинского и белорусского) — оказало решающее влияние на формирование общественно-политических взглядов Полоцкого. Для него необыкновенно характерно подчеркивание единства происхождения трех братских народов из единого корня — «из российского роду». В отличие от польско-католических писателей того времени, стремившихся показать общность происхождения белорусского и польского народов (что вызывалось далеко идущими планами окатоличивания Белоруссии), Симеон старался подчеркнуть тесную генетическую связь белорусского и русского народов. И он часто называет «русским народом» белорусов, волею исторических судеб отторгнутых от России, искренне радующихся своему с нею воссоединению и освобождению из-под польско-шляхетского гнета. Поэтому так часто встречаем мы в «Метрах» восторженные, эмоционально приподнятые строчки: «*Радуйся, Белорусская земля*», «*Плещем руками, радуючися...*», «*Днесь нам дал радостный и веселый день..*» и т. д. (курсив мой. — Л. П.). Приветствуя пришедших русских воинов, Полоцкий и его коллеги не забывают при этом напомнить, что белорусы издавна тянулись к русскому царю и душой и сердцем, «здесь *здавна* Русская земля *язык* мает». Белорусская земля называется исконной русской территорией.

Вы з неволи увесь русийский народ свободили
И ереси из земли *давной русской* скоренили.

В приветствии, прочитанном отроками перед царем, говорилось о том, что белорусский народ так жаждал освобождения и воссоединения с русским народом, как жаждет земля дождя в палящий летний зной, прославлялись русские воины и их военачальники, которые не убоились пойти на войну против свирепых губителей народа и гонителей православной веры и, «яко дети львовы», не утрашили вражеского ополчения, их еретических мечей, их раскаленных в огне пуль, а пострадали за православную веру и освобождение белорусского народа.

«Метры» сложны по построению: каждый отрок трижды выступал

перед царем, прославляя его подвиг в освобождении Белоруссии от иноземного ига.

Теме воссоединения Украины и Белоруссии с Россией посвящены многие произведения Полоцкого, в которых он касается также и других внешнеполитических проблем, стоявших в то время перед Россией. В особенности его волнует борьба за выход к Балтийскому морю.

Как известно, утрата побережья Финского залива, отторгнутого Швецией, крайне болезненно отражалась на экономическом развитии России. Вместе с тем Русское государство стремилось возвратить земли, населенные русскими, украинцами и белорусами. Эти земли были захвачены польскими феодалами, проводившими политику национального угнетения и насильственного обращения в католичество восточнославянских народов. И не случайно позднее в «Орле российском» Полоцкий, говоря о польской Лифляндии, призывает царя «расширить свою власть морем и землею» и победить «льва желтопольска венцем увязенна» (на гербе польской Лифляндии был изображен увенчанный лев).

Мы видим, таким образом, что Полоцкий много сделал для идеологического обоснования воссоединения Украины и Белоруссии с Россией, но эта идея была наивной и ведущей лишь на начальном этапе формирования его общественно-политических взглядов. В дальнейшем интересы Симеона сильно изменились. Он по-прежнему уделял много внимания укреплению связей между Украиной и Россией, распространению в Москве книг белорусских и украинских писателей и ученых, содействовал проникновению украинских методов обучения в практику русского образования и просвещения, но чем более зрелым и самостоятельным мыслителем становился Полоцкий, тем все более и более общие мировоззренческие темы привлекали его внимание.

В трудах, занятиях в школе, молитвах и знакомстве с богатой монастырской библиотекой проходила жизнь Симеона. Вскоре после отъезда царя из Полоцка государевой грамотой лучший монастырский певчий Иван Кокля с женою и детьми был вызван в Москву... «Мы его за то пожалуем, и будет он на Москве жити не похочет, и мы, великий государь, его велим отпустить назад в Полотеск», — писал царь из Смоленска 24 ноября 1656 года. Острое чувство сожаления испытал Симеон, когда узнал об этом вызове, им овладело желание повидать столицу.

Царь продолжал оказывать милости порубежному городу. В грамоте от 16 февраля 1657 года он вновь подтвердил права полоцких мещан «владеть около города Полотеска землею и лесами, и сенными покосы и всякими

угодьи на все четыре стороны кругом по пяти верст на выпуски», оговорив при этом — «опричь отчин, земель и угодей Полоцкого Богоявленского монастыря». Игумен Иевлевич приступил к расширению церковного строительства, в том числе и братской школы. Симеон вместе со старшими учениками деятельно помогал мастерам. Царь Алексей Михайлович грамотой от 25 февраля 1657 года указал воеводе Афанасию Лаврентьевичу Нащокину отпустить для монастыря кирпич.

А война с Польшей все продолжалась, царь посылает все новые грамоты к полоцким жителям с призывами верно служить России и идти в войско князя Ивана Андреевича Хованского на государеву службу. Игумен Иевлевич ревностно исполняет все поручения и царя, и епископа полоцкого и витебского Каллиста. В декабре 1659 года царь посылает грамоту о поставлении Иевлевича архимандритом полоцкого Борисоглебского монастыря.

Симеон остался по-прежнему в школе Богоявленского монастыря. Жизнь его стала хуже с уходом его покровителя игумена Игнатия. Правда, перед своим прощанием игумен намекнул, что, возможно, его вызовут вскоре в Москву и что он возьмет тогда Симеона с собой. Памятуя ласковый прием, оказанный ученикам полоцкой школы, игумен посоветовал разучить с учениками новые поздравительные стихи для царя и его семейства. Симеон решил написать эти стихи на церковнославянском языке.

Не всем представителям местного полоцкого духовенства пришлось по душе промосковская ориентация молодого инок. Сохранилась собственноручная заметка Симеона о его злоключениях и притеснениях со стороны полоцкого епископа Каллиста.

В феврале 1660 года Алексей Михайлович собирает церковный собор, на который был вызван и архимандрит полоцкого Борисоглебского монастыря Игнатий Иевлевич. Он выехал с многочисленной свитой на 9 подводах и, миновав Витебск, Смоленск, Дорогобуж, Вязьму и Можайск, в январе 1660 года прибыл в Москву. Среди сопровождавших его лиц был и Полоцкий с 12 отроками.

Можно представить себе восторг, который охватил Симеона при виде белокаменной Москвы! После невзрачного Полоцка, и в XVII веке сохранявшего еще мрачноватый облик города-крепости, златоглавые церкви столицы Русского государства, широкие улицы, колокольный звон, каменные хоромы московской знати, разодетые стрельцы, пышные выезды бояр — все казалось необычным, торжественным, даже сказочным.

После длительного пути заиндевелые лошади с трудом тащили тяжело

нагруженные сани на подворье... Переехали Москву-реку, где в прорубях языкастые москвички полоскали белье, — и вот впереди засверкали черепицей башни Московского Кремля, раздался звон колоколов...

19 января 1660 года архимандрит Иевлевич, Симеон и его ученики были приглашены в Кремль, в царский дворец.

Во рву, окружавшем Кремль, не было воды. Симеон, проходя с учениками мимо Спасской башни, обратил внимание на большие склады с хлебом — житницы. Но учеников больше заинтересовал небольшой зверинец, расположенный во рву около Неглинной. Они удивлялись невиданным зверям, присланным иностранными государями в подарок русскому царю.

Ошеломленные полочане шли мимо недавно отстроенной Спасской башни. Новая черепица на шатровом покрытии блестела на солнце своей зеленовато-синей чешуей. Громадные часы украшали башню. Диск на часах представлял собою небесный свод лазоревого цвета с солнцем, серпом луны и золочеными звездами. Время показывала неподвижно установленная над циферблатом стрелка в виде солнечного луча, а вращался сам циферблат. Счет часов производился не от полуночи и от полудня, как в наши дни, а от восхода до захода и от захода до восхода солнца. Подвернувшийся подъячий объяснил ученикам, что каждое утро особый часовщик на рассвете устанавливал часы вручную на первый час, после чего и начиналось течение «дневных» часов. В момент заката часы вновь переводились на первый час, и начиналось течение «ночных» часов. Бой часов был слышен на 10 верст. Подойдя к Свибловской башне, Симеон увидел большой бак, выложенный свинцом; в этот бак накачивалась вода, поступавшая далее самотеком на царский двор по свинцовым трубам. Симеон был знаком с водопроводом еще по Киеву, но его ученикам это сооружение было в диковинку: стоило лишь открыть кран, и вода текла сама.

Густым пушистым инеем были покрыты деревья дворцовых садов в Кремле, расположенных ярусами. Сам Кремль, утративший к этому времени оборонное значение, превратился в обширный и величественный дворец. Между Успенским, Благовещенским и Архангельским соборами увидели они три палаты — Грановитую, Меньшую Золотую, или Царицыну, и Среднюю Золотую. Пройдя мимо Царицыной палаты, они вышли на Боярскую площадь. Широкое Постельное крыльцо закапчивалось лестницей, которая вела к постельным комнатам царя. Оробевшие ученики молча шли по переходам на третий этаж теремного дворца. Они вошли в передние проходные сени. Стены были обшиты

хорошо выстроганными досками; потолки украшены деревянной резьбой. Вдоль стен стояли лавки, покрытые красными и зелеными заморскими сукнами. В переднем углу стояло большое кресло, или царское «место», и несколько кресел поменьше — для членов царского семейства. Воздух был наполнен запахом различных курений и благовоний, исходивших от серебряных и медных жаровен.

Архимандрит Иевлевич был допущен поцеловать руку у царя и царицы, остальные стояли, сгрудившись, у дверей. После разрешения царя и благословения священника началась процедура приема. Главным событием было, конечно, выступление учеников.

Симеон произнес речь, а его ученики — «стиси краесогласные» (то есть рифмованные стихи), в которых Россия сравнивалась с небом, Алексей Михайлович — с солнцем, царица Мария — с луной, наследник цесаревич Алексей — с утренней денницей и многочисленные дочери и сестры царя — со звездами:

Спросить бы солнца, аще виде ровну
Яко Ирину в Руси Михайловну,
Ей подражает благородна Анна,
В единых стопах с нею Татианна.

В стихах, произнесенных «отроками», выражались надежды на полное воссоединение Белоруссии с Россией (как известно, к этому времени Белоруссия фактически уже воссоединилась с Русским государством, однако официально мирным договором это воссоединение не было еще утверждено). В стихах говорилось также и о том, что царь будет защитником, «оборонцой», Полоцка и всего белорусского народа:

Без тебя тьма есть, как в мире без солнца.
Свети ж нам всегда и будь оборонца
От всех противник... —

вот основная мысль «декламации». Все же остальное — панегирическое воспевание царя, царицы, наследника и многочисленной царской семьи — лишь дань придворному этикету, без которой не была бы «милостиво» выслушана и вся «декламация» в целом.

Царское семейство было восхищено: «отроков» щедро одарили.

Каждому был выдан большой «печатный» пряник (то есть пряник с выдавленным на нем рисунком). На обратном пути «отроков» провели через жилые покои царя. По всем стенам висели клетки с соловьями, перепелами, щеглами и снегирями; были и заморские птицы — попугаи и канарейки. Симеон сказал своим ученикам, что одна канарейка стоит 6–8 рублей, то есть столько же, сколько платили за 10–12 коров.

После духоты царских покоев на морозном воздухе дышалось легко и свободно. Мимо школьников проехал вельможа в больших санях, покрытых шкурами белых и бурых медведей. Его жена ехала сзади в поставленной на сани карете со стеклянными окнами, покрытой до земли алым и розовым сукном.

Возбужденные приемом во дворце, долго еще не могли успокоиться полоцкие ученики, вновь и вновь вспоминали они царские палаты, богатое убранство царя, диковинные изразцовые печи, большое зеркало, висевшее в простенке...

Столичная жизнь вскружила голову молодому иноку. 10 февраля 1660 года он вместе с архимандритом Иевлевичем был на приеме у Федора Михайловича Ртищева — видного государственного деятеля того времени. Архимандрит держал речь, а Симеон, впервые попавший в такое общество, молчаливо рассматривал и невиданное доселе убранство комнат, и богатый стол, уставленный заморской оловянной и серебряной посудой.

Побывали они и в Чудовом монастыре у архимандрита Павла. Богато жили в Москве монахи! На столе были серебряные с позолотой кубки, арбузы и дыни, рыбные кушанья разных сортов и видов, орехи, фрукты, ягоды.

На пасху, 6 апреля 1660 года, они были вновь приглашены к Ф. М. Ртищеву в его собственный дом за Боровицким мостом; Игнатий Иевлевич прочитал необходимые пасхальные молитвы, произнес поздравительную речь. Симеон ему прислуживал. Симеону разрешили даже осмотреть богатую библиотеку Ртищева. В его доме пел выписанный из Киева хор — об этой новинке много толковали в Москве, так как «партесного пения» в то время на Руси еще не было.

Деловитый Игнатий Иевлевич много работал, и Симеон был предоставлен самому себе. Вместе с учениками бродил он по Москве.

Надо ли говорить о том, с какой жадностью листал Симеон продающиеся на Красной площади книги — печатные и рукописные, как поразили его иностранцы... Но молодой монах был прежде всего учителем. Кончил свою работу церковный собор, и 20 сентября 1660 года Симеон вместе с учениками выехал в Полоцк: начинались школьные занятия.

О том, как шла его преподавательская работа в эти годы, мы можем только предполагать. В иронических «Стихах утешных к лицу единому», написанных в это время, он говорит о себе:

Видите мене, как я муж отраден,
Возрастом велик и умом изряден...

Возможно, в этих строчках невольно выразилось его представление о самом себе: молодой честолюбивый инок не находил в Полоцке применения своим силам.

Холодной и вьюжной была зима 1660 года в Полоцке. Длинными зимними вечерами, сидя после занятий в школе один в своей келье, при тусклом и неверном свете свечи, упорно осваивал Симеон церковнославянский язык. Он старался применить к русскому стиху формы, свойственные западноевропейскому стихосложению. Одно свое произведение — «Диалог краткий» — он написал в форме «эхо». Это типичный образец так называемой «песни в виде эхо» — *carmen echicum*: стих делится на две части, в первой задается вопрос, во второй дается созвучный ответ:

Рцы, щасте, кому служишь? Кто есть *сей*? *Алексей*.
Чья кров? Сын *Михайлов*, *государев*, *царев*.
Кто саном? Царь *розаном*. Коли *дуж*? *Храбрый муж*.

Видимо, стихотворение не вполне удовлетворило поэта. В языке много белоруссизмов. «Царь розаном» — это должно означать «царь россиянам», но слово это никак не «ложилось» в строку. Произведение осталось неоконченным. Было ли оно когда-либо произнесено, мы не знаем, но диалогическая форма его, несомненно, давала все возможности для этого.

Положение Симеона еще более усложнилось после возобновления в 1661 году русско-польской войны. Полоцк был вновь занят поляками. Лица, благожелательно относившиеся к Москве и православной церкви, начали подвергаться притеснениям и преследованиям. На Симеона был написан донос. Выхода не было, и он счел за лучшее выехать в Москву.

ГЛАВА 3

С переезда Симеона в Москву наступает самый плодотворный период в его жизни, который начинается скромной работой учителя молодых подьячих. Его переезд совпал с прибытием в Москву газского митрополита Паисия Лигарида. Один из многочисленных авантюристов и вымогателей, которыми так был богат XVII век, темная личность, дважды проклятый иерусалимским патриархом Нектарием за сребролюбие и взяточничество, Лигарид разъезжал из страны в страну, пользуясь подложными документами, не брезговал при случае и шпионажем в пользу Ватикана. В то же время Паисий был, несомненно, весьма образованный и культурный человек. В 1638 году он уже защитил диссертацию на степень доктора философии и богословия. Еще в 1656 году патриарх Никон приглашал его в Москву, надеясь привлечь к работе по исправлению богослужебных книг.

Лигарид прибыл в Москву в феврале 1662 года с целью испросить у царя милостыню для газского Предтечева монастыря. Ловкостью обхождения и умелым поведением Паисий вскоре полюбился Алексею Михайловичу, в то время как Никон быстро разгадал этого проходимца в рясе, распознал в нем своего врага и публично уже в 1663 году «лаял» его: «вор, нехристь, собака, самоставленник, мужик». Патриарх, как мы видим, не стеснялся в выражениях. Газский митрополит верно оценил сложившуюся на Руси обстановку и в споре «священства» с «царством» безоговорочно встал на сторону царя. Он руководствовался при этом, конечно, собственными корыстными интересами: Паисий стремился проникнуть в богатейшую патриаршую библиотеку, недавно пополненную редчайшими греческими рукописями, привезенными Арсением Сухановым из Афона. Теперь, после удаления Никона, только царь мог разрешить пользоваться этой библиотекой.

Лигарид, прекрасно владевший греческим, латинским и рядом европейских языков, ни слова не понимал по-русски. Ему требовался опытный и знающий богословие переводчик.

Исследователи, изучавшие жизнь Полоцкого, вначале предполагали, что его вызвал в Москву сам царь для обучения царевича Алексея латинскому языку и что произошло это в 1664 году. Однако позднее было доказано, что сделал Симеон это, во-первых, добровольно и самостоятельно («Оставил я отечество, родных, удалился, вашей царской милости волею вручился»), а во-вторых, переезд его следует отнести ко

второй половине 1663 года: Симеон упоминается как переводчик Паисия Лигарида при его спорах с патриархом Никоном уже в июле 1663 года. Этот же год подтверждает и сам Полоцкий в предисловии к «Вертограду многоцветному», написанному в 1676 году: он говорит, что ко дню кончины Алексея Михайловича прожил в Москве 13 лет.

Приехавшего в Москву молодого учителя и поэта по специальному царскому указу определили на жительство «в обители всемилостивого Спаса, что за Иконным рядом». Видимо, Симеон приехал не с пустыми руками: в той же обители ему пожаловали погреб в городской стене для сохранения «ради безбедства от пожаров» его вещей. Это были главным образом рукописные книги: Симеон был уже известен как книгочий и книголюб. Все его содержание отнесли за счет двора: царь указал давать ему денежный корм 5 алтын в день.

По тем временам это были немалые деньги. Дело в том, что обычная монастырская еда (рыба, овощи, мед и проч.) выдавалась монахам бесплатно, и добавочное денежное содержание Симеон мог тратить по своему усмотрению. Чаще всего он эти деньги тратил на покупку книг. Пять алтын в день равнялись 15 копейкам. В середине XVII века столько стоил ягненок или поросенок. На три копейки можно было получить в трактире суточное содержание — три раза еда и два раза чай или квас.

Заиконоспасский монастырь, где постоянно жил Полоцкий во время своего пребывания в Москве, находился вблизи от Кремля, на Никольской улице. Монастырь этот был основан в 1660 году князем Волконским. Близость к Кремлю и к царским покоям оказалась впоследствии весьма важной для Симеона.

Уже в 1664 году Полоцкий в письме к епископу Мстиславскому и оршанскому Мефодию сообщает, что он по царскому указу обучает некоторых лиц по Альвару, так в то время назывался обычный учебник латинской грамматики, написанный португальским иезуитом Альварецом и употреблявшийся в иезуитских училищах. А в 1665 году, как об этом свидетельствует найденная И. Е. Забелиным выписка из дела Тайного приказа, на Никольской улице, в Спасском монастыре за Иконным рядом, было построено особое здание с жилищем при нем, где и поселились сам Полоцкий и его немногочисленные ученики. Эта так называемая Заиконоспасская школа Полоцкого — одна из тех греко-латинских школ в Москве, которые предшествовали созданию Славяно-греко-латинской академии.

Трудно с полной определенностью сказать, чему, кроме латинского языка, обучал Симеон молодых подьячих Тайного приказа. Некоторые

ученые считают, что Полоцкий, помимо латинского языка, преподавал также грамматику, риторику, пиитику и, конечно, богословие. Об этом можно судить по его ученикам и в первую очередь по Сильвестру Медведеву. Можно также утверждать, что Симеон в своей преподавательской практике стоял ближе к Киево-Могилянской коллегии и учил тому, чему сам не столь давно научился. Известно, что Полоцкий недостаточно хорошо знал греческий язык, но успешно овладел основами гражданского, светского образования.

Симеон был единственным учителем в этой школе; первоначально в ней обучалось всего четыре человека, но зато это были уже взрослые, вполне грамотные люди, служившие подьячими в приказе. Поэтому Полоцкий, видимо, не тратил времени на обучение азам, а уделял больше внимания сложным вопросам. Он жил в одной келье со своим любимым учеником Медведевым и пользовался каждой свободной минутой, чтобы вырастить из него достойного себе преемника.

А свободного времени у Симеона было мало. Он занимался не только делами школы, существовавшей, по-видимому, до мая 1668 года. (В мае 1668 года С. Медведев и его товарищи были отправлены в Курляндию вместе с А. Л. Ординым-Нащокиным.) С первых же дней своего пребывания в Москве Полоцкий постоянно был связан с Паисием Лигаридом. Полоцкий переводил для Лигарида все материалы на латинский язык, а затем ответы Лигарида на русский. В декабре 1664 года, то есть тогда, когда Никон пытался вернуть себе патриарший престол, Полоцкий был переводчиком Лигарида в присутствии царя. К тому же Полоцкого от его имени посылали к Никону за самовольно захваченным им символом патриаршей власти — посохом. В начале 1666 года суздальский поп Никита и романовский священник Лазарь подали царю челобитные, в которых обличали нововведения Никона. Симеон перевел эти челобитные на латынь для Паисия, тот написал опровержение на эти челобитные (полатыни), а Полоцкий вновь перевел их на русский для царя. 7 мая 1666 года церковный собор поручил Симеону написать специальную книгу, которая опровергала бы идеи раскольников, и Полоцкий выполнил эту работу за два месяца. От имени собора труд Полоцкого был издан в 1667 году под названием «Жезл правления»^[26].

В ноябре 1666 года в Москву прибыли для суда над Никоном восточные патриархи — Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. Полоцкий приветствовал их речью на латинском языке, а они поручили ему произнести ответное поучение на праздник рождества. Одним словом, уже в это время Симеон активно участвует в общественно-

политической, главным образом церковной, жизни страны как знаток латинского языка и латинских книг, как образованный, знакомый с диалектикой и церковной догматикой богослов. Но Полоцкий привлек внимание своей ученостью не только церковных деятелей.

1 сентября 1667 года царевичу Алексею исполнилось 13 лет, и он был объявлен наследником престола. 7 сентября состоялся торжественный обед, на котором Симеон присутствовал уже в качестве учителя царевича. Поэт произнес торжественную речь и подал стихотворное приветствие царю Алексею Михайловичу и его сыну великому князю Алексею Алексеевичу.

Полоцкий назвал свой панегирик «Орел российский». До наших дней дошел роскошный подносный экземпляр этого стихотворения, переплетенный в малиновый шелк, написанный четким полууставом и украшенный многими рисунками в красках. Симеон сравнивает царя с солнцем, лучи которого освещают весь мир и достигают таких отдаленных стран, где златовласый Титан пасет своих коней, где престол Нептуна, где царствует Эол, откуда дуют ветры «Апилиот, Мессис, Кекия, Евр, Липс, Зефир, Апарктиа, Аргест, Япикс, Финикс, Борей, Керкий, Левконт, Ливонот». Слава Алексея Михайловича перешла за геркулесовы столбы, в «Америцкие страны»; он превзошел величайших правителей древности — Александра Македонского, Тита, Соломона. Ни Ганг, ни Пактол (ныне Сарабат, золотоносная река в Лидии) не приносят столько золота, сколько оказывает доброт Алексей Михайлович.

Мы не можем не заметить в этом стихотворении явных поэтических гипербола. Именно эта чрезмерная лесть и привлекала царственных покровителей Полоцкого. Но показательное другое: даже в этих стихах Симеон стремится просветить своих слушателей. Этим целям служит ответ Аполлона и его девяти муз на вопрос автора, что означает изображение орла российского на фоне солнца, и объяснение всех знаков зодиака. Полоцкий вспоминает величайших певцов и ораторов древности — Гомера, Вергилия, Демосфена, Аристотеля, Орфея... И далее по всему стихотворению рассеяны упоминания о Касторе и Поллуксе, Юдифи, Курции, Кодре афинском, Амоне, Буцефале.

В этом произведении Симеон как бы сконцентрировал все богатство историко-литературного материала, преимущественно античного мира, и его панегирик должен занять достойное место в ряду остальных произведений просветительского толка.

Но когда царь и его семейство разглядели уже после пира, на свободе книжицу «Орел российский», они ахнули: подобной зрелищной яркости и замысловатости в поздравительных сочинениях они никогда не видали.

Подносный экземпляр начинался двумя стихотворными посвящениями (названными автором «афиеросис») царю и его наследнику цесаревичу Алексею, причем оба посвящения зашифрованы. Способ чтения был сложным: надо читать на первой, четвертой, седьмой строках — первые 5 слогов, на второй, пятой, двенадцатой — 4 слога, на восьмой и девятой — 3, на третьей, шестой и одиннадцатой — 2 слога. Затем нужно вернуться вновь к первой строке и читать оставшиеся слоги с последнего слога прочтенного стиха. В результате второй, например, афиеросис

Ты же о	солн	це	ркве	надеждо
славна	Рус	ка	ко	
	ро	да	м	ти хвалу
Прекрасный	цве	те	бе	достойну
ложеси	царски	х	валы	царь
	пло	да	сть	славу
О Але	кси	е	го	же выну
но	во	про	славлят	
я	влен	не	молчно	
Солнцу наш	све	те	бе	тщание
	весьм	а	он	тя
подо	блен	не	ложно	
Зодий сей	при	ми	лостию	си
написан	ны	и	збавит	
	те	бе	д	вскоре
По чину	су	ща	стем	прославит
зо	ди	я	ко	
на	не	бе	л	свет взоре

после расшифровки выглядит так:

Ты же, о солнце славна Руска рода,
 Прекрасный цвете ложеси царских плода,
 О Алексие новопроявление,
 Солнцу наш свете весьма подобленне!
 Зодий сей прими, написанный тебе,
 По чину суца зодия на небе.
 Церкви надеждо, како дам ти хвалу
 Тебе достойну хвалы царь дать славу
 Его же выну прославлят немолчно
 Тебе тщание, а он тя неложно
 Милостию си избавит бед вскоре,

Щастем прославит яко бел свет взоре.

Вслед за посвящениями следовало прозаическое похвальное слово царю Алексею Михайловичу, названное автором «енкамион», а за ним — ода в честь царя Алексея («елогиион»), которую автор начинает сравнением царя с «орлом российским высоко парящим, славою орлы вся превосходящим», а заканчивает стихами:

Пари весело, орле быстрооки,
Разбивай крилма аер прешироки,
Давай глас на вси страны торжественны,
Да вси познают день твой празднественны,
Летай во солнцы православна света
Отец со сыном, пой им многа лета!

После всех этих вступительных частей шло изображение «орла российского», то есть двуглавого орла, увенчанного тремя коронами, в одной лапе — скипетр, в другой — меч, тело прикрыто щитом с изображением Георгия Победоносца. Орел помещен на фоне солнца, испускающего 48 лучей, в каждый луч вписана одна из присущих царю Алексею добродетелей: мудрость, благость, милосердие, кротость, воздержание.

Затем поэт обращается к Аполлону и его девяти музам (каменам) с просьбою «стиховецать» о том, что означает изображенный в солнце орел. После стихотворных ответов муз следовала речь Аполлона, который предрекает новому солнцу — цесаревичу Алексею — путь, подобный солнечному, то есть зодиакальный путь. Следуют рисунки знаков зодиака и толкование каждого из них в стихах, сопровождаемых изображениями Овена, Тельца, Близнецов. Далее Полоцкий помещает стихи, написанные в виде сердца. В них он выражает свои пожелания всему царскому семейству. Начало стихов («Вся ведый господь сердца испытует, един он тайны моя изеледует...») читается из центра сердца, заканчиваются стихи («Да возопиет боже славу тебе с чады своими як zde, так и в небе») в верхней части изображения.

Затем Симеон предлагает вниманию царя еще одно посвящение, написанное звучным, легко читающимся силлабическим стихом:

Свиток сей прими, мне милостив буди,
Пресветлым оком призри сия труды,
Дабы ты Музам и впредь прославляти
По тысящ крати.

Собственно говоря, этими стихами исчерпывается и все содержание «Орла российского», но Симеон прибавляет к нему еще несколько стихотворных курьезов. Первый из них — «Фефон и Ихо» (то есть Феб и эхо) — типичный образец «барочной» песни в виде эхо. Впервые эту форму Симеон применил еще в 1660 году. В этом стихотворении Феб провозглашает, что он являет собою «образ божьей славы», и спрашивает далее, есть ли на земле кто-либо подобный ему:

Кто виде или слыша? Молю, да ми повесть. *Есть.*
Где? *Зде.* Как ему имя, кто есть *сий?* *Алексий.*
Кто саном есть имеяй сицевый *дар?* *Царь.*
Сам ли *честен* вам? *Сам.* Токмо един? *И сын.*

Далее следует акростих («Акростихис»), по начальным буквам каждой строчки стиха читается фраза: «Царю Алексею Михайловичу подай, господи, многая лета». После помещена «Программа», состоящая из пятикратного повторения «Царь Алексей Михайлович», в которой отчество царя разлагается в анаграммах^[27] на несколько слов, составленных из этих же букв: 1) царь Алексей чай ловимых (в этой анаграмме выражается пожелание Алексею Михайловичу завоевать Литву); 2) царь Алексей ловим их, чай (как евангельские рыбаки поймали много рыбы, так и Алексей Михайлович получит богатую добычу в Литве); 3) царь Алексей лов их, ми, чай (пожелание успеха в борьбе); 4) царь Алексей лови их, а чим (царь милостив, щедр, он и меча не хотел бы вынимать, да гордость противников вынуждает к этому); 5) царь Алексей очи хвалими (царь, как всевидящий бог, все видит).

В «Прилоге» автор желает здоровья и счастья всей царской семье. Подписан «Орел российский» своеобразной криптограммой, после которой в четверостишии разъясняется, как надо читать это слово:

Метротворитель тайно ся являет,
Кто в алфавите за вся си считает,

Третье на пред, чин букв соблюдая,
Таит порекло, миру мертв ся зная.

Иными словами, каждую букву в этой криптограмме следует заменить третьей следующей за ней в алфавите буквой, и мы получим имя поэта («метротворителя», как он сам себя называет) — Симеон.

16 сентября 1667 года в расходной книге Казенного приказа записали: «Учителю старцу Симеону Полотцкому 10 аршин атласу зеленого по 26 алтын по 4 деньги аршин, да ему ж велено дать испод^[28] соболей в 60 рублей, и ему дан сорок^[29] соболей в 60 рублей, а пожаловал государь его по своему государеву именному указу для того: в нынешнем во 167 году сентября в 7 день был у великого государя у стола в Грановитой палате и великому государю говорил речь».

Да, к этому времени скромный монах зажил совсем не так, как по приезде в Москву. Правда, жил он все в том же Заиконоспасском монастыре, но у него уже были в услужении три человека, причем и он сам, и его люди снабжались пищей и питьем из государева дворца.

Полотцкому приходилось не только учить царевича, но и наблюдать — правда, не всегда — за его играми. Царевич любил тешиться стрельбой из лука. Для него и его брата Федора в 1669 году было изготовлено 100 колчанов расхожих стрел, по 25 штук в каждом из колчанов, для чего было выписано 100 полен лучины, Орловых черных перьев от 100 птиц, железо, береста и многое другое.

Таким образом, Симеон Полоцкий стал главным наставником, руководителем образования в царской семье и единственным в то время придворным поэтом.

И еще более упрочилось его материальное положение. Он завел лошадей, причем корм им поступает с царских лугов; из царской казны он получает и дрова, и деньги, и постоянный «денежный корм», и единовременные денежные пожертвования — например, за «книжицу хитростию пиитического учения», как он сам, не стесняясь, пишет в своих челобитных царю. Некоторое представление о достаточно высоком положении Полотцкого в обществе того времени дает запись об угощениях с царского стола, поданных Симеону в 1672 году. Он получил тогда 4 головы сахара, весом по 3 фунта каждая, 2 блюда сахаров узорчатых^[30] по полуфунту, сахаров-леденцов и конфект 2 блюда по полуфунту, сахаров зерчатых блюдо, ягод винных^[31] и фиников фунт на блюде, трубочку

корички — всего 8 блюд, да с Сытного дворца полосу^[32] арбузную да другую дынную. Подобное подношение полагалось, например, архимандритам крупнейших московских монастырей, а не скромному келейнику-иеромонаху!

...Ранним утром появлялся в теремном дворце царя одетый во все черное монах — учитель царских детей Симеон. После короткой молитвы начинались уроки. Когда царевич устал, он показывал своему учителю забавные немецкие игрушки. 19 ноября 1670 года сломалась любимая игра царевича Федора Алексеевича — «немцы, что стоят на деревянном черном ящике и играют». Сколько слез было пролито! Игрушку приказали отнести в Немецкую слободу к часовому мастеру Ивану Яковлеву для починки.

Нередко Симеон отправлялся со своим учением на прогулки. За учителем присылались царские сани, и он, одетый в атласную шубу, ехал следом за возком царевича. Минуя ворота Спасской башни, они попадали на большой, 45-метровый каменный мост. С обеих сторон он был застроен небольшими лавками, где торговали главным образом книгами, тетрадями, лубочными картинками — русскими и иноземными. Яркие раскрашенные картинки привлекали внимание царевича, и вскоре в его покоях на стенах появились «потешные листы», иногда вставленные в раму, подклеенные на холст, а то и просто приколотые к стенке.

Авторитет Полоцкого при дворе, его независимость от церковных властей вскоре прекрасно оценили его современники, особенно питомцы Киево-Могилянской коллегии. Полоцкий становится прямым посредником между ними и царем. В 1668 году по совету Полоцкого московский патриарх Иоасаф одобряет сочинение киевского богослова Иннокентия Гизеля «Мир с богом», хотя некоторые догматические положения этой книги и вызывали возражения у православного духовенства.

Положение Полоцкого образно охарактеризовал в одном из своих писем Лазарь Баранович — украинский церковный и политический деятель, ректор Киево-Могилянской коллегии, позднее — черниговский архиепископ. Он писал Полоцкому: «Посматриваем только на спокойное житье твоей пречестности близ солнца — близ его величества царя, — и на всегдашнюю светлую тишину; а мы под непрерывным находимся дождем...»

Это «спокойное житье» Полоцкий использовал не для продвижения по церковной иерархической лестнице, а для полного и самоотверженного служения делу просвещения в России — с одной стороны, и для занятий поэзией, «рифмотворением» — с другой. Именно с этого времени начинается наиболее значительный этап его поэтической деятельности.

Поэзия для Полоцкого не забава, не прихоть, не развлечение, а важнейшее средство распространения идей просвещения на Руси, серьезное дело, имеющее общецерковное и общегосударственное значение.

Нельзя не отметить, что Полоцкий стремился привить любовь к поэзии и своим ученикам. Главное, чему обучал их Симеон, был латинский язык и, по-видимому, польский. Во всяком случае, Федор владел обоими языками, равно как и царевна Софья — «великого ума и самых нежных проникательств, больше мужеск ума исполненная дева», как характеризовал ее один из современников. Благодаря Симеону Федор Алексеевич еще в детстве научился складывать вирши. Так, он переложил в стихи псалмы 132 и 145 из псалтыри; псалом 145 всегда распевали в церкви, когда государь присутствовал на службе.

Неверным было бы полагать, что Полоцкий был только придворным поэтом, льстиво воспевающим по малейшему поводу жизнь царского семейства, хотя подобных стихотворений у него более чем достаточно. Первейшая заслуга Полоцкого заключается в том, что он посредством стихов, привлекающих «слухи и сердца», стремился познакомить своих современников с достижениями западной поэзии, старался расширить круг сообщаемых сведений, просветить русского читателя, ознакомить его с важнейшими сюжетами повествовательных произведений, наиболее известных в средневековой западноевропейской литературе.

Выше уже было сказано о том, какое значение имела практическая работа Полоцкого по школьному образованию. Но не меньшее значение имела и его поистине титаническая работа над монументальными поэтическими сборниками, представляющими собой, по выражению Тредьяковского, «превеликие рукописные книги», дающие представление о том, что читал образованный русский человек в XVII веке.

Следует сразу же сказать, что многочисленные примеры из так называемой «священной истории», равно как из античной — греческой, римской — мифологии, из истории западного средневековья, которые в изобилии встречаются в проповедях и стихотворениях Полоцкого, не были новинкой читателям его произведений и слушателям его проповедей. Ведь разнообразные рукописные сборники, с давнего времени бытовавшие на Руси, — всевозможные «Пчелы», «Измарагды», «Златоструи», а также хронографы и повествовательные сборники содержали много ссылок на Демокрита, Гераклита, Диогена, Демосфена и всевозможные легендарные апокрифические сказания. Но сама насыщенность произведений Полоцкого громкими именами, богатство примеров из истории прошлых времен и народов, главным образом из «священной истории», не могли не поразить

его современников.

Вот как иллюстрирует проповедник широко популярную в русской поучительной литературе тему бренности и суетности земного жития: «Где Александр пресильный, Криз богатый, Ир убогий, Демокрит обругатель мира, Ираклит оплакатель суетств его? Где Иулий премошный кесарь, Нерон мучитель, Аристотель любомудрейший. Демосфин сладкоглаголивейший? Все аки не бывше...» Какие яркие определения и образы находит Полоцкий для характеристики Демокрита, Демосфена, Гераклита, Юлия Цезаря... Для Полоцкого ничего не стоит, например, говоря о гадании, привести рассказ о рыбаке, загадавшем «славному поэту Омиру» (то есть Гомеру. — Л. П.) такую загадку: «Что мы с собой берем, то все оставляем, а чего не берем, то носим с собою».

Приведенные примеры не единичны. Так, характеризуя философию как науку, Полоцкий цитирует мнения о ней Фалеса Милетского, Диогена, Аристиппа. Он заканчивает свое стихотворение сравнением философа с пчелой, собирающей сладкий нектар с различных цветов. Это сравнение в полной мере может быть отнесено и к самому Симеону, который использовал много разнообразных источников для создания своих трудов, содействовавших развитию русского просвещения.

Интересен — в плане просветительской деятельности Полоцкого — прежде всего сборник его стихотворений «Вертоград многоцветный»^[33]. Он был задуман автором как собрание различных стихотворений на все случаи жизни. Для удобства пользования сборником стихотворения были расположены в алфавитном порядке их названий. Они предназначались в первую очередь для просвещения читателя, затем для поучения его и, наконец, для развлечения.

Поучительные произведения сборника разнообразны по форме и богаты по содержанию. В сборнике помещены эпитафии, молитвы, увещания, обличения, афоризмы — почти все виды известных в то время стихотворных форм. Излюбленный прием Полоцкого заключается в том, что он подбирает несколько стихотворений на одну и ту же тему и помещает их под одним названием. Так, на слово «Дар» мы находим в «Вертограде многоцветном» четыре стихотворения: в одном божеские дары сравниваются с плодами древесными, в другом рассказывается об Иакове, укротившем дарами Исава, в третьем дары сравниваются с дымом («дым руки греет, а очи повреждает, дар тешит сердце, а совесть развращает»), и в четвертом повествуется о том, что принявший дары теряет свободу.

Полоцкий далек от мысли щегольнуть своей ученостью, поразить читателей своей эрудицией, хотя мы и встречаем среди его стихотворений

такие, которые представляют собою ученое толкование термина, понятия, имени. Вот стихотворение «Еммануил» — разъяснение одного из имен Христа — или стихотворение «Магнит», в котором говорится о свойствах намагниченного железа притягивать к себе иглы и т. д.

Задача Полоцкого заключалась в том, чтобы просветить читателя — например, дать ему возможность разобраться среди многочисленных «царей Рима ветхого и нового», недаром он в особой группе стихотворений пересказал историю римских и византийских императоров^[34]. И в то же время мы почти не найдем у Полоцкого упоминаний о русских князьях и царях, за исключением великого князя Владимира, крестившего Русь. Знаток отечественной истории, Полоцкий, видимо, старался познакомить своего современника с тем, что ему было наименее известно, так как книг по русской истории к XVII веку на Руси бытовало довольно большое количество.

Это вовсе не значит, конечно, что абсолютно во всех своих стихотворных «прилогах» Полоцкий стремился обязательно дать пример из конкретной исторической действительности. В соответствии с давней традицией древнерусской учительной литературы мы найдем у него много стихотворений, где действуют абстрактные персонажи: «царь некий пребогатый», «воин некий».

В своем стремлении создать образную и увлекательную картину, иллюстрирующую то или иное моральное наставление, Полоцкий руководствовался широко известными в то время киевскими учебниками пиитики, в которых особо подчеркивалось: «чтобы в непрерывном повествовании не родилась для слушателя скука, поэт должен помнить свою обязанность, т. е. он должен забавлять и обязан предупреждать пресыщение преимущественно изображением множества неожиданных случаев и приключений на войне и в дороге, полных разнообразных потрясений — печали, удивления, ужаса; также вымышлением различных кратких повествований, как, например, о том, что известные лица или сделали, или потерпели что-либо великое и единственное и проч.». Именно этим в значительной мере и определялся интерес Полоцкого к рассказам из средневековой и античной истории. Так, довольно часто обращается Полоцкий к рассказам о мудром царе Соломоне. В «Вертограде многоцветном» мы находим популярную историю об одном из судов Соломона: пришли две женщины, с живым и мертвым ребенком; и та и другая настаивала на том, что она мать живого ребенка. Чтобы разрешить их спор, царь приказал рассечь живого ребенка надвое и отдать каждой женщине по половинке. И вот истинная мать отказалась от своего дитяти,

лишь бы оставить ребенка в живых. Так мудрый царь узнал, кто был прав в этом споре.

Полоцкий писал и много развлекательных стихотворных рассказов, сюжеты которых почерпнуты им из средневековых латинских сборников. Таков рассказ о верном рабе, служившем у воина Паноплиона. Он был осужден и ожидал смерти, раб же выпустил его через заднюю дверь, а сам облачился в платье хозяина, даже перстень на палец надел, и лег на ложе господина. Пришедшие воины приняли раба за Паноплиона и убили его. Но образ слуги, пожертвовавшего жизнью ради своего господина, сохранится навечно в памяти людей. В своем стихотворении «Казнь за сожжение нищих», сюжет которого был довольно распространен и в России и на Западе, Полоцкий осуждает бесчеловечный поступок епископа Монгутийского. Оно заканчивается обычным моральным поучением о необходимости быть добрым к нищим — тогда господь явит милость свою и будет питать хлебом и в сей жизни, и на небе. Позднее к этой же теме обратился Жуковский, который обработал балладу английского поэта Соути.

Стихотворение «Мечь или отмщение» — это переработка саги об убийстве лангобардского короля Альбоина его женой Розамундою. Сюжет этот был весьма популярен в средние века на Западе — его использовали и Павел Диакон в своей «Патрологии», и Бароний, и Генрих Спондан. В этой саге рассказывается о том, как король Альбоин убил своего тестя, сделал из его черепа винную чашу и заставил свою жену пить из нее вино. Розамунда поклялась отомстить. Приближенный Альбоина Хелмхилд влюбился в служанку Розамунды; последняя убеждает ее вступить с ним в связь, и, когда служанка нехотя соглашается и назначает время и место свидания, Розамунда подменяет служанку и открывается Хелмхилду уже после того, как он согрешил. Она ставит его перед дилеммой: или все будет рассказано королю, и Хелмхилду отсекут голову, или он сам убьет короля и станет ее мужем. Хелмхилд, естественно, выбирает второе и убивает короля. Однако лангобарды не признали его королем, и незадачливые любовники вынуждены были, захватив золото, бежать в Равенну. Король Равенны Логин, которому приглянулась Розамунда, уговаривает ее убить Хелмхилда. Та приготовила ему отраву, он выпил, но под угрозой смерти заставил и жену попробовать напиток. Оба умерли. Мораль: кто погубил короля, тот и сам погиб, богатство ушло в чужие руки, а их злые души обречены на лютые муки.

В «Вертограде многоцветном» есть не менее мрачный рассказ о коварном убийстве шотландского короля Кемефа его женой Фенеллой при

помощи яблока, таившего в себе смертельный яд («Жена блудная»).

В качестве примера женского коварства Полоцкий приводит известный рассказ о воцарении Семирамиды: она вначале была наложницей у царя Нина, который безмерно любил ее. Видя силу своих чар, она упросила царя всего на один день разрешить ей стать царицей для того, чтобы испытать силу и прелесть царской власти. Нин не мог отказать и исполнил ее желание. Она судила и рядила, и все ее приказания немедленно исполнялись. Наконец, она приказала воинам схватить царя Нина, связать его и обезглавить. Так воцарилась коварная и злая Семирамида. Этот сюжет, обработанный еще задолго до Полоцкого греческим писателем-компилятором Клавдием Элианом, должен был, по мысли Симеона, убедить читателя в том, что нет под солнцем худшей беды, чем злая женщина.

Известно, что рассказы о львах неизменно пользовались большой популярностью у читателя, начиная с литературы Киевской Руси, куда эти сюжеты попали из Византии. Так, уже в «Синайском патерике», бытовавшем на Руси с XI века, было помещено повествование о льве и старце Герасиме, вынувшем занозу из лапы льва. Тот остался жить со старцем, прислуживал ему, а когда Герасим скончался, то и лев не смог пережить смерть друга. Лев умер на могиле Герасима^[35].

Полоцкий переработал другую старинную легенду (известную также по Сенеке, Элиану и Авлу Геллию) — о рабе Андроде (Андрокле), который убежал от своего господина в пустыню, встретил там и исцелил хромого льва. Лев три лета служил беглому рабу, а затем оба — и Андрод и лев — были схвачены и отправлены в Рим. За побег Андрода бросили на съедение львам. И надо же было так случиться, чтобы именно излеченный им лев и был спущен на Андрода! Лев начал ласкаться к Андроду; тогда кесарь приказал выпустить на раба «люта зверя рыся», но лев растерзал ее. Удивленный кесарь даровал Андроду жизнь, и он ходил со львом по домам, собирая себе подаяние, а люди осыпали смиренного льва цветами и восхищались его благодарностью человеку за свое исцеление.

Можно очень долго и подробно пересказывать подобные развлекательные притчи, в изобилии встречающиеся в «Вертограде многоцветном». Здесь и рассказ о дамокловом мече («Меч истинны»), и популярная история о вдове, добившейся суда у Траяна («Суд», этот же сюжет был обработан Данте в его «Божественной комедии»), и легенда о царе Крезе и мудреце Солоне, которую часто использовали проповедники, говорившие о непостоянстве счастья («Щастию не верити»).

И во многих произведениях Полоцкий старается подчеркнуть связь

между жизнью, культурой современной ему России и лучшими достижениями культуры прошлого. Вот характерный пример: в своем «Приветствии» по поводу вселения царя Алексея Михайловича в только что отстроенный Коломенский дворец Полоцкий дает подробнейшее и детальнейшее описание тронной палаты дворца, расписанной искусными мастерами под руководством Симона Ушакова. Но вслед за этим Полоцкий, называя Коломенский дворец восьмым чудом света, перечисляет остальные семь чудес света. Тем самым он приобщает своих слушателей и читателей к культуре прошлого, связывая ее с достижениями настоящего:

Седьм дивных вещей древний мир читаше,
Осмый див сей дом время имать наше.

Дворец действительно был великолепным. Его начали строить с осени 1666 года опытные русские плотники, мастера своего дела Семен Петров и Иван Михайлов. Всю зиму 1667–1668 годов столяры и резчики украшали здание деревянной резьбой как внутри, так и снаружи. Главным мастером у них был старец монах Арсений, выходец из Белоруссии.

Вместе со своим учеником-царевичем Симеон ездил смотреть работу искусных резчиков. В июле 1668 года они наблюдали за работой Клима Михайлова, сделавшего 10 запоров к окнам столовой в виде точеных деревянных рук, которые позднее были «раскрашены живописным письмом». На их глазах расписывались золотом и другими красками «окна и двери резные и на теремах чешуи и подзоры».

Из Оружейной палаты отпустили на позолоту 202 тысячи листов немецкого золота и различных иноземных красок. Дворец так пестрел узорочной резьбой, блистал и горел золотом и красками, что, по словам одного иноземца, «он походил на игрушку, только что вынутую из ящика». 17 февраля 1671 года царь принимал в Коломенском дворце польских послов, которые с удивлением рассматривали это творение русских зодчих. Послов особенно удивили расписные щиты с изображениями Европы, Африки и Азии, а также гербов различных государей и государств. Коломенский дворец, «зело красный, прехитро созданный», не случайно был воспет Симеоном. Причудливость плана, фантастическая резьба, украшения даже на дверных петлях и накидках, всевозможные переходы, крылечки, шатры и балясы — все это сливалось в сказочное целое, поражало воображение.

Рыкающие львы, изготовленные часовым мастером Оружейной палаты

иноземцем Петром Высоцким, вращали глазами, раскрывали пасти, двигали ногами, били хвостами, и маленькие царевичи боялись к ним даже подойти. 23 июня 1669 года стрелец Никифор Еремеев сделал для царевича Федора «пять львов деревянных потешных, на цепях железных, на ларцах деревянных, золоченых и расписанных красками». Львы были хороши, но до коломенских им было далеко...

Обилие мифологических образов в поэзии Полоцкого не должно удивлять нас. Он познакомился с мифологией в Киево-Могилянской коллегии, где она считалась необходимейшей принадлежностью поэзии, изучалась там необыкновенно обширно и подробно. Произведения Симеона, насыщенные мифологическими образами, несомненно, готовили почву для развития в России классицизма.

Полоцкий в своей просветительской деятельности не был одинок. По тому же пути шли новые редакторы Хронографа, переводчики латинских и польских повестей и хроник типа «Великого зерцала», «Римских деяний», «Фацеций», хроник Вельского, Стрыйковского.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению, пользовался ли Симеон сборниками «Великое зеркало» или «Римские деяния» в качестве непосредственного источника для своих стихотворных обработок. Однако все единодушно отмечают часто наблюдаемую общность сюжетов между многими стихотворениями Полоцкого и произведениями из этих весьма популярных на Руси сборников. Источником стихотворения Полоцкого «Муха победы хульника» (то есть богохульника) является польский сборник «Великое зеркало». Симеон переложил в вирши также и известный сюжет «Великого зерцала» о монахе, который заслушался пением райской птички и не заметил из-за этого, как пронеслось 300 лет. Этот сюжет, как и многие другие, использованные Полоцким, восходит к западноевропейской легендарной литературе — он был известен по сборникам еще начала XIII века (Мартина Полонуса) во многих странах, а в 70-х годах XVII века в двух вариантах был внесен в «Великое зеркало». Позднее этот сюжет вошел в фольклор и лубок и был использован Н. М. Карамзиным в его повести «Райская птичка».

Поэтический сборник Полоцкого «Вертоград многоцветный» интересен для нас не только с точки зрения чисто литературной или исторической. Он сам подготовил его к печати. До нас дошел хранящийся в библиотеке Академии наук в Ленинграде экземпляр наборной рукописи, переписанный каллиграфическим почерком и украшенный большим количеством заставок, буквиц, концовок и т. д. Книга вызывает удивление и своим объемом, и тематическим разнообразием стихотворений. В легко

запоминающихся и звучных силлабических стихах он популяризировал античную и западную историю, географию, зоологию, минералогию.

Из сказанного отнюдь не следует, что Полоцкий значительно опередил свое время. Нет, он был человеком своей эпохи, со всеми присущими ей заблуждениями и суевериями. Достаточно раскрыть, например, сочинение Полоцкого «Венец веры кафолический» и познакомиться с его космографическими представлениями, чтобы оценить уровень знаний поэта в этой области. Симеон придерживается, конечно, геоцентрической системы мироздания: Земля кругла, черна, тяжела, холодна, мрачна, внутри у нее — ад, землетрясения происходят от терзаний заключенных в ее недрах грешников.

ГЛАВА 4

Алексей Михайлович постоянно привлекал Полоцкого для решения различных вопросов, связанных с деятельностью церкви. Недаром П. Н. Крекшин в своих «Записках» называет Полоцкого «муж, исполненный разумом просвещения, знавший звездное течение и многое как о России, так и о других государствах предвещавший».

Ученый иеромонах много сил и времени посвятил чисто церковной деятельности. Выше уже говорилось о его участии в соборе 1666 года, о борьбе с раскольниками. Среди написанных им работ мы находим и такие богословские произведения, как «Венец веры кафолический». В этом догматическом сочинении Полоцкий изучал так называемый апостольский символ, или курс вероучения, исповедания веры. Этот символ, по учению церкви, был составлен якобы самими апостолами (учениками Иисуса Христа) в Иерусалиме. Полоцкий клал в основу символ, известный на Западе, но не пользующийся признанием на Востоке, в православной церкви, где он был вытеснен символом никейским (то есть принятым на Никейском соборе). И до Полоцкого ученые-богословы писали различные сочинения на отвлеченные религиозные темы. Почему же Симеон решил к этой многочисленной литературе добавить еще один трактат? Он задумал написать такую работу, которая возбуждала бы любопытство, понуждала бы к самостоятельным размышлениям, приучала бы к чтению. Поэтому, помимо раскрытия чисто догматических положений, в этом сочинении решались такие, к примеру, вопросы: почему в церкви не почитается осел, на котором Христос въехал будто бы в Иерусалим, или — какие звуки будут издавать трубы архангелов перед ожидавшимся воскресением мертвых. Полоцкий стремился популярно изложить основные догматы христианского учения в занимательной форме, что должно было, по мысли автора, привлечь многих читателей. Отсюда изобилие апокрифических рассказов — о 12 сивиллах (пророчицах), об испытании мудрости Соломона царицей Савской.

В предисловии к этой книге Полоцкий так объясняет причину ее создания: он старался собрать разные цветы и сплести из них венок — прекрасный и неподвластный увяданию... Подчеркнув таким образом компилятивный характер своего сочинения, Полоцкий далее излагает основы христианского вероучения; причем нередко перебивает свое повествование хитроумными вопросами, на которые дает не менее

изворотливые ответы. Так, рассуждая о воскресении мертвых в день страшного суда, он спрашивает: а воскреснет ли человек «со всеми уды своими» (то есть со всеми частями тела)? — и отвечает: да, со всеми, даже и власы и ногти восстанут, и кишки «воскреснут, но не гноем смрадным наполнены, но преизрядными влагами».

«Венец веры кафолическия» позднее был переписан для царевны Софьи и преподнесен ей с особым стихотворным посвящением («вручением»). Из посвящения видно, что Софья прилежно читала эту книгу еще в черновом виде, признала ее полезной и приказала переписать один экземпляр для нее начисто. Этот экземпляр долгое время хранился в библиотеке царя Федора, а 30 ноября 1683 года Петр Иванович Прозоровский отнес его в хоромы царевны Софьи.

Однообразна и бедна событиями стала жизнь Полоцкого после того, как он был приближен ко двору, но за внешней монотонностью существования скрывалась большая внутренняя работа, повседневный труд по созданию и новых стихотворений, и новых сочинений на всевозможные богословские и житейские темы. Уже с конца 1666 года Полоцкий начал выступать с устными проповедями, и за десять лет он составил два обширных сборника своих слов и поучений.

На Руси к XVI веку устные проповеди почти что не практиковались, в то время как на Западе они были распространены. Зарубежных путешественников, например, крайне удивляло их отсутствие, объясняемое, как они говорят, стремлением избежать «разностей» во мнениях и ересей. И в XVII веке, судя по официальным церковным документам, русские священники всячески старались отделаться от утомительной и скучной для них обязанности читать проповеди. Так, в грамоте патриарха Иоасафа откровенно говорится о том, что священники начинают утреннюю службу нарочно с запозданием и потому не читают уже проповедей из-за позднего времени, и то же самое делают в воскресные и праздничные дни. Во время церковной службы прихожане бесчинствуют, бранятся, дерутся, «ползают писк творяще, и велик соблазн полагают в простых человецех», в церковные праздники пьянствуют, слушают скоморохов, играют в игры, режут в сурны (то есть трубы), устраивают кулачные бои, пляшут и т. д. Если так было в Москве и ее окрестностях, то можно себе представить, что же творилось на окраинах государства. В начале 1661 года новгородский митрополит Макарий писал в грамоте архимандриту Тихвинского монастыря Иосифу о том, что православные христиане в церковь Божию не ходят, а если и являются, то в церкви стоят несмирно, меж собой переговариваются и смеются, а жены их

на молитву приходят в белилах (то есть накрашенные). Священники в церквах по своей лени молебнов не поют и проповедей не говорят. И в поучениях церковных деятелей пишется о том, что иереи слова божьего не несут, а люди слушать проповедей не хотят. Перед нами встает живая картина русского быта середины XVII века: в праздники и по воскресеньям народ думает не о Христе, а веселится. Русские люди тяготятся постами, мало заботятся о соблюдении церковных постановлений, не любят ходить в церковь, а когда приходят туда, то вместо молитвы обсуждают свои дела. Молодые люди переглядываются с девушками, а те нарядами и румянами стараются привлечь к себе их внимание.

Устная церковная проповедь, которая культивировалась в кружке активных представителей среднего провинциального духовенства, сгруппировавшихся вокруг царского духовника — протопопа Стефана Вонифатьева, стала возрождаться на Руси в 40—50-х годах XVII века. Одним из ярких проповедников того времени был нижегородский протопоп Иван Неропов, будущий учитель Аввакума. Для ораторского стиля Неронова характерны доступность изложения и эмоциональность.

С приходом к власти патриарха Никона демократическая проповедь начинает подвергаться гонениям. Просвещенные киевские монахи, приглашенные в Москву, резко осудили простые проповеди русских священников: «враки де они вракуют, слушать у них нечего... учат де просто, ничего не знают, чему учат», Проповедь становится торжественной, учительной, украшается всевозможной схоластической риторикой, сложными образами. Если учесть к тому же, что произносилась она на церковнославянском языке, все более отдалявшемся от живой разговорной речи, то можно себе представить, с каким трудом воспринималась эта проповедь слушателями!

Возрождение живой словесной проповеди на Руси было связано, кроме того, с развитием богословской полемики на Украине между представителями православной церкви, с одной стороны, и католиками и униатами — с другой. Боевой, наступательный дух прививался православным проповедникам (недаром Лазарь Баранович назвал один из своих сборников проповедей «Меч духовный»!) в коллегиях и школах, где была введена даже особая должность «проповедников». К тому же появляются учебные пособия, рассказывающие, как надо составлять проповеди (например, книги Иоаникия Голятовского «Ключ разумения» и «Наука албо способ сложения казаний»). Украинские проповедники, такие, как Иоаникий Голятовский, Антоний Радивилловский, Лазарь Баранович и другие, выпускают сборники проповедей и поучений, выступают сами с

амвона. С разрешения патриарха Никона в Москве стал выступать с устными проповедями своего собственного сочинения Епифаний Славинецкий, которого современники называли «в философии и богословии изящным дидаскалом». Однако его проповеди больше походили на богословские труды. Они носили отвлеченный характер. Обычно темой проповедей Славинецкий избирал общий предмет догматической христианской мысли или истолковывал признанные всеми правила христианской нравственности. Таковы проповеди о любви к ближнему, о самоотвержении, о посте, о любви к врагам, о соблюдении церковных заповедей. Главное, что отличает проповеди Славинецкого, — это далекие от жизни рассуждения и символические толкования различных тонкостей христианского вероучения. Проповедник так озадачивал слушателей с церковной кафедры своим мудрствованием, что бедные прихожане были не в силах уразуметь смысла его проповедей. Вот, например, образцы его красноречия: Епифаний предлагает слушателям «иссечь душевредный ствол неправды богом изощренной секирой покаяния, искоренить из сердец несущий пагубу сорняк лукавства; сжечь вредящий ум терний ненависти божественным пламенем любви; одождать мысленную землю душ небесным дождем евангельского учения, наводнить ее слезными водами, возрастить на ней благопотребную траву кротости, воздержания, целомудрия, милосердия, братолюбия; украсить благовонными цветами всяких добродетелей и воздать благой плод правды».

В проповедях Епифания господствуют сложные метафоры, многосоставные слова, трудно воспринимаемые на слух и далекие от разговорного русского языка (рукохудожествовать, адоплетенный, кознольстивый, злодерзостный, небопарный). Нередко встречаются и чуждые по конструкции русскому языку предложения (например: «В храме того, всяк кто глаголет славу...»). В тех немногих проповедях, которые были направлены против общественных недостатков (пьянства, невежества прихожан и духовенства, раскола, нестроения монастырей), Славинецкий крайне сдержан и сух.

Совсем иной характер имели проповеди Полоцкого. Он произносил их как в Москве (слово в день явления Казанской иконы богоматери было сказано в церкви св. Духа за Пречистенскими воротами; третье слово в день перенесения Нерукотворного образа — в церкви за Иконным рядом; слово на рождество богородицы — в Спасском монастыре и т. д.), так и в Подмоскovie (первое слово в день перенесения Нерукотворного образа было сказано в селе Киеве, а слово на посещение храма Покрова

богородицы — в Братцеве). По словам С. Медведева, Полоцкий намеревался произносить свои проповеди еженедельно и по всем праздникам. Собор 1667 года особо подчеркнул обязанность священников поучать своих прихожан во все воскресные и праздничные дни, что и записано в «Деяниях и постановлениях Московского собора об исправлении церковного благочиния». Выполняя указания этого собора, Симеон составил свои проповеди как раз применительно к воскресным и праздничным дням, что нельзя рассматривать как простую случайность. Эти проповеди сочинялись и произносились Полоцким без согласования с патриархом и не утверждались последним. Правда, в обоих печатных изданиях проповедей, о которых речь пойдет ниже, сказано, что эти книги вышли «благословением патриарха московского и всея России», но на самом деле, как об этом позднее писал патриарх Иоаким, Полоцкий не отдавал свои книги на духовную цензуру, а, пользуясь близостью к царю, выпускал их в свет в своей «Верхней» типографии без предварительного просмотра их высшим московским духовенством. «Мы, — утверждал патриарх Иоаким, — прежде печатного издания не видали и не читали тех книг, а печатать их не только благословения, но и изволения нашего не было».

Симеон просит у патриарха разрешение на публикацию двух своих проповедей. Одна — ото поучение о том, как следует прихожанину стоять в храме во время службы, а другая была посвящена разъяснениям, почему христианская церковь запрещает «бесовские песни», народные игры, чародейство и знахарство. Высокое положение царского учителя заставило патриарха дать согласие на публикацию поучений. Они были изданы в 1668 году — правда, без имени автора.

Оба поучения позднее были включены Полоцким в приложение к сборнику проповедей «Вечеря душевная» и были переизданы уже после его смерти, в 1683 году.

Поучения в издании 1668 года выглядели весьма скромно. Небольшой формат (типа нашей школьной тетради), маленький объем, бедность типографского оформления — вот что отличает эту первую печатную книгу Полоцкого.

Совсем по-иному были оформлены книги, вышедшие в той типографии, которая находилась в ведении самого Симеона. Он издал свои проповеди так, что книга сразу же привлекала к себе внимание и объемом, и яркостью оформления.

Книга «Обед душевный», украшенная выходной гравюрой Афанасия Трухменского по рисунку Симона Ушакова, начинается стихами

Полоцкого, в которых он, обращаясь к читателю этой книги, воспевает воскресенье. Автор рассказывает, какие события ветхозаветной истории произошли по воскресным дням, призывает всех читателей посвящать этот день молитве и чтению церковных книг и поясняет название «Обед душевный» — чтение этой книги так же насыщает душу, как обед — тело. Каждый читатель найдет в этом «Обеде» пищу по своему вкусу, даже горькая, она не повредит здоровью читателя. Если и встретится что-либо несовершенное в этой книге, то читатель да исправит это с любовью.

Далее идут краткие «Стихи о слове божьем», которые Симеон заканчивает такими словами:

Разсуждению церкви труд сей подлегаю,
Аще что согрешился, исправы желаю.

После виршей следует прозаическое «Предисловие к читателю благочестивому», по мысли близкое стихам. Предисловие подписано автором так: «Симеон многогрешный, иеромонах недостойный Полоцкий». Затем напечатано оглавление книги («Изъявление словес, яже в князе сей суть положенна»), и далее на 687 листах большого формата идут 109 слов, поучений и проповедей на все воскресные дни.

Примерно так же составлена и вторая книга проповедей Полоцкого — «Вечеря душевная», печатать которую начали еще при жизни автора. Но вышла она в свет уже после его смерти. В начале ее помещены «Стиси краесогласнии на дверь книги сея», за ними следует «Предсловие к читателю благочестивому», в котором автор, в частности, объясняет название книги: обед идет людям в насыщение, а вечеря (ужин) — в укрепление. Под «Предсловием» подпись «Симеон Полоцкий, иеромонах недостойный». Вслед за этим напечатаны оглавление сборника, выходная гравюра с подписью «Знаменил Симон Ушаков» и, наконец, проповеди, приуроченные к определенным дням, начиная с 1 сентября, когда, по церковному календарю, отмечался день Симеона Столпника и наступал, как известно, новый год по сентябрьскому летосчислению, — всего на 522 листах. После этого с особой нумерацией страниц и с особым оглавлением идет «Приложение слов на различные нужды», которое состоит из проповедей, слов и поучений, говоренных самим Полоцким или написанных им для других лиц (например, для патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского). Всего в «Вечери душевной» помещено 107 проповедей и поучений.

Этот громадный по объему материал неравноценен к историко-литературном отношении. Мы встречаем среди этих проповедей сугубо богословские по содержанию, в которых автор пытается осветить спорные вопросы христианского вероучения и т. п.

Гораздо интереснее для нас в сборниках Полоцкого проповеди, посвященные различным вопросам нравственности, нравственного воспитания. В соответствии с нормами христианской морали он проповедует смирение, терпение, послушание, милосердие. По мысли автора, человек от рождения греховен и страдает от духовных язв, находящихся в различных частях тела: в голове — язва гордости, на челе (то есть лице) — язва бесстыдства, в очах — язва зависти, в устах — злословия, лжи, клеветы, осуждения, в языке — болтливости и грубости, в сердце — жестокости, в желудке — несытости и так далее (вплоть до ног, рук и половых членов).

Особенно важно для анализа взглядов Полоцкого приложение к «Вечери душевной», где помещены проповеди на различные житейские, бытовые темы: на погребение (архиерея, сановитого мужа, воинского человека, честной жены), слова к православному воинству, слово на посещение храма. В этих проповедях Симеон обличает падение нравов в его время. Так, в «Слове в день сошествия св. духа ко иереом о еже прилежати стаду и обличительное крамолившихся в мятежное время, купно же похвальное слугам боярским, чтенное в лето 7180 (1672)» Полоцкий дает такую картину жизни общества: «Тем же убо шлиха умножися в людех злоба, и преуспе лукавство, волхование, чародеяние, разбой, татьба, убийства, пьянство, и нелепая игранья, грабления, хищения и иная тем подобная. Напоследок и на обладающих восстание».

Обращает на себя внимание также и «Поучение от иереев к их прихожанам». В нем Полоцкий говорит о том, что нужно пребывать в благочестии, что нельзя петь бесовских песен, творить игр, ходить к волхвам и чародеям и тем более призывать их в свой дом. Полоцкий выступает в этой проповеди против тех, кто предается «бесчинным и бесчестным, и богомерзким скаканиям, плясаниям и играньям». Его проповедь свидетельствует о том, что в конце XVII века были широко распространены полуязыческие обычаи — прыжки через огонь, катание на релях (то есть качелях), вера в могущество колдунов и чародеев. Последнее вызывает особое негодование проповедника. В слове о суеверии и суечестии Полоцкий перечисляет множество полуязыческих обычаев и примет, бытовавших в его время: например, заговоры от болезней, вера в

наговорную воду и шептание, возвращение обратно споткнувшегося о порог, встретившего священника или женщину, обычай караулить восход солнца и гадать на травах, собранных в ночь под Ивана Купалу. Полоцкий сравнивает эти суеверные обычаи с сорняками (с куколем), которые все еще встречаются в пшенице христианского вероучения, посеянной в душах верующих.

Просто, доходчиво разъясняет Симеон беспочвенность примет: «Говорят, что если встретишь девицу, то день бесплодный будет, а если встретишь блудницу, то день будет благополучный, полный многих покупок и богатых дел... Посмотри, какую дьявол здесь лезть сокрыл: от кроткой девицы мы отвращаемся, а бесстыдную жену любим и приятной считаем!» Убедительно вскрывает Полоцкий и ложность поверья, согласно которому солнце — «играет» под иванов день. «Какое безумие, какое суеверие! — восклицает он. — Откуда вы взяли, что солнце играет?.. Философы и звездословцы (то есть астрономы. — Л. П.) того не знают, а невежды и слышат друг от друга, и своими очами видят. А что же они видят? Воистину вот что: когда пьян бывает человек, то все, он видит, вокруг него вращается колесообразно — от умножения пара, восходящего в его главу при неумеренном питье. И как одна вещь двоятся и троится в глазах у пьяного, так и солнце, когда слишком пристально присмотришься к нему, то от великого действия его лучей зрение повреждается, и из-за этого кажется, что солнце изменяется и скачет, а на самом деле и не скачет, и не изменяется». Возможно, добавляет далее автор, что и сам дьявол творит изменения в очах у суеверных людей, но отнюдь не солнце тому причиной: солнце всегда неизменно, солнце всегда постоянно.

Вот что рассказывает в своих проповедях Симеон об отношении простых русских людей к церковным обрядам: они не слушают увещаний священников над гробом умершего, не верят в то, что душа покойника переселяется в лучший мир, где нет ни горестей, ни воздыханий, а только жизнь бесконечная... Напротив, родственники и близкие плачут и причитают над покойником. С другой стороны, вместо того чтобы умерщвлять свою плоть и готовиться к вечной жизни, простые люди любят петь мирские «бесовские» песни, водить хороводы, слушать игру народных музыкантов, смотреть представления скоморохов. И Полоцкий гневно ополчается против этого, считая, что в народе отсутствует стремление к духовному совершенствованию на основе церковной морали.

Высмеивает Полоцкий и ношение привязанной к пальцу кости страуса (струтиона), якобы помогающей от болезни. Он призывает своих слушателей отказаться от веры в приметы. Все суеверия, заключает

Симеон, — это следствие дьявольских козней, и истинный православный человек должен от них отрекаться.

Забываясь о простоте и доходчивости своих проповедей, Полоцкий нередко вставляет в них понятные всем рассказы и примеры. Так, порицая монахов за их стремление бывать на «всенародных торжищах во градах многолюдных», Симеон сравнивает их с перепелкой: увидевши ловца, расстилающего сеть, она спросила, что это он делает. Тот ответил: град создаю, — и ушел. Страшно захотелось перепелке посмотреть на этот град, любопытство подвело ее, и она попала в сеть. Так и мы, говорит проповедник, попадаем в адские сети. Или вот как образно и ярко описывает Полоцкий состояние человека, истомившегося от долгого поста: все ему не по себе. Правда кажется кривдой, сладкое — горьким. Жена нелюбезна, дети досадны, слуги непослушны, невиноватые виновны.

Нередко Симеон ссылается на авторитет Диогена, Гераклита, Диодора Сицилийского, Демокрита, Аристотеля, Эпикура, Платона, Демосфена, Гомера.

В своих проповедях Полоцкий, помимо канонических церковных источников — сочинений отцов церкви и житий святых, приводит рассказы о Перикле, Александре Македонском. Иначе говоря, и такую форму общения со слушателем, как проповедь, Симеон использует для его просвещения. Желая убедить своих слушателей в пользе и необходимости труда, Симеон рассказывает басню Эзопа о Подагре и Пауке: решили однажды Подагра с Пауком отправиться путешествовать в чужую страну, и случилось им переночевать в одном селе. Подагра остановилась в бедном доме, а Паук — в господских палатах. Подагра вселилась в ноги тружеников, и всю ночь не могла найти себе покоя, ибо они и ночью трудились, а спали совсем немного и на жесткой постели. Паук же свил свои сети в светлой горнице, но слуги паутину его разрушили, и он не только страдал от голода, но и едва жизни не лишился. Наутро оба путешественника отправились дальше и рассказали друг другу о случившемся. И решили они отныне, что Подагре надо вселяться в ноги чревоугодников, в богатых домах, а Пауку водворяться в дома бедняков, где никто его не будет беспокоить. И далее проповедник делает вывод, что каждый человек должен обметать дом своей души, чтобы разрушить сети и паутину паука душегубного — лени, должен всегда трудиться, если не хочет болеть душевной подагрой.

Доступность и естественность проповедей Полоцкого по сравнению с поучениями Славинецкого давно уже были отмечены историками. Отвлеченным рассуждениям Симеон предпочитал доходчивые рассказы.

Он так говорил об этом: простое слово понятнее и удобнее, чем слово, скрытое среди художественных красот; так уже вылущенное ядро ореха легче съесть, чем находящееся в скорлупе. В этом высказывании нельзя не отметить скрытой полемики с Епифанием Славинецким, который предназначал свои проповеди для избранного круга образованных слушателей, способных по достоинству оценить его «хитросплетения словес» и сложную символику. Полоцкий же выступал перед рядовыми прихожанами, которым была необходима простая, доходчивая проповедь, доступная уровню их развития. Это вовсе не значит, конечно, что Симеон вообще чуждался образной речи. Отнюдь нет. Вот как он начинает, например, одну из своих проповедей: «Всякий ловец животных имеет обычай ловить их сетями, слушатели православные. Ловец птиц ставит на них сети, различные тайны творит и их сокрывает. Ловцы волков хищных, яму на них выкопавше, снегом ее засыпают и след свой замечают, чтобы не было следа от их хитростей. Так же и дьявол, наветник душ человеческих, хитрствовал в Эдеме, ибо не в своем лице предстал он перед Евой беседовать с нею, но чуждым прикрылся видом, употребив образ змея, да не познается хитрость его и злое умышление».

А вот начало другой проповеди: «Животное, называемое пифик (то есть обезьяна. — Л. П.), умом и обликом походит на человека, слушатели православные: когда она увидит что-то делающего человека, то и сама старается сделать то же. Знающие об этом ловцы приходят под деревья или скалы, где живет пифик, и, усевшись на землю, обувают свои ноги п обвязывают их, и сетями оплетают, и потом оставляют там сети, а сами уходят недалеко. Тогда выходит из своего гнезда пифик и также обувает ноги свои и сетями оплетает. В то время вскоре ловцы прибегают, и, прежде чем пифик сможет освободиться, они его похищают. Человек грешный подобен богу, как пифик человеку... надо так же подражать богу, как пифик подражает человеку». Оба примера наглядно иллюстрируют мастерство проповедника, его умение с самого начала заинтересовать слушателей, привлечь к себе их внимание доступным их пониманию занимательным рассказом.

Нередко Полоцкий употребляет сравнения, взятые из жизни, из быта: «Если кому случится тонуть, то он за другого хватается, если только может достать, и с собою вместе топит. Так и демон лукавый, сам попавши в вечную погибель, и род наш человеческий с собою вместе погубить старается». Людские сердца Симеон сравнивает с нивами: одни из них твердые и утопанные, другие же вспаханные и удобренные, на них хорошо прорастают семена добрых слов. Или, ополчаясь против лицемера,

Полоцкий образно сравнивает его с лисой, «которая коварней всех зверей. Когда она хочет есть, то коварный обычай имеет: ищет поле вспаханное и ложится в борозде, притворяясь мертвой, даже не дышит. Увидевши ее недвижно лежащей, прилетают к ней хищные птицы, надеясь на мертвечину; прилетают на готовую пищу, но, едва лишь прикоснутся к ней, она, сколько может, хватает и поедает. Подобное же творят и лицемеры, различные хитрости измышляют для уловления простых душ, обещают и хлеб, и прибыли различные; неискушенные этим прельщаются и сами становятся добычей лицемеров».

Следует отметить еще одну характерную черту Симеона как проповедника: он не боится обратиться с поучением не только к простым людям, но и к сильным мира сего. Показательно в этом плане «Слово первое в четвертую неделю по сошествии святого духа», посвященное острому для «бунташного» XVII века вопросу о том, «что долженствует раб господину и взаим господин рабу своему». Обычно все церковные проповедники ограничивались перечислением обязанностей «рабов» и приводили широко известные изречения из «Священного писания»: «Рабы, послушайте господ своих по плоти со страхом и трепетом в простоте сердца вашего, яко же п Христа». Или: «Рабы, повинуйтесь во всяком страхе владыкам не только благим и кротким, но и строптивым».

Приводит подобные изречения и Полоцкий, но не ограничивается этим, а говорит не только об обязанностях «рабов», но и о том, как следует господину относиться к своим «рабам»: так же как «рабы» должны господам своим оказывать честь, быть послушными и верными, так и господа обязаны показывать своим «рабам» образцы разума и кротости, и скорее должны быть любезными, чем страшными и грозными, добро творить, а не язвы налагать. Нельзя «рабов» превращать в бессловесную скотину, часто бить их, лишать пищи, не давать одежды. Нельзя господам употреблять свою власть на лукавые дела, подавать своим «рабам» пример злобы, клятвопреступления, татьбы (то есть воровства), отмщения, брани, осуждения, убийства или озлобления... И далее Полоцкий говорит о том, что было на самом деле в жизни того времени: «Но горе миру от злобы, увы, за множество соблазнов! Есть еще господа, что своих же рабов совращают собственным беззаконием, как многие поощряют (то есть «рабов». — Л. П.) на месть, а кто на воровство и на хищение наставляют. Как много есть таких, кто рабов и рабынь своих принуждает на скверные дела! Умолчу же о прочем, в мире творимом, о чем и помянуть-то стыдно и сказать-то неловко, но многие господа и госпожи бывают виновны перед своими рабами и рабынями».

Симеон затронул в своих проповедях и популярную для средневековой литературы проблему «богатства» и «бедности» на примере притчи о Лазаре. Эта притча послужила для Полоцкого еще одним поводом напомнить богатым мира сего о необходимости заботиться о бедных, ограничить «лихоимание», думать больше о загробной жизни, а не о накоплении богатств. Что же касается нищих, то их уделом остается терпеть ниспосланные богом беды и надеяться па царствие небесное, когда богатый обнищает, а нищий обогатеет.

Значение подобных обличений снижается, конечно, тем, что Симеон не называет по имени господ, бесчеловечно обращающихся со своими крепостными. Казня грехи и обличая злые нравы, он говорит о правильном употреблении богатства, о необходимости быть милостивым, о повиновении начальникам и о кротком пользовании властью, но делает ото (как он сам отмечает в предисловии к «Обеду душевному») «не в лицо убогие либо, сие не буди нам дерзати, но обще». Эта осторожность и своеобразная завуалированность обличения была свойственна не только Полоцкому. Другой проповедник того же времени, Лазарь Баранович, посылая свой сборник проповедей Симеону, писал: «В суждениях своих я был осторожен, а особенно избегал строгих обличений, которые более всего не нравятся». Но и такое поучение, произнесенное с амвона, производило сильное впечатление, так как оно было подтверждено авторитетом отцов церкви.

В России конца XVII века были писатели и проповедники демократического толка, главным образом раскольники, которые шли еще дальше в своем стремлении упростить проповедь, сделать ее доступной и понятной всем слушателям. Эти рядовые проповедники умели говорить «зело просто слушателям простым», а крупнейший народный проповедник, талантливый протопоп Аввакум, положивший «просторечие» в основу своей литературной деятельности, с гордостью писал о себе, что он «не обык» свой русский природный язык украшать философскими виршами... В истории русской проповеди этого времени Славинецкий и Аввакум занимали диаметрально противоположные места, в то время как Полоцкий находился где-то между ними, но, конечно, гораздо ближе к ученому монаху Епифанию, чем к огнепальному фанатику-протопопу.

Анализ проповеднической деятельности Полоцкого убеждает нас в том, что с церковной кафедры он старался просветить своих слушателей, воспитать их нравственно, уберечь от суеверий и предрассудков. Симеон стремился сделать свои проповеди понятными и доходчивыми; с этой целью он старался писать их простым языком, иллюстрировал их

занимательными рассказами и историями, оживлял их яркими, запоминающимися образами. Простоту и доступность проповедей Полоцкого надо понимать, конечно, исторически, учитывая при этом сложность церковнославянского языка, на котором он писал, отвлеченность и схоластичность тех религиозных идей, которые он высказывал. Но в сравнении с творчеством так называемых «киевских ученых старцев» во главе с Епифанием Славинецким его проповеди были и проще, и ярче, и доступнее. В то же время, говоря о простоте, образности и яркости проповедей Симеона, нельзя, конечно, при этом забывать, что их составлял высокообразованный человек, каких немного было на Руси того времени. Даже рядовому священнику, не говоря уже о прихожанине, эти проповеди не всегда были понятны.

Христианская идеология, конечно, сковывала Полоцкого. Порицая суеверия и предрассудки, он наряду с этим восстает и против народных игр, песен и гуляний; главными авторитетами он почитает отцов церкви, Ветхий и Новый заветы, хотя часто ссылается и на Аристотеля, Демосфена, Гераклита... Особенно важно отметить стремление Симеона подчеркнуть обязанности не только крепостных, но и господ.

Конечно, все познается в сравнении. Нельзя сопоставлять — ни по языку, ни по форме — поучения Полоцкого с более поздними произведениями. Читая сейчас, спустя почти триста лет, его проповеди, мы зачастую рассматриваем их как схоластические рассуждения на заданную тему. Одна и та же мысль многократно повторяется, язык тяжел и труден, даже чтение этих поучений утомительно. Безусловно, поучения Симеона и схематичны, и длинные, и нередко искусственны. Проповедник был сыном своего времени, он не мог порвать с существовавшей традицией, но он стремился к тому, чтобы оживить свои поучения, сделать их доходчивыми и понятными, приблизить их к уровню своих слушателей.

По своей одаренности, по таланту проповедника Полоцкий не идет ни в какое сравнение со своим современником и идейным противником Аввакумом Петровым. Аввакум талантливее, своеобразнее. И все же в истории русского ораторского искусства, русской проповеди поучения Симеона являются тем связующим звеном, которое соединяет в одно целое древнерусскую проповедь с ораторскими произведениями начала XVIII века. Проповеди Полоцкого подготавливали собою дальнейшее развитие проповеднического и ораторского искусства, расцветшего в эпоху Петра I благодаря Феофилакту Лопатинскому, Стефанию Яворскому, Феофану Прокоповичу, И. Т. Посошкову.

Есть и еще одна черта, отличающая проповеди Полоцкого, — это

своеобразная поэтичность его слов и поучений. Она проявляется в ритмике его ораторской прозы, в звучности проповеднического языка, в поэтичности образов и сравнений. Полоцкий старается воздействовать на своих слушателей не строгой логикой рассуждений, не избытком примеров и образцов, а в первую очередь яркостью и поэтичностью тех образов, при помощи которых он пытается воспитать и образовать своих слушателей.

Поэт по призванию, Симеон не мог ограничиться в своей проповеднической деятельности одними прозаическими поучениями и словами. Им создана одна из самых оригинальных и новых для XVII века книг — «Псалтырь рифмотворная». 4 февраля 1678 года он начал «перелагать псалмы в рифмы», уже к 28 марта 1678 года стихотворный перевод был закончен, а в 1680 году, еще при жизни Полоцкого, книга вышла в свет. Ее издали в «Верхней» типографии с гравюрой А. Трухменского по рисунку С. Ушакова, изобразившему легендарного автора «Псалтыри» царя Давида. Книга была богато украшена орнаментом, заставками и концовками и печаталась в основном в два цвета (использовалась киноварь).

Что же заставило Полоцкого создать эту книгу? В стихотворном предисловии к «Псалтыри рифмотворной» автор предлагает взамен мирских песен петь церковные псалмы:

Миряне, песни мира оставляйте,
Вместо их псалмы богу воспевайте.

Кроме того, Симеон указывает и еще на несколько причин, побудивших его заняться переложением псалтыри в стихи: древнееврейская псалтырь была создана в стихах, а не в прозе. Существовали стихотворные переложения псалмов на греческий, латинский и польский языки, многие в Москве во времена Полоцкого распевали польские псалмы, не понимая даже слов. Предисловие Симеона, объясняющее важность и преимущество духовных песен перед мирскими, нередко списывалось составителями рукописных духовных кантов, псалмов и вирш, а отдельные псалмы без имени автора были включены в многочисленные сборники.

Пению псалмов Полоцкий посвятил в «Вертограде многоцветном» специальное стихотворение. От пения псалмов, говорит он, возникает в сердцах людей любовь к богу, пение соединяет людей воедино, пробуждает

радость в сердцах, уподобляет людей ангелам. Псалмы прогоняют сердечную печаль, наполняют душу чистым весельем, поэтому особенно важно петь псалмы в печали.

Псалтырь можно назвать одной из самых употребительных и «чтомых» книг в Древней Руси, так как она использовалась не только в чисто церковных целях. По ней учились читать, ее брали с собой в путь (недаром в издании Скорины 1525 года псалтырь названа «подорожной книгой!»), по ней гадали, ее читали. Она была настольной книгой в каждой грамотной семье.

Церковнославянский язык псалтыри препятствовал ее более широкой популярности, и не случайно уже в 1663 году переводчик Посольского приказа-Авраамий Фирсов создает прозаический пересказ псалтыри на русский язык. Это же желание — сделать псалтырь доступной для понимания простого народа — руководило и Полоцким, когда он облек псалмы в формы силлабического стиха.

Исследователи давно уже установили, что одним из образцов, которому следовал — но отнюдь не подражал! — Полоцкий, была стихотворная псалтырь знаменитого польского поэта XVI века Яна Кохановского. Как и его польский предшественник, Симеон надеялся, что сочиненные им псалмы будут не только читаться, но и распеваться. Его надежды вскоре оправдались. Первый выдающийся русский композитор, государев певчий дьяк В. П. Титов сочинил ко всем псалмам Полоцкого музыку специально для хорового исполнения. Псалмы в переложении В. П. Титова интонационно были связаны с мелодией народной песни. Авторство В. П. Титова устанавливается благодаря надписям-посвящениям на двух экземплярах псалтыри, поднесенных в 1680 и 1687 годах царю Федору Алексеевичу и царевне Софье Алексеевне. До наших дней дошло несколько экземпляров печатной псалтыри Полоцкого с нотами к псалмам, записанными на полях и частично между строк текста, причем мелодии, сочиненные В. П. Титовым, подвергались редактированию неизвестными нам музыкантами, а многие из псалмов имеют и самостоятельное музыкальное оформление, относящееся уже к XVIII веку.

К псалтыри Симеон приложил сочиненный им же стихотворный «Месяцеслов», к которому В. П. Титов дал музыкальное сопровождение в виде 12 (по числу месяцев) вокальных номеров. В особенности любопытен апрельский кант, дающий поэтический образ весенней природы:

Всю землю в цветы апрель одевает,
Весь собор людской в радость призывает,

Листвие древо зеленым венчает...

Как «Псалтырь рифмотворная» Полоцкого, так и музыка к ней В. П. Титова были принципиально новым явлением в культуре конца XVII века. Псалтырь дала начало философской лирике, а музыка к ней — духовной бытовой музыке XVIII века, предшествовавшей светской художественной музыкальной культуре, которая возобладала над церковной лишь со второй четверти XVIII века.

Исследователи давно уже отметили популярность псалтыри Полоцкого в XVIII и даже XIX веках. Она многократно переписывалась целиком или частично; поэты XVIII–XIX веков перелагали псалмы, порою весьма вольно переосмысливая их содержание. Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, а позднее Федор Глинка и Тарас Шевченко обращались в своем творчестве к псалтыри, а для Ломоносова «Псалтырь рифмотворная» наряду с грамматикой Смотрицкого и арифметикой Магницкого была, как известно, теми «вратами учености», через которые будущий академик вошел в науку. Именно псалтырь Полоцкого познакомила его с основами русского стихосложения.

Да, меньше двух месяцев потребовалось Полоцкому для того, чтобы переложить в стихи всю псалтырь. Он писал быстро и почти без исправлений, его автографы выглядят как беловики. «Рифмотворение» было для него излюбленным занятием, отдыхом, увлечением. Но вместе с тем стихотворство являлось для Симеона ежедневным трудом, своеобразным подвижничеством.

Полоцкий был первым русским профессиональным поэтом, творчество которого имело огромное значение для русской культуры. В XVII веке впервые в русской литературе силлабическая поэзия занимает важное (а на определенном этапе и ведущее) место. Русская литература вливается в общеевропейское литературное направление, так называемое барокко.

Оно зародилось в конце XVI — начале XVII века в Испании и Италии, когда эпоха Возрождения близилась к закату и начался переходный период временных побед феодальной реакции, идеологического кризиса, опустошительных войн — вплоть до установления абсолютистских национальных монархий. В литературе и искусстве барокко сменил позднее классицизм.

Барокко стало в XVII веке одним из ведущих направлений в польской, чешской и сербскохорватской литературах, оно проникало на Украину и

культивировалось там в школьных пиитиках, драмах и поучениях. В 60-х годах XVII века и на Руси появляются приверженцы барокко. Оно достигает своего наивысшего расцвета в творчестве Полоцкого. Как и в Западной Европе, в России барокко предшествовало классицизму.

Своеобразие русского барокко XVII века заключается прежде всего в том, что оно в России было промежуточным литературным направлением между средневековым искусством и классицизмом, а не между Ренессансом и классицизмом, как в Западной Европе. В силу ряда причин Россия не пережила эпохи Возрождения в ее классической форме. Элементы Ренессанса, свойственные русской культуре XV–XVI веков, хотя и были весьма значительны, но не сложились в стройную систему, которая определяла бы всю духовную культуру общества. Если на Западе представители барокко намеренно возвращаются к средневековым принципам в стиле и мировоззрении, нарочито культивируя средневековые литературные жанры и формы стиха, то в русском барокко естественно продолжались давно уже существовавшие традиции средневековья. Витиеватость стиля, торжественность речи, «плетение словес», стремление к сложности и метафоричности, вычурность стиха и поучительность содержания — все это уже было в древнерусской литературе, и барокко лишь развило эти черты. Если барокко на Западе было временным возвратом к средневековью, то в России оно стало отходом от средневековья, средством обмирщения литературы.

Барокко в России, по словам Д. С. Лихачева, приняло на себя функции Ренессанса, что и обусловило жизнерадостный стиль русского барокко, его человекоутверждающий характер и просветительское направление. Русское барокко XVII века было тесно связано с монархией, носило «придворный» характер; это объясняет, в частности, и близость русского барокко к классицизму, и легкость перехода придворной литературы и общественно-политической мысли к классицизму и абсолютизму в духе Петровской эпохи. Пришедшее через Украину из Польши западноевропейское барокко приобрело на Руси много своеобразных черт, позволяющих говорить о «московском» или «нарышкинском» барокко в архитектуре, о самобытном русском барокко в поэзии Полоцкого и его последователей.

Произведения Полоцкого нередко висели, вставленные в рамки, в комнатах царевичей и царевен на стенах наряду с «фряжскими» и русскими потешными листами. Стихи монаха, написанные каллиграфическим почерком, богато украшенные киноварью и затейливо выписанными буквицами, были своеобразным настенным украшением в комнатах его учеников. Это и было одной из причин, заставивших Симеона придумать

такую внешнюю графическую форму своего стиха, которая привлекала бы к себе внимание своей необычностью, внешней броскостью, образностью, причудливостью.

Мы находим в сборниках Полоцкого стихотворения, написанные в виде креста, звезды, сердца. Книги Полоцкого украшены различными криптограммами и лабиринтами, прочесть которые не всегда просто. Самое употребление киновари в его рукописных и печатных книгах носило не только смысловой, но и живописный, изобразительный характер.

Это желание привлечь внимание к стихотворению чисто внешним оформлением объясняется, возможно, и тем, что «приветства» Полоцкого не только зачитывались им. Члены царской семьи любили рассматривать эти поздравительные листы. Не исключено и то, что эта яркость, броскость и привлекательность «приветствий» были педагогическим приемом, употребленным Полоцким в расчете на то, что необычность оформления вызовет у его царственных учеников стремление прочитать написанное и, возможно, выучить его наизусть.

Обращает на себя внимание тот факт, что парадность оформления и нарочитая усложненная рифма характерны главным образом для второго поэтического сборника Полоцкого — «Рифмологиона». Первый сборник — «Вертоград многоцветный» — и проще по оформлению, и однообразнее по построению; он предназначен для воспитания: его цель — поразить ум, дать пищу чувствам, возвысить душу.

В предисловии к «Вертограду многоцветному» Полоцкий прямо говорит о том, что основная цель этого сборника — нравоучительная: найдет в этом сборнике благородный и богатый лечение недугам своим: гордости — смирение, сребролюбию — благорасточение, скупости — подаяние, велехвальству — смиренномудрие. Найдет здесь хутородный и нищий лекарство от своих недугов: роптанию — терпение, татьбе — трудолюбие, зависти — тленных презрение. Неправду творящий найдет здесь правды творение, гневливец — кротость и прощение, ленивец — бодрость, глупец — мудрость, невежда — разум, сомневающийся в вере — утверждение, отчаявшийся — надежду, ненавистник — любовь, дерзкий — страх, сквернословец — языка обуздание, блудник — чистоту и плоти умерщвление, «пияница» — воздержание. «Вертоград многоцветный» готовился к печати и тем самым был рассчитан не только на царя и его семью, но и на широкую читательскую публику; именно этим объясняются и занимательность изложенных стихами нравоучительных историй и «прилогов», и сравнительная простота языка, и однообразность рифмовки.

Иное дело «Рифмологион», рассчитанный на более узкий круг

ценителей, читателей образованных, грамотных, сведущих в книжном искусстве, умеющих по достоинству оценить мастерство стихотворца.

В предисловии к «Рифмологиону» Симеон подчеркивает, что помещенные в нем стихи созданы специально («особо») и в разное время его жизни. Приветственные, панегирические стихотворения, написанные к конкретному событию, собраны Полоцким воедино, в пятидесятилетнем возрасте. Задача этого сборника — не исправлять нравы, а научить читателя (особенно юного) «чинно глаголати», то есть точно так же стройно, красноречиво говорить, как умел это делать сам Симеон. В этом сборнике поэт раскрывает все свое незаурядное мастерство в создании, как говорили в XVII веке, «поетицких штучек», то есть всевозможных поэтических курьезов, трудных версификационных задач, замысловатых и необычных по построению стихов. Форма стиха стала вытеснять его содержание, она начала приобретать не только самодовлеющее, но и первенствующее, главенствующее значение.

Эту особенность творчества Полоцкого легко можно проследить на примере так называемых «леонинских» стихов, в которых рифмуются и стихи, и полустишия, — например, «Песнь из польского диалекта, переведенная на славянский, о прелести мира» из «Рифмологиона».

Есть прелесть в свете, як в полном цвете, ту ты остави,
Возлюбленная, душе грешная, от злѡб воспряни...

Еще более сложным является «Узел приветственный», написанный Полоцким в мае 1680 года для боярина Михаила Тимофеевича в связи с его женитьбой на Марфе:

Бог сый в небе, — боже благий,
Радость тебе, — свете драгий,
Да дарует, — да храниши
Честь и славу — Марфу здраву —
Мужу праву — в твою славу
Да готует — юже зриши...

«Узел» можно развязать, лишь зная, что это произведение читается одновременно как три стихотворения: если прочесть его в целом, то получим восьмисложное стихотворение с двойными рифмами внутри;

кроме того, правая и левые части составляют два самостоятельно читаемых четырехсложных стихотворения с одинаковой системой рифмовки (типа аавссь).

Роль Полоцкого — наиболее крупного и яркого представителя русской культуры конца XVII века — в литературном процессе можно установить, лишь показав его взаимоотношения с другими писателями и поэтами того времени. На первый взгляд кажется, что эта задача нетрудная. Полоцкий тщательно сохранял все, что писал. В своих стихах он охотно и подробно говорит и о собственных произведениях, и о своих литературных делах. Мы найдем в его творчестве упоминание и об отношении окружающих к его стихам, но делает он это крайне осмотрительно и осторожно.

Жизнь при дворе научила Полоцкого быть сдержанным и выражать свои мысли в иносказательной форме. В стихотворении «Мысль» он прямо говорит — как корень дерева, так и мысль человека скрыты от взора. Мысль живет в глубине сердца, никто ее не может познать. И все же нужно сказать, что у поэта было много недоброжелателей, критиков, злобно нападающих и на него самого, и на его произведения. В стихотворении «Клеветник» он сравнивает клеветника (то есть критика) с петухом: как петух, клеветник проходит мимо явных достоинств, будь они равны золотым монетам, а увидит где червь греха, так всех созывает посмотреть на него. Из-за своей злобы клеветник делает явным то, что следовало бы утаить, и скрывает то, о чем следовало бы сказать!

Критика в понимании Полоцкого — порождение злобы и зависти. Стихотворение «К гаждателю» он начинает с рассказа о критике Зоиле, «хульнике стихов Омирих» (то есть Гомера), и добавляет далее, что ныне в российских градах также находятся зоилы, критикующие труды ученых людей из-за злобы и зависти. Зоилы подобны сове, хулящей солнце. Этим путем нельзя добыть себе славу. Только один вред приносит осуждение.

С самого приезда в Москву и до своей смерти Полоцкий сталкивался с «хульниками» и «гаждателями». Епифаний Славинецкий подозревал его в симпатиях к католицизму, старался подчеркнуть недостаточность его образования, упрекал его за незнание греческого языка. Чудовский инок Евфимий резко осудил не только первую книгу Симеона «Жезл правления», но и написал обличение на еще не вышедшую в свет «Псалтырь рифмотворную». В сатирическом «Слове» Евфимия Полоцкий изображен в виде павлина, который любит собственным богато разукрашенным хвостом. По мнению Евфимия, Симеон — хитрый придворный. Он смиренно бьет челом и кланяется до земли для того, чтобы набрать камней и бросить в твою голову... Он говорит: виноват, а сам за дверьми

наготовил на тебя семь лопат. Смиренье его волчье, а не овечье.

Становится понятным после этого, почему Полоцкий счел нужным в поэтическом предисловии, помещенном перед «Псалтырю римфотворной», предупредить «благочестивого читателя»:

Не слушай буих и ненаказанных,
В тьме невежества злобою связанных...
Но буди правый писаний читатель,
Не слов ловитель, но ума искатель.

Симеон просит далее читателя его стихов «заграждать уста хульникам», защищать «добро против зла». «Люботрудный и премудрый муж Симеон Полоцкий», как назвал его пермский священник, современник поэта, жил и работал, непрерывно борясь со своими идейными противниками.

ГЛАВА 5

Разносторонность интересов Полоцкого особенно наглядно проявляется при ознакомлении с его драматургической деятельностью. Перу Полоцкого принадлежат, по крайней мере, две дошедшие до наших дней пьесы: «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроках, в пещи не сожженных» и «Комедия притчи о блудном сыне». Однако Полоцкий создал и большое количество так называемых «диалогов» и «декламаций», которые хотя и не могут быть отнесены нами к числу подлинно драматических произведений (исходя из существующих в настоящее время критериев), тем не менее по своей форме они близки к драматургии.

Впервые мы сталкиваемся с подобным диалогом еще в начальный период деятельности Полоцкого, когда он был преподавателем братской Богоявленской школы. Он создавал диалогические упражнения для своих учеников. Подобный школьный театр, сыгравший в свое время заметную роль в культурном развитии многих европейских стран, имел вначале лишь учебно-воспитательное значение. Симеон использовал широко известную в школьном театре «Рождественскую драму». Он мог познакомиться с ней еще во время учебы в Киево-Могилянской академии, где во время его пребывания исполнялись «Вирши рождественские». Вполне вероятно предположение (правда, ничем не подкрепленное), что Полоцкий сам участвовал в школьных декламациях и спектаклях на библейские сюжеты. Во всяком случае, документально установлено, что в братской Богоявленской школе он подобные драматические представления уже практиковал.

Автор назвал свой диалог «Беседы пастушеские». Самый жанр диалогов пастырей (или пасторалей) существовал еще в глубокой древности (идиллические пастушеские сцены у Феокрита, у Вергилия). Возродился он в Италии в эпоху Ренессанса. Пасторали, особенно характерные для польской школьной драмы, встречаются и в украинских сборниках XVII века. Одним словом, у Полоцкого было много возможностей найти себе образец для составления собственного диалога.

Диалог представляет собою беседу двух пастухов: один из них — юноша, простоватый и неопытный, другой — более зрелый, смелый и сведущий. Юноша задает вопросы, касающиеся рождения Христа, второй пастух дает на них обстоятельные ответы. Сами образы пастухов безлики — они даже собственных имен не имеют, а называются латинскими

буквами А и В. Весь смысл пасторали заключен в рассказе о рождении Христа в Вифлееме, в призыве идти поклониться ему и воспеть рождение бога. Нам известен только текст этой пасторали, когда, кем и как она была разыграна, ставилась ли на сцене вообще, существовали ли еще какие-либо диалоги, созданные Симеоном в это время, мы не знаем. И все же можно предположить, что в своей практической преподавательской деятельности он неоднократно обращался к «диалогам».

Школьный театр был к тому же средством борьбы православной церкви с католицизмом и унией. Он официально находился в ведении церкви. Церковными «действиями», яркими по драматической форме, впечатляющим пением и дорогими костюмами духовенство воздействовало на христиан.

Но не это определило роль и значение школьного театра в общественно-политической жизни. Наряду с духовенством школьную драму стали использовать в своих целях правительство, феодальная знать. И, несмотря на то, что сюжет школьной драмы оставался традиционным, то есть библейским, она сделалась более светской по содержанию, публицистичной, действенной политически. Особенно охотно светская власть прибегала к такой разновидности школьной драмы, как «декламация».

Не случайно, после того как «отроки града Полоцка, притекшие во царствующий град Москву», произнесли перед царем и его восхищенным семейством «стиси краесогласные», Алексей Михайлович приказал своему английскому резиденту Ивану Гебдону пригласить на русскую службу, помимо инженеров, артиллеристов, минеров, архитекторов, скульпторов, стекольных мастеров, рудознатцев — что было вполне обычным для второй половины XVII века, — «мастеров комедию делать». Видимо, И. Гебдон не сумел выполнить царские требования, а царю некогда было заниматься комедийными делами... и, как говорили в XVII веке, «дело задлилось».

Но зато продолжал осуществлять свои замыслы Полоцкий. После переезда в Москву он деятельно принялся за составление новых «декламаций». Одни из них остались в рукописи, но некоторые в свое время были «говорены» (то есть исполнены, представлены) отроками под руководством и при участии Симеона перед царским семейством в Москве, в селах Коломенском и Измайловском. Эти «стиси», или «метры краесогласнии», создавались Полоцким по самым разнообразным поводам — на именины царевича, в похвалу преподобного Иоасафа, царя Индийского, в похвалу мученицы Евдокии (представлена на именины дочери Алексея Михайловича царевны Евдокии), а также в связи с

различными церковными праздниками — на рождество, пасху, воздвижение.

В театральном отношении все эти «декламации» были еще весьма примитивны. Они не сопровождались ни декорациями, ни специальными костюмами, ни бутафорией. В «декламациях» не было ни пролога, ни эпилога, столь обычных для школьных драм. Просто-напросто отроки поочередно произносили выученный заранее текст. В чем же была причина того, что царь так заинтересовался этими театрализованными приветствиями?

«Декламации» стали популярны благодаря идеям, которые пропагандировал в них Полоцкий.

Можно взять в качестве примера «декламацию» Симеона, написанную в конце 1667 года и приуроченную к рождеству. Она была произнесена «в церкви во славу Христа бога» в присутствии не только царского семейства, но и придворной знати. В «декламации» развивалась обычная для рождественских песнопений тема: люди должны благодарить бога, ведя праведную жизнь, он же вознаградит их за это на небе.

Однако не в этой обычной для церковной рождественской службы морали был заключен главный смысл «декламации». Созданная после Андрусовского перемирия, заключенного 30 января 1667 года, и длительных, не раз прерывавшихся переговоров между русскими и польскими послами, «декламация», по-видимому, была приурочена к прибытию польских послов в Москву в конце 1667 года для утверждения Андрусовского договора. В начале декабря было принято «Союзное постановление» России и Речи Посполитой, означавшее поворот от многовековой вражды и беспрестанных войн к миру и союзу между двумя славянскими странами. На рождество в Кремле состоялась торжественная служба, на которой присутствовали царь, польские послы, придворные. После окончания молебна царь пригласил послов и весь двор к себе во дворец. В царской придворной церкви и была произнесена эта торжественная «декламация», в которой возглашалось: «Ты, царю мирный, утверди мир в мире!» Надо ли много говорить о том, как своевременен и желанен был этот призыв к миру после затянувшейся войны, истощившей ресурсы враждовавших государств?!

Тесная связь драматургии Полоцкого с насущными политическими задачами того времени легко может быть прослежена и на собственно драматургических опытах Симеона. Превосходный знаток обрядовой стороны христианства, он выбрал для первой своей драмы широко известное в христианской богослужебной практике «пещное действо»,

обычно разыгрываемое накануне рождества. Этот театрализованный церковный обряд, известный на Руси с конца XIV века и сохранившийся до первой половины XVII столетия (последнее известное нам исполнение датируется 1643 годом), был не чем иным, как представлением библейского предания о трех отроках — Анании, Азарии и Мисаиле, отказавшихся поклоняться золотому идолу, воздвигнутому царем Навходоносором, и за это брошенных в пылающую печь. Но благодаря божественному провидению свершилось чудо: к трем отрокам спустился ангел и спас их от огня. Пораженные халдеи, воины Навходоносора, вывели невредимых отроков из печи. «Действо» должно было наглядно продемонстрировать могущество бога, спасающего искренне верующих в него от страшной смерти. Сила бога оказывалась сильнее даже царской власти.

Однако во второй половине XVII века, когда царская власть боролась с притязаниями церкви на главенство «священства» над «царством», такое прославление церковно-религиозного начала было нежелательным. К этому следует добавить и то, что раскольники постоянно сравнивали царя Алексея Михайловича с Навходоносором. Требовалось, во-первых, прекратить разыгрывать это «действо» в церквях, а во-вторых, создать такое театрализованное (но уже светское, а не церковное) представление, которое несло бы прямо противоположную идейную нагрузку. Тем более что в этот церковный обряд начал проникать чисто светский элемент: халдеи стали трактоваться как рождественские ряженые, шуты, они пользовались комическими приемами, исполняя свои роли, насыщали речь шутками, балагурили.

И Полоцкий решил написать светское драматическое произведение на религиозную тему. Нет никакого сомнения в том, что Симеон знал о деятельности пастора П. Г. Грегори, который по царскому указу и при содействии Лаврентия Рингубера создал спектакль по пьесе «Артаксерксово действо», поставленный на сцене придворного театра.

В Москве давно уже знали о том, что такое комедия. Русские послы доносили царю о театральных постановках в Польше, Франции и Италии, которые они сами наблюдали. «Декламации» Полоцкого подготовили почву для создания в Москве профессионального театра.

В 1669 году скончалась царица Мария Ильинична. Царь приступил к выбору себе новой жены. С ноября 1669 года по май 1670 года в Москве царю были представлены тогдашние красавицы — дочери, сестры и племянницы виднейших бояр и дворян. Алексей Михайлович выбрал Наталью Кирилловну Нарышкину. Их свадьба состоялась 22 января 1671 года. Молодая девятнадцатилетняя царица отличалась веселым нравом,

любила всевозможные развлечения и потехи. Она воспитывалась у своего дяди, боярина Артамона Сергеевича Матвеева — человека образованного, «западника» по своим взглядам. Дом Матвеева был центром культурной жизни столицы в то время. У него была богатая библиотека, много западноевропейских книг. В его палатах играла домашняя труппа актеров и музыкантов, которые выступали и перед царем.

Переехав в Кремлевский дворец, молодая царица не захотела оставить прежние забавы. Алексей Михайлович очень любил царицу и удовлетворял малейшее ее желание.

В селе Преображенском по указу государя была построена большая «комедийная хоромина». На ее стены пошло 542 бревна, каждое длиной в 8 —10 метров. В театре было 28 дверей и окон. На его внутреннее убранство отпустили большое количество червчатого (то есть красного) и зеленого сукна, изготовили «потешное платье» (то есть костюмы) и «рамы перспективного письма» (то есть декорации). Их расписывал ученик Полоцкого, бывший царский певчий Василий Ренский. Душой всего этого театрального дела был А. С. Матвеев, ставший весьма близким к царю человеком.

Но не дремали и Милославские — родственники первой жены Алексея Михайловича. Воспользовавшись некоторой приостановкой в театральных приготовлениях, вызванной беременностью молодой царицы, боярин И. Д. Милославский 10 мая 1672 года предполагает поставить у себя дома, в Кремле, комедию. Что это была за комедия, мы не знаем, но уже 15 мая 1672 года царь приказывает полковнику Николаю фон Стадену ехать в Курляндию «к Якубусу князю... приговаривать великого государя в службу... двух человек трубачей самых добрых и ученых, двух человек, которые б умели всякие комедии строить».

30 мая 1672 года у молодой царицы родился первенец — будущий русский царь (а с 1721 года и император) Петр I. Развлечения в доме Милославских были забыты, радостный царь велел подыскать в Москве человека, который мог бы взять на себя постановку пьесы.

4 июня 1672 года царь «указал иноземцу магистру Ягану Готфриду учинить комедию, а на комедии действовать из библии книгу Эсфирь».

Выбор именно этого сюжета для первого театрального представления был не случаен. В пьесе рассказывалось о том, как царь Артаксеркс выбирал себе царицу на смотринах, как возвысился дядя царицы Мардохей — все это не могло не восприниматься московским обществом того времени как намек на разыгравшиеся недавно в Кремле события. Сопоставление молодой московской царицы, красоту которой отмечали

даже приезжие иностранцы, с юной библейской царицей Эсфирью должно было порадовать и молодоженов.

В короткий срок пьеса была отрепетирована. В октябре 1672 года в театр привезли орган, купленный у иноземца Тимофея Газенкруха за 1200 рублей. Затрат на театр не жалели. И вот наступило 17 октября 1672 года — дата первой постановки. Царица заняла отведенную ей ложу, откуда она могла видеть сцену, в то время как сама была скрыта от зрителей. Алексей Михайлович сел в специальное кресло прямо перед сценой. Актерами были ученики школы в Немецкой слободе, в которой преподавали Грегори и Рингубер. Успех пьесы превзошел все ожидания. Потрясенный царь в течение 10 часов с увлечением следил за постановкой.

Царь щедро наградил участников театрального «действия». В Кремле только и было разговоров, что о новом развлечении. В январе 1673 года, после поста и святок, началась подготовка к новым представлениям. В зимнее время неудобно было ездить на дальнюю тогда окраину Москвы, и поэтому устроили специальные палаты в Кремле, над аптекой, перевезли туда из Преображенского весь необходимый реквизит. Во вновь отделанной «комедийной хоромине» труппа выступала дважды. 7 апреля 1673 года вся труппа в количестве 64 человек была на приеме у царя. Прием актеров во дворце был столь необычным явлением, что приказные люди смутились, ибо не знали, как принимать таких необычных посетителей.

В этом же 1673 году Симеон Полоцкий создает свою комедию «О царе Навходоносоре, о теле злате и о трех отроках, в печи не сожженных», написанную по всем правилам школьной драмы. Стремясь к доходчивости, Полоцкий постарался приблизить речь действующих лиц пьесы к разговорному языку, обмирщил библейские образы, сделал их более жизненными, придал им бытовой характер. Особенной демократизации подверглась речь всевозможных второстепенных персонажей — слуг, воинов. Один из воинов, связывая отрока перед тем, как бросить его в печь огненную, так выражает свою готовность во всем следовать царскому указу:

Аз и две коже готов есмь издрати
С едного хребта, а сам не страдати.

Полоцкий ввел в свою пьесу образ самого царя Навходоносора, которого не было в «пещном действе». Этот языческий царь, омраченный «тьмой неверства», самомнительный бахвал, уже в предисловии к пьесе

противопоставляется «благовернейшему, пресветлейшему царю» Алексею Михайловичу, который и является носителем и хранителем истинной православной веры, торжествующей над языческим поклонением златому идолу.

У нас нет документальных свидетельств о том, что пьеса была поставлена на сцене, но в предисловии автор говорит:

То комедийно мы хощем явити
И аки само дело представити
Светлости твоей и всем предстоящим
Князем, болярам, верно ти служащим...

Впервые в русской пьесе прозвучала тронная речь, полная похвалы и невероятных гипербол, типичная для европейской драматургии того времени: Навходоносор говорит, что он один держит в руках своих весь мир и боги всех стран не дерзают ему противиться. Тем драматичнее оказывается неповиновение трех отроков и их духовное превосходство над зарвавшимся царем-язычником. В пьесе уделяется много места изображению придворного церемониала, даже диалог дается в виде царских приказов и ответов подчиненных:

Навходоносор: Абие вели образ наш творити
На превысоце столпе поставити.
Казначей: Что бог вещает, страшно есть то слово.
По твоей воли все будет готово.

По замыслу Симеона постановка пьесы должна была сопровождаться музыкой, танцами и различными эффектами (к примеру, в печи вспыхивал огонь и опалял одного из халдеев, для этого использовались споры одного из плаунов — ликоподия).

Пьеса заканчивается эпилогом — обращением к царю, созерцавшему «светлым оком» сие «комедийное действо»: если актеры не явили должного искусства, то они смиренно припадают к его ногам и просят прощения. А в заключение они молят бога —

К тому да подаст мирно царствовать,
А противники вскоре побеждати...

Эти слова еще раз подчеркивают тесную связь пьесы с исторической обстановкой начала 70-х годов XVII века, когда Россия готовилась к войне с Турцией. Посрамление царя-язычника Навходоносора, его уничтожение, а в конце пьесы и обращение к христианскому богу было весьма актуально. Церковный обряд превратился в острую политическую пьесу, мобилизующую русское общество на борьбу с магометанами-турками, с одной стороны, и отмечающую всякое сопоставление царя Алексея Михайловича с нечестивым язычником Навходоносором — с другой. Придворный поэт и драматург прекрасно справился со своей задачей. В пышном и торжественном «комедийном действе» о Навходоносоре соединялись одновременно две традиции: школьной драмы (с ней, несомненно, связан вступительный монолог Навходоносора, обычный монолог царя-тирана из школьной драмы) и придворного театра (и в этом плане пьеса Полоцкого вполне может быть сопоставлена с «Алексеем божьим человеком», «Юдифью», «Баязетом и Тамерланом», созданными в это же время)^[36].

К лету все декорации перевезли снова из Кремля в Преображенское, Грегори поручают обучить русских юношей актерскому мастерству, в 1675 году в Преображенском театре даже расширяют помещение, делают пристройку для публики. Вместе с немецкими актерами начинают выступать и русские. Разыгрываются все новые и новые комедии с музыкой и танцами.

В январе 1676 года умирает царь Алексей Михайлович, а 15 декабря того же года следует указ о ликвидации придворного театра. Однако полностью своего существования он не прекратил. И при царе Федоре Алексеевиче Полоцкий продолжал писать «декламации». В это же время Симеон создает и свое главное драматическое произведение — «Комедию притчи о блудном сыне», в ней он коснулся одной из наиболее острых и сложных проблем общественной жизни второй половины XVII века — взаимоотношений родительской власти и воли детей. В таких известных рукописных произведениях второй половины XVII века, как «Повесть о Савве Грудцыне» или «Повесть о Горе-злочищении», эта тема была уже затронута. В них рассказывалось о молодом, неопытном человеке, вырвавшемся из-под родительской опеки и предавшемся распутной жизни, разгулу, азартным играм, пьянству. Тлетворное влияние житейских соблазнов в конце концов приводило к тому, что молодой человек терял свое положение в обществе, нравственно опускался. Однако в последний

момент герой все же раскаивался в своих поступках и возвращался в лоно православной церкви: вековые устои общества оказывались прочнее, чем считал юноша, и в «борьбе» отцов и детей побеждали первые.

Значение «Комедии притчи» Полоцкого было особенно велико в связи с тем, что в это время усиливаются связи России с другими европейскими странами; иноземцы приезжают в Москву, а русских молодых людей посылают учиться за границу. Некоторые юноши занимались за рубежом отнюдь не науками, а проматывали отцовские деньги и даже предпочитали оставаться за границей, соблазнившись прелестями европейского жития-бытия.

Таков случай с Воином — сыном Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, крупного русского дипломата XVII века. В феврале 1660 года Воина послали с донесением за границу. Он самовольно остался там, бросил государеву службу и предложил свои услуги польскому королю в Данциге, а затем переехал во Францию. Надо ли говорить, какой гнев вызвал этот поступок у Алексея Михайловича: сын доверенного дипломата оказался изменником! Царь приказал найти Воина и любыми средствами вернуть его на родину; если же это не удастся, то «известить» его. Только в 1665 году Воин Ордин-Нащокин возвратился на родину и получил царское прощение.

Если первая пьеса Полоцкого была тесно еще связана с церковным «действом», то в своей второй пьесе он отходит от этой традиции и составляет оригинальное драматическое произведение, используя для этого широко известную притчу о блудном сыне. Документальных материалов, свидетельствующих о том, на какой сцене была поставлена пьеса, не сохранилось. Однако, основываясь на обращении автора в прологе к «благородным, благочестивым государям премилостивым», можно предположить, что пьеса предназначалась для исполнения в каком-то частном доме, а не при царском дворе. Полоцкий считал, что изображенное на сцене глубже проникает в сердце, чем написанное и прочтенное, именно поэтому он и написал пьесу.

Она состоит из шести действий (Полоцкий называет их частями), разделенных на явления (сени), между действиями вставлены интермедии. Что это были за интермедии, неизвестно, так как их текст до нас не дошел. О том, что они существовали, свидетельствуют ремарки в конце действий: «И пойдут вси за завесу; певцы и будет intermedium», или «И пойдут за завесу. Ту[т] пение и лики (то есть танцы. — Л. П.), по сем intermedium. Паки пение».

Скорее всего пьеса шла несколько раз. В 1681 году часовой мастер

Дмитрий Моисеев чинил «часы большие, что с действы блудного сына». В одном из изданий XVIII века есть заглавие: «История или действие евангельский притчи о блудном сыне, бываемое лета от Рождества Христова 1685». Как верно заметил П. О. Морозов, «бываемое» означает, что пьеса ставилась и не один раз.

Притча о блудном сыне была популярна и в других европейских странах, она обрабатывалась французскими, английскими, немецкими и польскими авторами. Полоцкий, хорошо знакомый с творчеством современных ему польских драматургов, возможно, знал западноевропейские обработки притчи, хотя никакой видимой зависимости между его пьесой и западноевропейскими комедиями установить нельзя.

Симеон довольно точно следует за текстом притчи (евангелие от Луки, гл. 15), многие евангельские выражения и детали без изменений внесены им в текст пьесы. Особенно близко к евангелию пятое действие комедии. Но драматург не ограничился евангельской историей, а дополнил и развил ее.

Так, Полоцкий подробно разработал выигрышную в сценическом отношении сцену кутежа блудного сына. Зрители могли видеть на сцене большой стол, вино в бокалах, карты и «зернь» — игральные двухцветные кости — черные и белые, атрибуты запретной на Руси азартной игры на деньги. Весьма натуралистично изображалось и пьянство героя, расхищение богатства блудного сына. После того как он все потерял, веселившиеся с ним женщины — «прелюбодеицы ругахуся ему, овая гнаше кочергою, овая или воду лияше на него». В сцене унижения зрителями, вероятно, с интересом было встречено появление пастуха со свиньями. Блудный сын приносит корыто с кормом для свиней, но, изголодавшись, ест сам, а свиней разгоняет. Его бьют плетью, он кричит: «Государь, пощади!», а приказчик говорит:

Бий врага добре, да весть свое дело,
Да пасет бодро, хранит стадо цело.

В конце концов блудный сын возвращается в родительский дом, его одевают в хорошие одежды, на палец «возложат перстень», обувают, кланяются ему. Звучит радостная, веселая музыка.

Действие пьесы разворачивается вне времени и пространства, в некой отвлеченной стране. Герои не названы по имени — просто отец, старший сын, младший сын (позднее называемый «блудный»), слуга, купчин,

господин. В пьесе Полоцкого все условно — от мотивировки поступков героев до их речей, имеющих поучительный характер.

Финал пьесы близок к словам Алексея Михайловича, писавшего огорченному А. Л. Ордину-Нащокину после отъезда сына его Воина за границу: «Он человек молодой... яко же и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш... к вам вскоре возвратится».

Симеон насытил свою комедию различными музыкальными номерами — вокальными и инструментальными. Правда, нотный материал не сохранился, и мы не знаем, кто был автором этой музыки.

Комедия притчи о блудном сыне — первая в русском профессиональном театре пьеса из семейного быта, построенная на остром драматическом столкновении представителей двух различных поколений.

Интересна позиция драматурга в этом конфликте; с одной стороны, он оправдывает необходимость образования, поездок за границу, проповедует мягкое, добродушное отношение старших к ошибкам и проступкам юношей, а с другой стороны — отчетливо сознает, что московские «блудные сыновья», беспутничая за границей, компрометируют латинское образование, за которое он так рьяно ратовал. Драматизм пьесы Полоцкого как раз и заключается не в действии (оно достаточно статично и условно), не в речах персонажей, а в той роковой обусловленности и обреченности свободомыслящего человека, у которого благие стремления к новизне на практике приводят к торжеству сильной и косной старины. И Полоцкий поучает не только неопытных юнцов, но и старших тоже. Одним словом, комедия притчи о блудном сыне была уроком не только для сыновей, но и для отцов.

Впервые в русской драматургии главным героем пьесы выступает молодой человек, тяготящийся жизнью не только в отцовском доме, но и в родной стране вообще. Он не желает «в отчинной стране юность погубити». Характерен для Симеона тот вывод, который он заставил сделать блудного сына после его бесплодной попытки найти на чужбине свое счастье:

Познах бо ныне юность дурно быти,
Аще кто хочет без науки жити...

Еще раз, на этот раз со сцены, проповедует Полоцкий любовь к учению, к науке, к знанию. Просветительская роль этой комедии очевидна.

Наконец, следует сказать и о языке этой пьесы — простом и ясном, близком к разговорной речи. Библейские образы в ней стали полнокровнее, доступнее и понятнее зрителям, ближе к ним и к жизни.

При жизни Полоцкого его пьесы не были опубликованы, до нас дошли только их рукописные списки. Комедия о блудном сыне была не менее пяти раз издана в XVIII веке. Первые исследователи лубка полагали, что дата, стоящая в заглавии лубочного издания, 1685 год, означает дату первой публикации. Знаток русского лубка Д. А. Ровинский считал, что доски, с которых печаталась комедия, рисовал Пикар, а гравировали Л. Бунин и Г. Тепчегорский. Однако в позднейших трудах, посвященных русским гравированным изданиям, это мнение было опровергнуто. «История... о блудном сыне» была награвирована не раньше середины XVIII века мастером из круга М. Нехорошевского. 1685 год — дата не выхода книги, а дата рукописи. Кроме того, в 1725 году с одного из лубочных изданий была сделана перепечатка специально «для любителей отечественной словесности».

Лубочные издания пьесы Полоцкого в XVIII веке пользовались большой популярностью. Владельцы этих книг старались в специальных записях на обложке не только закрепить свое право владения («Сия сказка принадлежит деревни Усадищ крестьянину Якову Ульянову, а сие писал Яков Ульянов, дворовый человек»), но и отмечали свое отношение к прочитанному («Сию книгу читал 1-го фуруштатского баталиона 1-й роты рядовой Степан Николаев сын Шувалов, и история весьма полезна для всех молодых людей, учит воздержанию от роскоши и пьянства»). Итак, в XVIII веке читатели прежде всего подчеркивали нравоучительный смысл пьесы, отмечали ее значение для воспитания молодых людей.

Иллюстрации, помещенные в изданиях пьесы Полоцкого, не могут служить нам источником для воссоздания сценической истории пьесы. Персонажи на этих картинках одеты в костюмы и шляпы голландского образца. Зрители также изображены иноземцами — они бритые, в шляпах с загнутыми полями.

Полоцкий — первый известный нам русский драматург. В соответствии с документальными источниками начало рождения русского театра относят к 17 октября 1672 года — ко времени постановки первой пьесы под руководством немца Грегори на сцене придворного русского театра. Полвека тому назад В. Н. Перетц писал: «Симеон Полоцкий ставит свои пьесы... *после* опыта иностранных комедиантов; они проложили ему путь, они дали ему уверенность, что и в Москве можно увидеть на сцене драматическую обработку библейских сюжетов. А донемцев Симеон

молчал, не решаясь выступить в роли драматурга»^[37]. Да, верно, Полоцкий ставил свои пьесы после Грегори. Но ведь и сам Грегори ставил свои пьесы *после* тех торжественных «декламаций» Полоцкого, которые звучали под сводами Кремля еще в 1660 году. Именно после этой «декламации», как об этом уже говорилось выше, зародилось желание у Алексея Михайловича вызвать из Западной Европы «мастеров комедию делать». Следовательно, и роль, и место Полоцкого в истории русского театра должны быть уточнены.

ГЛАВА 6

Федор, пятнадцатилетний сын Алексея Михайловича, стал русским царем 30 января 1676 года. Когда отец умер, сын болел: он, лежал, опухший, в постели. Его опекун князь Юрий Долгорукий и бояре взяли Федора на руки и отнесли к царскому престолу, а затем поздравили со вступлением на царство. Вдова умершего царя Наталья Кирилловна вместе с малолетним царевичем Петром была удалена в село Преображенское, главенствовать во дворце стали родственники царицы Марии Ильиничны — Милославские. В ссылку в Пустозерск отправили боярина А. С. Матвеева, патриарх Иоаким начал жестоко преследовать всех, кто симпатизировал западноевропейским обычаям, нравам. Но с царским учителем Симеоном Полоцким он ничего сделать не мог: слишком велик был его авторитет для ставшего царем отрока.

С воцарением Федора Алексеевича Симеон получил полную свободу действий. Симеон даже старается отказаться от почетного права присутствовать на дворцовых церемониях, торжественных застольях, он все свое свободное время отдает сочинению новых стихов. Поражает трудолюбие этого ученого-монаха: целыми днями сидит он не разгибаясь в своей просторной теперь келье в Заиконоспасском монастыре, еду и питье ему доставляют с царского стола; быстро бегают по бумажному листу тонко очинённое гусиное перо, заполняется одна страница за другой. Его ученик, С. Медведев, говорил о Полоцком, что тот исписывал каждый день по 8 двусторонних листов бумаги размером в нынешнюю школьную тетрадь.

Он так писал: «На всякий же день име залог писати в полдестъ по полутетради, а писание его бе зело мелко и уписисто...» Симеон не только писал, но и, прекрасно понимая значение печатного слова, принимал самое деятельное участие в опубликовании своих произведений.

Ничто бо так славу разширяет,
Яко же печать... —

утверждал он в стихотворении «Желание творца».

Желая ускорить публикацию своих трудов, Симеон обращается с просьбой лично к царю о создании в Москве еще одной типографии. Количество книг, выпускаемых Печатным двором, заметно сократилось, да

и печаталась там в основном богослужебная литература. Царь хотя и был в это время занят своими личными, делами, да и болезнь все чаще и чаще напоминала о себе, все же нашел возможность удовлетворить просьбу своего бывшего учителя. В 1678 году в помещении царского двора, на втором этаже, была учреждена новая типография, получившая вскоре название «Верхней». Это была необычная для того времени типография — единственная на Руси имевшая право на издание книг без специального на то разрешения патриарха. Иными словами, она была освобождена от духовной цензуры.

Первой печатной книгой, выпущенной этой типографией, был «Букварь языка словенска». Он вышел в 1679 году и предназначался для Петра I, которому к этому времени исполнилось 7 лет, а ведь именно в этом возрасте на Руси XVII века приступали к изучению букваря.

Какими словами передать чувства, обуревавшие Симеона, когда он держал в руках свое печатное детище — книжку маленького формата (в 1/8 долю листа), набранную четким шрифтом, с киноварными буквами и заставками, такую изящную, такую ладную и заманчивую даже по своему внешнему виду!

В начале букваря Полоцкий поместил свои стихи, озаглавив их «К юношам, учиться хотящим». Страстно и убедительно говорит Симеон в своих стихах о пользе учения, о необходимости начинать учиться с детства — чем большими будут усилия, тем явственнее будет и польза от учения. Трудно, «досадно» сидеть за уроками, но сладко зато потом собирать плоды своих занятий. (Подобного рода риторические стихотворные вступления о пользе образования и учения вообще были характерны для учебной литературы XVII века.)

Стихотворное посвящение заканчивается указанием на то, что этот букварь издается типографским способом («типом») по указу царя Федора Алексеевича для того, чтобы молодые лета не проходили для детей напрасно. Они должны учиться чтению, письму, изучать основы христианского вероучения. Усвоив все это в детстве, человек станет верным, благим и мудрым.

После стихотворного предисловия к букварю Полоцкий помещает еще одну вступительную статью — «Благословение отроков, в училище учиться священным писаниям идущим», в ней он излагает особую службу, совершаемую священником в церкви над ребенком, отдаваемым в школу.

Далее Симеон помещает в букваре статьи религиозного характера — символ веры, исповедание и нечто вроде краткого катехизиса (вопросника) — «Беседа о православной вере краткими вопросы и ответы, удобнейшего

ради познания детям христианским». Символ веры — это краткое изложение основных догматов христианской религии, безусловного признания которых церковь требует от всех верующих. Символ веры предписывает каждому христианину верить в Иисуса Христа, в сотворение мира богом, в конец света, в воскресение мертвых, в наличие ада и рая и т. п.

Все эти и подобные им статьи дети должны были заучивать наизусть, зачастую не понимая смысла. Написанные тяжелым церковнославянским языком, далеким от разговорной речи, эти богословские тексты доставляли много слез и огорчений ученикам.

Затем в букваре Полоцкого помещено несколько статей нравоучительного характера и важнейшие повседневные молитвы, вслед за ними — статьи учебно-методического характера об ударении в славянском языке, знаках препинания и 10 образцов различных приветствий родителям и благодетелям; приветствия приурочены к важнейшим христианским праздникам.

Заканчивает Симеон свой букварь стихотворным «увещеванием», в котором, обращаясь к учащимся, еще раз предупреждает их о том, что если они хотят стать разумными, то должны пребывать все время в трудах. Иногда приходится переносить и побои, ибо без них дети бесчинствуют, не хотят учиться. В соответствии с уровнем развития педагогической науки того времени Полоцкий не отказывается от телесных наказаний, подразделяя их, правда, в зависимости от возраста учащихся: для малышей — розга, для подростков — бич, для взрослых учеников — жезл (палка). «Розга, — пишет Симеон, — ум острит, память возбуждает, волю злую к благу прелагает». Розга понуждает молиться богу и ходить в церковь (видимо, не будь розги, ребята с удовольствием бы отказались от этого!). Бич отучает от скверных словес, от лукавых дел; жезл понуждает ленивых учиться и слушать своих родителей. Розга, бич и жезл лишь орудие в руках наставника, который желает своим ученикам не зла, а добра даже тогда, когда их наказывает.

В виде приложения к букварю напечатано еще «Наставление в вере и добрых делах» константинопольского патриарха Геннадия, изложенное в форме 100 правил.

Публикация стихотворения, воспевающего и прославляющего розгу, дала повод некоторым ученым высказать мнение, что Полоцкий был сторонником самых отсталых форм и методов обучения и воспитания.

Надо сказать, что никаких других методов обучения грамоте на Руси просто еще не существовало. Симеон не воспевал и не прославлял розгу.

Просто-напросто он в своих стихах точно и верно отобразил реальную действительность того времени, рассказал о том, что было на самом деле, что было типично, характерно для той эпохи. Нельзя забывать и того, что похвала розге как орудию воспитания была необыкновенно характерна и для всей средневековой учебной литературы, как русской, так и западноевропейской.

Нельзя, конечно, думать, что предназначенный для Петра I букварь был издан только для него, только им одним и использовался. Тираж букваря был большим. До нас дошли экземпляры с пометами и записями на нем, свидетельствующие о том, что букварь был распространен среди самых различных слоев общества. Один экземпляр букваря был куплен на следующий же год после выхода для библиотеки Столбенского монастыря; по другому даже в XVIII веке продолжали обучаться грамоте, третий принадлежал посадским людям. Букварь так ценился, что после смерти владельца его отдавали в монастырь в качестве вклада.

Интересна и еще одна книга, изданная Полоцким в его типографии, — «Тестамент», приписываемый императору Василию Македонянину. В нем собраны нравоучительные наставления, предназначенные для его сына Льва Философа, воспитанника патриарха Фотия. Перевод «Тестамент» на церковнославянский язык давно уже был известен на Руси. Достаточно сказать, что в первой половине XVII века он выходил дважды — в 1638 году и 1646 году в Киеве. Полоцкий стилистически подправил этот перевод, обновил язык и издал эту книгу (она вышла в свет еще при его жизни, 3 января 1680 года), снабдив стихотворным предисловием («увещание к читателю»). В нем он пишет, что нравственность («добронравие») не врожденное качество, ее надо воспитывать и развивать как собственным примером, так и наставлениями.

Опубликованный Полоцким «Тестамент» привлекал внимание читателей и в XVIII веке. Нам известны экземпляры этой книги, принадлежавшие в XVIII веке канцеляристу^[38], подъячему^[39]. В XVIII веке «Тестамент» продавали в книжных лавках — следовательно, он пользовался спросом^[40].

Вторая назидательная книга вышла уже после смерти Симеона — 4 сентября 1681 года, хотя и была подготовлена им самим к печати. Это «Повесть о Варлааме и Иоасафе», духовный роман, сюжет которого широко использовался в средневековой литературе многих стран. Он был известен в переводе с греческого еще в Древней Руси, в XI веке. В романе рассказывается о том, как мудрый пустынный Варлаам обратил в

христианство индийского царевича Иоасафа. Варлаам пришел к нему под видом купца якобы для того, чтобы продать необыкновенный драгоценный камень, обладающий чудесными свойствами (исцелять больных — слепых, глухих, немых, умудрять глупых, изгонять демонов и т. д.). Иоасаф хочет видеть этот камень, но Варлаам говорит, что его узреть может только тот, у кого чистое зрение и целомудренное тело. Чтобы испытать разум Иоасафа, Варлаам рассказывает ему ряд нравоучительных притч, давая им христианское толкование. Одна из этих притч вошла в русскую народную сказку, была использована рядом писателей. в частности Л. Толстым в его «Исповеди». Это рассказ о человеке, преследуемом единорогом. Спасаясь от него, человек оказывается на краю пропасти, но все же успевает ухватиться за ветки дерева, растущего поблизости. Повиснув в воздухе, человек замечает, что корни дерева подтачивают две мыши — черная и белая; на дне пропасти лежит страшный змей с раскрытой пастью, а с четырех сторон высовываются головы еще четырех змей — ядовитых аспидов... С веток дерева капает мед, и человек, забыв о всех опасностях, жадно пьет его. Как же истолковывает Варлаам эту притчу? Единорог — это смерть, ожидающая человека, дерево — его жизненный путь; мед — это утехы и соблазны, которым жадно предается человек, хотя день и ночь (белая и черная мыши) подтачивают корни его жизни, и человек после смерти неминуемо упадет в пасть змеи (то есть попадет в ад).

Из подобных занимательных притч и состоит эта увлекательно написанная нравоучительная повесть. Уже в начале XVII века она была издана в Белоруссии. Полоцкий использовал это издание, снабдил повесть стихотворными предисловиями, а Симон Ушаков нарисовал выходную гравюру к книге: Варлаам под видом купца приносит Иоасафу драгоценный камень. Камень — это символ христианской веры, увидеть и заполучить его может только тот, кто примет христианство. Иоасаф так и поступает. Затем удаляется в пустыню и остаток жизни посвящает молитвам и служению богу. Полоцкий добавляет в своем издании повести также стихотворную похвалу и молитву Иоасафа, входящего в пустыню.

Книга пользовалась большой популярностью у читателей XVII–XVIII веков. Как нравоучительный сборник она хранилась в библиотеках духовных академий и монастырей, ее читали купцы и князья, дьяки и монахи. В начале XVIII века она продавалась еще в Москве. В 1681 году один экземпляр этой книги был передан в Кожеозерский монастырь, с вкладной записью, которая свидетельствует о высокой оценке этой нравоучительной повести.

Деятельность «Верхней» типографии, не подчинявшейся патриарху, —

яркий эпизод в истории русской культуры того времени. Симеон сумел привлечь для работы в типографии лучших специалистов того времени. Книги печатались новым красивым шрифтом.

Но не одним только изданием книг был занят в это время Полоцкий. Он все больше и больше внимания начинает уделять вопросам внешней политики. Интерес к этому возник у него еще в последние годы царствования Алексея Михайловича, когда во главе Посольского приказа стоял боярин А. С. Матвеев. Сближение Симеона с боярином, возникшее из-за любви обоих к книге, привело поэта к более детальному знакомству с внешнеполитической обстановкой начала 70-х годов, заставило его заинтересоваться готовившимися в то время военными операциями против турок и татар.

Показательно в этом плане письмо С. Медведева к своему учителю. Оно дошло до нас в подлинном виде. Сверху письма, сложенного секреткой и запечатанного красным сургучом, выведен адрес: «В бозе пречестному господину отцу Симеону Петровскому Ситняновичю, а мне милостивому отцу и благодетелю, сие писание в царствующем граде ко отданию надлежит». Письмо было написано 26 августа 1672 года в путивльском «пустынном пречистые богородицы Молчинском монастыре» и отослано с братом Медведева — Борисом.

О чем же сообщает Полоцкому его ученик? После краткого вступления — обычного для переписки XVII века пожелания божеской милости и просьбы оказать «отеческую любовь» писавшему и милость его брату — Медведев сообщает, что в Киев он не ездил, так как не было попутчиков, и надеется попасть туда 8 сентября, «если татарские загоны препятія какова не сотворят, зане в нынешних числах, поведают, около Харькова татаровя немалые люди, повоевав, пошли в степь».

Вслед за этим Медведев подробно информирует Полоцкого о внешнеполитической обстановке на юге России. Он рассказывает о положении в Молдавии, о крымских и турецких новостях, о турецких войсках на Украине и о действиях Войска Запорожского. Медведев говорит о новых турецких воинских частях, подошедших взамен утонувших при переправе турецких солдат, характеризует ту дорогу, по которой крымский хан пошел на соединение с турецким визирем — «а шлях де его на поли поперег миль на 8 трава вся збита».

В конце письма Медведев подробно говорит об урожае на Украине в этот год, благодарит бога «за дарование богатого озимого и ярового хлеба и меда, за много лет такого изобильного года не помнят», сообщает цену на хлеб в Путивле и в других городах. Это письмо напоминает донесение

опытного дипломата в Посольский приказ.

Почему же Полоцкий так живо интересовался вопросами внешней и внутренней политики России в это время? По-видимому, он принимал активное участие в дипломатической подготовке русско-турецкой войны 1676–1681 годов. Ведь именно борьба с усилившейся агрессией Турции стала узловым вопросом внешней политики России после заключения Андрусовского перемирия. Захватив в 1672 году важную в военном отношении крепость Каменец, Турция стала угрожать России: турецкий султан претендовал на всю Правобережную Украину. Предательство гетмана Правобережной Украины П. Дорошенко помогло туркам и крымским татарам. Украина вновь — и в который уже раз! — была захвачена турками и татарами. С горечью писал об этом Полоцкий:

Турчин всегордый со вселютым ханом
На мучительство бедным Христианом
Многие грады уже разорил есть,
Бояше дома в пепел обратил есть,
Без числа люди во плен похищени,
Тако ж де мечем мнози убиени.

После воцарения Федора Алексеевича Симеон еще серьезнее задумывается над вопросом защиты отечества, над проблемой войны и мира. Он не мог влиять на ход внешней политики страны, да и не стремился к этому. Его задача была иной — как проповедник он мог возбудить у слушателей любовь к отечеству. Во всех своих стихотворных приветствиях, обращенных к новому царю, Полоцкий говорит о необходимости защитить Малороссию от «томительства под супостатами». Он подчеркивает, что и турки, и татары на протяжении многих лет разоряли южные окраины Русского государства, угоняли людей в рабство, лили христианскую кровь, словно воду, и то же самое ожидает Россию и сейчас, если русские и украинцы не встанут на защиту своей родной земли. В «Слове к православному воинству» Полоцкий обращается к русским воинам, посылаемым на «супостаты, разорители и мучители», напоминая о том, что их задача — освободить своих братьев, находящихся в плену и терзаемых тяжелой работой. В другом своем «Слове к православному и христоименитому запорожскому воинству, собранному противу нечестивым туркам и татаром» Симеон прославляет запорожских казаков, которые грудью своей «аки неодолимою стеною Российскую землю

ограждают и от наветов нечестивых бусурман защищают». Он именует их «неусыпными стражами», а «нечестивых татар» — лютыми львами и жестокими медведями, нападающими на стадо и похищающими из него «агнцы и овцы — мужской, глаголю, пол и женский». Полоцкий особо подчеркивает благородный подвиг русских и украинских воинов, спасающих братьев и родственников, друзей и соседей своих от плена, возвращающих им свободу и дарующих своим оружием русскому народу мир и желанную тишину. Именно поэтому, говорит Симеон, царь крепкой десницей берется за меч, данный на отмищение злочестивым, и повелевает то же самое сделать и своим воинам — мужественно идти против супостатов, смирить их гордую силу и попать победными ногами их непокорные шеи. Полоцкий призывает воинов без страха идти защищать свою родину от злоковарных врагов, подобно тому как Давид шел на сильного Голиафа и победил его. Страстно и убежденно восклицает проповедник: «Да не ослабеет сердце ваше, да не убоитесь и не устраситесь и не уклонитесь от боя... Будьте мужественны и укрепитесь, не устрасайтесь, не ужасайтесь от вида салтана турецкого и хана перекопского и от всего множества воинов, которые с ними!»

Полоцкий призывает русских и украинских воинов к единению при защите родной земли: «Единым сердцем, единой душой идите на супостатов ваших, ибо воедино совоккупленных вражья сила одолеть не возможен». Он вспоминает при этом давнюю притчу: стрелы, связанные в один сноп, никто не сможет переломить, а в отдельности каждую легко переломит и слабосильный.

Но своеобразие общественно-политического мышления Симеона заключается в том, что он не ограничился откликом на конкретно-историческое событие (в данном случае — нашествие татар и турок на южные окраины Руси), а использовал его для развития своих более общих взглядов и суждений на войну и мир, на причину возникновения войн, дал характеристику войны «праведной» и захватнической, «неправедной». Свои взгляды по этому вопросу он изложил не только в специальной работе «Беседа о брани», но и в своих стихотворных сборниках, и в ряде проповедей и поучений.

Причину войн Полоцкий видел в жадности и стяжательстве, в стремлении присвоить себе чужое. «Желание богатств брани возбуждает», — писал он. В предисловии к «Вертограду многоцветному» Симеон говорит, что «различныя земли плоды, роды их, виды и силы, художества же, обилия, богатства, искусства» дарованы «не единому человеку, не единому селу, граду или царству», а различным странам. Однако люди,

объятые жадностью, стремятся присвоить себе чужое.

Брани в мире откуда начало имеют:
Яко чуждое люди своити умеют.
Два местоимения: «Мое се, не твое»
Кровопролитие деют в мире, многое...

Стоит заменить эти два местоимения на одно — «наше», и войны прекратятся.

«Мое» и «твое» речь да упразднится.
Вместо же тое «наше» да слышится,
Тогда желанный мир во мире будет^[41].

Нельзя, конечно, думать, что, стремясь заменить «мое» и «твое» на «наше», Полоцкий проповедовал ликвидацию государственной и частной собственности. Отнюдь нет. В стихотворении «Гражданство» он выступает за такой имущественный ценз, при котором граждане были бы и не очень богаты, и не слишком бедны. Как пастухи стригут со своих овец лишь шерсть, а кожу не трогают, так и начальники должны «праведно» собирать дань со своих подчиненных. Достаточно лишь убедить людей не брать чужого, лишнего. В стихотворении «Труд» Симеон говорит о пчелах, которые все трудятся, а ленивым они обгрызают крылья и извергают их вон из роя. Так и человек должен работать:

Да своим трудом питаем бывает,
А не чуждая труды поглощает.

Несмотря на всю классовую и историческую ограниченность этой теории происхождения войны, нельзя не отметить и того, что мыслитель сделал шаг вперед по сравнению с официальной церковной точкой зрения, согласно которой война — это «божье попущение», наказание за грехи, содеянные человечеством. Симеон не отвергал, да и не мог отвергать идею «божественного промысла». В некоторых своих стихотворениях он даже склоняется к мысли, что это дьявол («враг мира») разоряет мир ради грехов людских и досаждаёт людям бранью. Но, не удовлетворенный, видимо,

таким толкованием, он склоняется к более реальному и жизненному объяснению причин войны.

Полоцкий не принадлежит к числу тех, кто осуждал любую войну. Нет, говорил он, еретически мыслят те, кто все войны объявляет нечестивым злом.

Еще в период работы над своими пьесами, когда он тесно общался с боярином А. С. Матвеевым, Симеон познакомился в его богатейшей по тем временам библиотеке с книгой Эразма Роттердамского «Разговоры». В 1678 году было отдано распоряжение о передаче книг опального боярина в Посольский приказ. Составили опись его библиотеки — в ней были книги на латинском, немецком, польском, французском, итальянском, голландском и других языках.

Симеон с большим интересом прочитал книгу великого просветителя, постарался достать те его работы, которые случайно оказались в Москве. Они не пользовались большим спросом, так как были написаны по-латыни. Какие-то (мы не знаем их названий) книги Эразма Роттердамского были в библиотеке Полоцкого. От него они перешли к его ученику Медведеву. Крайне интересен тот факт, что некоторые работы Полоцкого как бы перекликаются с произведениями голландца. Заманчиво в этом плане сопоставить взгляды Симеона с учением о войне Эразма Роттердамского, который считал, что Христос запрещал христианам вести какие бы то ни было войны. В ряде своих трактатов — «Памятник воина христианина» (1509), «Война приятна тем, кто ее не испытал» (1515), «Жалоба мира» (1517) — Эразм самым категорическим образом выступал против войн вообще. Он был свидетелем войн в Италии, Англии и Германии. Поэтому не случайно тема мира стала одной из ведущих в его творчестве. Ученый порицает и обличает любую войну как таковую и противопоставляет ее миру, покою, стремясь обратить внимание на огромный материальный и моральный ущерб, причиняемый войной. Мы не знаем, читал ли Полоцкий именно эти работы Эразма Роттердамского. Зная прекрасно латынь, Симеон, конечно, мог прочитать какой-либо из трактатов Эразма, тем более что они были широко распространены в Западной Европе в XVI–XVII веках. Но хотя у нас и нет фактических доказательств знакомства Полоцкого с этими трактатами выдающегося гуманиста, сама полемическая направленность высказываний нашего русского просветителя крайне интересна.

Полоцкий категорически отрицает мнение Эразма Роттердамского о том, что Христос превозносил мир и порицал войну. Умело используя Ветхий и Новый заветы, Симеон доказывает, что нет никаких данных

говорить, будто бог запрещает всякие войны. В ответ на утверждение, что все войны без исключения противны христианской вере и самому естеству человеческому, Полоцкий выдвигает свой тезис: «Свободно есть царству граждане своя защищать». Защита от нападения есть закон природы, «а занеже то закон есть естества, никакo верить мощно есть, еже ему евангелием упразднену быти!».

Симеон весьма подробно разбирает соотношение войны и мира. Война, с одной стороны, противоположна миру, а с другой — есть средство, путь к миру. Война, как и мир, бывает и доброй, и злой. Неправедная война противоположна доброму миру и ведет к миру злomu; праведная, наоборот, ведет к миру доброму.

Какими же условиями определяется праведная война? Их четыре. Первое — это законность власти. Только законная высшая власть государства вправе объявить войну, с тем чтобы «обида явные отразити... Объявить брань... — дело главы высочайшая». Второе условие: начинать войну следует лишь для наказания тех обид, которые приносят ущерб всему государству в целом, всем его подданным. Третье условие — это доброе намерение, добрая цель войны. Война праведная та, которая ведется только с целью установления «мира доброго», а не ради причинения вреда — например, для завоевания новых земель. Да, праведная война есть путь к доброму миру, но путь этот тяжкий, и идти им можно лишь тогда, когда уже использованы все остальные мирные средства.

И, наконец, четвертое условие — это «приличный способ» ведения войны: воины не должны обижать мирных жителей, притеснять их; они могут воевать лишь с теми, кто носит оружие, а детей, жен, стариков, монахов, купцов, крестьян убивать и грабить нельзя.

Только сочетание всех четырех условий делает войну праведной: отсутствие хотя бы одного из них приводит к тому, что война становится неправедной.

Как же мы должны расценить эту своеобразную теорию войны и мира? Несомненна прежде всего ее гуманистическая направленность.

Но не менее отчетливо выступают и черты определенной классовой и социальной ограниченности автора. Не случайно на первое место Симеон ставит «власть законную»: дело «главы высочайшей» определять, какая обида бывает явной и на какую следует отвечать войной. Все, кто воюет с законной властью, как вне страны, так и внутри ее, есть враги государства. Он не допускает даже и намека на то, что возможна «праведная» война внутри государства против законной власти. Все те, кто обижен, должны просить у царя милости, а он, в свою очередь, должен стремиться

установить «мир и тишину народную».

Итак, учение Полоцкого о праведных и неправедных войнах было, с одной стороны, направлено на укрепление централизованного государства и на упрочение власти «главы высочайшей» — законного монарха, а с другой — на оправдание боевых действий против тех, кто посягал на свободу и независимость России. Необходимо дать решительный отпор туркам и татарам, опустошающим южные окраины Русского государства, несущим русскому народу плен, рабство, разорение, беду, — вот к чему призывает Полоцкий. Его учение о праведных войнах вселяло в души современников мысль, что им «должно... (разрядка моя. — Л. П.) против врагом нечестивым стояти со оружием защищения ради жен и чад и всех христиан православных».

Полоцкий ставил перед собой совершенно конкретную задачу: дать теоретическое и теологическое доказательство, оправдание справедливости тех войн, которые вело и готовилось вести Русское государство. Выступление Полоцкого с обоснованием войны против турок и татар в 70-х годах XVII века имело, несомненно, прогрессивный характер.

ГЛАВА 7

Хотя Федор Алексеевич и был объявлен царем еще в январе 1676 года, его торжественное венчание было отложено до июня месяца. 18 июня в Успенском соборе Кремля было совершено торжественное венчание Федора Алексеевича на царство, совершенное патриархом Иоакимом. В тот же день в Грановитой палате Кремля был накрыт необыкновенной пышности стол для именитых бояр и виднейших придворных. Патриарх Иоаким с высшими церковными деятелями, боярами, окольными, думными и ближними людьми заполнили палату. У стен на лавках разместились наиболее видные дьяки, именитые гости; были приглашены и «иноземные дохтуры»: слабый здоровьем юноша-царь хотел тем самым оказать им почет и уважение.

Как же были удивлены спесивые бояре, когда увидели чуть ли не во главе стола скромно одетого монаха! Его черное платье резко выделялось среди расшитых золотом и жемчугом риз священников, разноцветных бархатных кафтанов придворных и блестящих воинских костюмов придворной охраны.

Симеон пришел на торжественное венчание царя, где он принимал подарки от придворной знати, тоже не с пустыми руками. Он держал книжку «Гусли доброголасная». «Трудолюбием многогрешнаго иеромонаха Симеона Полотскаго мысленно сооруженная, усердием устроненная, бряцалом пера биенная, рачительства десницею и смирения шуйцею ему же великому государю врученная». Эта книга представляла собою оправдание внешнеполитической программы русского правительства, доказывала ее неизбежность, неотвратимость.

Полоцкого мало смущало то, что он в течение многих лет сравнивал с солнцем царя Алексея Михайловича; когда тот скончался, он с тем же, если не большим, рвением начал уподоблять солнцу Федора Алексеевича:

Солнце ты убо, царю богом данный,
Будеши вправду от раб верных званный,
Ибо свет веры от тебе сияет
И делес благих надежда блистает.

Но как солнце должно пройти через пояс зодиака (то есть через ряд

созвездий, расположенных вдоль большого круга небесной сферы, по которому совершается видимое годовое движение солнца), так и царь в своей жизни неизбежно должен пройти тем же путем:

А яко солнце зодий претекает,
Тако и тебе тещи подобает.

Как и солнце, царь вначале проходит созвездие Агнца (его детство), Тельца (когда стал царем), Близнецов, Рака. В созвездие Льва царь войдет тогда, когда он пойдет войною на «Льва желтопольского», созвездие Скорпиона символизирует «общего врага христианска, змия, глаголю, люта агарянска» — Турцию; в созвездии Стрельца царь вступит,

Егда скифския страны попрещи,
Лук и стрелы онех сокрушиши,
Гордые главы до стоп понудиши.

В созвездии Водолея царь будет находиться, когда русские ратники поплывут через Черное море к Константинополю, чтобы освободить его от турок и передать христианскому царю, ибо Федор Алексеевич — наследник христианской веры, пришедшей из Византии, и потому «купно с верою» является и «стяжателем державы». Поэтому Полоцкий и сопоставляет Федора Алексеевича с Владимиром Киевским и выражает надежду, что бог передаст в руки Федора царство Константина.

На примере «Гусли доброгласной» можно наблюдать, как меняются и тон, и содержание общественно-политических высказываний Полоцкого. В первых своих стихах, обращенных к Алексею Михайловичу, Симеон лишь облакает в поэтическую форму факты уже совершавшиеся: он прославляет воссоединение Украины и Белоруссии с Россией, выполняет поручения Алексея Михайловича внутреннего порядка (борьба с расколом, организация школы) и восхваляет его деятельность. Но когда на престол взошел ученик и воспитанник Полоцкого, то он переходит к поучению.

Стремление поучать, вообще очень характерное для Симеона, обнаруживается не только в сборниках его проповедей, программных книжицах, таких, как «Орел российский» и «Гусли доброгласная», но и в большинстве его стихотворений, которые создавались им с явным желанием воспитать читателя, поучить его, исправить и наставить на путь

истинный. А так как первыми (а при жизни иногда и единственными) читателями его «книжиц» были члены царской семьи, то, естественно, в его произведениях мы находим довольно широкую программу не только внешнеполитической деятельности царя, но и его внутренней государственной деятельности, равно как и личного совершенствования. Стихотворные сборники Полоцкого должны были научить его царственных учеников и учениц трудному искусству царствовать. На примере идеальных (с точки зрения главным образом церкви!) правителей древности (Филипп Македонский, Юлий Цезарь, Октавиан Август, Тит, Траян) или нового времени (Константин, Франциск I, Альфонс Арагонский) Симеон стремился раскрыть образ идеального царя — просвещенного правителя государства.

Полоцкий был слишком опытным царедворцем, чтобы прямолинейно, «в лоб», поучать своих скипетроносных учеников. Умный придворный стихотворец выбрал иной путь: в стихотворениях, вошедших в «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион», разбросаны отдельные черты, из совокупности которых и складывается образ «просвещенного» правителя государства. Если мы к этому добавим, что Симеон неизменно прикрывается авторитетом христианской морали, действует и в интересах православной церкви, и учения Христа, что он нигде прямо не указывает на реальные недостатки существующих правителей, а лишь говорит об отрицательных чертах царя-«тирана», дурного, жестокого царя-мучителя, жившего задолго до его времени, — то станет понятным, почему поучения Полоцкого не вызывали никаких репрессий и не казались назойливыми, неприятными. Каков же идеальный просвещенный монарх в понимании Симеона Полоцкого?

Ну естественно, иеромонах-поэт на первое место ставит основную христианскую добродетель — смирение. Смирением был (по Полоцкому, конечно, а не на самом деле!) римский император Октавиан Август, который будто бы очень любил беседовать с простым народом и стремился стать таким царем, какого желал бы для себя, если бы сам был простого рода. Когда народ захотел его причислить к лику богов, он отказался, ибо уже в это время родился «первородный бог» — Христос. Царь Агатокл Сицилийский, сын скудельника (то есть гончара), начиная трапезу, всегда ставил перед собой на стол простые глиняные сосуды, дабы смиренно помнить о своем низком происхождении, о своем «худородии». Идеальный царь всегда помнит о непрочности человеческого счастья, о бренности земного существования, о суете вообще всего мирского. Где они, спрашивает Симеон, славные цари, покоровшие едва ли не всю вселенную?

Где Александр Македонский? Мы даже не знаем, где похоронен он, где зарыты его кости. Всех съели черви, все истлели в земле. А Ассирийское славное царство, и Греческое славное государство — все пропали... Слава пролетает как ветер, исчезает как дым. И кто ради славы жертвует своими деньгами, тот подобен человеку, покупающему ветер и дым!

Идеальный царь должен быть милосердным, он должен любить своих подданных, как отец своих детей. Когда за грехи царя Давида бог захотел погубить его подданных, то царь «вопиял» к богу, моля казнить его самого, а не его народ. Вот царская любовь! Он сам хочет умереть, как отец или мать за свое любимое дитя! — восклицает в заключение Полоцкий. Александр Македонский спасает замерзающего воина, Траян отдает свои драгоценные одежды для перевязки раненых воинов — ими двигала искренняя любовь к своим ратникам. Император Тит, утверждает Симеон, считал погубленным тот день, когда он не сотворил какого-либо доброго дела. Полоцкий приводит распространенную легенду о персидском царе Артаксерксе, у которого будто бы правая рука (десница) была длиннее левой (шуйцы). Царская десница, считал Артаксеркс, потому долга, что он должен давать, а шуйца потому коротка, что не хочет брать.

В стихотворении «Делати», в котором проявляется еще одна черта, приписываемая Полоцким идеальному царю, речь идет о некоем человеке, обличившем арагонского короля Альфонса в том, что тот все делает своими руками. И мудрый король отвечает: короли получили руки от бога для дела. Нет стыда в том, что король честно делает все своими руками.

Но особое внимание Симеон уделил характеристике такой отличительной черты идеального правителя, как любовь к просвещению. Причина этого, по словам Полоцкого, заключена в том, что обычно все люди подражают царю: что любезно царю, то и все начинают любить. И благо тому царству, в котором царь подает пример благих нравов — для исправления всех своих подчиненных.

«Благой» царь в понимании Полоцкого — это убежденный христианин, благочестивый просветитель, защитник образования и наук, почитатель книг и мудрецов. Таким царем был Франциск I, любивший писание и мудрость, в то время как его родители, жившие подобно варварам, не заботились о просвещении. Франциск I отыскал умных, грамотных, просвещенных людей — и в скором времени мудрость была умножена по всей земле в подражание царю. Если мы сравним эти стихи с проповедями Симеона, особенно с тем словом на рождество, которое он написал для вселенских патриархов и которое содержало призывы к расширению просвещения и школьного образования на Руси, мы ясно

почувствуем, для кого и с какой целью сочинял Полоцкий подобные стихотворные «приклады».

Конечно, Симеон создавал свои нравоучительные повести в стихах, надеясь, что царь прочитает их и поймет, как надо управлять государством. Показательно, что многие стихотворения «Вертограда многоцветного» лишены каких-либо гиперболических восхвалений, пышных сравнений, столь характерных для творчества придворного поэта. Ведь к числу добродетелей идеального царя Полоцкий присовокуплял и умение царя прислушиваться не к гласу льстивой толпы, а к гласу мудреца: не веруй гласу народа, говорит царю поэт, а ищи в деле правды человеческой. Недопустимо прислушиваться к окружающим царя льстецам, которые, например, угодливо говорили британскому королю Кануту, что все покорно царскому слову. Тогда король пришел на берег моря, положил у берега свою одежду и приказал морским волнам не касаться ее. И что же? Царское одеяние намокло. Так изобличил Канут своих «ласкателей». Еще решительнее поступил мифический африканский король Феодорих, который приказал казнить раба, изменившего своему богу из угодливости перед королем: кто изменил вере, тот изменит и королю.

По-видимому, и личный опыт придворной жизни повлиял на Симеона, когда он в стихотворении «Нищета царей» написал о том, что цари и князи хоть и всем богаты, но в одном терпят скудость: и рабов у них много, и сокровищ, и золота, но нищи они в друзьях, которые говорили бы им правду.

Полоцкий перелагает в стихи и известное сказание о дамокловом мече: прельщал Дамокл тирана Дионисия Сиракузского «блажением щастия, богатства и славы», царь не вытерпел, приказал одеть Дамокла в царскую багряницу, возложить ему на голову царский венец, вручить «неоцененный скипетр», усадить на царский престол и повелел всем исполнять желания Дамокла. Перед ним поставили стол, богато украшенный золотом, с яствами и питьем, сладкая музыка услаждала его слух... Но над головой Дамокла царь приказал подвесить на волоске острый меч, и, увидев его, Дамокл вострепетал всем телом, изменился в лице, перестал есть и пить, не захотел слушать больше песен и зреть прекрасных юношей, а начал слезно молить Дионисия отпустить его со золотого престола домой... Такова жизнь каждого человека: он и ест, и пьет, пребывает в чести и в богатстве, но над ним на тонком волоске висит «меч истинны божия» и угрожает смертью... И царь, поучает Симеон, не исключение, он такой же человек, и, чтобы управлять другими, ему самому необходимо в первую очередь научиться управлять самим собою, своими собственными страстями. Поэтому так

важно царю, говорит Полоцкий, быть сдержанным, терпеливым, не унижаться до мести своим врагам и не только прощать их, следуя христианской морали, но и дарами и милостями превращать их из хулителей и врагов в друзей.

Хороший урок царю Александру дал морской пират Дионид. Когда его поймали, то царь спросил его, зачем он грабит суда. Разбойник ответил так: «Я один корабль разобью, и то меня люди зовут разбойником. Как же тогда нужно именовать царя, который творит брань многими полками на земле и на море и берет в плен многих людей? И если это правда, то суди и казни меня по делам моим». Царь удивился дерзости пирата, но не рассердился на него, простил его обличения — ибо слова его во многом были правдивы — и отпустил, уговорив прекратить разбой.

Случай этот, конечно, исключительный, и нельзя думать, что идеальный царь у Полоцкого — это бесплотный образ всепрощения. В стихотворении «Везказние» (то есть безнаказанность) поэт говорит, что тот, кто прощает злобу злобствующему, тот сам вор и разбойник, потому что попустительствует злу.

И тот будет строго осужден богом, кто мог, но не захотел истребить зло.

Правый суд, который восхваляет Симеон, должен вершиться по закону, по правилам, судья должен забыть при этом вражду и дружбу, он обязан судить бесстрастно и беспристрастно, невзирая ни на слезы, ни на подкупы, ни на угрозы, ему, может быть, жалко преступника, но правый судья не простит виновного. Что же касается неправых судей, то их ждет страшная казнь: Камбиз, персидский царь, приказал содрать кожу с несправедного судьи Сисамна и обить этой кожей судебное седалище, чтобы преемник Сисамна (а это был его сын Отан) помнил бы о его судьбе и приучался бы судить по правде.

Образцом беспристрастного судьи для Полоцкого (в стихотворении «Истинна») был локренский царь Салевкий. Он издал закон, по которому за нарушение супружеской верности полагалось ослепление. И надо же было так случиться, что первым совершил это преступление его единственный сын! Узнав об этом, отец собирает совет и осуждает сына на «обезочение». Все граждане умоляют царя помиловать наследника, но «хранитель истины» царь не может поступиться своей совестью и лишь соглашается на такой компромисс: одно око должно быть вынуто у сына, другое — у отца. И совершился ужасный суд во имя закона и истины: царь пожертвовал оком своего сына и своим собственным «в образ правды».

Рисуя образ идеального царя, Симеон не мог не коснуться вопроса о

соотношении светской и духовной власти — вопроса крайне острого для второй половины XVII века в России. Во всевозможных своих стихотворных «прикладах» он нередко говорит не только о глубокой религиозности идеальных монархов, но и о их подчеркнуто уважительном отношении к служителям церкви. Так, Константин Великий считал, что, даже если бы епископ и совершил дурной поступок, он покрыл бы его ризою от чужих взоров, а когда Константину подавали жалобы на епископов, то он бросал эти хартии в огонь, так как не хотел быть судьей тех, кто благословлял его. Однажды царь Валентиниан не захотел встать с трона при виде вошедшего епископа Мартина, и под престолом по воле бога запылал огонь. Это должно быть примером для всех и научить почтению к слугам бога. По воле бога духовник царя может море переплыть на своем плаще, пользуясь наплечным платком как парусом, а жезлом — как кормилом.

Полоцкий был монахом, искренне верующим христианином. Он стоял за союз церкви и государства. В своей конкретной практической деятельности Симеон не встал на сторону патриарха Никона в его конфликте с царской властью. С самого начала общественно-политической карьеры, с момента встречи в Полоцке с царем Алексеем Михайловичем и до последних дней своей жизни Полоцкий оставался верным слугой монарха, сторонником полной и сильной светской власти.

Активная позиция Симеона в борьбе против необоснованных притязаний церкви на первенствующую роль в государственной жизни подкреплялась и его собственной линией поведения — созданием независимой от патриарха «Верхней» типографии.

Итак, идеальный царь должен быть искренне верующим христианином, уважать и почитать служителей церкви, но в государственных делах он должен быть единоличным правителем, самостоятельно решающим сложные проблемы управления государством, а в случае нужды царь обязан позаботиться и о единстве церкви — искоренить раскол, укротить «мятежников», дать церкви нового патриарха, послушного царской власти. В то же время, когда шел церковный собор по делу Никона, Полоцкий в «Орле российском» особо подчеркивает, что бог вручил царю власть править страной, и он должен ею повелевать «самодержавно» — «внешний враги побеждати и внутрения укрощати».

Для того чтобы нарисовать образ идеального царя, Полоцкий привлекает не только нравоучительные легенды и предания, но и изречения прославившихся своей ученостью деятелей Древней Греции VII и VI веков до нашей эры — так называемых «семи мудрецов» (Фалеса из Милета,

Биаса из Приены, Питтака из Лесбоса, Солона из Афин, Клеопула из Родоса, Периандра из Коринфа и Хилона).

Все его стихотворение «Гражданство» состоит из афоризмов, характеризующих страну, которой управляет идеальный монарх. Там закона боятся, как царя, а царя страшатся, как закона, там слушают только законы, а не «велесловных риторов», и все страшатся бесчестия, почитают добродетели, осуждают злобу. Глава государства не поддается злу, граждане и не слишком богаты, и не слишком бедны, против обид выступают праведные борцы, благих — ублажают, а злых — казнят, граждане там слушают начальных людей, а те, в свою очередь, почитают закон — именно это укрепляет государство и делает царство чинным и славным!

Образ идеального монарха, нарисованный Полоцким, как бы продолжает давнюю традицию древнерусской публицистики, в частности И. С. Пересветова. Не просто сильный, властный правитель государства, а мудрый царь, подчиняющийся закону и заставляющий своих подданных уважать закон, — вот идеал Полоцкого.

В стихотворении «Начальник» Полоцкий также рисует образ идеального правителя. Он сравнивает начальника с пастырем (пастухом), а его подчиненных — со стадом овец. Когда приходит пастух в стадо, то лежащие овцы поднимаются, так же должны поступать и подчиненные в отношении своего начальника, а тот, в свою очередь, должен о них заботиться, как пастух о своих овцах. Как овцы боятся палки пастуха, так и начальник должен управлять своим жезлом: виновного — наказать, невежду — наставить. Овцы хорошо знают голос пастуха и повинуются ему, так и подданные должны слушаться речей начальника. Как пастух ведет стадо на хорошее пастбище, так и начальник должен быть образцом для подчиненных и вести их в соответствии с законом вперед. Как овцы питают пастуха молоком, мясом, дают шерсть, так и подданные должны исполнять свой долг — питать начальников и не роптать при этом. Пастух охраняет стадо от волков, не спит и день и ночь, а когда стрижет овец, то шкуру не режет. Так и начальники должны охранять подчиненных от врагов.

Другое свое стихотворение Симеон начинает такими словами: блаженна страна и тот град, где благой начальник, горе той стране и граду, где начальник злой. Каковы же добродетели благого начальника? Это благочестие, смирение, отсутствие самомнения (надо спрашивать совета умных, очи видят лучше, чем один глаз, спасение — в совете многих!), правдолюбие, защита подчиненных, правосудие, невнимание к льстецам и подкупам, кротость, доступность.

Итак, перед нами образ смиренного, благочестивого правдолюбца, соединяющего в себе кротость и незлобность со строгостью к преступникам, защищающего подчиненных, любящего истину.

Но Полоцкий нарисовал и не менее впечатляющий образ тирана. В стихотворении «Разнствие» он отсылает того, кто хочет узнать разницу между царем и тираном, к книгам Аристотеля, который так говорит: царь ищет и желает подданным прибытков, а тиран, не заботясь о «гражданской потребности», думает только о личном благополучии. Тиран тщеславен и славолюбив. Ганнон, князь карфагенский, до того был поражен этим пороком, что купил говорящих по-человечьи птиц, «научил их произносить: «Князь Ганнон бог есть» — и выпустил на волю, чтобы они славили его по всему свету. Но, выпущенные на волю, птицы забыли имя Ганнона и запели «гласом естественным», князь же Ганнон обратился в посмешище людям. Так и многие в наши дни славолюбцы собирают вокруг себя льстецов, поят и кормят их, чтобы они их славили, но вот оскудевают подаяния — и льстецы разлетаются, как птицы, и вместо славы поют хулу.

Большой цикл своих стихотворений Симеон назвал «Казнь», он рассказал в нем о том, что казнь божья рано или поздно настигает всякого гордеца и мучителя. Так, в скота был превращен гордый Навходоносор, в веоря — армянский царь-мучитель Тиридат, польского короля Попела вместе с женой и двумя сыновьями съели в башне мыши, а гонитель христианской веры Валериан попал в плен к персидскому царю Сапору и служил ему подножием, когда тот садился на коня. Тяжкая смерть настигла наваррского короля Каруля, жившего все время в блуде: его охватил страшный озноб. Врачи велели обернуть его сукном, смоченном в крепкой водке. Раб начал зашивать это сукно, ему понадобилось обрезать нитку, ножа поблизости не нашлось, и раб взял свечу и хотел пережечь нить. Вслед за ней вспыхнуло и все сукно, закричали дико врачи и все окружающие, но ничто уже не могло помочь королю: он умер в огне, как и жил все время в огне своей похоти. Цари-тираны, цари-мучители в конце своей жизни обречены на безумие и посмешество: Елиогавал для того, чтобы узнать число жителей Рима, приказывает собирать паутину, а по ее весу определяет количество сборщиков. Домициан развлекается тем, что протыкает иглой пойманных мух...

Благости и смиренности идеального царя Полоцкий противопоставляет жестокость и мстительность царя-тирана. Интересна история о Юстиниане II, которому отрезали в наказание за тиранство нос и отправили в изгнание; но вот ему удастся возвратить себе царство, и на

корабле он едет на родину. Началась буря, волны захлестывают корабль, советник умоляет царя дать обет не мстить за обиды. Но разве может тиран забыть это! «Пусть я потону, если забуду о мести!» — отвечает Юстиниан. И царь жестоко отомстил своим врагам, но вскоре поплатился за это и был убит вместе со своим сыном.

Царь-тиран обременяет население такими поборами и налогами, которые попросту противоестественны. В подтверждение этой мысли Симеон в стихотворении «Соль» говорит, что в некой земле по имени «Троада» бог дал всем людям великое множество соли, и все брали ее свободно, кому сколько угодно. Но некто Лизимах, объятый «лакомством» (то есть жадностью, стяжательством), велел обложить добычу соли большим налогом (мытом), и по воле бога соль внезапно исчезла и появилась вновь лишь тогда, когда мыто было отменено.

Один из исследователей видит в этом стихотворении намек на соляной бунт 1648 года. Скорее всего это простое совпадение. Показательно, что историю о Лизимахе и о соли Полоцкий дополняет сходным рассказом о целебной воде: в Эпире был лечебный источник, которым пользовались все жители. Князь эпирский, томимый жадностью, решил брать поборы с тех, кто пил из источника воду. Как только это случилось, источник (волею бога, естественно!) иссяк и забил вновь лишь тогда, когда поборы были сняты. Видимо, Симеон выбрал воду и соль как два наиболее необходимых для жизни человека продукта, а вовсе не из-за желания намекнуть правительству на несправедливость большого соляного налога, установленного указом от 7 февраля 1646 года.

Сребролюбие, скупость, корыстолюбие сурово осуждаются Полоцким. Калигула до того любил золото, что валялся на нем и в конце концов погиб. Вавилонский царь Калифа построил великую башню и всю ее наполнил золотом, серебром, драгоценными камнями. Пришли враги под Вавилон, но Калифа, жалея свои сокровища, не нанял ратников для защиты города. Враги захватили город и взяли Калифу в плен, и победители удивились скупости этого златолюбца. Они заключили его в башню, в которой было золото, не кормили и не поили его. И он умер среди своих сокровищ от голода.

Если идеальный царь почитает мудрых людей, то тиран их унижает. Так, Дионисий-мучитель забыл о том, что гордость и смирение зависят не от занимаемого поста: бывает, что высший смиряется, а низший становится гордым. Однажды Дионисий посадил философа Аристиппа на низкое место, тот улыбнулся и сказал: «Царь, отныне это место мною почтено и возвышено!» Показательно также стихотворение «Риза»: некий философ

пришел однажды в царский дворец в худой одежде. Его не пропустили. Тогда он надел богатую ризу и беспрепятственно прошел к царю. Подойдя к трону, он начал целовать царскую ризу и воздавать честь не царю, а ризе его. На недоуменный вопрос царя он ответил, что «красная риза» почитается в этом царстве больше человека.

Поэту не нужно было искать примеры безудержной роскоши. 15 июня 1677 года царь Федор Алексеевич ходил на молебен в Ново-Девичий монастырь. На нем была ферезея (верхняя одежда без воротника с длинными, суживающимися к запястью рукавами), шитая золотом и серебром, поверх нее — ездовой кафтан из серебряной парчи «с золотыми травами», поверх кафтана зипун из белой тафты — для защиты от солнца. Шапка была красного бархата с золотыми запонками. В этой одежде царь доехал из Кремля до Земляного города (ныне — до Зубовской площади на Садовом кольце), здесь он переоделся, сменил золотую ферезею на белую «с серебряной струей», в которой и шел полем до монастыря. У монастыря еще раз переоделся в новую, золотную ферезею, в которой и слушал вечерню.

Это был рядовой, обычный выезд царя, в торжественных случаях (прием послов, смотр войск и т. д.) он одевался еще богаче. Видя все это, Симеон, не имея возможности осуждать быт самого царя, нашел в себе смелость выступить против ненужной роскоши в одежде придворных:

Суетно одеждami похвалы искати,
Буйство — за красны ризы кого почитати...

Особенный гнев Полоцкого вызывает бессмысленная жестокость тиранов. Так, он рассказывает о широко известном на Руси после сочинений И. Пересветова турецком Махмет-султани. Он пришел с тремя отроками в сад и увидел там красное яблоко, но не сорвал его и отошел. Один из отроков съел этот плод тайно. Султан спрашивает, кто это сделал. Испуганные юноши не признаются. Лютый султан приказывает рассечь им желудки. И успокаивается лишь тогда, когда увидел не переваренное еще яблоко во вскрытом чреве... Так этот зверь оценил яблоко дороже человека!

Анализируя образы идеального царя и царя-тирана в системе общественно-политических взглядов Полоцкого, закономерно поставить вопрос: насколько близко соотносил поэт эти образы с реальной жизнью его времени? Иначе говоря, какие из черт идеального царя и царя-тирана он считал присущими русским царям его эпохи?

Постановка этого вопроса сразу и явственно раскрывает и классовую, и политическую сущность его взглядов. Симеон вообще далек от мысли сравнивать с кем-либо русского царя. Царь дан православному миру, как солнце земле, он выше всякой критики, и все, что прилично царскому сану, все это у него имеется. «Адамант (то есть алмаз) в злате несть толико красен, яко верою дух твой светло ясен», — говорит Полоцкий, обращаясь к Алексею Михайловичу. Поэтому все рассуждения поэта о свойствах и качествах царского образа не имеют никакой конкретной связи с действительностью. Они даны Симеоном только в назидание и поучение его царственным читателям. Издавая в своей типографии «Тестамент» Василия, царя греческого, Полоцкий приводил в нем изречение, во многом разъясняющее смысл всей его системы общественно-политических взглядов. Мы читаем в этой книге: «Благополучно царство то, в нем же или любомудрецы царствуют, или цари любомудрствуют».

Естественно, Полоцкий не мог помыслить о том, чтобы в России царствовали философы («любомудрецы»), но он ставил своей задачей добиться того, чтобы русские цари «любомудрствовали». Что касается Алексея Михайловича, то здесь возможности Симеона были более чем ограничены. Другое дело — Федор Алексеевич, его воспитанник и ученик. Как раз с воспитательной целью и создавались эти поучительные (и одновременно занимательные) истории — «приклады», в которых раскрывались черты идеального правителя, просвещенного монарха: разумей, кто какого нрава, и тины раздавай не по словам, а по делам, не по родовитости, а по поступкам, воздавай верным по службе, возвышай в чинах по заслугам — вот какие советы дает Полоцкий царю. Задача царя — ввести в царстве правду.

Уже из приведенных примеров видно, какими отвлеченными были рассуждения Полоцкого! Это и понятно: живя «милостью царской», он и не мог поступить иначе. Оправдывалась старая народная пословица: чей хлеб ем, того и песню пою! В стихотворении «Близость» он так писал об этом: ты находишься около царя — это честь для тебя, но будь при этом осмотрителен.

Осторожность Полоцкого становится еще более очевидной, когда мы обращаемся к тем его стихотворениям, в которых он все же попытался высказать свое критическое отношение к современной ему действительности. Даже самые яркие и интересные — «Купецтво» и «Монах» — не выходят за рамки морализирующего поучения. В них бичуются такие недостатки, как лихоимство, пьянство, невежество. Так, в стихотворении «Купецтво» Полоцкий прямо утверждает, что купцы вообще

не могут жить без греха по ряду причин. Во-первых, каждый купец стремится дешево купить и дорого продать, во-вторых, прельщает покупателей лживыми словами, в-третьих, можно клянется, в-четвертых, обманывает покупателя, мешает худой товар с хорошим и так далее. И Симеон призывает купцов отказаться от обмана и думать не о прибыли, а о царстве небесном. Полоцкий нарисовал довольно яркую и живую картину торгового промысла на Руси, но в то же время в стихотворении нет ни одного конкретного имени, названия и даты.

Л. Н. Майков назвал стихотворение «Монах» «венцом его обличительных произведений». В нем Полоцкий описал жизнь монаха. Ему подобает сидеть в келье, молиться, соблюдать пост и терпеть нищету, говорит Симеон, побеждать искушения и умерщвлять свою плоть... Есть честные монахи, им и слава, но как много среди них бесчестных! Вместо поста они думают лишь о том, как бы сытно поесть да вкусно попить: и наступает желудку — скорбь, голове — болезнь, исчезновение — уму. Монахов можно видеть валяющимися на улицах в блевотине и на свет не зрящих, они в пьяном виде сквернословят, клеветают, срамят честных людей. Монах, творящий мирские дела, позорит святой чин. Кто любит показываться на людях, сам зреть их, тот не может петь хвалу богу. Тот не монах, кто любит мирскую честь. Особенно опасно для монаха общение с женщинами. Монах, не гляди в женские очи, чтобы не погибли иноческие труды! Инок рядом с женщинами — это огонь рядом с сеном, который и многой водою не угасить! Прикосновение женщины к монаху подобно удару железа о камень... Многие монахи творят блуд, вводят в соблазн окружающих. И как только это терпит небесный владыка! Стихотворение оканчивается увещанием оставить неправые дела, быть похожими на древних служителей бога — тогда, после смерти, подобно им монахи вкусят райские сладости!

Автор, как мы видим, не скупится на резкие откровенные характеристики, гневные, обличительные слова, и Л. Н. Майков, сказавший, что это стихотворение предваряет появление сатир Кантемира, несомненно, прав.

И в этом стихотворении говорится о «некоем», неизвестном монахе, монахе «вообще», хотя материалы собора 1666–1667 годов подтверждают типичность этой характеристики. В «деяниях» собора было отмечено, что монахи «привыкли жить по своей воле», пьянствовали, развратничали, бесчинствовали, бродили по городам и селам, якобы собирая деньги на монастырь, и даже принимали участие в грабежах и разбоях. Иными словами, Полоцкий отобразил — и довольно точно! — реальные явления

его времени в своих произведениях.

Одновременно с критикой монашества Симеон разоблачал стремления высшего духовенства к ограничению центральной светской власти, к произволу, осуждал его невежество, приведшее к расколу, порицал развращенные нравы служителей церкви, их праздную паразитическую жизнь.

Что же было определяющим в системе общественно-политических взглядов Полоцкого? С полной уверенностью можно утверждать, что именно учение об идеальном правителе. Вся деятельность Симеона теснейшим образом была связана с его представлениями о чертах идеального монарха. Эти представления подчинены главной и основной цели — укреплению власти самодержавного просвещенного монарха.

Как учитель Полоцкий отдал много сил для обучения и воспитания лиц царской фамилии. В своей просветительской деятельности Симеон стремился доказать важность образования в первую очередь царю, затем его приближенным, а уже после этого — народу. Как проповедник Полоцкий выступал в защиту централизованной власти, обличал те недостатки, которые, на его взгляд, мешали укреплению монаршей власти, препятствовали единству царя и народа. Как драматург Симеон прославлял идеального монарха, воспитывал в обществе уважение перед властью. Одобрение воссоединения украинского и белорусского народов с русским свидетельствует о том, что Полоцкий мыслил этот важнейший политический акт середины XVII века как результат волеизъявления русского царя — защитника веры, родной земли и всего народа Русского государства. Учение Симеона о праведных и неправедных войнах также было теснейшим образом связано с пониманием задач внешней политики, проводимой православным царем в интересах укрепления Русского централизованного государства.

Широка, разнообразна и многогранна была деятельность Симеона Полоцкого. «Любомудрственнейший грамматиче, всепремудрственнейший риторе, витийственнейший логичеством, яснозрительнейший философиєю» — вот какими эпитетами наделяет Полоцкого один из его современников. Произведения Симеона дают возможность охарактеризовать не только его собственные взгляды, но и служат источником для раскрытия уровня развития общественно-политической мысли в его время, состояния и направления идейной борьбы в России конца XVII века.

И творчество, и мировоззрение Полоцкого были сложными и своеобразными. Искренне верующий православный христианин уживался в

нем с горячим сторонником прогресса, образования, науки. Ортодоксальный богослов, стремившийся к торжеству православной церкви, — и тонкий политик, прекрасно понимающий значение централизованной власти и поддерживающий царя в его борьбе с патриархом; ученый-философ, исследующий сложные вопросы догматики христианского вероучения, — и опытный учитель, сторонник западного, «латинского» образования, ратующий за создание в России академии; монах, посвятивший всю свою жизнь книге, науке и богослужению, — и глашатай новых идей, передовой и активный общественный деятель — вот каким был Симеон Полоцкий.

Конечно, было бы упрощением сводить всю систему общественно-политических взглядов Симеона к одному лишь учению об идеальном монархе, но нельзя не отметить того, что именно эта тема в его творчестве была ведущей, именно в этой области он добился наиболее ощутимых, наиболее ярких и впечатляющих результатов.

И в то же время бросается в глаза и тот знаменательный факт, который характерен для судьбы многих выдающихся мыслителей прошлого: эта наиболее для нас важная и интересная сторона его творчества была почти не оценена его современниками.

Надо сказать, что и сам Полоцкий не стремился к тому, чтобы заслужить признание своих соотечественников. Он мало что делал для того, чтобы добиться известности, прославиться, выделиться из общей массы.

Его вполне удовлетворяло свободное, независимое положение. Как много успел сделать Симеон за четыре последних года жизни! Январь 1676 года — написана книга «Глас последний ко господу богу» в связи со смертью царя Алексея Михайловича. Июнь 1676 года — книга «Гусли доброгогласная», панегирик к венчанию на царство Федора Алексеевича. Февраль — март 1678 года — работа над книгой «Псалтырь рифмотворная». Август 1678 года — завершение работы над сборником «Вертоград многоцветный». В конце этого же года создана «Верхняя» типография, в 1679 году он выпускает «Букварь языка словенска» и в этом же году разрабатывает замечательный проект царского указа о создании Славяно-греко-латинской академии. Мысль об учреждении академии давно уже занимала Полоцкого, но приступить к ее реализации он смог только в конце 70-х годов. Именно в это время стало известно, что «великий государь на Москве хочет заводить школы», и даже иноземные учителя потянулись в Москву. Сохранился составленный Полоцким проект царского привилея (указа) на учреждение этой академии. В 1685 году, уже

после смерти Полоцкого, Сильвестр Медведев поднес этот проект на утверждение царевне Софье. В стихотворном посвящении достаточно прозрачно намекается на то, что проект был написан еще при царе Федоре:

Академии привилей вручаю,
Иже любезным ти братом создан есть,
Повелением чинно написан есть.

В 1679 году в Москве, при московской типографии, было открыто греческое училище, готовившее «справщиков» для Печатного двора и для нужд церкви. Это училище, получившее название Типографского, патриарх Иоаким предполагал со временем преобразовать в высшее учебное заведение. Обеспокоенный тем, что судьбы русского просвещения попадут в руки косных сторонников узкоправославного, преимущественно греческого образования, Симеон и создает свой собственный проект высшего учебного заведения на Руси.

Академию Полоцкий предполагал устроить не при типографии, а при Заиконоспасском монастыре. За счет царской казны должно было быть построено особое здание. По примеру Киево-Могилянской коллегии вновь создаваемая академия обеспечивалась значительным земельным имуществом, ей разрешалось принимать вклады и пожертвования. На содержание академии предполагалось дать монастыри: Заиконоспасский, Иоанна Богослова в Переяславле Рязанском, Андреевский и Даниловский в Москве, а также Вышегородскую дворцовую волость и десять пустошей в разных местах.

Показательно стремление Симеона сделать академию демократическим учреждением и включить в курс обучения как богословские, так и светские науки: грамматику, пиитику, риторику, диалектику, философию — умозрительную, естественную (то есть физику) и нравную (или ифику), и, конечно, языки: церковнославянский, греческий, польский и латинский. В академии молодых людей должно готовить как для церковной, так и в особенности для гражданской деятельности.

Государственное образование, столь решительно подчеркнутое Полоцким, выгодно отличало его проект от всех первых попыток создания высшего учебного заведения в Москве.

Особенно интересно, что в проекте указывалось на необходимость внимания к «учению правосудия духовного и мирского и прочим всем свободным наукам».

Для повышения роли академии предполагалось запретить вовсе держать домашних учителей иностранных языков, а всех детей посылать для обучения языкам только в академию: домашние учителя, особенно иностранцы и иноверцы, могли внушить своим ученикам что-либо противное православной вере.

Желая достойно вознаградить труд учителя, Симеон ввел в этот проект совершенно новые для русской жизни того времени требования и льготы. Так, за долговременную и ревностную службу учителя должны были получать от государства пенсию.

Разночинцы, не прошедшие курса «свободных наук» в академии, не допускались «в государственные чины, в стольники, стряпчие и другие».

Академия должна была строго следить за еретиками и бороться с ними неусыпно. Запрещалось неученым людям держать у себя дома «польские, латинские, немецкие, лютерские, кальвинские и прочие еретические книги», устраивать споры по этим книгам и хулить православную веру. В основу будущей академической библиотеки предполагалось положить собрание книг царя Федора Алексеевича. В нем было к тому времени около 300 книг на русском, латинском и польском языках. Более трети книг библиотеки Федора Алексеевича составляли книги светского содержания — «Степенная книга», «Книга родословия великих государей», «Учение и хитрость ратного строения», лечебники, певческие книги, чертежные книги на латинском языке. В его библиотеке хранились списки летописей и хронографов, исторических повестей и лексиконов, естественнонаучных книг, букварей, азбук, арифметик. Одним словом, это была разносторонняя по своему составу библиотека, вполне соответствующая уставу академического книгохранилища.

При жизни Полоцкого его мечта — увидеть в России высшее учебное заведение — не осуществилась. Молодому царю было не до того. Он продолжал болеть («скорбит ножками», как сказано в делах Аптекарского приказа — в медицинском заключении о его болезни), много времени тратил на богомолье, ходил по монастырям и церквям, вымаливая у бога себе здоровья. В одном из таких царских выездов, 19 мая 1679 года, Симеон сопровождал царя на Воробьевские горы. Пышно выезжал царь. Впереди бежали скороходы и приказывали всем встречным очистить дорогу. Люди прятались по ближайшим домам, а кто не успел этого сделать, падал на землю ниц и оставался так лежать до тех пор, пока царь и его свита не проедут. Впереди шли 18 красивых жеребцов в богатой сбруе, за ними ехал царь на статном коне. На царе была соболья шапка, верхний клин из золотой парчи, усыпанной алмазами, в руках у Федора —

золоченый скипетр. За царем следовали ближние бояре — Воротынский, Голицын, Ромодановский, думный дьяк Семенов.

День был ветреный, прохладный. Золотились маковки Ново-Девичьего монастыря, вдалеке блестела макушка Ивана Великого. Царь прослушал службу в церкви села Воробьева и вернулся в Кремль.

Особенно успешно и много работал Симеон, когда царь уезжал на богомолье в Троице-Сергиеву лавру или Звенигород. Он обычно отсутствовал две-три недели, и Полоцкий тратил все время на завершение работы над «Рифмологионом».

Но тяжкие труды истощили силы монаха. Стали сдавать глаза — Симеону приходилось проверять печатные листы, готовить свои рукописи к набору, много читать. Все чаще и чаще он прерывал свою работу и долго лежал в темноте, дожидаясь, пока перестанут бродить красные круги перед глазами.

Летом 1680 года царь, участвуя в крестном ходе, увидел девушку, которая ему понравилась. Он поручил своему постельничему И. М. Языкову узнать, кто это. Оказалось, что это Агафья Семеновна Грушецкая, живет она у своей родной тетки в доме думного дьяка Семена Ивановича Заборовского, происходит из незнатного рода, выходцев из Польши. По обычаю царь собрал на смотрины около двадцати дочерей бояр и выбрал понравившуюся ему Грушецкую, к великому неудовольствию Милославского, надеявшегося, что царь женится на его родственнице. Милославский попытался очернить и Грушецкую, и ее мать, но за свою клевету жестоко поплатился и был удален от двора.

18 июля 1680 года произошло бракосочетание царя с Агафьей Грушецкой. Оно было весьма скромно, без обычного великолепия. Симеон по болезни не присутствовал ни на венчании в церкви, ни на праздничном обеде.

Через месяц с небольшим, 25 августа 1680 года, Симеон скончался, не доведя до конца многих начатых им дел. Он был погребен в Заиконоспасском монастыре.

Царь Федор Алексеевич поручил Медведеву написать стихотворную надгробную надпись. Тот представил 14 вариантов краткой эпитафии, однако ни один из них не был принят царем. Тогда С. Медведев написал большую эпитафию, в которой подробно и полно были охарактеризованы жизнь и труды Полоцкого. Медведев называет его прежде всего славным учителем, полезным и церкви и государству, богословом, проповедником, хранившим мудрость и правду, одаренным многими способностями...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...В лето от сотворения мира 7198-е, а по новому летосчислению в году 1690 состоялся на святой Руси церковный собор. Он был собран в трудное и мятежное время. Только что был подавлен мятеж 1689 года, из Москвы были изгнаны иезуиты. Волновались народные массы, с оружием в руках вышли на улицы столицы стрельцы... Во главе русской церкви в это время стоял девятый патриарх всероссийский Иоаким, из рода можайских дворян Савеловых. Умный и властный князь церкви, гонитель раскольников, фанатичный защитник православия против все усиливающегося влияния Запада, Иоаким призвал на собор архиереев и все московское духовенство. На соборе торжественно осудили учение «папешников» — то есть сторонников римского папы. «Смутение» в православной церкви началось в Москве из-за вопроса о так называемом «времени пресуществления св. даров». По учению христианской церкви во время богослужения (литургии), при так называемой евхаристийной молитве происходит пресуществление (то есть превращение) хлеба и вина в истинное тело и кровь Христа. Так вот в конце XVII века возник богословский спор: во время каких слов этой молитвы вполне реальные хлеб и вино, употребляемые в богослужении, превращаются в тело и кровь бога? Странно и удивительно читать в наши дни, что из-за такого чисто внешнего, формального повода возникла страстная и непримиримая полемика, в которой обе стороны упрекали друг друга в вероотступничестве. Случилось так, что Полоцкий в вопросе о времени пресуществления занял позицию, отличную от официальной церковной точки зрения, за что был осужден (правда, уже посмертно) церковью, а его сочинения были признаны еретическими.

Полемизируя, уже посмертно, с книгой Полоцкого «Венец веры кафолическия», патриарх Иоаким писал, что она сплетена не из прекрасных цветов православного богословия, а из бодливого терния (то есть сорняков) западных новшеств, из вымышлений «Скотовых, Аквиновых, Анзелмовых» и тем подобных еретических блудословий»^[42]. С кем же сравнивал Полоцкого воинствующий церковник? Вымышления Аквиновы — это учение Фомы Аквината (или Аквинского), выдающегося представителя средневековой схоластики, стремившегося к гармонии между философией и религией, между знанием и верой. Ансельм Кентерберийский — средневековый богослов и философ, один из ярых

сторонников политики римского папы, провозглашавшего господство католической церкви и подчинение ей светской власти. И, наконец, Скотовы вымышления — взгляды Иоанна Дунса Скота, шотландского философа-схоласта. Он стремился отделить философию от теологии. Карл Маркс сказал о Скоте, что он «заставлял самую *теологию* проповедовать *материализм*»^[43].

По поручению патриарха Иоакима монах Чудовского монастыря Евфимий сделал подробный разбор богословских работ Симеона Полоцкого и пришел к выводу, что большая часть его сочинений полна всевозможных еретических высказываний и мыслей. Церковных мракобесов возмущало многое, в том числе взгляды Полоцкого на супружескую жизнь, его вполне естественное преклонение перед красотой человеческого обнаженного тела. Иоаким же ссылался на пример Адама и Евы, которые, «по осуждению бога за преступление заповеди, сотворили себе из листьев пояса и закрыли половые органы, чтобы их друг у друга не видеть, и с тех пор зовут их срамные или постыдные члены».

Книги Полоцкого были торжественно преданы анафеме, патриарх Иоаким не разрешил использовать их в проповеднической практике, признал негодной и ложной его «Псалтырь рифмотворную», а сочинения Полоцкого вообще было запрещено упоминать, как еретические.

Имя Полоцкого было забыто, о его месте в истории русской культуры говорили только в тех случаях, когда речь шла о воспитании и обучений царских детей. Громадное поэтическое наследие Симеона никем долгое время не изучалось.

Даже и тогда, когда Полоцкий был вновь «открыт», историки и филологи неоднократно называли его «писателем без читателя». В самом деле, писал он преимущественно для царя и его семейства — следовательно, все подносные «книжицы»^[44] могли стать известны в лучшем случае весьма ограниченному кругу придворных. «Вертоград многоцветный» он подготовил к изданию, но выпустить не успел, «Рифмологион» не был доведен даже и до такой степени готовности. Кто же читал творения Полоцкого, какой резонанс они имели в общественно-политической жизни страны, какое влияние оказали на последующее развитие поэзии, драматургии, проповеднической литературы?

Чтобы решить эту проблему, надо в первую очередь изучить судьбу оставшегося от Полоцкого литературного наследия, как рукописного, так и печатного.

Следует прежде всего отметить, что, несмотря на анафему, которой

были преданы взгляды и труды С. Полоцкого на соборе 1690 года, несмотря на строгий запрет, наложенный церковью на его «Псалтырь рифмотворную» и сборники проповедей, в некоторых монастырских библиотеках имелись книги поэта. Так, например, «Вечеря душевная» хранилась в библиотеках С.-Петербургской духовной академии, Козельской Введенской Оптиной пустыни, Ниловой пустыни, Калужского Знаменского монастыря, Александрова Свирского монастыря, Троице-Сергиевой лавры. «Обед душевный» находился в свое время в библиотеках Кириллова монастыря, С.-Петербургской духовной академии, Кутеинского Успенского монастыря, Николы на Перерве и т. д.

Книги Полоцкого после его смерти были пожертвованы царями Федором, Петром и Иоанном в Нилову пустынь, в Антониево-Сийский монастырь. Интересны записи, в которых выражено отношение к книгам Полоцкого. Так, на одном из экземпляров «Обеда душевного» написано:

С начала до конца за сим «Обедом» я сидел,
Для тела и души приятну пищу ел.

Тихвинского большого монастыря белой священник Иоанн Семенов Троицкий. 1812 года марта 22 дня.

Хвалу достойную сего отца творенью
Едва ли из смертных кто удобен восписать
Все им говорено по силе вдохновенья,
Бог дух святой один ее лишь может знать.

Показателен тот факт, что не только проповеднические книги Полоцкого пользовались большой популярностью, его богословские труды, в частности «Жезл правления», заботливо хранились в библиотеках монастырей и духовных академий.

Но не только лица духовного сословия читали книги Полоцкого. В 1689 году один экземпляр «Жезла правления» был собственностью крестьянина: «[7]197-го (1689) году октября в 21 день подписал Понойской волости житель Воскресенской крестьянин Ивашко Горьев сын Русев, а дал сию книгу Варзежаной волости патриархов крестьянин Павел Литов сын Москвитин, а дал в прошлом во сто девять первом году (1683 г.) августа в 16 день». Дошедшие до нас экземпляры «Жезла правления» принадлежали

в конце XVII века стольнику, приказному человеку, а затем купцу, в XVIII веке этой книгой владели канцеляристы, мещане, священники. Ею расплачивались за долги.

Особенно интересен один экземпляр «Жезла правления». На этой книге сделана запись владельца этой книги о его нелегкой судьбе: «Ивашко Иванов сын по благословению отца своего священноинока Иосифа и дяди своего священноиерея Мартинияна Иванова по назову Окоемовых, а по новыя прозови Шатрикова адал за сию книгу в тетратех двадцеть алтын, а переплетал сию книгу вдовой поп Мартиниян сам про себя. А держать нам, братьям, сия книга сами про себя, а без ведома друг друга нам сию книгу не продать, ни заложить.

А хто в сию книгу каким вымыслом ложно вступитца и утаит у себя или потпишет, и на нем буди клятва господня и казнь, яко же на Анании и жене его Сапфири, утаивши цену села своего и пред ногами апостол восприяша себе от бога казнь и смерть своего ради утаения. А сия книга «Жезл правления» не продана, не заложена никому по 190 год. А во 190-м году по указу преосвященного Корнилия митрополита Новгородскаго и великолукскаго по грамоте борошенмой чернца Михаила Шатрикова переписали, и в казну взяли. А что борошну^[45] есть, и той роспись в крепостныя казны у старца Максима роспись, и[з] бороше остался и сия книга Жезл. А меня, чер[н]ца Михаила, повезли в крестной монастырь под начало до его, великого архиерея, указу, до разрешения и прощения, взят на збережение в казну».

«Жезл правления» продолжал интересовать читателей даже в XIX веке: «Сия книга Антона Климова, читал и подписал своеручно 1843 года октября 10 числа».

Очень интересны пометы читателей Московской духовной академии на том экземпляре книги, который был в ее библиотеке. На листе 20 первой части, где Полоцкий обличает арест Никиты Пустосвята, кто-то написал без иронии на полях: «Катай его!» На листе 68, где Полоцкий называет Никиту «клеветниче и лаятель безбожный, раскольник проклятый, уд согнивший, ветвь усохшая» и т. д., кто-то восхищенно написал: «Вот это брань!»

Особенно любовно и заботливо относились позднейшие читатели к рифмотворной псалтыри Полоцкого. Судя по записям, она считалась весьма ценным имуществом, а после смерти владельца переходила по наследству, о чем делалась соответствующая запись.

Вот несколько наиболее типичных записей, обнаруженных на экземплярах «Псалтыри рифмотворной», хранящихся в настоящее время в

различных библиотеках: «Лета 1711 марта в 1 день сия книга подписана, а досталась сия книга глаголемая псалтырь певчая в 1707 году августа в 15 день после отца моего Андрея Денисовича Владыки, чия ис[с]тари прародинами ево и отца слыли Чертовых, и по разделу з братьями моими с Алексеем, Григорьем, Стефаном Андреевичами, а подписал я сам, капитан Гавриил, своею рукою».

«Сия книга псалтырь виршевоная горада Волхова купецкого человека Федора Афанасьева сына Мокарова по разделу з братом Алексеем мне досталась».

Среди владельцев «Псалтыри рифмованной» есть монах, князь, дьякон, купец. «Псалтырь рифмотворная» — одна из немногих старопечатных книг, которыми владели женщины. Так, на одном экземпляре псалтыри есть такая запись: «Сия книга Настасьи Федоровны Качевяной Паливанавой глаголемая Псалтыр, а подписал Иван».

Отдельные стихотворения Полоцкого из его «Вертограда» и «Псалтыри рифмотворной» мы находим в различных сборниках виршей, кантов и стихов конца XVII — первой половины XVIII века. В рукописных книгах XVII–XVIII веков нередко встречаются отрывки из сочинений Полоцкого, причем иногда в самом неожиданном окружении. Так, строчки из «Рифмологиона»

Орле, восплещи крылы, двоеглавный,
Вознеси скиптр высокодержавный

находятся в книге хлебной раздачи Холмогорского архиерейского дома за 1695–1696 годы. «Венец веры» и «Катехизис» Полоцкого были помещены в один из сборников конца XVII века. Древнерусские книжники нередко переписывали от руки печатные проповеди Полоцкого (например, «Поучение о благоговейном стоянии во храме»), а также отдельные стихотворения из «Вертограда многоцветного». А. В. Поздеев, анализирувавший русские сборники песен и духовных стихов XVII–XVIII веков, отмечает, что стихи Полоцкого уже в XVII веке встречаются в этих сборниках, а в XVIII веке его псалмы очень часто включаются в состав рукописных песенников.

Мы встречаем в рукописных сборниках XVIII века выписки из книг Полоцкого «Венец веры кафолический», «Жезл правления», целиком были переписаны в первой половине XVIII века «Глас последний ко господу богу...», «Комедия притчи о блудном сыне» и многие из его псалмов,

иногда в сопровождении нот В. П. Титова.

Нельзя, конечно, преувеличивать степень популярности Полоцкого в последующее время. Как поэт, полемист и проповедник он сыграл свою роль в развитии силлабического стихотворства и устной проповеди. Ближайшие его ученики испытали на себе благотворное влияние его поэтического мастерства. Вирши Сильвестра Медведева, Кариона Истомина, Феофана Прокоповича неразрывно связаны с системой силлабического стихотворства, внедренной в русскую литературу Симеоном Полоцким.

Силлабические вирши писались на Руси и до Симеона Полоцкого, но он был первым, кто подчинил «рифмотворение» созданию новой словесной светской культуры. Полоцкий — образец дидактического поэта, который во всяком стихотворении в первую очередь видел возможности морального назидания, поучения, воспитания. Благодаря поэтической деятельности Полоцкого в русскую культуру вошло громадное количество новых образов, тем, сведений.

Однако специфика развития русской поэзии была такова, что уже в первой половине XVIII века на смену силлабическому стихосложению пришло силлабо-тоническое стихосложение, введенное В. К. Тредьяковским и М. В. Ломоносовым. Изменение системы стихосложения привело к тому, что Полоцкий как поэт потерял постепенно своего читателя, а его творчество стало изучаться преимущественно в исследовательско-историческом плане.

В чем же тогда смысл деятельности Симеона Полоцкого? Чем объяснить незатухающий к нему интерес со стороны историков, филологов, поэтов? В чем причина того, что за последние четырнадцать лет вышли в свет и избранные его сочинения, и отдельные публикации поэтических и прозаических трудов? Почему мы считаем Симеона одним из замечательных людей XVII века?

Да, как поэт Полоцкий, безусловно, принадлежит истории. Сборники проповедей Симеона давно уже читает только узкий круг специалистов. Драматические произведения Полоцкого вот уже много лет как не ставились на сцене. Но если мы обратимся к истокам современной поэзии, драматургии, если мы пожелаем узнать, «откуда есть пошла» современная русская поэзия и «кто в ней первее нача княжити», то мы неизбежно придем к Симеону Полоцкому — основоположнику силлабического стихосложения, господствовавшего в русской поэзии до 40-х годов XVIII века. Без Полоцкого у нас не было бы ни Кантемира, ни Тредьяковского, ни Ломоносова.

С именем Симеона связано создание русской оригинальной драматургии. Полоцкий положил начало непрерывному развитию в русской литературе не только поэзии, но и драматургии.

Велики заслуги Симеона и в области педагогической мысли. Он был одним из первых древнерусских педагогов, обратившим особое внимание на воспитание ребенка в семье, на роль матери в образовании ребенка. Убежденный сторонник трудового воспитания, он в своих поэтических сочинениях и проповедях ратовал за внимательное отношение к ученику, за нравственное совершенствование учащегося. Современная история русской педагогики не может обойтись без упоминания имени Полоцкого среди основоположников русской системы образования и воспитания.

Значительна и разнообразна просветительская деятельность Симеона. Один из культурнейших и образованнейших людей своего времени, Полоцкий всю свою недолгую жизнь старался расширить кругозор своих читателей. К Симеону восходит характерная для русской литературы идея — сеять разумное, доброе, вечное...

В лице Полоцкого мы видим одного из родоначальников русской демократической интеллигенции. Не занимая никаких высоких должностей, Симеон жил результатами своего труда, искренне верил в возможность преобразования русской общественной жизни. Это мог сделать только царь, и Полоцкий, подобно Крижаничу, обращается к монарху, надеясь, что тот с помощью просвещения создаст условия для идеального управления страной.

Как всякое явление переходной эпохи, творчество Симеона содержало в себе элементы, связывающие его с общественно-политическими факторами, характерными для предшествующего периода. Многие богословские и педагогические взгляды Полоцкого близки традициям древнерусского образования. Но вместе с этим в творчестве Симеона мы находим и такие черты, которые свидетельствуют о проникновении новых явлений в общественную жизнь. Творчество Симеона — то звено, которое связывает культуру нового времени с ее древнерусскими истоками. Полоцкий впервые в России стал книгоиздателем, печатавшим книги без предварительной духовной цензуры, в его сочинениях мы впервые находим стройную теорию идеального монарха и царя-тирана, он был первым просветителем в России, поставившим вопрос о создании высшего учебного заведения. Он оперативно откликался на важнейшие современные ему события — на воссоединение Белоруссии и Украины с Россией, на борьбу России за выход к Балтийскому морю, на раскол и связанное с ним общественно-идейное движение. В иносказательной поучительной форме

Полоцкий старался «истину царям с улыбкой говорить». К наставлениям Симеона в той или иной мере прислушивались не только царь Алексей Михайлович, но и все его дети — вплоть до царевны Софьи и малолетнего еще тогда Петра I.

Последние годы жизни Полоцкого были наполнены активной просветительской деятельностью, позволившей ему занять видное место в истории русской общественно-политической мысли России на рубеже нового времени.

Его общественно-политические взгляды являются естественным и логическим завершением педагогической, просветительской, проповеднической, драматургической и поэтической деятельности. Облеченные нередко в иносказательную аллегорическую форму, эти взгляды рассеяны по многочисленным стихотворениям и проповедям. В совокупности с оценками просвещения, обучения и воспитания они составляют стройную (хотя иногда противоречивую) систему, тесным образом связанную с идеологическими воззрениями правящих кругов русского общества того времени. В то же время многие взгляды Полоцкого выпадают из общего строя общественно-политических воззрений той эпохи, его идеи знаменуют начало слияния «поисшатавшегося» боярства с забирающим власть дворянством.

Значение и место Симеона Полоцкого в истории русской общественно-политической мысли могут быть выявлены лишь после детального сравнения его творчества с фактами духовной жизни современников, с одной стороны, и с общественно-политической мыслью первой четверти XVIII века — с другой. Это сопоставление со всей убедительностью показывает прежде всего органическую связь творчества Симеона со взрастившей его культурной средой Киево-Могилянской коллегии, зависимость идей Полоцкого от явлений государственной, церковной и общественной жизни второй половины XVII века, влияние творчества Полоцкого на культуру этого времени, его роль и место в истории развития образования и просвещения, драматургии и проповедничества, его популярность как поэта.

Но еще более яркий материал мы получим, сравнивая идеи и теории Симеона с уровнем последующего развития общественно-политической мысли России в первую четверть XVIII века. Реформы начала XVIII века возникли не случайно, не стихийно, многие из них подготавливались исподволь еще в предшествующую эпоху, и Полоцкий был в числе первых мыслителей, вставших на путь прогресса. Взгляды и идеи Симеона, особенно его теория идеального монарха, были развиты мыслителями,

поэтами и общественно-политическими деятелями первой четверти XVIII века. Сам облик Петра I становится более понятным при ознакомлении с тем ярким и контрастным образом идеального монарха, которого не видел в реальной жизни Симеон, но о котором он так страстно мечтал.

Деятельность Полоцкого — яркий образец единства, взаимовлияния культур трех братских восточнославянских народов.

Полоцкий был одним из первых сторонников широкого международного культурного общения. Он был выдающимся деятелем новой, передовой для того времени культуры, ориентирующейся на западные формы, образцы, идеалы.

...Вглядитесь в гравюру начала XIX века с изображением Симеона Полоцкого. Трудно сказать что-либо определенное о сходстве — портретов Полоцкого XVII века до нас не дошло. Художник изобразил поэта в традиционном монашеском одеянии, с книгой в руках. Усталый взгляд опытного и много повидавшего человека, знающего цену земной суете и помышляющего об иных, духовных радостях... Книга — вот предмет неустанных забот и помыслов этого ученого монаха. Книга стала единственной целью его деятельности, книга как символ грамотности, образования, просвещения, воспитания и культуры.

Итак, не великий писатель, не выдающийся драматург, не самоотверженный борец за народное счастье... За что же мы ценим Симеона Полоцкого? «Исторические заслуги судятся не по тому, что *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали* нового сравнительно с своими предшественниками»^[46]. Симеон Полоцкий был первым поэтом нового времени, жившим еще в условиях старой, допетровской России. Он был одним из тех, кто стоял у основания, у складывания новой культуры, новой общественно-политической мысли. Гонение церкви на этого просветителя надолго сделало запретным и его имя, и его взгляды.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

1629— В Полоцке родился Самуил Гаврилович (Емельянович?) Петровский-Ситнианович.

1637–1651— Учился в Киево-Могилянской коллегии.

1651–1653— Учился в Виленской иезуитской коллегии.

1656–1663— Преподавал в Полоцкой братской школе.

1656, 8 июня— Принял иночество под именем Симеона.

1660, 19 января— Первый приезд Симеона Полоцкого в Москву и чтение «Стихов краесогласных» в Кремле перед царским семейством.

1660, 20 сентября— Отъезд в Полоцк.

1663, июль— Переезд в Москву.

1665–1668— Преподавание в Заиконоспасской школе.

1666, май — июль— Работа над книгой «Жезл правления». Книга вышла в феврале — июле 1667 года.

1670— Работа над книгой «Венец веры кафолическия».

1673— Написал комедию «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в пещи не сожженных».

1673–1678— Создал «Комедию притчи о блудном сыне».

1676, 18 июня— Вручение царю Федору Алексеевичу книги «Гусли доброголасная».

1678, 4 февраля — 28 марта— Работа над книгой «Псалтырь рифмотворная» (опубликована в 1680 году).

1678, август— Завершил работу над сборником «Вертоград многоцветный».

1678, конец года— Организовал «Верхнюю» типографию.

1679— Издал букварь.

1679— Написал проект указа о создании Славяно-греко-латинской академии. 1679–1680— Составлял «Рифмологион».

1680— Издал «Тестамент» Василия царя греческого.

1680, 25 августа— Смерть Симеона Полоцкого.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

І. ИЗДАНИЯ РАБОТ С. ПОЛОЦКОГО

- «Месяцеслов. Стихотворил иеромонах Симеон Полоцкий». М., 1882.
«Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого». Сообщил Н. А. Смирнов. Спб, 1915.
«Вирши. Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков». М., 1935, стр. 48–73, 91—119, 287–293.
Симеон Полоцкий, Избранные сочинения. Подготовка текста, статьи и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953.
«Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.». Л., 1970, стр. 104–173.

ІІ. ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

- Литературу, вышедшую до 1960 года, см. в книгах: *Симеон Полоцкий*, Избранные сочинения. М. — Л., 1953, стр. 265–267.
«Українські письменники. Біо-бібліографічний словник, т. І. Київ, 1960, стр. 463–466.
Берков П. Н., Книга в поэзии Симеона Полоцкого. Труды отдела древнерусской литературы, т. XXIV. Л., 1969, стр. 260–266.
Державина О. А., Пьеса о царе Навуходносоре на европейской и русской сцене XVIII в. Труды отдела древнерусской литературы, т. XXV. Л., 1969.
Калинин А. Д., Педагогические взгляды Симеона Полоцкого. «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 155, в. П. М., 1964.
Калинин А. Д., Просветительская деятельность Симеона Полоцкого. «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 140, в. 10. М., 1963.
Калинин А. Д., Эстетические взгляды С. Г. Петровского-Ситниановича (Симеона Полоцкого). «Ученые записки Московского областного

педагогического института им. Н. К Крупской», т. 192, в. 10. М., 1967.

Луппов С. П., Книга в России в XVII веке. Л., 1970.

Панченко А. М., О русском литературном быте рубежа XVII–XVIII вв. Труды отдела древнерусской литературы, т. XXIV. Л., 1969.

Панченко А. М., Слово и Знание в эстетике Симеона Полоцкого (на материале «Вертограда многоцветного»). Труды отдела древнерусской литературы, т. XXV. М.—Л., 1970, стр. 232–241.

Прашкович Н. И., Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий»). Труды отдела древнерусской литературы, т. XXI. М.—Л., 1965, стр. 29–38.

Робинсон А. Н., Зарождение концепций авторского стиля в украинской и русской литературе конца XVI–XVII века (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий). Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.) (Исследования и материалы по древнерусской литературе), вып. 3. М., 1971, стр. 33–83.

Робинсон А. Н., К проблеме «богатства» и «бедности» в русской литературе, XVII века. (Толкования притчи о Лазаре богатым.) Древнерусская литература и ее связи с новым временем (Исследования и материалы по древнерусской литературе), вып. 2. М., 1967, стр. 124–155.

Серман И. З., «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVII века. Труды отдела древнерусской литературы, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 214–232.

Иллюстрации

Симеон Полоцкий. С гравюры начала XIX века.

Студенты Киевской коллегии. Гравюра XVII века.

«Букварь языка славенска» С. Полоцкого. Москва, 1679, лл. I об. 2.

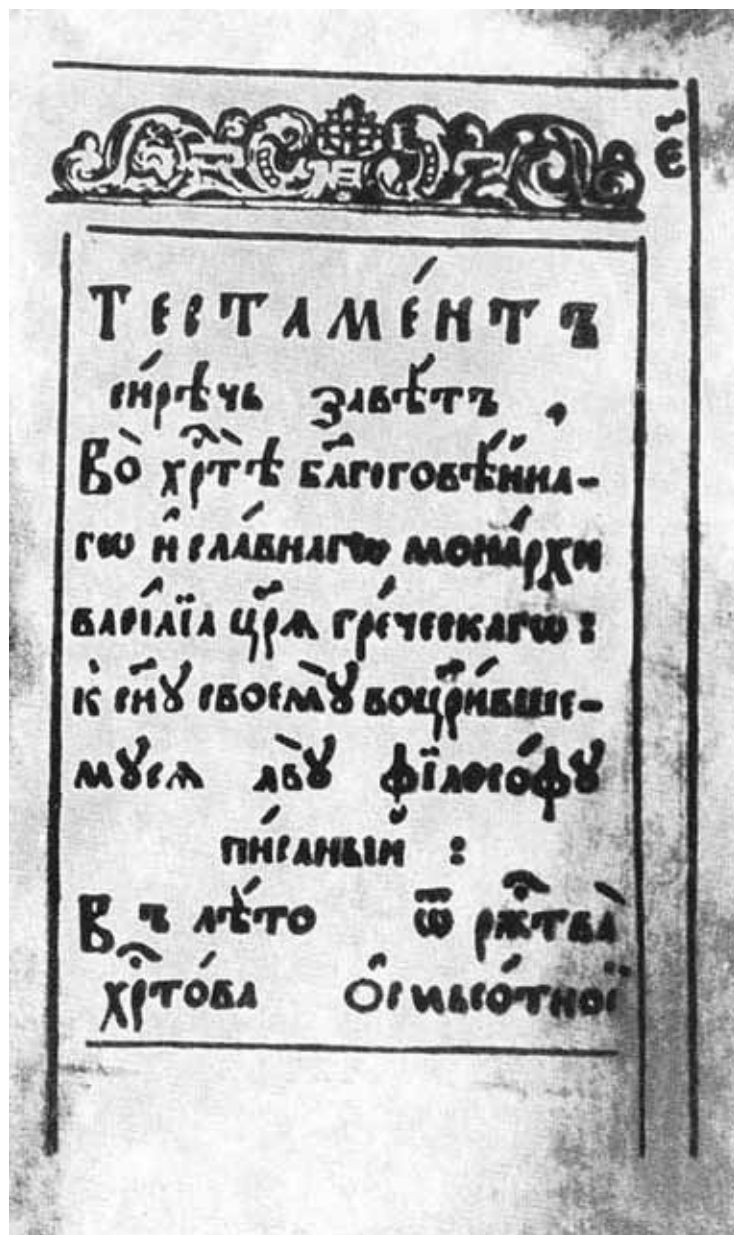
«Букварь языка славенска» С. Полоцкого. Москва. 1679 г., л. I.

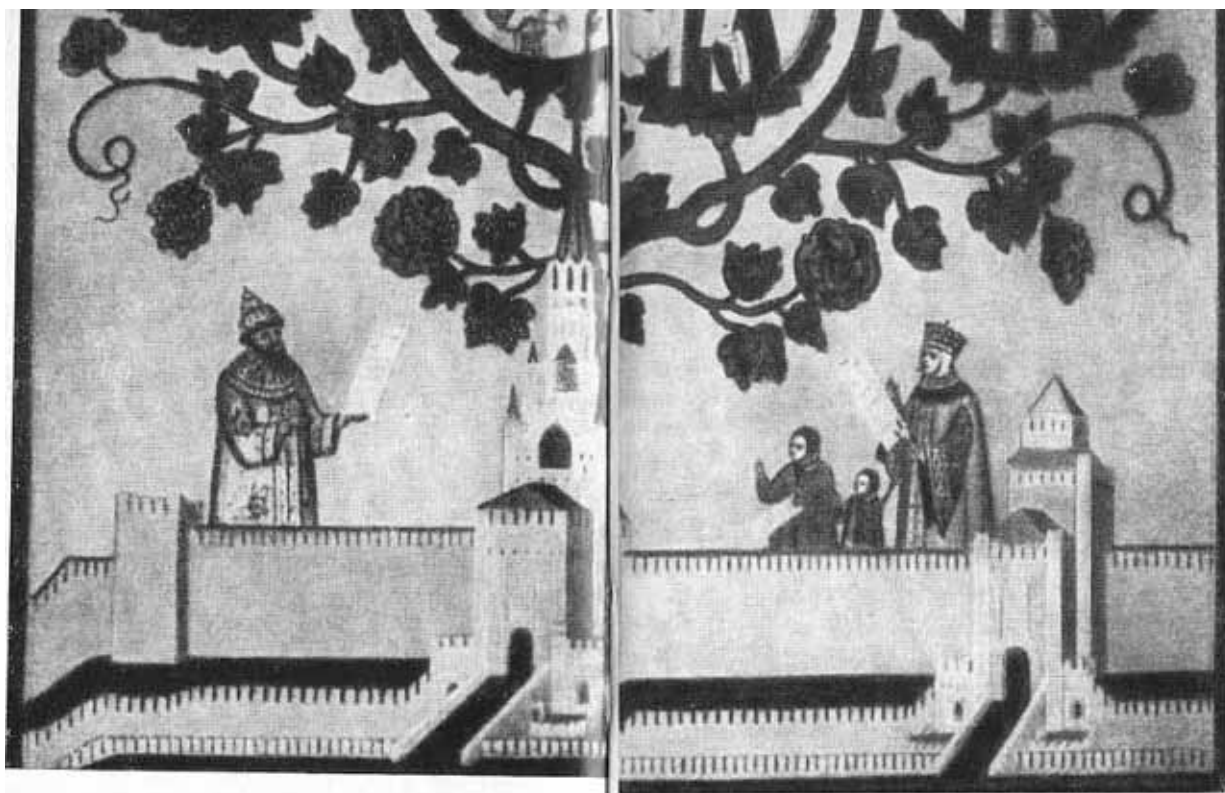
Обучение грамоте в начальной школе. Из азбуки В. Бурцева, 1634 г.

Обучение пению. Гравюра XVII века.

«Тестамент Василия царя греческого». Москва, 1680, л. I.

Царь Алексей Михайлович. Деталь иконы Симона Ушакова «Насаждение древа государства Российского», 1668 г. Царица Мария Ильинична с сыновьями Алексеем и Федором. Деталь иконы Симона Ушакова «Насаждение древа государства Российского», 1668 г.

Царь Федор Алексеевич. Икона. 1686 г.

Портрет Петра I. «Титулярник», 1678 г.

Фронтиспис «Истории о Варлааме и Иоасафе». Москва, 1681 г.

«История о Варлааме И Иоасафе». Москва, 1681 г.

Вид Московского Кремля с Красной площади. Рисунок из альбома Л. Мейерберга. 1661–1062 гг.

Вид на Кремль. С картины Л. М. Васнецова.

«История о Варлааме и Иоасафе». Москва, 1681 г., л. 1.

Оборот фронтисписа «Вечери душевной». Москва, 1683 г., л. II об.

Фронтиспис; «Псалтыри рифмотворной Симеона Полоцкого». Москва, 1680 г. Гравюра на меди А. Трухменского по рисунку С. Ушакова.

Каменные ворота в селе Коломенском. XVII в.

Дворец в селе Коломенском. 1667–1681 гг.

«Комедия притчи о блудном сыне». Лубочное издание. XVIII в.

**КОМІДИЯ О ЦАРѢ НАВУХОДОНЕОРЕ
О ПЬЯТЪ ЗЛАТѢ И О ПРЯТѢ О ПРЦѢХЪ
З ПШН НѢ СОЖЕННѢХЪ
ОУНН. (ИМЕО НА ПОЛОЦКАГО.)**

На первый разъ по постановленіи представлено въ С. Петербургѣ на Маломъ Театрѣ, въ субботу 27-го ноября 1907 г., Училищемъ Театральной Школы имени А. С. Пушкина, подъ руководствомъ Н. Н. Архипова. Актриса-композиторъ Ф. М. Косовская. Помощь актрисѣ давала Надежда Владиміровна Паранъ, артистка Ф. М. Косовской. Труппа 1907 (1908) составлена Н. А. Косовскимъ (Народна). Постановка режиссера Н. Н. Архипова.

А В П О У Т Н О Е ДѢЙСТВІЕ		Хороши.
Тринадцатая + первая	Хороши:	Старикъ
Бомбарда	Александръ	Березинъ
Бомбардировщикъ, царь	Беломошскій	Доминъ
Иуда	Чухинъ	Киркоровъ
Израиль	Красинскій	Николаевъ
Израиль	Богдановъ	Степановъ
Израиль	Викторъ	Королевъ
Израиль	Александръ	Труфановъ
Израиль	Степановъ	Александръ
Израиль	Покровский	Александръ

Александръ (Израильскій) старикъ
судя по этому времени Н. Н. Архиповъ

Программа представления комедии С. Полоцкого о царе Навуходоносоре 27 ноября 1907 года в петербургском Малом театре.

INFO

Жуков Дмитрий Анатольевич,
Пушкарев Лев Никитович
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XVII ВЕКА
М, «Молодая гвардия», 1972
336 с., с илл. («Жизнь замечательных людей».
Серия биографий. Вып. 4 (511)

8Р1

Редактор А. Ефимов

Серийная обложка Ю. Арндта, фотомонтаж обложки и оформление Л. Горшковой по подлинным рукописным заставкам XVII века. Художественный редактор А. Степанова. Технический редактор Ю. Бойко.

Сдано в набор 15/XI 1971 г Подписано к печати 19/V 1972 г.
А01192. Формат 84х108/32. Бумага № 2. Печ. л. 10,5 (усл 17,64) +
16 вкл. Уч. — изд. л. 19,7. Тираж 65 000 экз. Цена 84 коп. Т П
1971 г. № 406. Заказ 2333.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

notes

Примечания

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153–154.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 361.

В. Е. Гусев, Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века. В кн.: «Житие протопопа Аввакума», М., 1960, стр. 11.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 21, стр. 314.

А. Н. Робинсон, Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М, 1963, стр. 21.

А. Н. Робинсон, Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты М, 1963, стр. 51.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч, т. 48, стр. 232.

Здесь — монастырское помещение.

Высокий монашеский головной убор с покрывалом.

В. И. Малышев считает этот эпизод «Жития» Аввакума вымышленным.

*В. Кожин*ов, Происхождение романа. М., 1963, стр. 262.

Пищаль с колесным замком, кремневая, реже давала осечку («лгала»), чем фитильная.

Братский (бурятский) острог основан в 1631 году на месте, разведанном все тем же Петром Бекетовым. В 1655 году по приказанию Пашкова ближе к устью Оки было возведено новое укрепление, квадратное, с четырьмя угловыми семиметровыми башнями, сложенными из громадных лиственничных бревен. В одну из этих башен и был брошен Аввакум. Возможно, именно ее в 1959 году перевезли в Москву и сложили в Коломенском, когда готовилось наполнение Братского моря.

Толбузин оказался более удачливым. При нем эвенкский князь Гантимур, воевавший еще с Петром Бекетовым и ушедший в Китай, вернулся и принял русское подданство. Это вызвало оживленную переписку между воеводой и китайскими властями. Несмотря на малочисленность своего войска, даурские воеводы держали себя уверенно, а преемник Толбузина воевода Аршинский в 1670 году даже отправил в Пекин посольство, предлагая от своего имени китайскому императору принять русское подданство. Посольству были вручены подарки для русского царя и требование о выдаче Гантимура. Начался и массовый уход к русским бурят, находившихся до этого под монгольским владычеством.

О попытках современной науки объяснить способности христианских подвижников см.: *Л. Л. Васильев*, Таинственные явления человеческой психики. М., 1964, стр. 79–84.

Как считает советский исследователь творчества мятежного протопopa А. Н. Робинсон: «Эти «цари» (отец, сын и святой дух) представлялись Аввакуму равными по «власти» и управляющими своей «державою» (вселенной) как бы *коллегиально* (разрядка моя. — Д. Ж.) — «образом совета». Подобные утверждения Аввакума подвергали сомнению всеобщий феодальный принцип монархического мироустройства...» (А. Н. Робинсон, Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963, стр. 50).

В. Е. Гусев, Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века. В кн.: «Житие протопопа Аввакума». М. 1960, стр. 35 и 36.

В. Виноградов, О задачах стилистики. Сб. «Русская речь», под ред. Щербы. Пг., 1923, стр. 269.

А. Н. Робинсон, Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963, стр. 21.

Д. С. Лихачев, Человек в литературе древней Руси М., 1970, стр. 142.

История русской литературы, т. II, ч. 2, М.—Л., стр. 322.

Любопытно, что Симон Ушаков был родственником митрополита суздальского Илариона (*Д. А. Ровинский*, *Обозрение иконописания в России до конца XVII века*. Изд. Суворина. 1903, стр. 167). Нелишне напомнить, что Иларион был из «нижегородских пределов», провел детство и юность в окрестностях Макарьевского монастыря, женился на сестре Павла Коломенского, знал у себя на родине Никона, Неронова и Аввакума.

А. Н. Робинсон, Идеология и внешность. Взгляды Аввакума на изобразительное искусство. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 353–381.

И. Грабарь, История русского искусства, т. VI. М., 1913, стр. 430.

Вот полное название этой книги: «Жезл правления на правительство мысленного стада православно-российския церкви, — утверждение во утверждение колеблющихся во вере, — наказания в наказание непокорных овец, — казни на поражение жестоковыйных и хищных волков, на стадо христово нападающих. Сооруженный от всего освященного собора, собранного повелением благочестивейшего, тишайшего и самодержавнейшего великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великий, и Малыя, и Белыя России самодержца, в царствующем, богоспасаемом и преименитом граде Москве. В лето 7177 (1666) месяца мая в 7 день». См. полное библиографическое описание этой книги: А. С. Зернова, Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII в. Сводный каталог. М., 1958, стр. 96.

Анаграмма— перестановка в слове букв, образующая другое слово: например, ропот — топор. Изобретателем анаграммы считают греческого грамматика Ликофрона.

Испод— мех на подкладку к шубе.

Сорок— мера счета мехов — 40 штук соболей.

Сахар узорчатый— отлитый в виде фигур; *зернчатый*— кусковой.

Винная ягода— инжир сушеный или вяленый.

Полоса арбузная и дынная— ломоть арбуза и дыни.

Вот его полное название (по последнему беловому экземпляру, подготовленному для издания): «Вертоград многоцветный, пользы ради душевныя православных христиан, божииим наставлением и пособием, а трудоположением многогрешного во иероманасех Симеона Полоцкого утяженный и насажденный в лето от создания мира 7186, а от рождества еже во плоти бога слова 1678 совершися месяца августа в день».

Опубликовано в приложении к статье А. И. Белецкого «Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории» («Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. XXI. Харьков, 1914, стр. 618–668). Подобной систематизированной характеристики римских и византийских императоров русская литература до Симеона Полоцкого не знала. Характеристики цесарей очень кратки. Так, о Юлии Цезаре сообщается, как он умер, пронзенный мечами; о Тиберии — как он избрал себе преемником «лютого из лютых царя» Гая и т. д.

Этот сюжет был художественно обработан Н. С. Лесковым.

Интересна не привлекавшая к себе до сих пор внимания дальнейшая сценическая судьба этой пьесы. Она была поставлена вновь почти два с половиной столетия спустя — 27 ноября 1907 года — на вечере, посвященном истории русского театра, в петербургском Малом театре Литературно-художественного общества учениками театральной школы имени А. С. Суворина (режиссер Н. Н. Арбатов, музыка С. Н. Василенко, декорации Н. Болдырева). На постановку пьесы Полоцкого откликнулись многие газеты. Было опубликовано письмо преподавателя 3-й Петербургской гимназии А. С. Николаева, признававшего необходимым показать этот спектакль учащимся. Рецензенты некоторых газет весьма сочувственно отнеслись к попытке воссоздать на сцене XX века дух и стиль театральных постановок XVII века, включая и бутафорского деревянного ангела, спускавшегося в «пещь огненную». «XX век удивлялся XVII-му», — писал П. Конради. Спектакль был повторен 5 декабря 1907 года, однако духовная цензура запретила продажу программы с заставкой, взятой из первого издания церковных проповедей С. Полоцкого. После того как крамольная заставка была замарана, полиция разрешила продавать программу.

В. Н. Перетц, К постановке изучения старинного театра в России.
«Старинный театр в России XVII–XVIII вв». Пгд., 1923, стр. 10.

«Сия книга глаголемая Тестамент государственной вотчиной... канцеляриста Семена Жилева». (Государственная библиотека имени В. И. Ленина, отдел редких книг, инв. № 1517, л. 103 об.).

«Сия книга глаголемая Тестамент сиречь или завет Василия царствующего града Москвы Ингермоландской дворцовой канцелярии подьячего Михаила Андреева сына Коврова. (Государственная библиотека имени В. И. Ленина, отдел редких книг, инв. № 5580, лл. 8–22.)

На экз. библиотеки Академии наук в Ленинграде, фонд кабинета Петра I, шифр 36.23.25 есть помета на л. 1 скорописью XVIII века: «Книжна лавка 1762 декабря».

Слово «наше» ввиду его особого значения в рукописи выделено киноварью.

«Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века».
Казань, 1865, стр. 132–133.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, изд. 2, стр. 142.

В настоящее время нам известны пять таких «книжиц»: «Благоприветствие... царю Алексею Михайловичу о новом богом дарованном сыне государе нашем царевиче и великом князе Симеоне Алексеевиче» (1665 г.); «Орел российский» (1667 г.); «Френы или Плачи всех санов и чинов православного Российского царства о смерти... царицы Марии Ильиничны» (1669 г.); «Глас последний ко господу богу царя Алексея Михайловича» (1676 г.) и «Гусль dobroгласная» (1676 г.).

Борошна— мелкие пожитки, личные вещи.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.